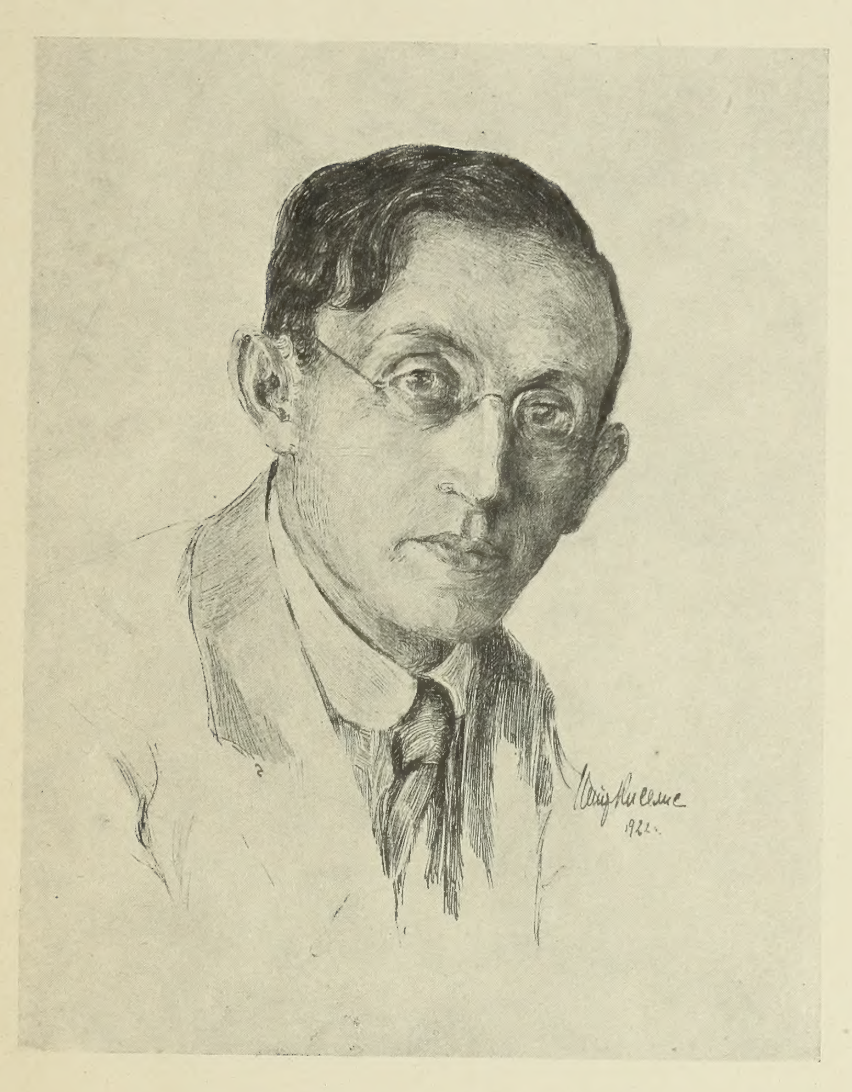
ЗНАНИЕ СИЛА
РСФСР

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

Моисея Марковича

ВОЛОДАРСКОГО



М. М. ВОЛОДАРСКИЙ

Л. ТРОЦКИЙ

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

КРУШЕНИЕ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ПОДГОТОВКА ТРЕТЬЕГО

Том II

ПЕТРОГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Государственный Трест
«ПЕТРОПЕЧАТЬ»
15-ая
ТИПОГРАФИЯ
Звенигородская 11

Р. В. Ц. — Гиз. 1145

Предисловие ко второму тому.

Второй том тесно примыкает к первому и отражает крупные этапы и частные эпизоды распада и возрождения международного социализма на основе войны и военной политики правящих классов. Мы старались в „Нашем Слове“ регистрировать внутреннюю жизнь социалистических партий, по крайней мере, важнейших стран. Но иностранная пресса доходила неправильно, немецкая— контрабандным или полуконтрабандным путем. Что касается французского социализма, мы не только имели, разумеется, возможность следить за его жизнью вблизи, но и принимали в ней активное участие. Но как раз в этом вопросе французская цензура проявляла особую бдительность. К счастью, бдительность эта была неравномерной, отражая политические колебания парламентских и министерских сфер. К тому же цензура не отличалась проницательностью. Бывали недели, когда статьи, заключавшие малейший намек на критику политики Вандервельде, Реноделя, Лонге, беспощадно перечеркивались синим карандашом. Затем, внезапно наступало просветление, и мы безнаказанно печатали статьи в духе революционного интернационализма.

Среди французов.

Вскоре по приезде в Париж [1]), я разыскал Монатта, одного из редакторов синдикалистского журнала „La Vie Ouvrière“ („Рабочая Жизнь“). Маленький, худощавый, энергичный, бывший учитель, потом корректор по профессии, типичный парижский рабочий по виду, с неизбежной каскеткой на голове, козырьком набок, Монатт сразу перешел, в беседе, на основные вопросы движения. Он ни на минуту не уклонялся в сторону примирения с милитаризмом и буржуазным государством. Но где искать выхода?... Через него я познакомился, а потом и близко сошелся с журналистом Росмером [2]),

---

[1]) В ноябре 1914 г.

[2]) Ныне активный деятель Коммунистического Интернационала.

с секретарем синдиката металлистов Мергеймом, осторожным и вкрадчивым, с журналистом Гильбо, впоследствии заочно приговоренным к смерти, с секретарем синдиката бондарей „папашей“ Бурдероном, старым аллеманистом, с боевой пацифисткой Луизой Сомоно, с учителем Лорио, который искал выхода на дорогу революционного социализма, и другими. Анархо-синдикалисты, оставшиеся верными старому знамени, пытались в первое время объяснять крушение Интернационала пагубным влиянием марксизма и парламентаризма, которые отожествлялись в их представлении. Но факт почти поголовного перехода руководителей синдикалистской Всеобщей Конфедерации Труда в правительственный лагерь являлся слишком очевидным ниспровержением этой точки зрения, тем более, что в рядах самой социалистической партии все выше поднимался голос оппозиции. Лорио и Сомоно были членами партии. Таким образом, старые идейные размежевания стирались. Место их занимали новые.

Шла подготовка к Циммервальдской конференции. В Париже мы прилагали все усилия к тому, чтобы обеспечить внушительное представительство на ней левых элементов французского рабочего движения. Но это было не легко. Молодые и активные элементы были мобилизованы. „Пацифисты“ тыла отличались, главным образом, умеренностью и осторожностью. Лонге уже тогда заигрывал с оппозицией, сам позволял себе роскошь оппозиционного жеста в парламенте и печати, но всегда по второстепенным вопросам и всегда в пределах „защиты отечества“. Как только дело касалось военных кредитов, Лонге вотировал за них с добросовестностью парламентского поденщика буржуазии. Летом 1915 года прибыл в Париж итальянский депутат Моргари, с целью привлечь французских и английских социалистов на Циммервальдскую конференцию. Сам Моргари — итальянский „интегралист“, т.-е. представитель довольно неоформленного, идеалистического, весьма эклектического мировоззрения. Он встал, однако, с самого начала войны на позицию интернационализма, сперва довольно пассивно, затем более решительно. На террасе кафэ одного из больших бульваров у нас произошло, при участии Моргари, совещание с левыми французским депутатами и с кандидатами на левизну. Пока беседа ограничивалась общими суждениями о необходимости восстановления международных связей, дело шло довольно гладко. Но когда Моргари

в простоте душевной перешел к чисто практической постановке вопроса и заговорил о необходимости получить фальшивые паспорта для конспиративной поездки в Швейцарию, — сам он несколько увлекался „карбонарской“ стороной дела, — у господ депутатов вытянулись лица, и один из них, не помню, кто именно, заторопился подозвать гарсона и заплатить за весь кофе, потребленный маленьким международным совещанием. Тем дело и кончилось... Монатт и Росмер были, тем временем, мобилизованы и не могли ехать. На конференцию отправились мы только с Мергеймом и Бурдероном, очень умеренными в тот период пацифистами. Их лозунгом было: восстановить Интернационал, каким он был до начала войны. В Швейцарию они тронулись не без больших колебаний.

Карл Либкнехт — Гуго Гаазе.

Либкнехта не было в Циммервальде, — он уже был пленником гогенцоллернской армии, прежде чем стать пленником тюрьмы, но его имя произносилось на конференции не раз. Оно, вообще, стало нарицательным в борьбе, раздиравшей европейский, а затем и американский социализм. Либкнехт был важнейшей нашей опорой: живым доводом, примером и образцом в критической компании против социал-патриотизма в странах Антанты. Хотя, с другой стороны, французские и русские социал-патриоты с неподражаемым бесстыдством цитировали не раз речи Либкнехта, как доказательство преступности германского милитаризма и нравственной правоты правительств Антанты. Они и в этом отношении только подпевали капиталистической прессе.

Карла Либкнехта я знал в течение многих лет, хотя встречался с ним сравнительно редко: экспансивный, легко воспламеняющийся, он резко выделялся на фоне чинной, безличной и безразличной партийной бюрократии. Отличаясь даже внешностью своей, особенно полными губами и темными курчавыми волосами, которые делали его похожим на „инородца“, хотя он был чистокровным немцем, Либкнехт всегда оставался наполовину чужаком в доме германской социал-демократии, с ее внутренней размеренностью и всегдашней готовностью на компромисс. Он не был теоретиком. Он не вырабатывал самостоятельной оценки исторического развития, не занимался теоретическим предвиде-

нием завтрашнего дня, но его неподдельный и глубоко революционный инстинкт всегда направлял его — через те или другие колебания — на правильный путь. Бебель знал Карла Либкнехта с детских лет и относился к нему до самой смерти своей, как к подростку или как к юноше, — приблизительно так, как Вильгельм Либкнехт долго относился к самому Бебелю. К негодующим протестам Карла против оппортунистической политики партии или ее отдельных частей Бебель относился не без иронической симпатии, чуть сдвинув угол своего тонкого рта, но простора Карлу не давал. А слово Бебеля, почти до смерти его, сохраняло в партии решающее значение.

Либкнехт был подлинным революционером и неподдельным интернационалистом. Значительную часть времени и сил он отдавал связям и интересам, лежавшим за пределами немецкой партии. Он был тесно связан с русскими и польскими революционерами, с иными — личной дружбой, со многими — личной помощью. Через некоторое время после смерти первой своей жены, он женился на русской. События русской революции заражали его чрезвычайно. Победу контр-революции он переживал вместе с нами. Он нашел до известной степени выход своей революционной энергии в работе среди молодежи, в анти-милитаристской пропаганде. Верхи партии относились очень недоброжелательно к этой беспокойной деятельности. Прокуратура обратила на нее свое внимание. Столкновение с немецким судом дало Либкнехту необходимый боевой закал, наряду с возможностью отчетливее увидеть и оценить среднего немецкого партийного бюрократа, злобно огрызающегося на безумца, который угрожает нарушить мирное и беспечальное житие. Либкнехт кипел и негодовал — не за себя, а за партию.

Таким встретил Либкнехт великую войну. В первый момент создавшаяся обстановка, несомненно, озадачила его. В течение нескольких недель он искал пути, — затем нашел и уже не сходил с него до конца. Он был убит на посту бойца гражданской войны — между одной баррикадой и другой — задолго до того, как успел дать революции все, что мог ей дать. Но его несравненная нравственная личность успела целиком развернуться во время войны. Его борьба против торжествующей, всемогущей, победоносной, наглой гогенцоллернской солдатчины, против лакейски-самодовольного, услужливо-подлого партийного мещанства,

которое скалило на него свои клыки, останется навсегда образцом прекрасного нравственного героизма. Имя Карла Либкнехта будет неизбежно будить отголосок в веках.

Не было в Циммервальде и Гуго Гаазе, хотя предшествовавшие конференции слухи говорили об его приезде. Конференция от этого не много потеряла, так как вряд ли Гаазе способен был дать ей что-либо сверх того, что дал Ледебур. О Гуго Гаазе нужно здесь сказать несколько слов.

Во главе умеренной социал-демократической оппозиции во время войны стал „вождь" партии, которого Бебель за несколько лет до смерти почти официально короновал в свои заместители. Гаазе был провинциальным кенигсбергским адвокатом без большого кругозора, без большого политического темперамента, но по-своему честным и преданным делу партии. Как оратор, он был сух, не оригинален, с жестким кенигсбергским произношением. Писателем Гаазе не был вовсе. В начале столетия, когда он еще проживал в Кенигсберге, он увлекался, насколько помню, кантианской философией, но, кажется, эти его увлечения не оставили печатных следов. Как и у Либкнехта, у Гаазе были довольно широкие связи с русскими революционерами: через Кенигсберг шло много конспиративных путей, по которым проникали в Россию эмигранты и нелегальная литература, и когда немецкая полиция открыла поход против революционной контрабанды (в 1903 г.), Гаазе выступил, как самый энергичный защитник русских революционеров.

Бебель облюбовал Гаазе. Старика привлекал, несомненно, идеализм Гаазе — не широкий революционный идеализм, которого у Гаазе не было, а более узкий, более личный и житейский, — например, готовность во имя партийных интересов отказаться от богатой адвокатской практики в Кенигсберге, — черта, которая не столь часто встречалась среди верхов социал-демократической бюрократии. Об этой не бог весть какой героической готовности Гаазе пожертвовать доходной практикой ради партийной работы в Берлине Бебель — к великому смущению русских революционеров — говорил даже в своей речи на партийном съезде, кажется, в Иене, настойчиво рекомендуя Гаазе на пост второго председателя Центрального Комитета партии. Мягкий и внимательный в личных отношениях, Гаазе в политике оставался до конца тем, чем был по природе: честной посредственностью, провинциаль-

ным демократом без теоретического кругозора и революционного темперамента. Во всяком критическом положении он склонен был воздерживаться от бесповоротных решений, прибегая к полумерам и выжиданию. Немудрено, если партия независимых избрала его в свои вожди. На этом посту он и погиб.

После Циммервальда.

Циммервальдская конференция дала большой толчок развитию анти-военного движения и, несомненно, содействовала оформлению социалистических группировок. Связь „Нашего Слова" с левым центром (Мартов и его друзья) оборвалась. В Германии шире развернули свое знамя спартаковцы. Во Франции образовался так называемый „Комитет для восстановления международных связей пролетариата". В нем элементы центра были, однако, еще весьма влиятельны. В рабочих массах все отчетливее проявлялось недовольство социалистической партией и Конфедерацией Труда. Даже в насквозь патриотической парламентской фракции образовалась своя левая, очень правда слабая числом — и без определенной позиции. Из ее среды впоследствии выделились три депутата, принимавших участие в Кинтальской конференции.

Одновременно Циммервальд дал толчок к уплотнению буржуазной реакции. Французская пресса открыла бешеную кампанию против идей, лозунгов и участников Циммервальда. Каждая буржуазная газета имела своего собственного ренегата, который считался великим оракулом в вопросах социализма только потому, что он лишь вчера изменил ему.

В русской колонии Парижа эта борьба находила яркое отражение. Рабочая часть колонии все теснее смыкалась вокруг „Нашего Слова", вынося его на своих плечах среди финансовых и всяких иных затруднений. Буржуазная и ренегатская часть колонии тяготела к посольству. Между Извольским и многочисленными бывшими людьми из левых натягивались многочисленные нити. Корреспондент „Русских Ведомостей" Белоруссов, из бывших народовольцев, отказался передать нуждающимся художникам собранные для них деньги на том основании, что они „пораженцы" и заключают в своей среде много инородцев. Бывший „крайний левый" большевик Алексинский развернул

такую энергию клеветы, что даже не слишком брезгливый авксентьевский „Призыв“ оказался вынужден от него отстраниться. На что уже корреспондент милюковской „Речи“ — и тот оказался заподозренным в германофильстве, хотя аккуратно в каждой корреспонденции жевал Вильгельма и его канцлера! В русском посольстве усердно переводились на французский язык все статьи „Нашего Слова“ и пересылались с соответственными комментариями во французское военное министерство. Оттуда телефонировали м-сье Шалю, весьма невоинственному офицеру, который, в качестве учителя французского языка, провел много лет в России, а ныне выполнял свой патриотический долг в качестве военного цензора. М-сье Шаль вызывал меня к себе, и у нас происходили с ним диалоги божественного комизма, поистине достойные увековечения.

Помню, как с перепуга м-сье Шаль вычеркнул даже некролог графа Витте, не очень, разумеется, лестный для покойника. Я попытался его пристыдить напоминанием о том, что его предки не только не боялись предавать поруганию мертвых царедворцев, но и отрубили голову совершенно живому королю. М-сье Шаль конфузился до слез и объяснял, что он, в сущности, держится почти той же точки зрения, что и я, но что там (неопределенный жест, — очевидно, в сторону русского посольства) очень недовольны, и что мы должны же войти в положение Франции, которая не может раздражать союзников...

Через парламентариев и журналистов правительство предупреждало нас, угрожало нам. Гюстав Эрве требовал нашей высылки из Франции. Ко времени 2-й конференции циммервальдцев (в Кинтале) для членов редакции „Нашего Слова“ не могло быть и речи о получении заграничных паспортов. Члены группы „La Vie Ouvrière“ также лишены были возможности выехать за границу. Только три депутата — Раффен-Дюжанс, Александр Блан и Бризон успели своевременно пробраться в Кинталь, где подписали документы, говорившие гораздо больше, чем хотелось сказать самим депутатам.

Высылка.

В конце концов, терпение правителей французской республики истощилось, и в августе 1916 года парижская префектура довела до моего сведения, что я высылаюсь из Франции в одну из стран по собственному выбору. Впрочем, тут же я был предупрежден, что Англия и Италия отказываются от чести оказать мне гостеприимство. Оставалось вернуться в Швейцарию. Но увы — швейцарская миссия наотрез отказалась визировать мои весьма проблематические документы. Я телеграфировал швейцарским друзьям и получил от них успокоительную телеграмму: вопрос разрешен в положительном смысле. Миссия, однако, по-прежнему, отказывала в визе. Как потом выяснилось, русское посольство, секундируемое французскими и английскими представителями, произвело необходимый нажим на швейцарские власти, и мне было отказано в праве въезда. В Голландию и Скандинавию можно было попасть только через Англию; но английское правительство категорически отказывало в праве проезда. Вообще, как известно, полиция „свободолюбивой“ Англии неистовствовала больше всего. Оставалась только одна Испания. Но я отказался выезжать добровольно на Пиренейский полуостров. Около шести недель продолжалась возня с парижской полицией. Филеры преследовали меня по пятам, дежурили у моей квартиры и у редакции нашей газеты, не спуская меня с глаз. Наконец, парижские власти решили применить твердые меры. Префект полиции Лоран, вызвав меня к себе, предупредил меня, что так как я отказываюсь выезжать добровольно, то ко мне явятся два инспектора полиции, — впрочем, „в штатском платье“, — прибавил он со всей предупредительностью, на что мне оставалось только разъяснить ему, что на территории его союзника, царя, я привык совершать путешествия в сопровождении жандармов при полной парадной форме... В конце концов, меня вывезли в Испанию и высадили по ту сторону границы, недалеко от Сан-Себастиана [1]).

---

[1]) После моей высылки из Франции т. Антонов-Овсеенко продолжал с несокрушимой энергией издание газеты, которая выходила под именем „Начала“. С первого дня русской революции французская цензура по отношению к газете усугубилась. Плеши стали резко возрастать. Газета продержалась в марте 1917 г. всего несколько дней: в ознаменование республиканской революции в России правительство французской Республики закрыло газету.

Во всей этой истории крупную роль играл шеф так называемой юридической полиции, — грубейший и наглейший г. Биде. Он был организатором слежки и высылки. Я упоминаю о нем и об его роли в письме из Кадикса, которое напечатано в этом сборнике. Судьба захотела доставить мне за счет г. Биде некоторое удовлетворение. Несколько месяцев тому назад я случайно узнал, что Биде, грозный олимпиец Биде, заключен в одну из тюрем… Советской Республики[1]). Я не хотел верить своим ушам. Оказалось, что правительство Франции отправило его в состав военной миссии в Россию для розыскных и, надо полагать, заговорщических дел в Советской Республике. А он имел неосторожность попасться! К этому нужно еще прибавить, что Мальви, сам Мальви, который в качестве министра внутренних дел подписал приказ о высылке меня из Франции за „пацифистскую“ агитацию, сам потом по тому же самому обвинению был осужден судом г. Клемансо и изгнан из пределов Республики. Большего удовлетворения нельзя требовать даже и от Немезиды!.. Когда я, признаюсь, не без злорадства, обратил внимание Биде, приведенного ко мне для удостоверения его личности, на это провиденциальное сцепление обстоятельств, он философски развел руками и с убежденностью полицейского стоика заявил: „C'est la marche des événements (таков ход событий)“… Впрочем, он тут же выразил надежду на то, что его недостаточно корректное (о, он это признает!) обращение со мной в Париже не отразится на его судьбе в Москве. Позже он был, кажется, отпущен во Францию при размене пленных.

Через Испанию.

В Мадриде меня продержали несколько дней в тюрьме, затем выслали в Кадикс под надзор полиции. Так как испанские власти не имели обо мне решительно никакого представления, то решили на всякий случай отправить меня, в трюме первого отходящего парохода, на остров Кубу. Только мое энергичнейшее сопротивление, вмешательство нескольких случайно обнаружившихся друзей, запрос республиканского депутата в кортесах, мои протестующие телеграммы в редакции оппозиционных газет и пр., освободили меня

[1]) Писалось в 1919 г.

от этого образовательного путешествия, которое, прошу мне верить, не предусматривалось моей жизненной программой. Попытка проехать из Испании в Швейцарию через Италию не привела ни к чему. Разрешение было, наконец, по настоянию итальянских и швейцарских социалистов, дано, но получено лишь после того, как я уже погрузился с семьей на испанский пароход, отчаливший 25 декабря 1916 года из барселонского порта в Нью-Иорк. Запоздание было, разумеется, преднамеренным.

Путешествие длилось 17 суток. Море было чрезвычайно бурно в эту худшую пору года, и маленький испанский корабль делал все от него зависящее, чтобы напомнить нам о бренности человеческого существования. Население парохода было в высшей степени пестрое, и в своей пестроте — поучительное. Здесь оказалось не мало дезертиров разных стран, преимущественно более высокой марки. Французский художник увозил свои картины, свой талант, свою семью и свое достояние, под покровительством старика-отца, подальше от линии огня. Англо-французский боксер, он же английский беллетрист, двоюродный брат Оскара Уайльда, открыто признавался, что предпочитает сокрушать челюсти господам янки в благородном спорте, чем дать проколоть свои собственные бока какому-нибудь подлому немцу. Чемпион биллиардной игры, безукоризненный джентльмен, возмущался тем, что очередь дошла и до его возраста — и ради чего? ради этой бессмысленной бойни? Нет!.. И он тут же выражал свои не очень бескорыстные симпатии... идеям Циммервальда.

Все остальные были в том же роде: дезертиры, авантюристы, спекулянты, выкинутые из Европы „нежелательные“ элементы, — ибо кому же придет в голову добровольно пересекать в такое время Атлантический океан на жалком испанском пароходишке?...

В Нью-Иорке.

Около середины января пароход высадил свой драгоценный груз на берегу, не очень гостеприимной, С.-Американской республики. Волей г-на Биде я оказался в Нью-Иорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах начинаешь проникаться эстетической теорией кубизма и нравственной философией доллара.

Северо-Американское правительство явно подготовляло в это время общественное мнение к вмешательству в войну. Мелкобуржуазные пацифисты играли в этой подготовке активнейшую роль. Социалистическая партия Соединенных Штатов чрезвычайно отстала в своем идейном развитии от европейского социализма. Однако, то высокомерие, которое открыто выражалось в статьях пока еще нейтральной американской прессы по поводу „беснующейся“ Европы, находило свое отражение и в суждениях американских социалистов о социалистических партиях Европы. Люди, как Хилквит, тоже не прочь были разыграть из себя социалистического американского дядюшку, который явится в нужный момент в Европу, рассудит и примирит враждующие партии Второго Интернационала.

Американская жизнь с ее обнаженностью от всякой идеологии — достаточно взять в руки газеты! — производит на первых порах удручающее впечатление. Социалисты-иммигранты, игравшие кое-какую роль в Европе, быстро растеривают привезенные из Европы теоретические предпосылки и растворяются в сутолоке повседневной борьбы за существование. В Соединенных Штатах есть обширный слой преуспевающих и полууспевающих иммигрантов: врачей, адвокатов, дантистов, инженеров и пр., которые делят свои драгоценные досуги между концертами европейских знаменитостей и американской социалистической партией. Их миросозерцание состоит из мусора обрывков и лоскутков усвоенной в студенческие годы премудрости. Так как каждый из них имеет, кроме того, автомобиль, то их выбирают неизменно в руководящие комитеты, комиссии и делегации партии. Эта пошлая, невежественная, чванная публика, настоящая программа которой написана на американских банкнотах, налагает печать своего духа на американский социализм. Хилквит — идеальный вождь социализма преуспевающих зубных врачей.

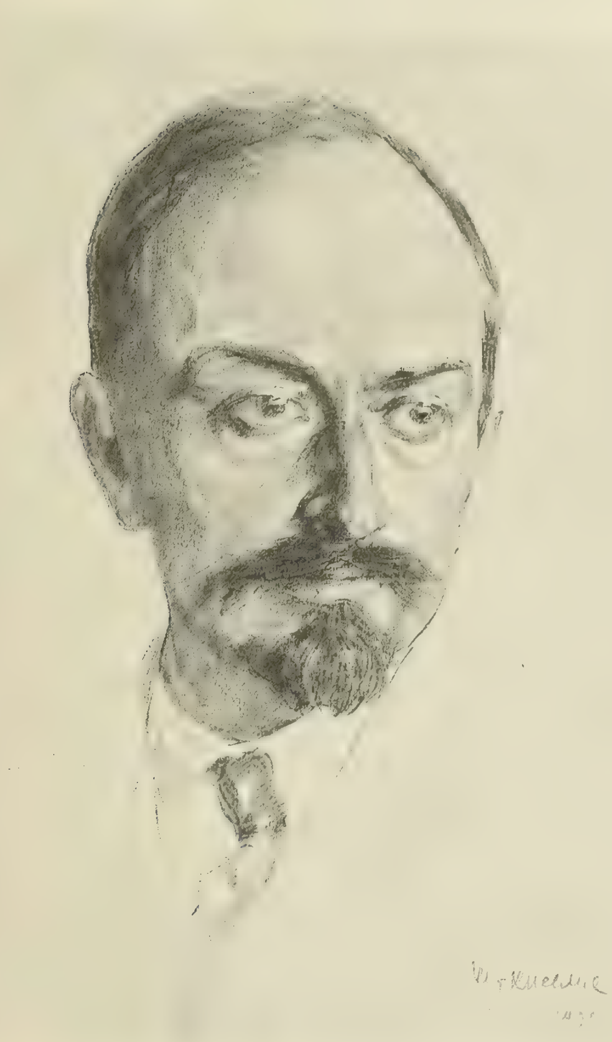
Из всего старого поколения один Евгений Дебс, высокий худой старик с горящими глазами, сохранил веру в социальную революцию и несет эту веру рабочим на гигантских собраниях. Но это лирик, романтик, проповедник, — не политик, не организатор, не вождь. Фактическим руководителем партии оставался Хилквит, все искусство которого состоит в том, чтобы, льстя худшим американским предрассудкам, обходить все и всякие затруднения и сохранять на своем левом фланге Дебса, не нарушая деловой дружбы с кликой Гомперса.

„Новый Мир“.

Я вошел в редакцию ежедневной русской рабочей газеты „Новый Мир“, в которой уже работали Володарский, Бухарин, Чудновский, Мельничанский, Минкин, Зорин и ряд других товарищей. Наша газета была фактическим центром революционно-интернационалистской пропаганды во всей социалистической партии.

Во всех без исключения национальных федерациях партии имелись работники, владеющие русским языком; с другой стороны, многие члены русской федерации говорили по-английски. Идеи, провозглашавшиеся „Новым Миром“, проникали таким путем в широкие круги американского пролетариата. Особенное сочувствие революционная программа „Нового Мира“ встречала в немецкой федерации, активная часть которой сплотилась под знаменем Либкнехта. Мандарины из адвокатов и врачей всполошились. Начались неистовые кружковые интриги против европейских выходцев, которые только вчера-де вступили на американскую почву, не знают американских условий, не знают американской психологии и стремятся навязать американскому рабочему классу свои фантастические методы... При этом, однако, почтенные старожилы неосторожно прибавляли, что методы „Нового Мира“ не годятся и для Европы с ее испытанной и заслуженной социал-демократией.

Борьба развернулась с чрезвычайной остротой. В русской федерации „испытанные“ и „заслуженные“ мандарины были сразу оттеснены. В немецкой федерации старик Шлютер, главный редактор „Volkszeitung“ и соратник Хилквита, все больше уступал влияние молодому редактору Лоре, который шел с нами за-одно. Латыши были целиком с нами. Финская федерация тяготела к нам. Мы все успешнее проникали в могущественную еврейскую федерацию с ее четырнадцати-этажным дворцом, откуда ежедневно извергалось двести тысяч экземпляров газеты „Форвертс“, с затхлым духом сантиментально-мещанского социализма, всегда готового к измене и предательству. Среди чисто-американской рабочей массы, или „американских американцев“, как их называют в отличие от американских немцев, русских, евреев и проч., связи и влияние социалистической партии в целом и нашего рево-



Г. В. ЧИЧЕРИН

люционного крыла, в частности, были очень незначительны и, главное, не оформлены. Английская газета партии „The Call“ велась в духе бессодержательного пацифистского нейтрализма. Задача проникновения в трэд-юнионы стояла перед марксистами, как почти непочатый вопрос. Мы решили начать с постановки боевого марксистского еженедельника. В качестве редактора наметили т. Фрейна. Подготовительные работы шли полным ходом. Но они были сорваны — русской революцией.

Отголоски революции.

После таинственного молчания в течение двух-трех дней пришли о ней первые телеграфные сведения, смутные и хаотические. Многоплеменный рабочий Нью-Иорк был весь охвачен тревожным восторгом. Хотели и боялись надеяться. Сведения были скудные. Американская пресса находилась в состоянии полной растерянности. Отовсюду бегали в редакцию „Нового Мира“ журналисты, интервьюеры, хроникеры, репортеры. На некоторое время наша газета стала в фокусе всей нью-иоркской печати. Из социалистических редакций и организаций звонили непрерывно.

— Пришла телеграмма о том, что в Петербурге министерство Гучкова-Милюкова. Что это значит?

— Что завтра будет министерство Милюкова-Керенского.

— Вот как, а потом?

— А потом... потом будем мы.

— Ого!..

Пошли необычайные по размерам и настроениям митинги во всех частях Нью-Иорка. Весть о том, что над Зимним Дворцом развевается красное знамя, вызывала повсюду восторженный рев. Не только русские эмигранты, но и дети их, часто уже почти не знающие русского языка, приходили на эти собрания подышать отраженным восторгом революции.

Уже с первых дней обозначилось, что события революции не только не сплотят эмиграции, но, наоборот, будут еще дальше углублять раскол в американском социализме. Мандарины партии заняли, конечно, чисто демократическую позицию. Редактор „Форвертса“ высказывался в том смысле, что русский народ не дорос до республики, и, с своей стороны, вполне был готов приветствовать знамя конституционной монархии. Статьи „Нового

Мира“ о завоевании власти пролетариатом казались этим людям чистейшим революционным бредом. Они чувствовали себя тем тверже, что могли ссылаться на авторитет Плеханова. Но рабочая масса повернулась к ним спиной.

Возвращение.

Встал вопрос о возвращении в Россию. Старики-эмигранты, разумеется, не собирались расставаться со своими насиженными местами. Но молодежь, т.-е. революционное крыло партии, стремилась сняться с места почти поголовно. Как ехать? Каким путем? Пустят ли? Образовалось два „направления“: одни решали ехать через Тихий океан и Японию, другие—через Атлантику и Скандинавию. Я принадлежал к этой второй группе.

В посольстве наблюдалось полное помрачение умов. Через несколько дней после первой телеграммы о революции, там, наконец, решились убрать со стены портрет Николая II и перечеркивать слово „императорский“ на оттисках печати. После больших хлопот мы получили документы на проезд в милюковско-гучковскую Россию—и в марте уселись на норвежский пароход, который обещал нас в две недели доставить в Христианию. Однако, и на этом пути выросли препятствия. В Галифаксе я был арестован, вместе с пятью другими товарищами, и водворен в Амгерсте (Канада), в лагерь для военно-пленных. Только через месяц мы получили возможность продолжать наш путь. Канадскому жандармскому офицеру Меккену, который подверг нас аресту, я пригрозил на прощанье, что внесу на Учредительном Собрании запрос министру иностранных дел Милюкову относительно издевательства англо-канадской полиции над русскими гражданами.

— Надеюсь, — ответил находчивый жандарм, — что вы не попадете в Учредительное Собрание.

* *
*

В заключение будет не лишним сделать несколько пояснений относительно терминологии. Во всей книге речь идет о социал-демократах, а не о коммунистах, ибо в те времена все мы еще назывались социал-демократами, — название теоретически неправильное, ставшее окончательно несостоятельным в эпоху империа-

лизма, но исторически вполне объяснимое. Рабочий класс во всех странах пробуждался под демократическими лозунгами. Маркс, Энгельс и Лассаль участвовали в революции 1848-го года, как крайнее левое крыло демократии. Чартистское движение в Англии шло под демократическим знаменем. Идя на левом фланге, социалисты все резче и решительнее подчеркивают, что они не просто демократы, а социалисты. Отсюда самое наименование: социалисты-демократы, или социал-демократы. Под этим знаменем идет создание самостоятельной рабочей партии. Традиционная демократическая идеология, однако, сохраняется—не в том смысле, что демократия расценивается, как прогрессивная государственная форма по сравнению с феодально-абсолютистским государством (это, разумеется, бесспорно), но и в смысле большего или меньшего традиционного фетишизма демократии.

Во время войны Центральная и Восточная Европа находилась еще под властью трех могущественных монархий: Гогенцоллернской, Габсбургской и Романовской. Естественно, если лозунги демократии занимали видное место в нашей революционной агитации. Естественно, также, если вопросы войны, мира, социальных преобразований, национальных взаимоотношений укладывались нами в рамки демократической государственности или, по крайней мере, формулировались на языке демократической терминологии. Достаточно напомнить, что еще в эпоху мартовской революции 1917 г. мы связывали формально свою агитацию с лозунгом учредительного собрания.

Но чистейшим вздором являются утверждения, будто с октября 1917 или даже с января 1918 года в отношении марксистов к демократии произошла коренная, принципиальная перемена. Теоретические ренегаты, как Каутский, почерпают этот довод в своей нечистой совести, широкие же круги оппортунистов действительно думают, что мы „отреклись“ от важнейшей части старой программы, ибо им, в предшествующую, до-советскую эпоху, совершенно чуждо было наше диалектическое отношение к демократии.

Под этим углом зрения нужно подходить к тем статьям настоящего сборника, где социально-революционная постановка вопросов сочетается с демократическими формулировками. Это относится в особенности к статье „Программа мира“, представляющей собою сводку серии статей, напечатанных в свое время

в „Нашем Слове". Но поскольку мы от текущей политики восходили к теории, мы, марксисты, уже в тот период не оставляли никакого места сомнениям относительно условного и преходящего значения демократии в социальной механике классовой борьбы. В статье „Вавилоны отечественной мысли", написанной в 1916 г., говорится на этот счет следующее: „Ставить социалистическую политику под верховный контроль кантовского нравственного закона — так же, как и подчинять классовую борьбу пролетариата нормам политической демократии,—значит в принципе капитулировать пред классовым обществом". В этой принципиальной и для действительного марксиста бесспорной формулировке заложено целиком то революционно-диалектическое отношение к демократии, которое наша партия развернула и теоретически и практически со времени октябрьской революции.

* *
*

В этих двух томах собрано не все написанное нами за период великой бойни по вопросам социализма. Мы устранили то, что явно утратило значение, что было вызвано мимолетными событиями, или что заключало в себе отдельные ошибочные оценки, давно исправленные ходом событий, нашедших свое отражение в дальнейших статьях. Как уже сказано в предисловии к первому тому, мы при подборе и группировке материала имели в виду главным образом новое поколение читателей, которому для обобщений нужен живой фактический материал прошлого. В сборник вошло все же много эпизодического материала. Если мы не устранили целого ряда таких эпизодических статей и даже заметок, то не потому, что придавали им самостоятельное значение, а именно потому, что подходили к ним под углом зрения нового читателя: нам казалось, что эти эпизоды борьбы могут помочь лучше, конкретнее и нагляднее разобраться в ряде особенностей нашей вчерашней истории, чем ряд обобщений, не опирающихся ни на личный политический опыт, ни на знание фактов чужого опыта.

Л. Троцкий.

22 мая 1922 г.

VII. Циммервальд.

Она была — конференция в Циммервальде [1])!

Вот уже полтора месяца, сообщает нам „Journal des Débats“, как состоялась международная социалистическая конференция в Циммервальде, в небольшой швейцарской деревушке, откуда открывается вид на снежный профиль Юнгфрау и Монаха, — и до сих пор мы не имели права прямо и открыто говорить об этом выдающемся историческом факте. Представители социалистических рабочих и работниц съехались со всех сторон старой, покрытой кровью и бесчестием братоубийства Европы, чтобы поднять революционный голос от имени Европы завтрашнего дня,—ни Франция в целом, ни русская колония на французской почве не должны были об этом факте ничего знать.

. . . .

Англия отказала делегатам в паспортах. Ведь, война ведется за высшие интересы демократии: и кто этого не понял до сих пор, тому это объяснит вооруженный резиновой дубинкой английский полисмен. Но места в небольшом зале заседаний оставались свободны для английских участников, — и умирающий Кейр-Гарди со своими друзьями присутствовал незримо на той конференции, которая состоялась в Циммервальде.

Французская республика запретила говорить о ней. Самое имя Циммервальда было вычеркнуто из политического словаря Франции рукою военной цензуры. И вот, когда в землях „кайзера“ и даже в стране русского царя газеты сообщали о швейцарском совещании международных мятежников во имя разума и человечности, здесь, в стране, под развалинами Бастилии, погребшей подлый монархический режим насилия, в стране, которая прошла через культ Разума, во Франции, нельзя было говорить о той конференции, которая, несмотря на все преграды, состоялась в Циммервальде.

Когда два желтых журналиста — один француз, другой русский — отозвались две недели тому назад на конференцию в Циммервальде: один — пошлой издевкой, другой обычной клеветой,

---

[1]) Все относящиеся к Циммервальду статьи были напечатаны в „Нашем Слове“, либо в „Киевской Мысли“ в октябре 1915 г. Первая статья печатается с цензурными пропусками.

и когда мы хотели зарегистрировать эти факты в нашей газете, цензура снова вычеркнула у нас самое имя Циммервальда.

. . . .

Но она состоялась. И это большой факт, г. цензор! Французская пресса не раз писала в первые месяцы войны, что Карл Либкнехт спас честь Германии. Конференция в Циммервальде спасает честь Европы, а идеи этой конференции спасут самое Европу, покрытую кровью и бесчестием братоубийства.

Тщетно пытались вы заглушить весть о ней. То, что хотели сделать тайным, просочилось сквозь скважины и поры, и поставило себя в порядок дня. И вот полуученый профессор из „Journal des Débats“ выступает со статьей, которая должна показать, что она ничтожна и бессильна, и что, сверх того, она служит Германии, — эта конференция, которая состоялась в Циммервальде. А его двойник, такой же тупой профессор по ту сторону Рейна, теми же самыми доводами доказывает, что она была сделана по заказу Четверного Согласия. Но если она бессильна и ничтожна, почему ваши хозяева запретили называть самое имя ее? И почему, вопреки всем запретам, вы сами вынуждены были заговорить о ней? И вы будете еще о ней говорить, профессора и журналисты, политики и министры, она заставит вас говорить о себе, никакая сила не вычеркнет уже ее из политической жизни Европы, — этой конференции в Циммервальде!

Она подняла свой голос, и он не умолкнет.

. . . .

А! В вашем распоряжении осталось еще одно средство, г. цензор: *вы можете вычеркнуть эту нашу статью.* Но это средство мнимое, это средство фальшивое, ибо она была, она была — конференция в Циммервальде!

„Н. С.“ 10 октября 1915 г.

Главные фактические данные о конференции.

В швейцарской деревушке Циммервальд заседала в течение четырех суток международная конференция, собравшая впервые с начала войны социалистов-интернационалистов большинства европейских стран. В заметках „Из записной книжки“ [1]) мы могли

---

[1]) Мои статьи в „Нашем Слове“. IV. 22. *Л. Т.*

говорить до сих пор только *по поводу* конференции. Сейчас мы можем, наконец, сообщить читателям некоторые фактические сведения о конференции, называя вещи своими именами. Но и теперь мы еще лишены возможности опубликовать манифест конференции.

Предварительная история конференции известна всем читателям „Голоса“ и „Нашего Слова“. Эти газеты тщательно отмечали все проявления интернационализма в эпоху войны и все попытки восстановления интернациональных связей: конференцию в Лугано, в Копенгагене, женскую конференцию и съезд социалистической молодежи.

После того, как в предшествующих заметках мы дали общую характеристику работ конференции и идейно-политических группировок в ее среде, мы сейчас хотим сообщить главные данные об ее составе.

Из крупных воюющих стран не были представлены две: Англия и Австро-Венгрия.

Английские социалисты из самой своей поездки на конференцию хотели сделать агитационный акт и заявили открыто властям, зачем им нужны заграничные паспорта, желая таким образом заставить свое правительство занять позицию по отношению к международной пролетарской борьбе за мир. Правительство, действительно, заняло позицию... отказав в паспортах. Немецкая пресса, в том числе и социал-патриотическая, поторопилась, разумеется, разгласить этот образчик полицейщины, роняющей „престиж“ испытанного великобританского либерализма. Но этим самым благочестивая немецкая печать лишила себя возможности и впредь рассказывать своим читателям, что все английские социалисты, как сплошь добрые патриоты, отказались от участия в международном совещании.

Несравненно печальнее обстоит дело с *Австро-Венгрией.* Расколотая по национальным линиям задолго до войны, глубоко зараженная национализмом, в конец деморализованная падением германской социал-демократии, австрийская „рабочая“ партия представляла в течение этой войны пустое место. В Австрии ни разу не созывался парламент, социалистические депутаты не имели случая открыто демонстрировать перед массами свою точку зрения, оппозиция оставалась разрозненной и бесформенной, и в среде ее не нашлось людей, которые хотели бы и имели бы мо-

ральное, если не формальное право, участвовать на конференции от имени революционного социализма Австрии.

Французская делегация оказалась численно сведенной к минимуму обстоятельствами и мероприятиями властей: одному было отказано в паспорте, другой был возвращен с границы, виднейшие интернационалисты оказались связанными своим военным положением. Французская делегация представляла синдикаты. На конференции не было ни одного депутата: партийная оппозиция, руководимая Прессманом и другими, жалко капитулировала на национальной конференции 14-го июля пред официальным партийным курсом. На верхах французской партии, наиболее „парламентской" из всех партий Интернационала, не оказалось, ни среди жоресистов, ни в среде гедистов — *ни одного* человека, который способен был бы и имел бы право выступить на международной социалистической конференции от имени революционной части французского пролетариата! Эта честь выпала на долю французских синдикалистов [1]). В их руководящих кругах сохранился ряд честных и стойких деятелей рабочего движения, как Монат, Мергейм, Дюмулен [2]), Росмер и др. Старые группировки особенно наглядно поддались под влиянием событий войны именно во Франции. В то время, как синдикалисты-патриоты, вроде Жуо (тот самый, на свидание с которым приезжали в Швейцарию Каутский и Бернштейн), идут рука об руку с партией Самба-Геда, Монат и его друзья идут рука об руку с социал-демократами-интернационалистами России и Германии.

В *немецкой* делегации не хватало самых ярких представителей оппозиции: Либкнехт мобилизован, Люксембург и Цеткин в тюрьме (вскоре после конференции К. Цеткин была, как известно, освобождена). Тем не менее, „оппозиция" была представлена достаточно полно: меньшинство парламентской фракции, течение журнала „Internationale", женщины-интернационалистки, франкфуртская и штуттгартская оппозиция, группа журнала „Lichtstrahlen" и др.

Итальянская делегация представляла партию в целом: ее центральный комитет и парламентскую фракцию. На правом

[1]) Один из делегатов—Бурдерон, является, правда, старым членом социалистической партии. Но и он представлял на конференции не партию, а синдикальные организации.

[2]) Дюмулен, как и Мергейм, вернулись впоследствии с покаянной головой в лоно Жуо и К⁰.

фланге делегации стоял секретарь парламентской фракции Оддино Моргари, столь деятельно участвовавший в подготовке конференции, на левом фланге — член центрального комитета Анжелика Балабанова, сотрудница нашей газеты. В теоретической области итальянские делегаты, за исключением Балабановой, стоят не на марксистской, а на эклектической позиции.

Российская социал-демократия была представлена в лице Ц. К. большевиков, „Нашего Слова“, Латышской социал-демократии, О. К. меньшевиков и заграничного комитета Бунда; последний—с информационными целями. Партия с.-р. была представлена в лице „Жизни“ и интернационалистских элементов своего Ц. К.

От *Польши* было три делегации—по числу с.-д. организаций, стоящих на почве принципов интернациональной классовой борьбы: С.-Д. Ц. П. и Л. (Группа Главного Правления), С.-Д. „оппозиция“ и П. П. С. („левица“).

Балканская социал-демократическая федерация, объединившаяся в июле на бухарестской конференции, была представлена в лице делегации болгарской (В. Коларов) и румынской партий. От этой последней деятельное участие в работах конференции принимал Х. Раковский, один из ближайших друзей „Нашего Слова“.

Из двух *голландских* революционных групп была представлена только одна, именно группа „Интернационала“, руководящую роль в которой играет известная социал-демократическая писательница Ролланд - Хольст. Представительство „Трибуны“, группы близкой к большевикам, не явилось: повидимому, по причинам чисто технического характера.

Швеция и Норвегия были представлены делегацией революционного союза с.-д. молодежи, руководимого депутатом Хеглундом.

От *швейцарской* социал-демократии участвовали: Гримм, один из наиболее деятельных организаторов совещания, Карл Моор, Шарль Нэн и Фритц Платтен,—все на правах личной инициативы.

* * *

Главное содержание работ конференции составляли доклады национальных делегаций и выработка манифеста, призывающего пролетариат Европы к возобновлению революционной борьбы— за мир, братство народов и социализм.

После единодушного принятия манифеста оставалось только создать бюро, как постоянное средоточие возрождающихся международных связей и международной кампании против войны. Такое учреждение было создано в Берне под именем *Интернациональной Социалистической Комиссии* из трех лиц (Гримм, Нэн, Моргари). Формально Комиссия не противопоставлена старому бюро. Но по существу формирование подлинного социалистического интернационала—в этом можно не сомневаться—будет совершаться вокруг Бернской Комиссии, а не Брюссельского бюро. Во всяком случае, в этом направлении будут направлены усилия русских интернационалистов.

„Н. С.“ 22 октября 1915 г.

Р. Гримм и О. Моргари.

Из южной Франции — как она отличается от северной своим духовным складом и в частности своим отношением к войне! — было не сложным делом проехать в Швейцарию, — несложным для человека, у которого в кармане имеется заграничный паспорт, снабженный свежей фотографической карточкой и всеми необходимыми печатями.

На границе пришлось, однако, пройти через большие мытарства: журналистов опасаются вдвойне. В Париже проживают таинственные корреспонденты немецких газет, повидимому, из числа „нейтральных“ журналистов. В „Berliner Tageblatt“, „Francfurter Zeitung“ и пр. появляются время от времени письма из Франции, которые, повидимому, действительно написаны на французской почве и действительно — для немецкой печати. „Во Франкфуртской Газете“ была за несколько недель предсказана последняя атака в Шампани, — и предсказана совершенно верно. Это побудило французскую полицию удвоить надзор за письмами, газетами и заграничными путешественниками. Некоторые меры поражают своей парадоксальностью. Так, одно время у выезжающих из Франции отбирали все французские газеты, хотя их можно, разумеется, свободно купить в Швейцарии; у въезжающих во Францию отбирали швейцарские газеты, хотя их без труда можно достать в любом газетном киоске Парижа. Пути полиции, в том числе и республиканской, неисповедимы... У меня отобрали на

границе один экземпляр изданной мною в Швейцарии брошюры на немецком языке.

— Какой смысл? — протестовал я. — Ведь эта брошюра была пропущена вашей цензурой во Францию.

— Ничего не значит: мы не можем пропускать немецких брошюр.

— Даже из Франции в Швейцарию?

— Даже в Швейцарию.

Один из пограничных чинов, поставленных на предмет сравнительной психологии, заговорил со мною по-немецки, на очень хорошем литературном языке, и после двух-трех фраз стал с большой любознательностью справляться насчет внутреннего положения в России. Я сослался на то, что за пять минут, остающихся до отхода поезда, вряд ли возможно с необходимой полнотой изложить свои мысли по такому обширному и сложному вопросу. Психолог огорчился, но, как истинный джентльмен, не подал виду. Мы раскланялись самым изысканным образом. Но моей брошюры, изданной в Швейцарии, мне не вернули.

Я поехал непосредственно в Берн, к швейцарскому депутату Роберту Гримму, главному организатору конференции. Бывший наборщик, и сейчас сохранивший многие пролетарские ухватки, человек лет около сорока, энергичный журналист и оратор, Гримм является одной из выдающихся политических фигур Швейцарии. Депутат национального парламента, он стоит во главе бернского рабочего движения, редактирует его орган и является фактическим лидером левого крыла швейцарской социал-демократии. За пределами Швейцарии имя Гримма до войны было сравнительно мало известно. Но за эти 15 месяцев произошла большая перемена. Гримм сразу занял критическую позицию по отношению к поведению как германской, так и французской социал-демократии. Но так как газета его издается на немецком языке, то удары свои он направлял, главным образом, против немецкой партии. Это создало ему внимательную аудиторию в Германии, в среде левого крыла социал-демократии, которое со все возрастающей энергией и с несомненным успехом атакует позиции социал-империалистов, т.-е. правящего большинста партии, поддерживающего политику правительства. В „Berner Tagvacht“ стали появляться обличительные корреспонденции из Германии, рисовавшие черный двор „гражданского мира“ (Burgfrieden) и

отражения его во внутренней жизни социал-демократической партии. Борьба официальных центров партии против „оппозиции“ (К. Либкнехт, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг и др.), протекавшая сперва в замкнутых рамках организации, вдруг вышла наружу через посредство бернской газеты и стала предметом общего обсуждения. Газета стала в известном смысле зарубежным официозом оппозиции, к великой досаде немецких властей, партийных и государственных. В конце концов, ввоз „Berner Tagvacht“ в Германию был запрещен, что, разумеется, не мешает ей и сейчас находить там свое распространение.

Одновременно бернская социалистическая газета получила значительную популярность во Франции, как немецкое издание, совершенно независимое по отношению к так называемой „немецкой“ точке зрения. Ссылки на „Berner Tagvacht“ стали одно время очень часты во французской прессе. В силу аберрации, столь объяснимой в условиях нынешнего времени, многим показалось, что бернская социалистическая газета заняла франкофильскую позицию. Но недоразумение вскоре разъяснилось. После нескольких очень критических статей газеты по адресу Геда, Самба и других, симпатии к ней в официальных сферах французского социализма сильно охладели; зато она нашла симпатии в сферах неофициальных: „оппозиция“ во французском рабочем движении, как и в немецком, нашла в бернской газете опору, хотя и менее действительную, в виду разницы языка. Тем не менее, „Berner Tagvacht“ и сейчас совершенно свободно получается во Франции, тогда как все попытки регулярно получать через Швейцарию важнейшие германские газеты разбиваются о сопротивление пограничных французских властей.

Положение „Berner Tagvacht“, в качестве неофициального органа „левого“ или „интернационалистского“ социализма, в центре такой интернациональной и нейтральной страны, как Швейцария, естественно поставила Гримма в самое средоточие той организационной работы, которая велась почти с начала войны с целью восстановления прерванных между социалистическими партиями связей. Гримм принимал деятельное участие, еще весной прошлого года, в небольшом итало-швейцарском совещании в Лугано, поставившем себе задачей созвать международную социалистическую конференцию. При организационном участии Гримма происходила международная женская социалистическая

конференция, на которой руководящая роль принадлежала Кларе Цеткин, а затем и конференция социалистической молодежи.

Рука об руку с Гриммом работал в том же направлении туринский депутат Оддино Моргари, секретарь социалистической фракции римского парламента. Итальянская партия, пережившая до войны ряд внутренних „очистительных“ кризисов, организационно порвавшая с реформистским крылом и затем с социалистическими франкмассонами, заняла с начала европейской войны позицию, глубоко отличающую ее от германского и французского социализма. Пока Италия еще не ликвидировала окончательно уз тройственного союза, итальянская социалистическая партия, ведшая решительную кампанию в защиту нейтралитета, боролась непосредственно против опасности выступления Италии на стороне средне-европейских империй. В этот период итальянский социализм, давший решительный отпор полуправительственному, полусоциалистическому эмиссару Зюдекуму, был предметом горячих политических похвал со стороны французской прессы. Но, когда стала вырисовываться перспектива присоединения Италии к Согласию, и бывший редактор центрального органа „Avanti“ Муссолини создал — несомненно, на деньги французского правительства — собственную газету для агитации в пользу вмешательства, принципиально „нейтралистская“ политика итальянского социализма начала подвергаться самым жестоким осуждениям во Франции. Итальянская партия стала искать опоры в единомышленных элементах других стран, и Оддино Моргари, по поручению своего центрального комитета, дважды ездил во Францию и Англию для подготовки международной конференции.

В Париже я встречался с Моргари не раз, и однажды совершил с ним совместное путешествие до Гавра. Моргари — полная противоположность Гримму. У последнего есть немецко - „швицерская“ жесткость и во внешних очертаниях, и в складе речи, и в манере письма. Моргари, наоборот, крайне мягкий человек, натура преимущественно художественная, политик-психолог. Печать мягкости и добродушия лежит на его подчеркнуто крупных чертах лица южанина. В теоретической области Гримм — марксист; он дал несколько интересных исследований, в духе материалистического метода. Моргари — „интегралист“. Он обвиняет марксизм в упрощении действительности, признает в истории „множественность“ факторов и стремится к „интегральной“ концепции в

теории и на практике. Интегрализм означает по существу стремление к „гармоническому“ эклектизму.

Несмотря на это глубокое различие — можно бы говорить о противоречии — темпераментов и теоретических воззрений, Гримм и Моргари оказались тесно связаны в своей работе по восстановлению международных связей рабочих партий. Недавняя конференция в Циммервальде явилась в значительной мере плодом их усилий [1]).

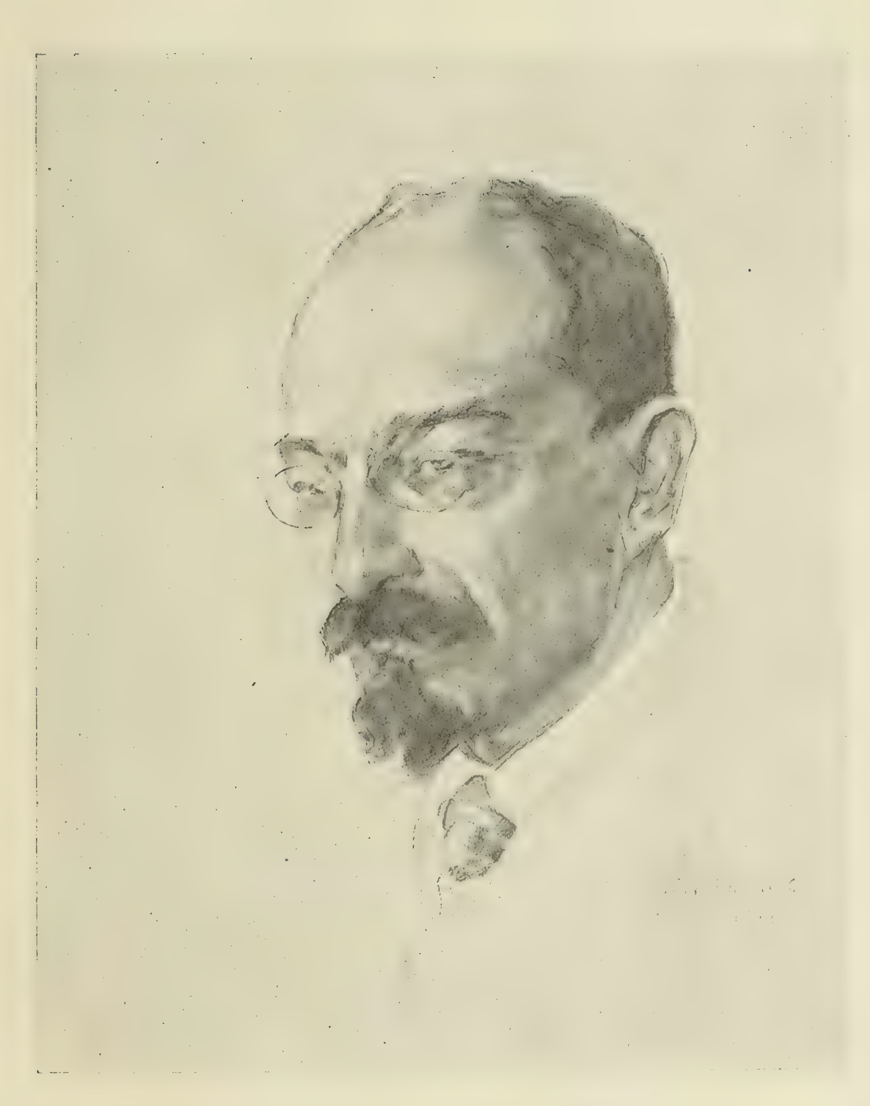
X. Раковский и В. Коларов.

В помещении редакции „Berner Tagwacht“ я застал интернациональное общество совершенно необычайного для нынешнего времени состава. Здесь были два берлинских редактора, одна деятельница женского рабочего движения из Штутгарта, два французских синдикалиста, — секретарь союза металлистов Мергейм и союза бондарей Бурдерон, — доктор Раковский из Бухареста, один поляк и один швейцарец. Это были первые делегаты, прибывшие на конференцию. Гримма не было, — он совершал небольшое агитационное путешествие по своему округу и должен был вернуться к вечеру. Моргари находился в Лондоне, и от него ждали с часу на час телеграммы о выезде англичан.

---

[1]) Сейчас, несколько лет спустя после описанных событий, нельзя не отметить, хоть в двух словах, дальнейшей судьбы Гримма. В его радикализме оказалось слишком много мелкобуржуазного швейцарского филистерства, которое более близким наблюдателям его деятельности было заметно уже и тогда. Под влиянием своих международных сотрудников и корреспондентов газета была гораздо радикальнее своего редактора. После Циммервальда Гримм все больше определялся — *вправо*. Он сделал в 1917 г. попытку вмешаться в международную политику — в интересах русской революции — при помощи методов закулисной и при том чисто личной дипломатии. На этом он сорвался. Буржуазная пресса всех стран Согласия пыталась изобразить его — после высылки правительством Керенского из России — как наемного агента Германии. Это, разумеется, клевета. Гримм пал жертвой филистерского самомнения захолустного «государственного человека», который ощутил в себе призвание спасать революцию при помощи методов, противных ее существу. По мере того, как и в Швейцарии поднимал голову коммунизм, Гримм упрочивал свою репутацию в качестве «умеренного» и «благоразумного социал-демократа.

Что касается Моргари, то он остался с Серрати, то-есть вне Коммунистического Интернационала. IV. 22. *Л. Т.*



А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

В лице Раковского я встретил старого знакомого. Христю Раковский — одна из наиболее „интернациональных“ фигур в европейском движении. Болгарин по происхождению, но румынский подданный, французский врач по образованию, но русский интеллигент по связям, симпатиям и литературной работе (за подписью X. Инсарова он опубликовал на русском языке ряд журнальных статей и книгу о третьей республике), Раковский владеет всеми балканскими языками и тремя европейскими, активно участвовал во внутренней жизни четырех социалистических партий — болгарской, русской, французской и румынской — и теперь стоит во главе последней.

Политика молодой румынской социалистической партии в эту эпоху войны была до известной степени параллельна политике итальянской партии. Отстаивая нейтралитет, румынские социалисты встречают горячие похвалы или столь же горячие порицания со стороны немцев и французов — в зависимости от того, в какую сторону клонило бухарестское правительство и против какого уклона направляли в данный момент свои удары социалистические „нейтралисты“. Зюдекум приезжал прошлой осенью в Бухарест, чтобы „воодушевить“ румынских социалистов к со противлению против вмешательства в войну на стороне держав Согласия. Его содействие было, однако, отклонено. Но, с другой стороны, когда бывший депутат Шарль Дюма, нынешний шеф кабинета Жюль Гэда, обратился в мае этого года к своему старому другу Раковскому с письмом, развивающим официальную французскую точку зрения на войну, Раковский ответил ему целой политической брошюрой, мягкой по тону, но очень решительной по существу („Les socialistes et la guerre“. Boucarest 1915). В этой брошюре он развивает ту мысль, что между официальной тактикой французской и немецкой партий нет принципиальной разницы, но что внутри каждой из этих национальных партий вырисовываются две непримиримые концепции: „Мы имеем пред собою не две тактики, а два социализма. Такова истина“.

— Будете ли воевать?

— Спросите об этом у болгар, — отвечает нам Раковский. — Наше правительство пока что держится за нейтралитет. Но есть слишком много оснований полагать, что вмешательство Болгарии выбьет неустойчивую доску нейтралитета из-под ног министерства Братиану.

Напоминаем читателю, что этот разговор происходил в начале сентября 1915 г.

— Будете ли вы воевать? — обратился я к прибывшему на другой день одному из главных руководителей партии тесняков депутату болгарского народного собрания Василь Коларову, филиппопольскому адвокату, резервному офицеру, награжденному в свое время за кампанию против турок орденом за храбрость.

— Будем! — ответил он, почти не задумываясь. — Нейтралитет Радославова имеет чисто - выжидательный характер. Вопрос о судьбе Константинополя, как он был поставлен Согласием, оказал решительное влияние на общее направление болгарской политики. А с другой стороны, военные неудачи России сильно укрепили наших германофилов, преемников стамбуловских традиций...

— Это, во всяком случае, значит, что вы будете воевать на стороне Германии?

— Несомненно. А разве вы в этом сомневались?

— Французская пресса деятельно поддерживает на этот счет иллюзии в общественном мнении... Какова же будет в этом случае тактика нашей партии?

— Мы, социалисты - „тесняки", будем до конца бороться против вмешательства, а затем и против самой войны. Но непосредственного практического успеха от нашего противодействия мы ожидать не можем.

— А „широкие" социалисты?

— Они более или менее тесно примыкают к руссофильскому блоку. Но я не сомневаюсь, что как только Радославов сорвет последний покров со своей политики и поставит страну перед совершимся фактом военного вмешательства, „широкие" социалисты, как и буржуазные руссофильские партии, прикрываясь национальными интересами, невозможностью вносить раскол в такой трагический момент и проч., и проч., фактически склонятся пред политикой Радославова. Правительственная пресса обрабатывает в этом смысле общественное мнение изо дня в день.

— Кстати, известно ли вам, — продолжает наш собеседник, — что царь Фердинанд заигрывает в последнее время с „широкими" социалистами? На курорте он встретился с одним из их лидеров и горько жаловался на то, что социалисты ему не доверяют, тогда как он в душе своей почти целиком с ними. В органе „Де-

мократа“ Малинова царя Фердинанда уже называли, с ревнивой и подозрительной иронией, венценосным социалистом.

Предвидения моего проницательного собеседника, — сейчас он уже, вероятно, в рядах действующей болгарской армии, — оправдались целиком. Едва Коларов успел доехать к себе в Пловдив, как Болгария объявила мобилизацию. „Широкие“ социалисты, в качестве патриотов, обещали не чинить Радославову никаких затруднений. „Тесняки“ продолжали вести свою линию до конца. В последнем, дошедшем до меня, номере их органа „Работнический Вестник“ следующим образом характеризуются те условия, в какие поставлена их борьба против авантюры болгарского правительства: „Наши собрания не допускаются, наши воззвания и афиши конфискуются, ораторы и агитаторы разгоняются, избиваются и арестовываются, телеграммы в нашу газету с выражением протеста против националистического авантюризма и с требованием мира задерживаются“...

Раковский и Коларов прибыли на конференцию не только в качестве делегатов румынской и болгарской рабочих партий, но и как представители балканской социал-демократической федерации, созданной на обще-балканской конференции, которая состоялась нынешним летом в Бухаресте. Знаменем объединившихся молодых балканских рабочих партий является демократическая федерация всех государств Балканского полуострова, связанных общностью экономических условий и исторических судеб. Эту программу балканские социалисты выдвинули во время двух последних балканских войн. Сейчас они более, чем когда бы то ни было, убеждены в том, что только в республиканской федерации — спасение балканских народов. Но к этой цели история не проложила прямого пути. Кровавый европейский водоворот вовлекает и балканские нации. К неизбежному объединению они идут чрез взаимоистребление. Сколько глашатаев балканской федерации пало в войнах последних лет! Самым тяжким ударом для сербской и всей балканской социал-демократии явилась гибель в этой войне Дмитрия Туцовича, одной из самых благородных и героических фигур сербского рабочего движения...

Ледебур, Гоффман.

Во главе немецкой делегации, по возрасту и по популярности, стоит Георг Ледебур. Он все тот же: события войны не оставили на нем внешнего отпечатка. В течение семи лет жизни в Вене мне приходилось часто наезжать в Берлин, и почти каждый раз я встречался с Ледебуром: в рейхстаге ли, в доме Каутского или в кафэ „Fürstenhof“, куда Ледебур взбирался по лестнице, прихрамывая на более короткую ногу. Ледебур считался другом русских и поляков, и его называли то Ледебуровым, то Ледебурским. Впрочем, связь его с Россией и Польшей никогда не выходила за пределы чисто парламентских интересов или личных услуг русским изгнанникам, тогда как его молодой друг Карл Либкнехт успел в течение последнего десятилетия связать себя крепкими духовными узами с молодой Россией. Ледебуру сейчас должно быть 65 лет, по крайней мере, мне вспоминается, что в 1910 или 1911 году на квартире у Каутского чествовали его 60-летие: там присутствовал и Август Бебель, который вступил уже тогда в восьмой десяток. Это был период, когда партия переживала свою кульминацию. Ее организация, ее пресса, ее кассы достигли небывалого расцвета. Тактическое единство казалось более полным, чем когда бы то ни было. Старики автоматически регистрировали успехи и без опасения глядели в будущее. Виновник торжества, Ледебур, рисовал за ужином карикатуры и встречал общее признание. У него несомненно дар карикатуриста, вообще, ирония, желчь, составляют важную составную часть его темперамента, который, по старой классификации, надо признать холерическим, даже в высшей степени... После того праздничного ужина седых голов прошло пять лет, — какие перемены принесло это время, и какие, еще более колоссальные, оно таит во чреве своем!..

Ледебур перешел в социал-демократию вместе с Францем Мерингом из рядов демократической журналистики, но в рабочей партии он был несравненно более деятелен в качестве парламентария, чем в качестве журналиста. В парламенте Ледебур добивался нередко очень больших эффектов, — в тех случаях, когда ему не приходилось связывать себя соображениями „высокой“ политики, а, отдаваясь своей природной желчи, атаковать и би-

чевать противника. Он часто вызывал негодующие возгласы с мест; либералы ненавидели его, пожалуй, более, чем консерваторы, — он платил им сарказмами, которые бросал с гримасой презрения на тонком лице, бритом и подвижном, как у актера.

Мало изменился и Адольф Гоффман, тоже один из стариков, с красивой копной тончайшей седой паутины на голове и с рошфоровским складом лица. Гоффман, старый член рейхстага, провалился на последних выборах и остался только членом прусского ландтага, где он и во время войны продолжает рука об руку с Либкнехтом свою борьбу против „пруссачества“, т.-е. крепостнического засилия. Гоффман всегда числился крайним левым. Много лет тому назад он сочинил 10 заповедей социал-демократа, и с того времени за ним укрепилось прозвище „der Zehngebote Hoffmann“. Это народный оратор, с резким голосом, резкими жестами и обильным запасом шуток и прибауток, которые нередко очень больно задевают. Он держится того убеждения, что честный демократ, прежде чем собираться в поход против чужестранных „милитаризмов“, должен покончить с реакцией в *собственной* стране. Гоффман сейчас радикальнее Ледебура и недоволен тем, что оппозиционная часть социал-демократической фракции в рейхстаге *воздерживается* при голосовании военных кредитов вместо того, чтобы открыто голосовать *против*.

Отношения в партии между „патриотическим“ большинством и левым крылом обострились до последней степени. Это уже не теоретические и не второстепенные тактические разногласия, а противоречие по отношению к основному факту, которым теперь живет или в котором захлебывается человечество. Нет таких мер, к которым не прибегали бы Зюдекумы и Шейдеманы, чтобы зажать рот своим оппонентам. И чем больше они теряют почву под ногами в массах, чем больше вынуждены опираться на правительственный аппарат, тем ожесточеннее становятся конфликты в партии... Ледебур рассказывает о том заседании рейхстага, когда он протестовал против репрессивных мер немецких военных властей по отношению к мирному населению. Шейдеман, как известно, тогда дезавуировал Ледебура.

— Но вы думаете, — говорит Ледебур, — что эти люди созвали заседание нашей фракции, чтобы судить и осудить меня? Ничего подобного! Во время „скандала“, который вызвали в парламенте мои слова, Шейдеман просто подошел к правитель-

ственному столу, пошушукался с министрами, — не с фракцией, а с министрами,—и заявил при общих аплодисментах рейхстага, что я не уполномочен был критиковать действия военных властей. Таковы методы этих субъектов!

— И вы все же не решаетесь в рейхстаге открыто голосовать против них! — восклицает из своего угла другой немецкий делегат, левый.

Завязывается тактический спор. Ледебур пытается доказать, что тактика воздержания, как более осторожная, не ведущая к открытому нарушению дисциплины, легче может завоевать большинство фракции: „В начале войны нас было 14, а теперь нас 36“.

— Но вы забываете,— возражает Гоффман, — о том впечатлении, какое ваше поведение производит на массы. Если полумеры и полурешения всегда плохи, то в виду таких событий, от которых зависит судьба нашего политического развития на многие годы, они совершенно недопустимы. Масса требует ясных, открытых, мужественных ответов, *за* или *против* войны. И ей нужно этот ответ дать...

Я не могу, к сожалению, назвать имена остальных членов делегации, так как это значило бы открыть их нападению немецкой полиции. Что касается Ледебура и Гоффмана, то они сами себя „изобличили“ — с полным разумением всех последствий, — подписав своими именами, выработанный циммервальдской конференцией, манифест. Но остальная часть немецкой делегации осталась и должна оставаться безыменной: ее можно характеризовать только общими чертами.

В делегации, представляющей левую часть официальной немецкой социал-демократии, было опять-таки свое левое крыло. В Германии идейное выражение этому течению давали два издания: маленький пропагандистский журнальчик Юлиуса Борхарта „Lichtstrahlen“, формально очень непримиримый, но по тону очень сдержанный и политически мало влиятельный, и „Die Internationale“, орган Р. Люксембург и Ф. Меринга, впрочем, не орган, а всего один номер, боевой и яркий, вслед за которым последовало закрытие журнала. К группе „Internationale“ примыкают такие влиятельные элементы немецкой левой, как Либкнехт и Цеткин. Не менее трех делегатов являлись сторонниками группы Люксембург — Меринга. Один примыкал к журналу „Lichtstrahlen“. Из остальных делегатов два депутата рейхстага в общем и целом стояли

за Ледебуром, два других — не имели определенной физиономии. Гоффман, как мы уже сказали, „крайний“ левый, но он человек старого закала, а молодое поколение левых ищет новых путей [1]).

О Каутском, Бернштейне и Гаазе.

Чего хочет немецкая социал-демократическая оппозиция?

Прежде всего разрыва так называемого национального блока по всей линии. Социал-демократия не смеет, по мнению оппозиции, брать на себя ни прямую, ни косвенную ответственность за империалистическую политику правящих. Отсюда: голосование против кредитов, борьба за прекращение войны, агитация в массах против всяких аннексионных планов, возобновление борьбы экономической и политической. Это общая для всей оппозиции схема воззрений. Но при проведении ее в жизнь начинаются серьезные разногласия.

Прежде всего оппозиция не отделена от правящего в партии большинства резкой межой. Между социал-патриотами и интернационалистами пролегает очень широкая группировка „центра“ с Каутским во главе. Каутский, как известно, считает, что все социалистические партии в своем роде „правы“, соединившись со своими национальными правительствами, что тут нет кризиса интернационала, что после войны опять все станет на старые рельсы, и прочее. Этой позицией решительно недовольны и справа и слева. Умеренное крыло интернационалистов близко подходит к Каутскому в том смысле, что больше всего озабочено сохранением единства партийной организации и соблюдением партийной дисциплины. Наоборот, левое крыло считает разногласия совершенно непримиримыми. Правда, и эти элементы не собираются выходить из партии: „Это значило бы, — говорят они, — сдавать нашим противникам важнейшие позиции без боя. Но мы остаемся, — прибавляют они, — в старых партийных организациях именно для непримиримой борьбы с господствующим партийным курсом. Мы не позволим в настоящую эпоху, когда

---

[1]) Ледебур ныне один из лидеров „независимой“ партии; Гоффман, после раскола „независимых“, примкнул к коммунистам, но затем, вместе с Леви, откололся от партии и снова вернулся к „независимым“.

вопрос идет о жизни и смерти партии, зажать нам рот никакими соображениями дисциплины и единства организации“...

Как вы, левые, относитесь к позиции Каутского?—

— Крайне отрицательно. Он сыграл в эту ответственную эпоху роль, которую мы не можем ему простить. Он совершенно растерялся в начале войны, капитулировал перед натиском правых, оппортунистов - националистов, и этим чрезвычайно обескуражил левых. Если бы Каутский 2-го и 3-го августа прошлого года занял сколько-нибудь решительную позицию, левое крыло с самого начала выступило бы против военных кредитов, не ангажировалось бы голосованием 4-го августа, и Либкнехт в дальнейшем не оставался бы одиноким. Да и сейчас: Каутский вместе с Бернштейном и Гаазе выступили с протестом против аннексионных аппетитов правящих классов; но этот протест пока что сохраняет полуплатонический характер: Каутский не требует даже немедленного выступления партии из правительственного блока, а поскольку социалисты поддерживают правительство, голосуют за кредиты и проч., постольку протесты против аннексий, без политических выводов, служат разве для очистки собственной совести“.

Судьба Каутского, как и многих других деятелей движения, несомненно глубоко трагична. Он был теоретиком непримиримого марксизма. Он вел в 90-х годах борьбу с Бернштейном, как теоретиком реформизма. Но по существу дела тактика партии была во всю прошлую эпоху тактикой приспособления. Политические отношения оставались во все эти десятилетия неподвижными. Юнкерство прочно сидело в седле после успехов Бисмарка. Буржуазия политически окончательно капитулировала, — тем могущественнее становилась она экономически. Рабочий класс во всей своей борьбе приспособлялся к национальному военно - полицейскому государству. Впереди предвиделся неизбежный конфликт. Но текущая политика партии была поссибилистична. Бернштейн хотел этот поссибилизм эпохи возвесть в постоянный принцип. Каутский же всякое свое исследование заканчивал указанием на неизбежные в будущем революционные конфликты. Но история заставила его так долго готовиться и ждать эпохи кризиса, что когда эта эпоха наступила, Каутский не узнал ее и растерялся. Я думаю, что он растерялся безнадежно. 40 лет непрерывной умственной работы в определенных условиях исторической непо-

движности нельзя скинуть с плеч. На седьмом десятке человек не перевооружается духовно...

Параллельный интерес представляет судьба Бернштейна. Он был теоретиком национального оппортунизма. Но он принадлежит еще к первому поколению, он прошел через „героическую" эпоху, был под личным влиянием Энгельса. Это совсем не то, что какой-нибудь Давид, большой человек на малые дела, совершенно лишенный международного кругозора: для него и немецкий масштаб в сущности слишком велик, он лучше всего себя чувствует в пределах герцогства Баденского... Когда Бернштейн увидел, к чему пришла его „школа" в момент мирового кризиса, он испугался. Тесно связанный с Англией, в которой он провел долгие годы эмигрантства, Бернштейн не мог психологически иметь ничего общего с тем англофобским неистовством, в котором упражняются, вслед за буржуазными партиями, немецкие национал-оппортунисты. С Давидом, с Легином, с Шиппелем и Зюдекумом Бернштейн не мог оставаться дольше. Он сделал несколько шагов вперед, а Каутский, испугавшись острого конфликта в партии, в парламенте, в стране, сделал несколько шагов назад, — и вот два старых приятеля, ставших потом непримиримыми, казалось, противниками, снова встретились... на полдороге. К ним примкнул третий, Гаазе, первый председатель партии, человек, на которого легла слишком тяжелая ноша быть заместителем Бебеля. Как председатель партии, Гаазе оказался скоро подавлен ее могущественным организационным автоматизмом. Немецкая партия, немецкие профессиональные союзы — это целое государство в государстве. И в момент войны и кризиса партийная бюрократия, не привыкшая к потрясениям, почувствовала прежде всего консервативный страх за целость организации и инстинктивно примкнула к государству, под сенью которого партия сложилась. Гаазе не нашел в себе, да по всему своему складу и не мог найти, силы и решимости открыто выступить против взявшего верх социал-националистического течения и апеллировать к общественному мнению партии. Он сделал свои возражения внутри фракции, но перед внешним миром ограждал видимость единства, а 4 августа прошлого года даже взял на себя обязанность огласить декларацию, с которой был несогласен. Когда дальнейшее развитие этого курса испугало его, ему не оставалось ничего, как присоединить свою растерянность к

растерянности Каутского и Бернштейна. Они втроем выступили с особым письмом-манифестом против аннексий. Шаг, бесспорно, очень почтенный, нанесший несомненный удар господствующему партийному курсу: авторитет имен, подписавших манифест, пробудил внимание сотен тысяч рабочих к вопросу, поставленному в письме. Но сами авторы остановились беспомощно на полдороге и вряд ли способны пойти дальше. Вот почему руководство движением, враждебным империализму, не в их руках... Нужно вообще сделать тот вывод, что история призывает сейчас следующую смену, новое, более молодое, поколение, у которого за спиной нет слишком тяжелого груза навыков, традиций и рутины, которое только одно и способно более решительно и беззаветно отозваться на голос новой эпохи — железа и крови, бурь и потрясений.

Деятельность левых в Германии.

— А в чем выражается ваша работа?

— Мы ведем в массах агитацию против продолжения войны, против политики захватов и контрибуций, мы восстанавливаем массы против официального партийного курса, состоящего в поддержке правительственной политики. Работу легальных газет, стоящих на нашей точке зрения, мы дополняем более определенными нелегальными прокламациями, которые распространяются в сотнях тысяч экземпляров. Вы, вероятно, знаете наши воззвания: „Главный враг — в собственной стране“, „Безумие аннексий“ и др. Мы ведем устную агитацию на собраниях в том же духе, и чем дальше, тем чаще и радикальнее приходится нам ломать рамки легальности. Имеем ли мы успех? Несомненно. Противоречие между официальной политикой, государственной и партийной, и настроением масс все более возрастает. Мы остаемся внутри старой партийной организации, но мы ведем упорно свою собственную линию, мы имеем свои совещания, свои съезды и свои неофициальные центры.

— Вы спрашиваете о настроении наших рабочих масс,—говорит Адольф Гоффман,—я вам говорю категорически: оно целиком против войны, правительства и наших партийных верхов. Всюду, где мы имели возможность притти в общение с широкими

народными массами, обнаруживалось, что они решительно освобождаются от шовинистического опьянения. Возьмите мой избирательный округ: это одна из наиболее отсталых местностей, с полу-крестьянским, полу-пролетарским рудничным населением, которое всего только еще несколько лет назад шло за клерикально-антисемитской реакцией. Неделю тому назад я читал там перед собранием „доверенных лиц", т.-е. выборных делегатов, доклад о политическом положении и выдвинул такие предложения: социал-демократические депутаты должны отказать правительству в кредитах и выставить требование немедленного прекращения войны. Все делегаты единодушно и решительно примкнули к этой точке зрения: ни одного голоса не раздалось против. А уж казалось бы, где же, как не в этом отсталом округе, шовинистической агитации найти почву!..

— Циммервальдская конференция дала нам незаменимую опору для продолжения нашей работы,—говорит энергичная деятельница женского рабочего движения. — Наша парламентская оппозиция, во главе с Ледебуром, носит чересчур уж „парламентский" характер. В то время, как захватившие верховодство правые идут до конца, открыто попирая все постановления наших партийных съездов, наши оппозиционные парламентарии подчиняются дисциплине и в решительные моменты удаляются из рейхстага, вместо того, чтобы атаковать правящих. Объявляя себя по существу солидарными с Либкнехтом, оппозиционные депутаты,—а их сейчас уже четыре десятка,—покидают в минуту испытания его одного. Этому мы хотим положить конец. Социал-демократическая оппозиция в стране несравненно решительнее, чем оппозиция в рейхстаге. Мы все на местах одобряем Либкнехта.

Немецкая социал-демократия своим поведением, начиная с 4 августа, вызвала глубокое изумление, скоро перешедшее в возмущение. Об этом достаточно говорилось во всех докладах на конференции. Иначе и быть не могло. Но было бы совершенно неправильным—ставить крест на немецкой социал-демократии. Протест пошел изнутри. Возмущение политикой официальных центров, которые все время ссылались на политику французских социалистов, встретило сразу же оппозицию. Но замешательство было так колоссально, массы были в такой мере застигнуты врасплох, дезориентированы, оглушены—и грохотом событий, и поведением тех, которым в качестве „вождей" полагалось их „вести",

что оформленного отпора Шейдеманы и Гейне не встретили на первых порах. Но чем внезапнее и, на первый взгляд, необъяснимее была политическая капитуляция окостеневших партийных верхов, тем жесточе будет отповедь масс. Немецкая левая с полным доверием взирает на будущее.

Работы конференции.

Все, приехавшие на конференцию, остановились в Народном доме, тяжеловесном здании с серыми ассирийскими фигурами на тяжелом фасаде серого камня. В обеденном зале наверху тяжелая электрическая лампа и темные краски на стенах. Немецкий модернизм! „Мне это нравится,—учтиво сказал французский делегат,—я бы для себя так не построил, но мне это нравится". В кафэ Народного дома появились какие-то пронзительные фигуры—ушки на макушке. Это—корреспонденты. В Швейцарии сейчас обилие французских и немецких корреспондентов, посредничающих между этими двумя странами. „Прежде чем мы раскроем рот,—сказал Гримм,—буржуазная пресса всего мира сообщит о нашем крахе. Журналисты не дадут нам покоя. Вряд ли у всех окажется выдержки, чтобы отказать им в интервью. Наконец, они будут просто подхватывать отдельные фразы из разговоров в ресторане. Вот почему я подготовил для конференции помещение в десяти километрах под Берном, в небольшой деревушке Циммервальд, высоко в горах".

В три часа делегаты туго уселись на четыре повозки-линейки и отправились в Циммервальд. Прохожие с любопытством глядели на этот необычный обоз. Делегаты шутили, что вот полвека спустя после основания международного общества рабочих, весь интернационал усадили на четыре повозки. Но в этих шутках не было нот скептицизма... В повозках, как и потом на совещании, господствовало два языка: французский и немецкий. Английские делегаты не прибыли, так как правительство, которому они прямо заявили, что отправляются на международную конференцию, отказало им в выдаче паспортов. Депутат Брус Глэшер телеграфировал, что явиться не может. Это упростило на одну треть работу переводчиков, больное место всех международных совещаний. Чередование национальных европейских культур нашло, как всегда,

свое отражение в лингвистике циммервальдской конференции. Французские делегаты не говорят ни на каком иностранном языке. В этом отношении французы, как представители старой культуры, похожи на англичан. Немцы немного говорят и понимают по-французски. Все итальянцы свободно говорят по-французски и некоторые немного по-немецки. Русские говорили по-французски, немецки и английски. Одной из переводчиц конференции была русская, Анжелика Балабанова, итальянская политическая деятельница, которая с равною свободой переводит на французский, немецкий и английский языки.

Все свободные комнаты Циммервальда—в отеле, у почтового чиновника, у крестьян—были заготовлены для делегатов. Тот же почтовый чиновник предложил затем свои услуги в качестве парикмахера.

В свободные минуты, которых было, впрочем, немного, делегаты выходили на горную дорогу и любовались Монбланом и Юнгфрау. Писать из Циммервальда о конференции было запрещено, дабы сведения не проникли прежде времени в печать. И действительно, несмотря на обилие в Берне корреспондентов, в газетах ничего, кроме неопределенных указаний на собравшуюся где-то под Берном конференцию, не появлялось. „Berner Tagvacht" могла с чистой совестью утверждать, что в Берне никакой конференции нет. Через несколько дней имя Циммервальда разнеслось по всему свету. Это произвело большое впечатление на воображение хозяина отеля. Честный швейцарец явился к Гримму и заявил ему, что надеется, благодаря мировой рекламе, сильно поднять цену своему владению и потому готов внести такую-то сумму в фонд Третьего Интернационала.

Завтракали и обедали за длинным столом, сидя национальными группами; только русские, в качестве переводчиков и посредников, были разбросаны в разных местах. После обеда Гримм иногда, по общему требованию делегатов, мастерски пел „иодль", эти странные горловые песни горцев; Серрати, главный редактор „Avanti", пел народные неаполитанские песни, Чернов сладеньким тенором пел „разбойничков", потом Гримм вставал и своим сухим деловым тоном, точно не он потешал только что публику иодлем, заявлял, что заседание немедленно открывается в другом зале. И все тотчас же поднимались с места и шли на работу.

Кроме Гримма, как организатора конференции, в Бюро были избраны: Лаццари, как представитель итальянской партии, авторитет которой чрезвычайно возрос в течение этой войны; д-р Раковский, представитель румынского пролетариата в балканской с.-д. федерации; известная голландская поэтесса и политическая деятельница Генриетта Ролланд-Хольст, в качестве секретаря конференции, и Анжелика Балабанова, как переводчица.

Среди участников конференции было несколько течений, и они уже обнаружились в докладах национальных делегатов и особенно во время прений по главному вопросу порядка дня: отношение к войне и борьба за мир.

Одна часть конференции, стоявшая на крайней левой, исходила из того, что старые социалистические партии, как германская и французская, связывая свою судьбу с судьбой капиталистических государств в наиболее ответственный период европейской истории, тем самым политически ликвидировали себя не только на этот критический период, но навсегда. Рабочие партии смогут возродиться только из новых элементов. Они должны повсюду поднять знамя раскола и порвать все организационные связи с политиками Burgfrieden'а и l'union sacrée (гражданского мира). Наиболее ярким выразителем этой группы являлся на конференции Ленин; к нему и его ближайшим друзьям более или менее тесно примыкали шведский депутат, вождь группы левых, Хеглунд, и руководитель норвежского союза молодежи Нёрман.

К другой группе, игравшей на конференции в известном смысле роль „центра", примыкало некоторое число делегатов, которые с не меньшей, чем первая группа, враждой относились к политике официальных западно-европейских партий. Но они не считали в тот момент организационный раскол обще-обязательным условием работы в духе интернационализма. Представители этой группы, как и крайней левой, исходили из того, что крушение Второго Интернационала есть результат целой исторической эпохи политического застоя и неподвижности международных отношений, по крайней мере, в Западной Европе. Целое поколение в рабочем движении сложилось в атмосфере систематического приспособления к парламентарному государству и в критический для этого государства момент связало свою судьбу с его судьбой. Представители этой группы считали, как и левые, что эпоха после войны не будет ни в каком смысле возвратом к прошлому, точно

ничего не случилось. Глубокие перемены произойдут и в недрах социалистических партий. Но поскольку дело идет о массовых организациях, как на Западе, организационный раскол, по мнению центра, не вытекает еще из политической необходимости. Дело идет пока что о непримиримой идейной и политической борьбе за влияние на массы внутри организаций. К этой второй группе принадлежали левые элементы немецкой делегации („спартаковцы"), Ролланд-Хольст, Балабанова, часть итальянских делегатов, часть русских, балканских и швейцарских делегатов.

Наконец, третью группу составили наиболее умеренные элементы, которые главную задачу конференции видели в демонстрации за мир, в большинстве своем надеясь, что после прекращения войны нынешняя националистическая зараза в рабочем движении пройдет и все вернется в старую колею. В эту умеренную группу входила часть немецких делегатов, французы, часть итальянцев [1]).

Совершенно ясно, что эти три группировки должны были сказываться в неодинаковом отношении к задачам конференции. В то время, как первая группа тяготела главным образом к более тесному подбору единомышленников для борьбы внутри старых партий во имя полного разрыва с социал-национализмом, третья группа хотела ограничить всю конференцию идеей манифестации за мир.

За отказом большинства конференции от выработки программо-тактической резолюции, на левое крыло ложилась забота о том, чтобы ближайшая задача возрождающегося Интернационала, борьба против войны, была поставлена на революционно-классовые рельсы. Мы считаем, что эта цель была достигнута в наивысшей мере, какая допускалась положением вещей.

Генеральные прения по этому вопросу касались основных причин и „непосредственных виновников" войны, оценки поведения официальных социалистических партий и пассивной полуоппозиции (воздержание при голосовании кредитов), наконец, тех сил и средств, какие имеются в распоряжении пролетариата для борьбы за мир и для воздействия на его условия.

---

[1]) Группировки, как они бегло намечены здесь, развернулись и упростились. Группы, занимавшие до известной степени центровую (но отнюдь не „центристскую") позицию на конференции, слились с крайней левой. Циммервальдская правая заняла место в каутскианском „центре",—между революционным коммунизмом и социал-патриотизмом.

Аксельрод еще в своем докладе высказал тот взгляд, что мерить одним аршином поведение французской и немецкой социал-демократии, игнорируя непосредственных виновников войны и разницу военного положения стран, значит проявлять не интернационализм, а „цинизм". Эту же точку зрения, только в еще более категорической форме, выразил позже один из итальянских делегатов, отделившийся в этом вопросе от своей делегации. Конференция решительно отказалась следовать по этому пути. Как бы ни обстояло дело с так называемой „непосредственной" (дипломатической и проч.) ответственностью за войну, свалка европейских народов явилась результатом всей политики империализма. Она обнажила *основные* интересы капиталистического общества и привела в движение его *основные* силы. В этой мировой катастрофе, где мечется жребий о судьбе всей европейской культуры, пролетариат может и должен руководствоваться своими *основными* историческими интересами, а не нюансами в политике своих национальных правительств или преходящими стратегическими ситуациями. Пленение социалистов национальным блоком, как отметил в прениях делегат „Нашего Слова", *психологически* более объяснимо в странах, подвергшихся вторжению, чем в странах победоносных, но политически оно там, как и здесь, одинаково обессиливает и деморализует пролетариат. Задача конференции не в том, чтобы изыскивать смягчающие вину обстоятельства для национальных разновидностей социал-патриотизма, а в том, чтоб повести против него отныне одновременную и координированную борьбу во всем Интернационале.

Тенденция части немецких и французских интернационалистов ограничиться отвержением национального блока, не подвергая оценке политики плененных блоком социалистических партий, разошлась с общим настроением. В конце концов, торжествующий социал-национализм был оценен и заклеймен, как он того заслуживает.

Были представлены три проекта воззвания: редакции „Социал-Демократа", правой части немецкой оппозиции и делегации „Нашего Слова".

Проект „Социал-Демократа" пытался дать, в духе отвергнутой резолюции, указания на определенные методы борьбы. Можно было расходиться во взглядах на то, в каких *пределах* было уместно перенесение чисто-тактических указаний из резолюции в

воззвание; но, совершенно независимо от этого, ясно было, что после того, как была отвергнута резолюция, не было никаких надежд на перенесение основных тактических мыслей резолюции в другой документ... Основным грехом проекта „Социал-Демократа“ было нерешительное, уклончивое, двойственное отношение к лозунгу борьбы за мир. Т. Ленин достаточно обнаружил, особенно на предварительном совещании, как раньше в своих рефератах и статьях, что он лично относится к лозунгу борьбы за мир совершенно *отрицательно*. Его политическая позиция в этом вопросе исчерпывается афоризмом, гласящим, что нашей задачей является заставить пушку 42 не замолчать, а служить нашим целям. Несомненно, отличие революционеров от пацифистов состоит, между прочим, и в том, что мы и военные средства хотим превратить в орудие пролетарской революции. Но совершенно неправильно *противопоставлять* эту задачу борьбе за мир. Для того, чтобы немецкий пролетариат захотел направить пушку 42 против своих классовых врагов, он должен перестать хотеть направлять ее против классовых собратьев, — другими словами, он должен объединиться на враждебном отношении к *этой* войне, истребляющей и обескровливающей его самого и его социального союзника по ту сторону траншеи. Лозунг прекращения войны для социалистического пролетариата есть лозунг классового самосохранения, интернационального сближения и потому предпосылка революционного действия. Между тем в проекте „Социал-Демократа“, как и во всей его платформе, лозунг мира фигурировал не как центральный для момента клич пролетариата, мобилизующегося против милитаризма и шовинизма, а как половинчатая уступка чистого революционного духа пацифистской человеческой плоти.

* * *

Проект манифеста, выработанный более умеренными элементами немецкой оппозиции, ставил в центре всего вопрос об условиях будущего мира: никаких аннексий и насильственных экономических присоединений, право наций на самоопределение. Не раздалось ни одного голоса против самой необходимости формулировки этих условий. Европейская война в самой острой форме поставила вопрос о судьбе мелких и слабых наций (Бельгия, Сербия, Польша, Украина, Армения...) и формах сожительства больших наций. Было бы политическим нигилизмом игнорировать

эти вопросы, противопоставляя им голый лозунг мира. Пролетариат должен иметь свои принципы, которые он стремится положить в основу сожительства наций путем своей революционной борьбы и победы. Социал-милитаристы (Вальян и К°) формулируют принципы „демократического“ мира и поручают его осуществление национальному оружию. Социал-пацифисты (Каутский и др.) формулируют аналогичные принципы („против аннексий“). Но так как они фактически мирятся с „гражданским миром“ и руководство пролетариатом оставляют в руках социал-империалистов, пацифистские принципы служат им только для очистки совести. Революционные социалисты формулируют принципы сожительства народов („условия мира“), как те лозунги, под которыми они мобилизуют пролетариат против войны и притязаний империализма; под этими лозунгами они будут вести борьбу против дипломатического живодерства будущего мирного конгресса; вместе с тем они выясняют массам и доказывают на живом опыте событий, что осуществление свое эти принципы могут получить только в результате завоевания пролетариатом государственной власти.

Программа мира, за которую должен бороться пролетариат, была дословно—и без принципиального обсуждения—перенесена из проекта немецкой оппозиции. Насколько полно эта программа отвечает потребностям исторического развития, вопрос, который подлежит еще принципиальному обсуждению. Самый проект, выработанный правой частью немецкой оппозиции, был, однако, в целом неприемлем, так как, не давая оценки поведению социалистических партий и не выдвигая с необходимою решительностью связи между „условиями мира“ и революционной борьбой, проект впадал в пацифистский тон.

Третий проект (делегата „Нашего Слова“) был формулирован в духе основных мыслей, развиваемых в настоящих заметках.

Все три проекта были в качестве материала переданы в комиссию в составе 7 членов. Комиссия наметила основные тезисы и поручила выработку окончательного текста Гримму и представителю „Н. С.“. Их проект с некоторыми второстепенными поправками был одобрен комиссией и затем единогласно принят совещанием.

Три поправки к окончательному тексту комиссии, исходившие от трех русских групп, были отвергнуты.

Первая поправка была внесена редакцией „Социал-Демократа“: она давала резкую характеристику позиции Каутского, выражала

именное одобрение Либкнехту и с такой персонификацией тактических оценок, применительно к одним только немецким условиям, была неуместна в данном документе. По настоянию всей комиссии она была взята обратно.

Поправка с.-р. требовала, чтобы наряду с империализмом в качестве причин войны были указаны „силы прошлого“ (династии и пр.). Авторам ее указали на то, что не Марокко с его „силами прошлого“ аннексировал Францию, а наоборот, буржуазная республика аннексировала Марокко. Империализм выше политических форм и пользуется всеми ими для своих целей. Поправка была отклонена.

Третья поправка исходила от делегации О. К. и двух польских организаций. Она давала детальную характеристику неизбежных социальных последствий войны: гибель промежуточных классов, рост силы и влияния синдикатов, трестов и финансового капитала, обострение социальных противоречий и классовой борьбы. Отсюда вытекала перспектива социально-революционных потрясений. В этой очень пространной поправке наряду со спорными положениями были совершенно неоспоримые мысли, относительно которых разногласия могли быть только на счет степени их уместности в данном документе. Но поправка была внесена слишком поздно, чтобы подвергнуться детальному обсуждению.

Из всего сказанного выше о составе и политических настроениях ясны те пределы, за которые не мог переходить этот документ. Он совершенно определенен в своем отношении к войне и ее национально-освободительной идеологии, ко всем формам военного сотрудничества партий и к официальному социал-патриотизму. Но в области оценки исторической эпохи и в сфере методов борьбы он сохраняет несомненную неопределенность, отражающую чисто-критический характер интернационалистской оппозиции в старейших партиях, где политическое руководство остается в руках социал-патриотов. Документ говорит далеко не все то, что можно бы и должно бы сказать массам. Но это максимум того, что можно было сказать в данных условиях. И в этом документе отражается несомненно огромный шаг вперед, сделанный интернационалистской оппозицией со времени катастрофической капитуляции социалистических партий.

Париж, 14 октября 1915 г.

Манифест интернациональной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария).

Пролетарии Европы!

Более года длится война. Миллионы трупов покрывают поля сражений, миллионы людей превращаются на всю жизнь в калек. Европа превратилась в гигантскую человеческую бойню. Трудами многих поколений созданная культура отдана на расточение. Самое дикое варварство торжествует ныне свою победу над всем, что составляло гордость человечества.

Какова бы ни была правда относительно непосредственной ответственности за возникновение войны — одно несомненно: война, породившая этот хаос, является плодом империализма, то-есть стремления капиталистических классов каждой нации питать свою жажду прибыли эксплуатацией человеческого труда и естественных богатств всего мира.

Хозяйственно отсталые или политически слабые нации попадают при этом в кабалу к великим державам, которые стремятся в этой войне кровью и железом, в соответствии со своими интересами, перекроить заново карту Европы. Целым народам и странам, как Бельгия, Польша, балканские государства, Армения, грозит судьба стать предметом торговли в игре компенсаций и быть аннектированными целиком или кусками.

Движущие силы войны обнажаются в ее течении во всей своей низменности. Лоскут за лоскутом спадает тот покров, который должен был скрывать смысл мировой катастрофы от сознания народов. Капиталисты всех стран, которые из пролитой народной крови чеканят червонное золото барыша, утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов. Они лгут. На самом деле они погребают на полях опустошений свободу собственного народа вместе с независимостью других наций. Новые путы, новые цепи, новые тяготы вырастают из войны, и пролетариату всех стран, победоносных, как и побежденных, придется влачить их на себе. Подъем благосостояния был возвещен при начале войны — нужда и лишения, безработица и дороговизна, голод и эпидемии являются действительным последствием ее. Военные расходы будут в

течение десятилетий поглощать лучшие силы народов, угрожая уже завоеванным социальным реформам и препятствуя каждому шагу вперед.

Культурное опустошение, экономический упадок, политическая реакция — таковы благословенные плоды этой ужасающей резни народов.

Так война раскрывает подлинную сущность новейшего капитализма, который стал несовместимым не только с интересами рабочих масс, не только с потребностями исторического развития, но и с элементарнейшими условиями человеческого общежития.

Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов, — монархические, как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь, — они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов.

Рабочие!

Эксплуатируемых, бесправных, униженных — вас при возникновении войны, когда нужно было посылать вас на бойню, навстречу смерти, назвали товарищами и братьями. А теперь, когда милитаризм вас увечит, терзает, унижает и губит, правящие требуют от вас отказа от ваших интересов, ваших целей, ваших идеалов, словом: рабского подчинения так называемому национальному единству. Вас лишают возможности выражать ваши взгляды, ваши чувства, вашу скорбь, вам не дают выдвигать ваши требования и отстаивать их. Пресса подавлена, политические права и свободы растоптаны ногами — военная диктатура правит бронированным кулаком.

Мы не можем, мы не смеем более молчаливо переносить это положение, которое угрожает всей будущности Европы и человечества. В течение десятилетий социалистический пролетариат вел борьбу против милитаризма. С возрастающей тревогой его представители занимались на национальных и интернациональных съездах вопросом о все более угрожающе выраставшей

из империализма опасности войны. В Штуттгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы.

Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в этих постановлениях, попрали, однако, с начала войны, ложившиеся на них обязательства. Их представители призвали рабочих к приостановке классовой борьбы, единственно возможного и действительного средства освобождения пролетариата. Они голосовали за военные кредиты в распоряжение господствующих классов, они предоставили себя в распоряжение правительства для разных услуг, через посредство своей прессы и особых послов они пытались перетянуть нейтральных на сторону политики своих правительств, они предоставили, под видом социалистических министров, своим правительствам заложников для охранения национального единения, и таким образом они взяли на себя пред рабочим классом, пред его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы. И подобно отдельным партиям несостоятельным оказалось также и призванное представительство социалистов всех стран: Международное Социалистическое Бюро.

Эти обстоятельства являются одной из причин того, что интернациональный рабочий класс, который не поддался национальной панике первого периода войны или освободился от нее, еще до сих пор, во втором году резни народов, не нашел никаких средств и путей, чтобы приступить к решительной борьбе за мир одновременно во всех странах.

В виду этого нестерпимого положения, собрались мы, представители социалистических партий, профессиональных союзов и их меньшинств, мы, немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы и швейцарцы, мы, которые стоим не на почве национальной солидарности с классом эксплуататоров, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и на почве классовой борьбы, мы собрались для того, чтоб вновь восстановить порванные международные связи и призвать рабочий класс вспомнить о своем долге по отношению к самому себе и приступить к борьбе за мир.

Эта борьба — борьба за свободу, за братство народов, за социализм. Необходимо начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Такой мир возможен только при осуждении всяких

помыслов о насилии над правами и свободами народов. Занятие целых стран или их отдельных частей не должно вести к насильственному присоединению. Никаких аннексий, ни открытых, ни скрытых, никаких насильственных экономических присоединений, которые вследствие неизбежно связанного с ними политического бесправия носят еще более невыносимый характер. Самоопределение наций должно быть непоколебимой основой национальных отношений.

Пролетарии!

С начала войны вы отдали вашу действенную силу, вашу отвагу, вашу выносливость на службу господствующим классам. Теперь вы должны начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма, за освобождение подавленных народов и порабощенных классов,—путем непримиримой пролетарской классовой борьбы.

Задача и обязанность социалистов воюющих стран—приступить со всей решимостью к этой борьбе, задача и обязанность социалистов нейтральных стран — поддержать всеми действительными средствами своих братьев в этой борьбе против кровавого варварства.

Никогда раньше в мировой истории не было более настоятельной, более высокой, более благородной задачи, выполнение которой должно явиться нашим общим делом. Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели: мира между народами.

Рабочие и работницы! Матери и отцы! Вдовы и сироты! Раненые и искалеченные! Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы взываем:

Через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни:

Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

Циммервальд (Швейцария), сентябрь 1915 г.

Выводы.

На частном предварительном совещании группа, примыкающая к позиции „Социал-Демократа" (делегация Ц. К. и польская „оппозиция") формулировала свою позицию следующим образом: осудить официальные социалистические партии; формулировать принципы революционно-классовой политики и объединить на них левую часть единомышленников. Задача массовой борьбы за мир не была в этой постановке даже упомянута. Ленин в своей речи—наиболее принципиальная речь была им произнесена именно на этом предварительном совещании—доказывал, что лозунг борьбы за мир лишен революционного содержания.

Прямо противоположную позицию занимал Аксельрод. На одном из официальных наших заседаний, при рассмотрении вопроса о способе голосований, Аксельрод доказывал, что сейчас перед нами борются две основные тенденции: одна хочет использовать совещание, или вернее его часть, объединив ее на определенной революционно-тактической платформе, как краеугольный камень для постройки Третьего Интернационала; другая — хочет, опираясь на все социалистические элементы, отрицательно относящиеся к войне, — начать международную кампанию в пользу мира, считая, что этот именно путь лучше всего может вести к воссозданию Интернационала.

Представитель „Нашего Слова" доказывал в противовес этому, что кроме двух указанных тенденций, имеется третья, которая придает огромное значение кампании за мир, считая, что только под этим лозунгом может сейчас итти действительно широкая мобилизация масс; но которая в то же время хочет агитацию за мир поставить сейчас же на рельсы революционно-классовой тактики, определить свое непримиримое отношение к господствующему социал-националистическому курсу и попытаться тем самым уже настоящее совещание сделать отправным моментом в работе по воссозданию Третьего Интернационала.

Редакция „Социал-Демократа" представила проекты двух документов: тактической резолюции и обращения к массам.

Тактическая резолюция характеризовала войну, как империалистическую, осуждала социал-национализм и безразлично-выжидательное течение „центра" (Каутский и др.), отвергала все формы

„гражданского мира“, выдвигала, в качестве очередной международной задачи, борьбу за мир, требовала разрыва с легализмом во что бы то ни стало и социально-революционного использования ситуации, созданной войной, и ее последствий. Эта резолюция представляла собою крупнейший шаг вперед—в сторону действительного революционно-социалистического интернационализма. Она не упоминала о том, что „поражение России есть меньшее зло“ (можно себе представить, какой прием оказала бы этому национально-русскому тезису немецкая оппозиция!), она не возводила раскола рабочих организаций в принцип; она признавала, наконец, революционное значение борьбы за мир. В этих пределах в проекте резолюции отсутствовало все то, что отделяет позицию „Социал-Демократа“ от позиции „Нашего Слова“... Представителю „Нашего Слова“ оставалось только заявить о своей солидарности с основными тезисами резолюции и предложить передать ее в комиссию для более счастливой формулировки. К сожалению, резолюция не собрала большинства. За передачу ее в комиссию собрано было только 13 подписей.

Большинство участников, сходившееся на общих отрицательных задачах: против войны, против национализма, против национального блока, не отдавало себе ясного отчета в тех положительных революционных задачах, которые ставит перед социалистическим пролетариатом нынешняя эпоха. Иначе сказать: если все были единодушны в своем стремлении бороться против подчинения пролетариата буржуазной государственной власти, то большинство не было готово поставить революционную борьбу за завоевание государственной власти пролетариатом в порядок дня.

Это не случайность. Крайне незначительная сила сопротивления, обнаруженная массами с начала войны, подсекала крылья революционной мысли. Пессимизма нет, наоборот, у всех интернационалистов есть—на основании объективного хода событий — глубокая уверенность в том, что раньше или позже будет праздник и на улице революционного социализма. Но носитель революционного социализма, пролетариат, представляется многим после опыта войны недостаточно подготовленным. „Мы собрали вокруг себя четыре миллиона избирателей, — рассуждал один из левых немецких интернационалистов, — а война вскрыла, что идеями научного социализма пропитался только немногочисленный авангард

пролетариата. Прежде чем поставить практически вопрос о социальной революции, необходимо подготовить пролетариат"…. Такая постановка вопроса совершенно неисторична: для нее вопрос о „подготовке" пролетариата к революционному действию растворяется в социалистической пропаганде. Но если наша работа в течение двух рабочих поколений „не подготовила" пролетариат к социальной революции, то где надежда, что наши усилия окажутся успешнее по отношению к третьему поколению? Было бы достойно школьного учителя, а не исторической партии возлагать все свои надежды на изменения и улучшения в системе пропаганды. Очевидно, центр тяжести лежит в характере исторической эпохи. И если верно, что бурная эпоха, в которую нас ввела война, должна вскрыть революционную энергию пролетариата, то нужно отдать себе отчет в той новой опасности, которая отсюда вырастает перед социализмом. Потерпев жестокое разочарование в начале войны, сведя вследствие этого к минимуму свои ближайшие политические ожидания и расчеты, левое крыло международной социал-демократии, из опасения забежать вперед, может безнадежно отстать от революционизируемой войною массы. Нельзя ни на минуту закрывать глаза на эту опасность. Готовить пролетариат к социальной революции и самим готовиться к ней означает сейчас для революционных социал-демократов брать на себя инициативу *действенного* противопоставления пролетарского авангарда империалистической буржуазной нации...

Задачей левого, революционно-марксистского фланга интернационалистов является поэтому дальнейшая настойчивая пропаганда социально-революционных путей и методов международной борьбы пролетариата.

Из отчетов, работ и бесед вырастала снова—в своем общеевропейском масштабе—картина падения Интернационала, капитуляции сильнейших партий, организаций, идейное и моральное банкротство вождей, которые держались на своих постах только силой инерции. Отдельные эпизоды картины, воспроизведенные непосредственными наблюдателями и участниками событий, потрясали и теперь, через год, переживанием того унижения, через которое прошел в этой войне социализм. В докладах, свободных по форме, и в частых возгласах слушателей было много возмущения и гнева, но не было, несмотря на все, нот пессимизма. Все чувствовали, что катастрофа только обнаружила в конец

пережившую себя систему понятий, методов и настроений в социализме. Самое революционное, по своим целям, движение бюрократизировалось, окостенело, идейно загнило в условиях неподвижности. Сложилось и состарилось целое поколение вождей, автоматически воспроизводивших одни и те же приемы, повторявших одни и те же выветрившиеся от употребления слова. Они были, эти вожди, в революционном, социалистическом смысле, целиком опустошены уже до этой войны. Катастрофа — только вскрыла это.

Если история не раз пользовалась бурями войны, чтобы вскрыть гнилость государственных организаций и ничтожество правящих, то на этот раз война понадобилась также и для того, чтобы обнаружить гнилость в здании социализма, подвергнуть убийственному испытанию его руководящие кадры, ставшие мертвым грузом движения, и расчистить, таким образом, пути для новых методов и для новых идей.

Перед нами—это нужно сказать с самого начала—не было еще совещания „новых людей", применяющих новые методы, отвечающие новым условиям эпохи бурь и потрясений. Участники в большинстве своем старые деятели движения, вышедшие из кадров Второго Интернационала. Это те элементы, которые, в силу благоприятных национальных или личных условий, сохранили в своем сознании революционную идею движения и сумели в нынешнем крахе удержаться на почве международной классовой борьбы. Однако, по всему своему политическому воспитанию они гораздо решительнее в отвержении социал-национализма, чем в прокладывании путей новым социально-революционным методам борьбы. Новый Интернационал нуждается в этих живых носителях старого опыта, не склонивших головы перед классовым государством. Но прежде всего он нуждается в новых людях, в представителях того молодого поколения, которое изживает теперь свои последние национальные реформистские иллюзии на полях битв, в земляных окопах, которое оформится в первых суровых социальных столкновениях масс с буржуазным обществом, где обе стороны, прошедшие через школу войны, не будут останавливаться пред методами открытого применения силы. В этом смысле приходится сказать, что Третий Интернационал еще впереди.

Совещание—только эпизод в том колоссальном историческом сдвиге, который вывел буржуазное общество из состояния не-

устойчивого равновесия и ребром поставил перед пролетариатом основной вопрос социального развития: империализм, война и кровавое рабство — или социальная революция? Но это в то же время — большой и содержательный эпизод. А для той стадии, через которую движение проходит сейчас, это—крупнейшее историческое событие.

Отчеты дали сравнительно мало новых фактов — тем, кто внимательно следил за жизнью Интернационала в эпоху войны. Но, связывая разрозненные факты в одну цельную картину, отчеты дали участникам два основных впечатления: как много было фальшивого, духовно-мертвого в колоссальном здании Второго Интернационала, и в то же время, какое огромное революционное наследство оставил он нам в сознании широких рабочих масс. Поистине, есть на чем строить; Третьему Интернационалу не приходится начинать сначала.

„Н. С.“ 3—6 октября 1915 г.

Отголоски Циммервальда.

1. Ответ Аксельроду.

Аксельрод вносит две второстепенные, хотя и существенные сами по себе поправки в мое, по памяти сделанное, изложение сущности его доклада. Оказывается, Аксельрод *не* противопоставлял „пораженцев“ остальным интернационалистам и о признании большинством российской социал-демократии лозунга Учредительного Собрания для ликвидации войны говорил не утвердительно, а в форме надежды. Обстановка, в которой читался доклад, вполне объясняет возможность невольных недоразумений, и я со всей готовностью принимаю обе поправки. Еще охотнее я принял бы третью: по вопросу о группе „Нашей Зари“. Но увы, по этому важнейшему вопросу Аксельрод не поправляет моего доклада, а наоборот, целиком подтверждает мое условно выраженное опасение. „Если мы верно поняли“,—писал я,—то интернационалистский лагерь, как его понимает Аксельрод, охватывает также и группу „Нашей Зари“. На это Аксельрод отвечает: „Если же Троцкому интересно знать, куда, по моему мнению, должна быть отнесена группа „Нашей Зари“, то я должен сказать, что не при-

числял и не причисляю этой группы к националистскому лагерю в указанном выше смысле“.

Мне не только „интересно знать“, мне это необходимо знать И не мне одному. Это всем необходимо знать. Не только потому, что сам по себе важен вопрос об отношении к определенной политической группе, но и потому прежде всего, что причисление группы „Н. Зари“ к тому или другому лагерю определяет то содержание, какое мы вкладываем в самое понятие интернационализма. Ибо именно в такую критическую эпоху, как переживаемая сейчас, когда отвергаются, искажаются или подвергаются сомнению основные ценности социализма, особенно непозволительны идейная расплывчатость и политическая бесформенность, которые означают худшую, ибо замаскированную форму капитуляции перед противником.

Мы вместе с нашими французскими друзьями считаем нынешнюю политику французской социалистической партии смертельно враждебной историческим интересам пролетариата. Группа „Н. З.“, наоборот, считает поведение французской социалистической партии вполне отвечающим интересам демократии и социализма. Как можем мы принадлежать к одному с ней идейно-политическому лагерю?

Группа „Н. З.“, исходя из своей оценки войны, как „оборонительной“ или „освободительной“ на стороне Согласия, приходит в России к политике „непротивления“. Правда, она оговаривается насчет необходимости продолжать борьбу с царизмом. Но борьба с царизмом на основе „непротивления“ есть фиктивная или воображаемая „борьба“ на основе фактической капитуляции. Как можем мы причислять к нашему лагерю группу, принципиальная позиция которой приводит ее к отказу от революционной борьбы с царизмом?

Политика прямой поддержки войны предполагает голосование за военные кредиты. Политика непротивления ведет к воздержанию от голосования. Так именно поступил Маньков, и наша редакция единодушно истолковала его поведение, как единственно возможный вывод из позиции „Нашей Зари“. Но с.-д. фракция исключила Манькова, и наша редакция единодушно опять-таки истолковала эту меру, как единственно возможный вывод из интернационалистской позиции. Как можем мы причислять к нашему лагерю группу „Н. З.“, раз за политические выводы из ее позиции приходится исключать депутатов из с.-д. фракции?

После сказанного остается совершенно непонятным, каким образом Аксельрод может считать, что „всякая надобность разбора“ моего комментария к докладу отпадает. Как раз наоборот. Единственный мой комментарий, выраженный в одной фразе, опирался не на „мифический“, а к сожалению, на очень реальный факт причисления Аксельродом группы „Н. Зари“ к интернационалистскому лагерю, который и должен быть объединен лозунгом „Всенародного Учредительного Собрания для ликвидации войны“. „Ясно,—писал я,—что в такой постановке вопроса лозунг Учредительного Собрания может в настоящий момент играть только одну роль: прикрывать непримиримое различие в отношении к войне и полную противоположность в вытекающей отсюда тактике“. Возражение Аксельрода целиком подтверждает всю основательность, выраженного мною, опасения. Мне остается только утешаться тем, что мои фактические погрешности во второстепенных пунктах косвенно содействовали внесению ясности в главный вопрос.

2. Австрийцы и Циммервальд.

По поводу моего отчета о конференции один товарищ, хорошо знающий австрийские условия, пишет:

„Ваше обличение австрийцев превращается в глубокую несправедливость по адресу австрийской оппозиции, работающей при условиях, с которыми и наши сравняться не могут. Более того. Никто не сделал попытки даже известить ее о конференции... В ближайшем будущем вы убедитесь, что и там имеются товарищи, которые имеют не только моральное, но и формальное право участвовать на будущей конференции от имени революционного социализма“. В намерения мои и отдаленнейшим образом не входило, разумеется, бросать камень в тех австрийских товарищей, которые ведут работу в духе революционного социализма. Я хотел только констатировать крайнюю слабость этого левого крыла — в результате той поистине печальной роли, которую в течение ряда лет играл, в лице наиболее выдающихся своих представителей, австрийский марксизм, истолковывавший и оправдывавший господствовавшую в партии политику оппортунизма и национализма. Ни один тактический вопрос не ставился ребром, ни одно идейное противоречие не разрешалось путем мужествен-

ной борьбы мнений. Мой корреспондент знает это так же хорошо, как и я. Если, действительно, никто своевременно не известил австрийских интернационалистов о предстоящей конференции, об этом нужно пожалеть. Но самой этой технической оплошности не случилось бы, разумеется, если бы австрийская левая была сколько-нибудь сильнее и энергичнее: она не могла бы не находиться в связи, по крайней мере, с германской оппозицией и не могла бы не узнать от нее о предстоящей конференции. Что революционный социализм поднимает голову и в Австрии, в этом я ни на минуту, конечно, не сомневаюсь и вместе с автором цитированного письма надеюсь, что на ближайшей конференции революционный пролетариат Австрии будет иметь достойных представителей.

3. Голландские экстремисты.

Организация голландских экстремистов („крайних"), формальных радикалов — по имени своего центрального органа они называются „трибунистами" — наотрез отказались присоединиться к манифесту циммервальдской конференции. Почему? Манифест-де является плодом компромисса, не обязует к действиям и заключает в себе требование права на национальное самоопределение, что может внушить массам иллюзию, будто национальное самоопределение осуществимо на основе капиталистического общества.

В этой аргументации элементы совершенно правильной критики соединены с суеверием кружковой ограниченности, и все в целом, как и полагается экстремистам, характеризуется полным отсутствием политических пропорций и перспектив[1]).

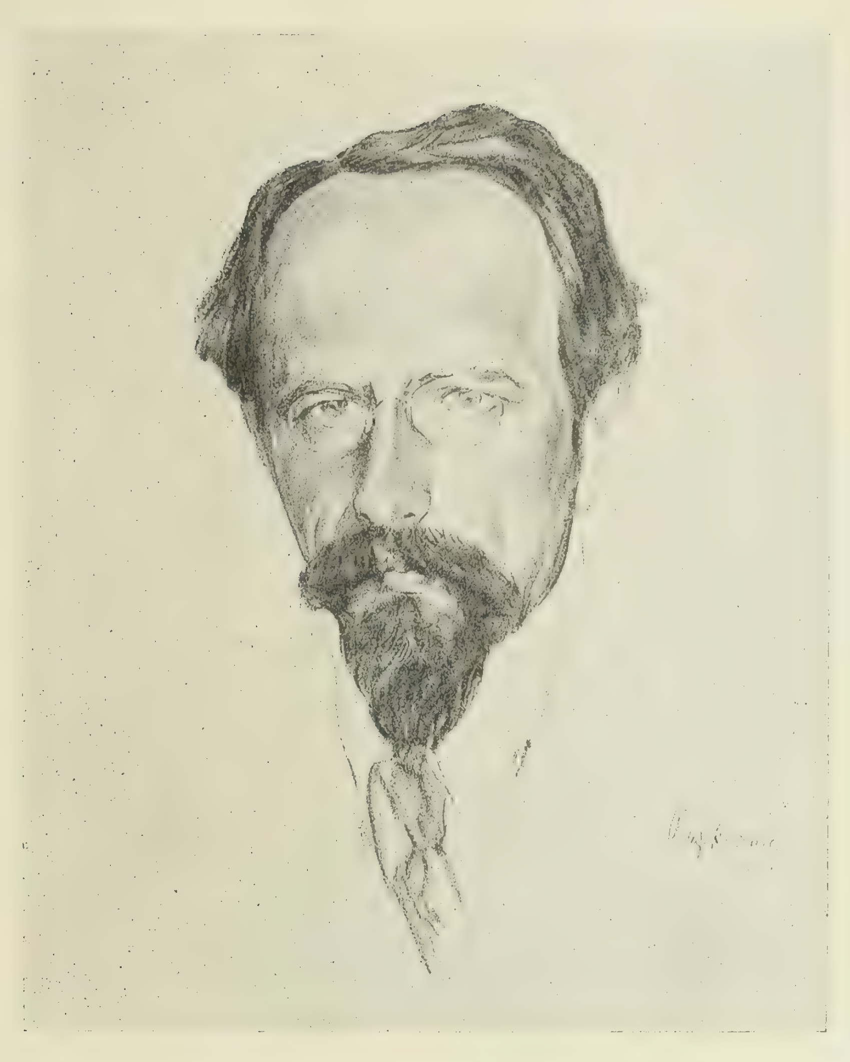
Одним из лидеров трибунистов является Панекук. В „Коммунисте" можно прочитать его статью, которая дышит революционным скептицизмом. Но скептицизм, как мы уже упоминали, прекрасно уживается с формальной „непримиримостью", более того: они дополняют друг друга. Сектант считает весь мир, кроме своего кружка, погруженным в скверну: это не может не настраивать его скептически, — и в то же время он неизбежно

---

[1]) Мы познакомились с позицией „трибунистов" по изложению „Lichtstrahlen" и опасаемся, не опущено ли там указание на „анти-революционный" „пацифистский" характер лозунга борьбы за мир.

должен стремиться как можно плотнее отгородиться от зараженного внешнего мира. Во всех смыслах поучительно, что наиболее чистую культуру формального экстремизма мы находим в Голландии, т.-е. в стране, которая не находится в войне и которая никак не может быть названа очагом социальной революции; достаточно сказать, что в социальных условиях Голландии „трибунисты“ в течение ряда лет никак не могут набрать более 500 членов в свою организацию.

„Н. С.“, 27--31 окт. 1915 г.



В. ПОЛЯНСКИЙ
(П. И. ЛЕБЕДЕВ)

VIII. Этапы.

Верно ли?

Верно ли, что так называемый „Союз освобождения Украины“, в состав которого входят кое-какие бывшие русские революционеры, состоит на содержании королевско-императорского габсбургского генерального штаба?

Верно ли, что „Вестник“ этого Союза, воспроизводящий прокламации со словами: „Хай живе социальна революция“, оплачивается из того же габсбургского источника?

Верно ли, что бывший русский революционер г. Микола Троцкий, адрес которого обозначается на немецких бюллетенях Союза, состоит на службе при венской полиции?

Верно ли, что эмиссары этого Союза, во оправдание габсбургского доверия и габсбургских ассигновок, разъезжают по Европе в поисках за такими русскими, и в частности кавказскими революционерами, которые согласились бы свою ненависть к царизму сочетать с любовью к габсбургской короне и особенно к габсбургским кронам?

Верно ли, что этих эмиссаров „освобождения“ уже спускали с кое-каких лестниц и притом преимущественно с верхних этажей?

„Голос“, 24 ноября 1914 г.

К 100-му номеру „Голоса“.

Дорогие товарищи!

Издание „Голоса“, как бы скромен ни был первоначальный замысел, сделалось для нашего партийного развития фактом первостепенной важности. А в тех условиях, в каких это издание было предпринято, в обстановке потрясающей катастрофы Интернационала, идейного разброда в среде русской эмиграции и военного положения в Париже, самая инициатива революционно-марксистского издания была гражданским подвигом, который не забудется. И я прошу позволения сказать это сегодня на страницах „Голоса“.

Первая сотня номеров газеты охватывает период, который можно считать в принципе завершонным, период сплошной идейной капитуляции, националистического отступничества и повальной патриотической фальсификации социализма. Решительная критика, оперирующая марксистским методом, была поэтому главной задачей „Голоса“ в первые три с половиной месяца его существования.

Сейчас в состоянии мирового социализма обозначился несомненный перелом. Во всех странах поднялся против социалистического национализма и империализма голос социально-революционного интернационализма. И он будет звучать отныне все громче и убедительнее для масс, проходящих через страшную школу войны.

Основная задача первого периода — критика, разумеется, не отпадает, — нам необходимо, в частности, со всей непримиримостью бороться с нашими русскими, трусливо-патриотическими фальсификациями марксизма, которые прикрываются тем более замысловатыми теоретическими постройками, чем более мизерный под ними политический фундамент. Но наряду с этой критической работой, все более выдвигается на передний план положительная, творческая: выяснение тех великих исторических задач, которые несет социалистическому пролетариату новая эпоха бурь и потрясений, и собирание во имя этих задач сил Третьего Интернационала. Эта новая работа сложнее и труднее прежней, но лишь в меру ее выполнения будет исторически оправдана наша непримиримая критика руководящих партий Второго Интернационала.

Необходима коллективная работа мысли, освобожденной от старой кружковой ограниченности, мужественной марксистской мысли, которая не страшится порывать с отжившими организационными рамками и политическими авторитетами, но, чуждая нигилизма, твердо стоит на почве идейно-политических завоеваний и теоретических традиций, завещанных нам всем прошлым социалистического движения.

Горячо желаю „Голосу“ успешно работать на этом пути.

С тов. приветом

Троцкий.

„Голос“, 8 января 1915 г.

До конца!

Крушение Интернационала, подготовленное условиями предшествующей эпохи, разразилось, как катастрофа. Возрождение Интернационала начинается, как сложный и трудный процесс.

Рабочие организации, слагавшиеся в кропотливой повседневной работе десятилетий, завоевали огромный авторитет в среде того класса, который они впервые призвали к сознательной общественной жизни; когда же эти организации пришли в противоречие с новыми вопросами и задачами, каких не знала предшествующая эпоха,— в этом и состоит сущность кризиса Интернационала,—влияние и авторитет старых рабочих организаций оказались сами по себе могущественным консервативным фактором, придавившим живую силу класса в самую критическую минуту европейской истории.

Все те стороны капиталистического строя, какие социализм неутомимо критиковал и обличал, нашли свое наиболее чудовищное выражение в войне; а между тем именно война отбросила старые социалистические партии на защиту той национальной и государственной почвы, на которой они выросли и сложились, обличая и критикуя ее. Выбитые из старого равновесия, рабочие массы оказались идейно дезориентированными, практически парализованными. И первые жестокие уроки войны только усугубляли чувства растерянности, скептицизма по отношению к собственным силам, беспомощности пред молохом капиталистической государственности. Освободившиеся от „нормального“ давления общественного мнения пролетариата, „вожди“ очутились под удесятиренным давлением общественного мнения беснующейся буржуазной нации и в своем политическом поведении дали потрясающие образцы патриотической разнузданности, политического подхалимства и прямого ренегатства.

В Германии, стране наиболее могущественной индустрии, наиболее тяжеловесного милитаризма и наиболее массовой социалистической партии, кризис социал-демократии принял наиболее катастрофический характер. Это дало повод иным Колумбам социалистического безвременья объяснять самый кризис Интернационала тлетворным влиянием „немецкого“ марксизма. Между

тем, в среде немецкой рабочей партии происходил все время, и притом именно под знаменем революционных заветов марксизма, процесс внутренней критики и революционного возрождения, который в последние недели привел к манифесту оппозиционного меньшинства. Несомненно также, что и международная женская конференция, крупнейший интернациональный акт эпохи войны, оказалась возможной главным образом благодаря инициативе и энергии немецких деятельниц женского рабочего движения.

Основное содержание этих двух выступлений исчерпывается словом *мир*. Но в этом слове целая революционная программа: программа разрыва „гражданского мира“, сплочения под классовым знаменем и наступления на правящие классы с их лозунгом— „до конца“. В прекрасных и отчетливых словах, оказавшихся невыносимо-отчетливыми для уха республиканской цензуры, манифест женской конференции призывает женщин трудящегося народа занять передовые позиции в борьбе за мир, за социализм, в борьбе—до конца!

Женщины-пролетарки, бесправные из бесправных, небрежно оставленные за бортом „гражданского мира“, осуществляемого главным образом через „мужскую“ парламентскую машину, наносят теперь своим выступлением этому насквозь лживому „гражданскому миру“ такую рану, от которой ему уж не исцелиться никогда.

Манифест, подписанный наиболее популярными именами оппозиционного меньшинства, идет к тем же целям несколько отличными путями. Он имеет в виду официальные социалистические партии и стремится подвинуть их на путь хотя бы самого скромного объединенного выступления за прекращение войны, надеясь несомненно на дальнейшую революционную логику событий. Но еще длящееся патриотическое пленение немецкой социал-демократии и упорная национальная ограниченность французской, — а к той и другой в первую голову обращается и в известных пределах приспособляется манифест — налагают отпечаток чрезвычайной осторожности на его текст.

Однако, совершенно независимо от того, откликнутся ли на призыв „ответственные“ и связанные по рукам и ногам верхи, как и независимо от формулированных в манифесте принципиальных начал будущего мира, значение которых целиком определяется стоящей за ними революционно-классовой силой, — а ее

еще только предстоит мобилизовать,—самое воззвание Цеткиной, Меринга, Люксембург, Либкнехта, Ледебура и Рюле является, наряду с манифестом женской конференции, фактом неоценимого революционного значения. Политически необходимые, эти документы сумеют проложить себе дорогу к умам и сердцам через все препятствия. Здесь мы вместе с нашими немецкими друзьями глубоко верим в революционную логику положения.

Интернационал находит себя. Его части начинают перекликаться друг с другом. Они формулируют программу своих будущих действий. И эту программу они выполнят—до конца!

„Н. С.“, 11 апреля 1915 г.

Первое мая (1890—1915).

Первомайское празднование, двадцатипятилетняя годовщина которого падает на сегодняшний день, было установлено на учредительном съезде Второго Интернационала. Укрепившись на национальной базе, созданной путем революций и войн, социалистические партии не могли не почувствовать потребности во взаимной интернациональной опоре и в совместной выработке линии поведения. Празднование Первого мая явилось внешним выражением интернациональных тенденций современного рабочего движения. Но может быть, следует сказать, что самый замысел придать пролетарскому интернационализму символический характер всемирного рабочего праздника отражал собою, в известном смысле, недостаточную выраженность интернационализма в рамках национальной политики рабочего движения. Так или иначе, но судьба пролетарского праздника тесно сплетается с судьбой Второго Интернационала, покрывая ту же эпоху и отражая все ее выдающиеся черты.

Первое мая не заняло в жизни международного пролетариата того места, которое в мыслях своих отводили ему участники Парижского конгресса.

В старейшей капиталистической стране, Англии, Первое мая в равной мере отражало как национально-поссибилистский характер классовой борьбы английского пролетариата, так и сектантски-пропагандистский характер английского социализма. Усыновленное профессиональными союзами, Первое мая было ассимилировано

консервативной обрядностью тред-юнионизма и служило делу пропаганды его очередных классовых задач, почти не возвышавшихся до социально-революционного обобщения. Как праздник боевого интернационализма, Первое мая оставалось в Англии не выступлением революционного рабочего класса, а манифестацией немногочисленных революционных групп в рабочем классе.

Во *Франции*, с ее задержанным экономическим ростом, с ее внешне-драматической, но бедной действительным движением вперед парламентской жизнью, Первое мая отражало все слабые стороны французского рабочего движения, относительную малочисленность пролетариата, его идейную несамостоятельность и прежде всего его организационную беспомощность. Сильные стороны французского рабочего класса: его политическая подвижность, как и его революционные традиции, не находили своего выражения в эту эпоху „органического" приспособления к экономическим и политическим условиям Третьей Республики и не налагали своего отпечатка на пролетарское празднование.

В *Германии* Первое мая, принципиально воспринятое социал-демократией, вошло, однако, как инородное тело, в организационный автоматизм рабочей партии и профессиональных союзов. Имея против себя превосходно сплоченный капиталистический класс и могущественную государственную машину, рабочие организации оказывались каждый раз перед опасностью сделать первомайское выступление исходным моментом острых экономических и политических столкновений и репрессий — и систематически уклонялись от конфликта. Вместо однодневного стачечного восстания Труда против Капитала, каким оно должно было быть по первоначальному замыслу, празднование Первого мая свелось к обычным в Германии массовым рабочим собраниям, рефератам о международной солидарности и проч.

С какой тревогой буржуазный мир встречал Первое мая в 1890 году, ожидая, что оно послужит непосредственным сигналом к революции пролетариата, — и как скоро правящие классы привыкли встречать майскую годовщину во всеоружии скептической усмешки или полицейской репрессии! Если социалистический конгресс 1889 г. хотел из Первого мая сделать символ пролетарской солидарности, то крайне уклончивый, осторожно-поссибилистский характер первомайского чествования явился символом слабости интернационалистских тенденций в рабочем движении прошлой

эпохи. Именно поэтому взгляд на судьбу пролетарского праздника за последнюю четверть столетия бросает луч яркого света на причины крушения Второго Интернационала. Уже в той преувеличенной заботливости, с какою непримиримым элементам социализма приходилось поддерживать огонек на первомайском жертвеннике революционному интернационализму, заключался очень тревожный симптом! Сколь неожиданными и катастрофическими ни казались бы нам „патриотические“ выступления парламентских фракций, факты национального перемирия, эксперименты военно-социалистического министериализма и проч. и проч., было бы, однако, слишком недостойным марксизма искать причины этих фактов в злой воле, моральной неустойчивости, в „измене“—или в недостаточном моральном самовоспитании, как говорят наши субъективисты, — вождей движения. Нимало не снимая ответственности с „вождей“ за их долю вины и нимало не ослабляя своей борьбы с ними, необходимо, однако, понять и признать, что все элементы катастрофы подготовлены были в предшествующую эпоху медленного организационного роста социализма на национальной базе в условиях непрерывно крепнущего империализма, в эпоху, когда идея международного единства рабочего движения сводилась на практике к периодическим попыткам выработать интернациональные нормы социалистической оппозиции на национально-государственной основе, а социально-революционный интернационализм превращался в слабое, бюрократизированное первомайское празднование, которое усыновлялось национальной практикой движения, как условная календарная дата, и тем заранее обрекалось на худосочие.

Хуже всего обстояло дело с первомайским праздником как раз в наиболее передовых странах, где национальные предпосылки капиталистического развития имелись уже налицо, и где классовая борьба „нормально“ развивалась, приспособляясь к роли, которую данная страна играла на мировом рынке, и к ее национальному парламентаризму, как арене борьбы за демократию и за социальные реформы. Период революционных движений против старого, феодального общества для этих передовых стран оставался уже позади. Период новых социальных конфликтов — борьбы пролетариата за политическую власть — еще не наступил. Идея революции оставалась либо как все слабеющее воспоминание, либо как теоретическое предвосхищение—и в том и в другом

случае слишком слабая, слишком бесплотная, чтобы непосредственно вдохнуть живую жизнь в первомайскую годовщину и сделать ее празднованием социалистических миллионов, готовящихся брать приступом капиталистическую крепость.

В странах востока Европы Первое мая играло в жизни пролетариата несравненно большую роль, наполняясь революционным содержанием и получая неожиданно широкий размах. В *России* Первое мая стало боевым знаменем уже на первых шагах пробуждения русского и польского пролетариата, и в дальнейшем рост революционного движения в стране непосредственно вел к росту значения первомайского праздника в жизни пролетариата. Для русского рабочего класса, начинавшего свою историческую борьбу с самыми реакционными силами прошлого, Первое мая стало сигналом его национальной революционной мобилизации, открывая перед ним вместе с тем „окно в Европу" — к перспективам мирового социалистического движения.

В изъеденной национальными противоречиями *Австро-Венгрии*, с ее старой монархией и старыми феодальными кликами, Первое мая стало знаменем, под которым пролетариат вел свои бои за демократизацию страны, за создание нормальной почвы сожительства наций и национальных осколков, а, значит, и нормальной почвы для своей собственной классовой борьбы. Элементарные потребности *государства национальностей*, стремившегося открыть капиталистическому развитию те же возможности, какие давало ему *национальное государство*, эти неразрешенные элементарные потребности толкали на боевой путь разноплеменный австрийский пролетариат, — и Первое мая являлось знаменем его сплочения во имя поставленных перед ним историей „предварительных" задач. После завоевания всеобщего избирательного права, обеспеченного главным образом русской революцией, Первое мая и в Австрии постепенно входит во все более тесные берега, как отголосок минувшей бурной эпохи.

Наконец, на *Балканском полуострове*, в условиях национальной и государственной чересполосицы, пролетариат на первых же своих шагах оказался поставленным перед вопросом о таких формах сожительства мелких наций, которые дали бы злосчастному полуострову возможность выйти из состояния национально-культурной анархии, обеспечить свою независимость от империалистических посягательств великих держав и развернуть „нормаль-

ную“ капиталистическую цивилизацию. Первое мая стало здесь праздником молодого пролетариата под знаменем борьбы за общебалканскую демократическую федерацию.

Другими словами: в странах Востока и Юго-Востока, где оставались неосуществленными национальные или государственные предпосылки капиталистического развития, где на долю пролетариата выпадало разрешение задач, с которыми не успела и не сумела справиться исторически запоздалая буржуазия Востока, там эти революционные задачи вливались с самого начала в пролетарское движение, давали ему бурный толчек, гнали его вперед через препятствия и против препятствий и придавали революционный размах его классовому празднику. Но этот революционный размах по существу питался не из общих интернациональных источников классовой борьбы пролетариата, а, наоборот, из тех национально-государственных особенностей, которые отделяли пролетариат Востока от его более передовых собратьев.

Двадцатипятилетие первомайского празднования совпадает с моментом полного крушения Второго Интернационала, полного отречения его руководящих партий от интернациональных обязательств. Будет поэтому только естественно, если в этом году Первое мая, оставаясь попрежнему символом судеб интернационализма за последнюю четверть века, даст картину слабости, распада и унижения. В Германии и Франции вопрос о первомайском празднике стоит в этом году главным образом, как вопрос о том, как бы поддержание бледной тени того, что само было только собственной тенью, не внесло диссонанса в политику национального единства и „войны до конца“; и как воспроизведение опустошенных подробностей первомайского ритуала не породило опасных ассоциаций в рабочих мозгах... И если отвратительной пародией кажутся „социалистические“ декларации депутатов, голосующих кредиты по международному братоубийству, то скверным кощунством явятся те речи и статьи в духе лицемерно-дипломатического интернационализма, которые произнесут и напечатают в этот день „ответственные“ социалистические министры, депутаты и журналисты, подлинные могильщики Второго Интернационала и первомайского праздника.

Но именно эти месяцы крайнего унижения международного социализма намечают новые перспективы движения и борьбы — прежде всего уже одним тем, что беспощадно вскрыли заложен-

ное в эпоху Второго Интернационала основное противоречие между социально-революционной целью и национально-поссибилистскими методами борьбы. Доведенное мечом борьбы до своего логического конца, это противоречие должно раньше или позже обнаружить не только свою разрушающую, но и свою творческую, свою освобождающую силу. Старые официальные партии ищут выхода из ущемившего их противоречия на пути циничного попрания интернациональной сущности классовой борьбы. Этим они не разрешают, однако, более глубокого противоречия, которое лежит в основе всей нынешней войны, руководит махинациями дипломатов, операциями полководцев и жалкими комбинациями социал-империалистов,—противоречия между интернациональными запросами хозяйственного развития и сковывающими его границами национального государства. Не только теоретический анализ, но и страшный девятимесячный опыт войны свидетельствует нам, что кровавая свалка народов не устранит ни одной из причин, не разрешит ни одного из вопросов, которые обусловливают революционную сущность рабочего движения. Не разрешив, война только обострит капиталистические противоречия. Они поднимутся снова из-под потоков крови и грязи и обнажатся завтра— они уже обнажаются сегодня — перед сознанием рабочих масс. Выхода из исторического тупика пролетариат вынужден будет искать на прямо противоположном пути: на пути ликвидации поссибилистской ограниченности своих методов, решительного отказа от так называемых национальных обязательств и непримиримой борьбы за завоевание государственной власти в той единственно-реальной форме, какая подготовлена всей предшествующей эпохой и ребром ставится нынешним чудовищным испытанием человечества,—в форме политической диктатуры пролетариата во всех цивилизованных странах капиталистического мира.

Чем более глубокие рубцы оставит опыт войны в сознании пролетариата, чем быстрее и бурнее пойдет процесс его эмансипации от нереволюционных методов, приемов и навыков прошлой эпохи, тем теснее, непосредственнее, кровнее и вместе с тем сознательнее будут становиться узы интернациональной солидарности, — уже не как принципа, не как предвосхищения, не как символа, а как непосредственного факта революционного сотрудничества на интернациональной арене во имя совместной борьбы против капиталистического общества. И можно думать, что и в

этом частном и подчиненном вопросе — вопросе революционного ритуала — Третий Интернационал не откажется от духовного наследства Второго. Наоборот, он явится прямым исполнителем его революционных заветов. В процессе революционизирования и интернационализирования рабочего движения празднование Первого мая приобретет то значение, которое ему отводили инициаторы Второго Интернационала. Оно станет интернациональным набатом социальной революции.

„Н. С.“, 1-го мая, 1915 г.

Доброджану-Гереа.

Наша Румынская партия праздновала 18 мая сорокалетие революционной деятельности своего основателя и идейного вдохновителя т. К. Гереа. Русский революционер-семидесятник „мимоходом“ остановился в Румынии накануне русско-турецкой войны,— и уже через несколько лет наш соотечественник, под именем Гереа, завоевал огромное влияние сперва на румынскую интеллигенцию, а затем на передовых рабочих. Литературная критика на социальной основе была главной областью, в которой Гереа, писатель „божьей милостью“, формировал сознание передовых групп румынской интеллигенции. От вопросов эстетики и личной морали он вел к научному социализму. Правда, эпоха интеллигентского социализма закончилась в Румынии более жестоким крахом, чем где бы то ни было. Среди румынских министров, дипломатов, префектов, можно найти не мало таких, которые у Гереа учились азбуке политического мышления. К счастью, однако, не они одни. С 90-х годов через марксистскую школу Гереа проходит первое поколение румынских рабочих-социалистов. Они становятся инициаторами—вместе с Гереа и Раковским—создания новой, рабочей социалистической партии в эпоху русской революции.

В 1908 г., после бурного восстания румынских крестьян, Гереа публикует свою книгу „Ново-крепостничество“, главный труд своей жизни.

Все противоречия социальной и политической жизни Румынии: кабальная зависимость крестьян, юридически отмененная, но фактически восстановленная логикой экономических отношений; парламентарный режим на азиатски-аграрной основе; „английские“

свободы для городов, старо-турецкий произвол в деревнях—все эти явления подвергнуты в большом труде Гереа поистине мастерскому анализу, в котором ясность и простота идут рука об руку с подлинной марксистской глубиной. Перевод этой книги на русский язык явился бы ценным вкладом в литературу русского социализма.

В эпоху балканской войны, как и теперь, Гереа вел и ведет непримиримую борьбу против посягательств румынского империализма за обще-балканскую демократическую федерацию. Он выковывал и оттачивал то оружие, которым румынские рабочие сражались и сражаются против патриотических поджигателей и отравителей. Со своим ясным, спокойно проницательным умом он остается незаменимым теоретическим советником румынского пролетариата. Пожимая руку нашего старшего друга, мы горячо желаем ему сил и здоровья для дальнейшей борьбы. О бодрости и вере в будущее мы не говорим, ибо в этих качествах у Гереа недостатка нет.

„Н. С.“, 29 мая 1915 г.

Задачи и методы нашей борьбы.

I. Распад и перерождение старых группировок в социализме.

Корни нынешнего кризиса в международном социализме глубоко заложены в предшествующей эпохе.

Те течения и группировки, какие окрепли и сложились в социалистических партиях в течение последних десятилетий, определялись в основе своей отношением к парламентаризму, как к орудию социальных реформ. *Анархизм* в принципе отрицал возможность и целесообразность использования демократических учреждений буржуазного общества в интересах социальной эмансипации пролетариата. Теоретически и практически побежденный марксизмом он снова и снова возрождался, как элементарная реакция революционных тенденций пролетариата против парламентарно-реформистского принижения его задач. *Социал-реформизм*, наоборот, целиком становился на почву демократической или полу-демократической конституции буржуазного общества и, ища опоры в нормальной игре его сил, питал себя надеждой перевести его безболезненно на рельсы социализма, путем по-

степенного упорядочения его внутренних отношений. *Социал-демократия*, в марксистской своей концепции, исходила из того соображения, что „нормальная игра“ сил буржуазного общества неотвратимо ведет к углублению социальных противоречий; что решение их мыслимо лишь путем завоевания пролетариатом господствующего политического положения в буржуазном обществе и, наконец, что демократический механизм создает незаменимую арену революционной мобилизации и политического сплочения пролетариата. Анархизм противопоставлял социальную революцию парламентаризму, как единственную реальность — утопии, как пролетарскую цель — буржуазному обману. Принципиальный оппортунизм растворял социалистическую проблему в частичном, парламентарном, в реформаторстве. Социал-демократия подчиняла парламентаризм революции, как средство цели.

Таковы три основных течения предшествующей эпохи. Характер этой эпохи создавал для них далеко неодинаковые условия проявления и развития. Анархизм либо совершенно отмирал в рабочих партиях, либо, в лице французского синдикализма, претерпевал глубокое внутреннее перерождение. Представляя выражение революционного классового инстинкта пролетариата в нереволюционную эпоху, синдикализм идейно упирался в тупик философии инициативного меньшинства или революционизирующего „мифа“ всеобщей стачки, а практически с большим или меньшим успехом приспособлялся к очередным потребностям профессиональной борьбы. Социал-демократия и идейно руководимые ею профессиональные союзы, сосредоточив все свои силы на борьбе за социальные реформы, которую она принципиально подчиняла социально-революционной цели, в своей практической деятельности и в психологии, которая на этой основе складывалась, сама подчинялась, в лице целого поколения, воздействию могущественной организации буржуазного государства; то, что в марксистской концепции, т.-е. по смыслу самого исторического развития, было средством, становилось самоцелью. В то время, как немецкий „центр“ принципиально мирился с объективно-обусловленной ограниченностью методов движения в данную эпоху, группируя в своих рядах — в гораздо большей степени, чем можно было предполагать до нынешнего исторического испытания — элементы косности и рутины, крайнее левое крыло немецкой социал-демократии, исходившее из общих с

центром теоретических предпосылок марксизма, стремилось толкнуть партию на путь более революционных методов борьбы; однако, все результаты его усилий, упираясь в объективно-обусловленную неподвижность политических отношений, не выходили за пределы внутрипартийной критики. Если при этих условиях реформизм не оказался полным хозяином положения на всем поле классовой борьбы пролетариата, то это не его вина: та самая „нормальная игра“ сил капитализма, на которую рассчитывали реформисты, в условиях быстро нарастающих мировых противоречий и вытекающего из них милитаристического расхищения народного достояния, совершенно вырывала в Германии почву из-под социальных реформ. Поскольку эти последние проводились за последний период в Англии и Франции, они не представляли никакого принципиального шага вперед по сравнению с тем, на чем приостановилось развитие социального законодательства в руководящей капиталистической стране, Германии. Вместе с тем рост цен полностью парализовал результаты как профессиональной, так и парламентской борьбы. Это положение в такой же мере создавало объективную опору для марксистской социально-революционнной концепции, в какой практика всех организаций пролетариата создавала психологическую предпосылку для реформизма. Поскольку офицеры и унтер-офицеры рабочей партии не попадали в плен к утопии принципиального реформизма, поскольку, с другой стороны, ограниченность политического кругозора не открывала перед ними революционных перспектив, постольку они неизбежно замыкались в культ организации, как таковой. Этот факт получил особенное развитие в классической стране социал-демократической организации, в Германии. Но организационный фетишизм, в свою очередь, открывал двери реформистской иллюзии — уже по одному тому, что политическое сознание класса „не терпит пустоты“.

Парламентарно-реформистский характер рабочего движения, целиком подчиняя его методы соображениям узко-национальных политических группировок и комбинаций, тесно сдавливал политическое сознание социалистических партий обручем национально-государственной ограниченности, отводя интернационализму место отвлеченного принципа. Война империалистических интересов, вскрыв основные пружины капиталистической политики всех стран и ребром поставив мировые экономические

АНЖЕЛИКА БАЛАБАНОВА

политические и национальные проблемы, не могла не обнаружить одним ударом всей национальной ограниченности и отсталости социалистических партий Второго Интернационала.

Но если рабочие организации в целом оказались „не подготовлены" к испытанию, то ясно, что и те внутренние группировки, которые сложились в социалистических партиях в прошлую эпоху, на основе ее „органических" методов работы, должны были в большей или меньшей мере обнаружить свое несоответствие с новыми условиями и проблемами, поставленными эпохой катастроф. Этот факт и бросается прежде всего в глаза. Марксисты Гэд, Гайндман, Плеханов заняли по отношению к войне принципиально ту же позицию, что и крайние реформисты, как Гейне или Зюдекум, или анархисты, как Кропоткин или Гильом. С другой стороны, во Франции мы наблюдаем, как синдикалисты в своем руководящем большинстве сближаются с патриотическими социалистами и, заодно со своей враждебностью к партии, ликвидируют свою враждебность к капиталистическому государству. Английская Независимая Рабочая Партия, несравненно более близкая принципиальному реформизму, чем марксизму, оказывается сейчас политически тесно сближенной с левым крылом германской социал-демократии, как и с левыми французскими синдикалистами. Эти последние, в лице Моната, Росмера, Мергейма и др., пришли в непримиримое противоречие с новообращенными „государственными" синдикалистами и в борьбе с ними не находят лучшего союзника, как немецкий „парламентарий" Либкнехт. Все эти иллюстрации — их можно бы умножить — свидетельствуют, что группировки, ускоренным темпом слагающиеся сейчас под непреодолимым давлением событий войны, ни в каком случае не совпадают с теми группировками, какие сложились в прошлую эпоху внутри социалистических партий и теперь разлагаются вместе с ними.

Но отсюда вовсе не следует, что проблемы, порождавшие старые группировки, просто идут на смарку. Вопрос о реформе и революции, как основа всех делений в социализме, не только не снят с порядка дня, — наоборот, он впервые поставлен теперь во всем своем объеме перед пролетариатом. Чистый реформизм, как политическая система, превратился в социал-империализм, ждущий от военной победы капиталистического государства новой эры социальных реформ. Ему может противостоять только рево-

люционный социализм, который руководящую задачу пролетариата в империалистическую эпоху видит не в борьбе за реформы, а в борьбе за классовую диктатуру пролетариата. Этой осложненной преемственности не должна скрывать от наших глаз полная перетасовка старых группировок, отбрасывающая многих и многих теоретических глашатаев социальной революции в лагерь национал-реформизма. Для понимания связи явлений нам необходимо только усвоить себе ту мысль, что фактическое противоречие между марксизмом, реформизмом и анархо-синдикализмом отнюдь не было в прошлую эпоху так глубоко, как глубоко это противоречие в принципе, и не только потому, что анархизм и реформизм вынуждены были в большей или меньшей мере проходить марксистскую школу, учась руководить рабочим движением, но и потому, что марксизм этой эпохи вынужден был развертывать преимущественно свою поссибилистскую сторону за счет заложенных в нем революционных возможностей. Отсюда та поражающая быстрота, с какою нарушаются старые группировки. Решающие перемещения, идущие по основной линии идейного межевания, глубоко прогрессивны, ибо приводят социализм в соответствие с новыми задачами мирового значения. Наоборот, попытки консервировать старые идейно-организационные группировки, минуя вопрос об отношении к центральному факту эпохи, войне и империализму, глубоко реакционны и заранее обречены на крах.

II. Новые группировки в социализме.

Группировки в Интернационале определяются сейчас отношением к войне. И здесь можно, без большого упрощения действительности, наметить три основных течения. Одно из них целиком становится на почву „приятия“ войны, связывает свою судьбу с судьбой одной из воюющих государственных групп и превращает рабочие организации в подсобный аппарат для подчинения пролетариата военным целям и методам этой группы. Это делается либо под знаком национальной самообороны, как в Бельгии, либо защиты демократии (Франция), либо под знаком обеспечения стране соответственного положения на мировом рынке (Германия) и пр., причем позиции эти в большей или меньшей степени осложняются искренним или лицемерным расчетом на

прогрессивные последствия поражения враждебной страны: Шейдеман надеется на революцию в России, Вальян и Плеханов — в Германии и т. д.

Те субъективные цели, во имя которых социалистические партии, фракции или отдельные лица подчиняют сейчас свою деятельность видам генеральных штабов, разумеется, не безразличны. Они могут в дальнейшем, в зависимости от хода событий, развести нынешних социал-милитаристов в разные стороны. Но сама война есть коренной факт в мировой жизни настоящего времени. Отношение к ней есть само по себе решающая программа. Оно не только определяет направление политических действий в настоящем (поддержка войны или борьба против нее), но и предопределяет в высокой мере те группировки, которые окончательно разовьются после войны. Длительная связь с милитаризмом, а значит и нравственно-политическая ответственность за последствия этой связи перед народными массами, может совершенно вытравить из сознания социал-милитаристов их первоначальные субъективные цели. То обстоятельство, что Бельгия — слабая нейтральная страна, а Германия — могущественное военное государство, что Франция — республика, а Германия — *полуфеодальная* монархия, нимало не изменяет значения того факта, что руководящие социалисты этих стран стали на позицию национальной обороны. Объективным следствием во всех этих случаях является политическое подчинение рабочего класса интересам и идеологии его классовых врагов. Вот почему с точки зрения интересов международного социализма социал-милитаристы всех разновидностей и разных степеней падения соединяются для нас в одну общую группу, несомненно господствующую сейчас в Интернационале, — причем ее господство и крушение Второго Интернационала представляют только разные названия для одного и того же факта.

В центральном течении стоят те элементы, которые, прямо не связывая или по крайней мере не отождествляя классовых задач пролетариата с победой оружия той или другой страны, видят в современном состоянии социализма лишь преходящий результат внешней катастрофы, по необходимости парализовавшей интернациональные чувства и связи пролетариата. Они совершенно закрывают глаза на то глубокое противоречие национальных тенденций и интернациональных задач, которое было

6*

заложено во Второй Интернационал, и теперь так трагически вскрылось в исторической капитуляции его руководящих партий. Социалистический Интернационал является по их успокоительному толкованию драгоценным орудием в мирную эпоху, но не пригоден к активной работе во время войны. Они предлагают поэтому терпеливо „переждать“ войну, мирясь с национальным пленением социалистических партий, как с преходящим явлением, чтобы затем на интернациональном конгрессе санкционировать по существу дела все происшедшее, взаимно амнистировать патриотические эксцессы и восстановить Интернационал на основе старых противоречий и недоговоренностей. К этому сводится в основе своей позиция Каутского. Некритический, отталкивающе-вульгарный оптимизм этой точки зрения является наиболее в своем роде законченным выражением идейного и политического банкротства влиятельных марксистских групп пред революционными проблемами новой эпохи. Невозможно не видеть, что в борьбе течений, на почве отношения к войне наиболее плачевное место занимает именно это течение оптимистической пассивности и политической выжидательности. Война умеет ставить вопросы в порядке исключительной неотложности, и кто не умеет давать на них ответы по существу, ответы, обязующие к действиям, тот фактически устраняется, очищая поле перед социал-милитаристами или перед революционными интернационалистами. Если продиктованные немецким „центром“ резолюции венской конференции являются документом полного бесплодия политической позиции, которая одновременно и „борется“ с войной, и санкционирует ее, то такие факты, как публичные выступления Гаазе против тех деклараций, которые он же в рейхстаге покорно оглашал, или как переход таких виднейших теоретиков немецкого социализма, как Кунов, с теоретической позиции Каутского на теоретическую позицию Бернштейна в поисках за обоснованием нового курса, дают яркие иллюстрации процесса расползания центра по всем швам. Во Франции этот процесс совершился быстрее и незаметнее.

Бессодержательная и уклончивая позиция „центра“ отражала в значительной мере политическую растерянность широких рабочих масс, которые естественно стремились в первую эпоху войны удержаться на старой внутренне-противоречивой идейной позиции, соединявшей социально-революционное отношение к империализму, с идеей защиты отечества, как арены национальной

культуры и национальной классовой борьбы. Показав нынешнее национальное отечество в самом концентрированном империалистическом действии и обнажив „защиту отечества“, как обслуживание империалистических интересов буржуазии, война обрекла формально-консервативную позицию центра на неизбежное и быстрое крушение. Под этим наиболее важным углом зрения распад центра является несомненным отражением глубоко-прогрессивной работы критики и — самопроверки, происходящей в широких массах социалистического пролетариата.

Наконец, третья группировка в Интернационале слагается из элементов, которые стремятся прежде всего враждебно противопоставить пролетариат войне, как факту, и всем оправдывающим ее логическим построениям. Как социал-националистическое течение становится под лозунгом „борьбы до конца“ (за республику, национальную независимость или рынки), так интернационалистское течение сразу стало под лозунг борьбы за мир, за немедленное прекращение войны. Все парламентские демонстрации сербских, русских, английских, немецких и итальянских интернационалистов, декларация английских социалисток, заявления Моната и Лионского союза синдикатов, женская международная конференция, конференция молодежи, демонстрация социалисток у рейхстага, манифест немецкого меньшинства, резолюция французского союза металлистов и первомайский номер этого союза — все эти факты, не считая некоторых выступлений нейтральных социалистов, дают яркое свидетельство того, какую огромную роль играет лозунг мира в мобилизации левого, интернационалистского крыла во всех странах, и какую глубокую политическую ошибку делала, а в значительной мере делает и сейчас группа „Социал-Демократа“, пытаясь предоставить этот лозунг в исключительное распоряжение сантиментальных пацифистов и попов.

Как под лозунгом войны до конца сгруппировались носители разных тенденций в социализме, так и под лозунгом „война войне“ стоят как те, которые стремятся по возможности скорее восстановить под ногами пролетариата „нормальную“ базу для его классового движения, все в той же форме борьбы за реформы и упрочение организаций, так и те, которые видят в этой войне кровавый пролог эпохи глубочайших социальных потрясений. Дальнейший ход войны и те или другие его последствия могут несомненно развести в разные стороны те глубоко различные

по своему идейному воспитанию и политическому прошлому социалистические элементы, которые сейчас объединяются борьбой за прекращение войны. Но с другой стороны мобилизация пролетариата против войны и милитаристического аппарата, — а таким аппаратом является сейчас все буржуазное государство, — способна сама по себе, в обстановке ускоренного развертывания событий, придавать борьбе за мир все более глубокое революционное содержание, и, в случае затяжного характера войны, которая пока еще только расширяет свою базу, усложняя свои методы и усугубляя их зверство, мобилизация рабочих масс против империалистической бойни может непосредственно привести к открытому столкновению между пролетариатом, в рабочей блузе или цветном наряде, и государственной властью. Начавшись с борьбы за прекращение войны, революционная мобилизация масс может закончиться завоеванием политической власти пролетариатом. Если события примут именно этот острый и решительный характер, то они неминуемо вовлекут в свой водоворот как умеренных интернационалистов, которые начали борьбу против войны без всяких революционных перспектив, так и анархо-синдикалистов, теоретически не справившихся с социально-революционной проблемой завоевания государственной власти. Само собою разумеется, что на нас, революционных интернационалистов, пользующихся марксистским методом ориентировки, ложится обязанность и сейчас выяснять пред рабочими массами всю остроту противоречий, в какие загонит буржуазное общество империалистическая война, и всю полноту революционных возможностей, какие она раскрывает пред пролетариатом.

Организационно-политическая работа по воссозданию Интернационала должна сейчас вестись в духе сплочения всех рабочих организаций и социалистических элементов, отвергающих гражданское перемирие с буржуазным обществом. Ни одного человека и ни одного гроша империалистскому государству! Было бы совершенно произвольным и глубоко-вредным выдвигать сейчас в этой работе какие-нибудь дополнительные критерии, отметая, скажем, тех, кто теоретически не стоит на позиции марксизма или не убежден, что Европа вступает в социально-революционную фазу развития. Но наша идейно-теоретическая, пропагандистская работа должна уже сейчас итти гораздо дальше. Она не может ограничиваться голой критикой военного мини-

стериализма, вотирования кредитов и пр., а должна, вскрывая ограниченность и противоречивость позиции Второго Интернационала, выяснять исторические предпосылки и условия новой социально-революционной эпохи и подготовлять таким путем сознание передовых рабочих слоев к разрешению задач невиданного еще в истории человечества размаха.

III. Раскол и единство.

В старых социалистических партиях интернационалисты находятся в меньшинстве, в России — в явном и несомненном большинстве. И там и здесь, высвобождаясь из старых группировок или стремясь завладеть оболочкой этих последних, они приходят в состояние острой политической враждебности с элементами социал-патриотического направления. Если в нормальное время, т.-е. в периоды медленных, молекулярных изменений в общественной жизни, политические разногласия, связанные с разной оценкой эпохи и с разным прогнозом, смягчаются тем, что обе стороны, ограждая единство пролетарской организации, выжидательно ставят свои разногласия под контроль будущих событий, то теперь, в условиях войны, которая в каждой стране умерщвляет ежедневно тысячи душ, расхищает ежедневно десятки миллионов рублей и влечет человечество в пропасть обнищания и одичания, в этих условиях противоречие в основном вопросе об отношении к войне — *за* или *против*, *да* или *нет* — принимает по необходимости исключительную остроту, не допускает длительно никаких уклончивых, обходных решений и потому фатально разводит противников в принципиально непримиримые лагери.

Каковы будут в дальнейшем организационно-политические отношения двух основных группировок в социализме: национально-реформистской и революционно-интернационалистской, когда они окончательно разовьются и укрепятся? И каковы должны быть организационные методы нынешней, сегодняшней борьбы интернационалистов за влияние, за преобладание, за господство в рабочем движении? Это два взаимно связанных, но отнюдь не тождественных вопроса.

Бесспорной целью нашей нынешней идейной и организационной борьбы является очищение Интернационала от социал-национализма, создание таких условий, при которых революционно-со-

циалистическая политика не только не могла бы подавляться националистическим большинством, но и парализоваться такой оппозицией, которая связью с буржуазной нацией дорожит больше, чем дисциплиной пролетарской организации. Вопрос состоит только в том, как этого достигнуть?

Нашу газету обвиняли и обвиняют, преимущественно элементы, связанные с Организационным Комитетом, в проведении раскольнической линии как в российской социал-демократии, так и в Интернационале в целом. С другой стороны, товарищи, группирующиеся вокруг „Социал-Демократа“, обвиняют „Наше Слово“ в так называемой „половинчатости“, в нежелании сделать надлежащие выводы из идейно-политической борьбы с социал-патриотами — выводы в сторону организационного раскола. И то и другое обвинение одинаково несостоятельно.

Отметая всякие эксперименты преждевременного, искусственного раскола, т.-е. раскола, не вытекающего неизбежно для массы из ее собственного политического действия,—в этом наше разногласие с „Социал-Демократом“, — мы в то же время, — и в этом наше глубокое отличие от наших критиков из другого лагеря, — ни в каком случае не считаем допустимым подчинять вопрос о решительности, полноте и непримиримости нашей интернационалистской критики и агитации опасениям того, что из этой работы может вытечь организационный раскол.

Идейно-политическая борьба между националистами и интернационалистами отправной своей базой имеет во всем Интернационале старые организации: партии и фракции. Их единство и ставится теперь историей на испытание. Можно считать уже сейчас несомненным, что многочисленные кадры социалистических деятелей навсегда утрачены для рабочего движения: часть этих сросшихся с легальным механизмом буржуазного общества элементов политически просто выйдет в тираж, часть будет отброшена логикой событий в лагерь классовых врагов пролетариата. Весьма вероятно далее, что если христианские, либеральные и даже желтые союзы собирали известное количество рабочих, то и теперь — в некоторых социально-привилегированных слоях пролетариата или в идейно наиболее отсталых его слоях — найдутся элементы, которые своей связью с буржуазным государством или идеологией патриотизма будут оторваны от классового движения пролетариата. Было бы совершенным чудом — чудом безболез-

ненного отрезвления рабочего класса в целом, чудом оптового политического возрождения Зюдекумов и Парвусов, — если бы германская социал-демократия, как единое целое, без внутренних организационных потрясений, вошла в новую историческую эпоху. Но чудес не бывает. С расколом, как с наиболее вероятной перспективой, считаются все серьезные политические деятели немецкой социал-демократии — при том не только левого, а и правого крыла. Но именно как *с перспективой*, а не как *с лозунгом* — по крайней мере, поскольку речь идет о левых. Немецким интернационалистам не приходит в голову из раскола делать принцип, предпосылаемый их политической работе по борьбе с социал-патриотизмом. Наоборот, они всеми силами стремятся удержаться в рамках старых организаций, начиная с парламентской фракции, в которой остается Либкнехт, с контрольной комиссией, в которой остается Клара Цеткин, и кончая любым избирательным окружным союзом. Для чего? Для того, чтобы завоевать могущественный аппарат немецкой социал-демократии для своих целей. Либкнехт, голосовавший против кредитов, не выступил из парламентской фракции, а оставался в ней, чтобы толкнуть Рюле к голосованию против бюджета и облегчить своим поведением для трех десятков менее решительных депутатов по крайней мере воздержание от голосования. Монат вышел в свое время из Конфедерального Комитета французских синдикатов, опубликовав свою мужественную декларацию, первый серьезный акт интернационализма во Франции эпохи войны. Но Мергейм, секретарь металлистов и единомышленников Моната, продолжает оставаться в Конфедеральном Комитете, где за ним стоят сейчас голоса восьми союзов. Более того: сильнейшая провинциальная организация, Союз Синдикатов Ронского департамента, мандат которой представлял Монат, целиком одобрив его декларацию, рекомендовала ему, однако, возвратиться в Конфедеральный Комитет для настойчивого проведения своей точки зрения. Вступающая на путь интернационализма федерация Haute Vienne бесконечно далека, разумеется, от мысли о выходе из французской социалистической партии. Английская Независимая Рабочая Партия, ставшая с самого начала войны в резкую оппозицию к патриотической политике Рабочей Партии, не сочла, однако, целесообразным организационно выступить из нее, несмотря на то, что имеет свой самостоятельный организационный аппарат.

Вопрос об организационном межевании меньше всего может рассматриваться, таким образом, как принципиальный догмат „интернационализма“, вне зависимости от внутренней жизни массовых рабочих организаций, этого единственного резервуара, из которого может питаться интернационалистское крыло. Сейчас, когда широкие массы рабочих не отдали себе еще отчета в последствиях подчинения своих организаций воюющему государству; сейчас, когда революционное интернационалистское сознание делает только первые серьезные завоевания на новой основе, лозунг организационного межевания означал бы просто закрепление за нами того небольшого круга единомышленников, который мы имеем в данный момент, и отделение его организационной переборкой от остальной массы пролетариата. Это лозунг самоизоляции. Если единство классовой организации не есть какой-либо абсолютный принцип, то это отнюдь и не голая форма без содержания. Принцип единства выражает глубокую потребность угнетенного класса в сплочении его сил, хотя бы на самой элементарной основе — для отпора классовым врагам. Этот принцип прививался пролетариату всем прошлым опытом его борьбы и всей пропагандой, освещавшей эту борьбу. Считаться с этим состоянием пролетарского сознания, как с мелочью или как с вредным балластом, не может ни один серьезный политик. На этом фундаменте мы будем строить и впредь. Во всей своей деятельности интернационалистам необходимо поэтому ставить своей целью не раскол, а политическое завоевание организаций, как таковых. Поскольку из борьбы с социал-патриотами вытечет организационный раскол с ними, он должен, во-первых, явиться перед рабочей массой неизбежным политическим выводом, единственным выходом из положения, и, во-вторых, политическая ответственность за раскол должна в сознании массы целиком падать на тех, кто сейчас принцип дисциплины и единства пролетарской организации ставит целиком на службу нашим классовым врагам.

Сейчас в меньшинстве, — мы, интернационалисты, твердо убеждены, что логика положения, несущая массам тягчайшие испытания и разочарования, работает за нас, что патриотические иллюзии, уже сейчас разрыхлевшие, завтра или послезавтра рассеются, как дым, и что тем решительнее будет пробуждение классовой непримиримости пролетариата. Сейчас в меньшинстве — не только на верхах, но может быть и в массовых рабочих орга-

низациях Интернационала, — мы ни на минуту не сомневаемся в нашем завтрашнем дне, и именно потому, несмотря на всю трагичность кризиса, наша работа проникнута организационно-политическим оптимизмом. Совершенно иначе обстоит дело с самочувствием социал-патриотов, из которых одни перестают дорожить связью с рабочим движением, другие сами пугаются той пропасти, куда тянут свою партию. В их среде возможны и неизбежны еще решающие передвижения. Именно в силу неустойчивости своего положения фракция рейхстага не решилась исключить Либкнехта. И совершенно прав был Либкнехт, который воспользовался этой нерешительностью парламентской фракции, чтобы оставаться в ее рядах, как элемент критики, обличения и движения вперед. Сегодня в большинстве, социал-патриоты, чувствуя, как опора тает под их ногами, могут завтра оказаться вынужденными в борьбе за самосохранение применить раскол, чтобы сохранить за собой то, что у них к тому времени еще останется. Но пусть это сделают именно они — течение, идущие на убыль, а не восходящее и уверенное в победе.

К той огромной работе, которая стоит сейчас пред интернационалистскими элементами во всех социалистических партиях, мы решительно отказываемся подходить с каким-либо верховным организационным критерием. Вопрос об организационных методах борьбы с социал-патриотизмом мы целиком подчиняем соображениям политической целесообразности. И мы глубоко убеждены, что в настоящий период, когда интернационалистам приходится только развертывать свою программу в рамках старых рабочих организаций, раскол оказался бы в подавляющем большинстве случаев нецелесообразным.

Эти общие организационные соображения получают свою силу только при одном основном условии—непримиримого идейно-политического размежевания со всеми разновидностями социал-патриотизма. Если бы Либкнехт, опасаясь возможности исключения или считаясь с постановлением фракции о внутренней в ней дисциплине, ограничился безмолвным воздержанием, он совершил бы бесспорно еще большую политическую ошибку, чем если бы по собственной инициативе вышел из фракции, отказавшись от внутренней борьбы в ней. *Высшим критерием является для нас возможность отстаивания и активного проведения революционной интернационалистской точки зрения пред лицом*

рабочего класса. За организационные последствия этой политики внутри рабочих организаций оппозиционное меньшинство лишь в ограниченных размерах может нести ответственность. Мы не знаем сейчас, не можем ни предопределить, ни предугадать, когда и по какой именно линии произойдет раскол. Но мы не имеем никакого права притуплять или смягчать нашу борьбу против растлевающего пролетариат социал-патриотизма из страха перед расколом или из фетишистского отношения к вопросам дисциплины. Если бессмыслицей был бы исход интернационалистов из организаций немецкой или французской социал-демократии, — прямое дезертирство из рабочих рядов,—то прямым преступлением было бы принять предложение Каутского и отказаться от того, чтобы на почве этих рабочих организаций вести немедленно, сейчас же, во время войны, самую решительную, самую непримиримую борьбу с социал-патриотизмом.

Незачем говорить, что российская социал-демократия в этом последнем отношении никак не может представлять исключения. Ибо: если недопустимо притуплять остроту нового, решающего противоречия в социализме во имя принципа единства *массовой рабочей организации*, в то время, как от решения вопроса в ту или другую сторону зависит вся историческая судьба этой организации, то тем более недопустимо притуплять или затушевывать вопросы, отделяющие нас от социал-патриотов, во имя сохранения единства *фракционных группировок*, из которых состоит российская социал-демократия. С этой точки зрения заявление Заграничного Секретариата, подписанное Аксельродом, будто социал-патриотическая позиция „Нашей Зари“ не направлена против революционной борьбы с царизмом, представляется нам не только теоретически совершенно неправильным, но и политически в высокой степени вредным. Можно расходиться во мнениях относительно тех организационных методов, какие О. К. должен был бы применить по отношению к группе, которая через голову самого О. К. выступила с письмом к Вандервельде, получившим значение политического акта интернациональной важности. Но не может быть сомнения в том, что апологетическая идейная оценка общей позиции этой группы, солидаризирующейся с Плехановым и пользующейся, именно благодаря своему „приятию войны“, монополией легального общения с рабочим классом. только облегчает ей ее политически деморализующую работу,

внося вместе с тем смуту в сознание тех связанных с О. К. элементов и организаций, которые искренно стремятся занять интернационалистскую позицию.

Когда т. Ионов хочет подчинить борьбу за возрождение Интернационала принципу: „единство (старых партий) во что бы то ни стало", он только механически дополняет позицию „Социал-Демократа" с его методом „раскол во что бы то ни стало". И тот и другой ставят абсолютный организационный принцип над сложнейшей и многообразной политической работой. Мы не можем вместе с т. Ионовым закрывать глаза на тот факт, что в старейших социалистических партиях большинство не за нами, а за социал-патриотами: в их руках, стало быть, и ключи от единства и организационной дисциплины. И если бы интернационалисты, гонимое меньшинство, сами добровольно ограничили себя рамками дисциплины и единства во что бы то ни стало, то они тем самым заранее поставили бы всю судьбу своей борьбы в зависимость от организационного либерализма социал-патриотов. Было бы преступной нерешительностью со стороны немецкой оппозиции, если бы она, по соображениям партийного единства, уклонилась, например, от участия в международном совещании и объединении социалистов левого крыла. Но было бы ничем неоправдываемым легкомыслием с ее стороны, если бы она, приняв участие в таком сплочении, заявила одновременно о своем выходе из организации официальной социал-демократической партии [1]).

„Н. С.", 15 мая — 6 июня, 1915 г.

Год войны.

Истекший год—триста шестьдесят пять дней и ночей непрерывного взаимоистребления народов — войдет в нашу историю, как потрясающее свидетельство того, насколько глубоко еще сидит человечество социальными корнями своими в слепом и постыдном варварстве.

Чтоб заклеймить немецкие мерзеры, превосходящие своим диаметром пушки союзников, и немецкие ядра, распространяющие

---

[1]) Мы не воспроизводим дальнейших статей этой серии, так как они заключают в себе эпизодическую полемику, утратившую значение.

больше удушливого зловония, чем ядра четверного согласия, союзная реторика создала специальное определение „ученого варварства“, barbarie scientifique. Прекрасное название! Его необходимо только распространить на всю войну и на социально-исторические предпосылки ее—независимо от государственных и национальных границ. Все те технические силы, которые созданы человечеством в его поступательном развитии, двинуты на дело разрушения основ культурного общежития и, прежде всего, на истребление человека: в этом и состоит „мобилизация промышленности“, о которой теперь говорят на всех языках европейской цивилизации. Ученое варварство вооружилось всеми прикладными завоеваниями человеческого гения—от Архимеда до Эдиссона—для того, чтобы стереть с земной коры все, что создало коллективное человечество, выдвинувшее Архимеда и Эдиссона. Если немцы выделяются в этом соревновании кровавого безумия, то только тем, что шире, систематичнее и действительнее организовали то самое, организацией чего поглощены их смертельные враги.

Как бы для того, чтобы придать падению человечества наиболее унизительный характер, война, та самая, которая пользуется последним завоеванием гордой техники, крыльями авиации, загнала человека в траншею, в грязную земляную пещеру, в клоаку, где, разъедаемый паразитами царь природы, лежа на собственных отбросах, подстерегает в щель другого покрытого вшами троглодита, а газеты и политики на разных языках говорят обоим, что в этом именно и состоит сейчас служение культуре.

Выползшее на четвереньках из темного зоологического царства человечество внесло организующий разум в свои методы борьбы с природой. Путем героических революционных потрясений оно внесло элементы разума в свою государственную надстройку, вытеснив слепую инерцию „божией милости“ идеей народного суверенитета и практикой парламентского режима. Но в самых основах своей социальной жизни, в своей хозяйственной организации, оно остается целиком во власти темных сложившихся за порогом контролирующего разума сил, которые всегда грозят взрывом, стихийно накопляют противоречия и затем обрушивают их на голову человечества в виде мировых катастроф.

Вырванная капиталистическим развитием из средневекового провинциализма и экономической неподвижности Европа, в ряде

революций и войн, создала незаконченные велико и мало-державные „национальные“ государства и связала их преходящей и вечно изменяющейся системой антагонизмов, союзов и соглашений. Не достигнув нигде завершения национального единства, капиталистическое развитие пришло в противоречие с созданными им государственными рамками и в течение последнего полустолетия искало выхода в непрерывных колониальных хищениях, составлявших внеевропейскую практику „вооруженного мира“ Европы, и эта система, в которой правящие верхи экономически, политически и психологически приспособлялись к чудовищному росту милитаризма, разрешилась войной из-за мирового господства, — самой колоссальной и самой постыдной войной, какую знала история.

Война вовлекла уже семь из восьми великих держав и грозит вовлечь восьмую; она втягивает одну за другой второстепенные державы (в этом и состоит сейчас вся работа дипломатии); расширяя свою базу, она автоматически растворяет отдельные подчиненные цели в механике взаимного ослабления, истощения, истребления. Всеобщностью захвата, множественностью и бесформенностью своих целей, сочетая и бросая друг на друга все расы и национальности, все государственные системы и все ступени капиталистического развития, эта война хочет показать, что ей чужды какие бы то ни было расовые или национальные начала, религиозные или политические принципы, — она выражает собою просто голый факт невозможности дальнейшего сосуществования наций и государств на основе капиталистического империализма.

Система союзов, как она сложилась после франко-прусской войны, была порождена стремлением создать гарантии государственной устойчивости путем приблизительного военного равновесия враждующих сил. Это равновесие, раскрывшее свое содержание в нынешней guerre d'usure, заранее исключало возможность скорой и решительной победы одной из сторон и поставило исход войны в зависимость от постепенного истощения того или другого из противников, приблизительно одинаково богатых материальными и моральными рессурсами.

На западном фронте тринадцатый месяц войны застает траншеи на том же приблизительно месте, на котором их покинул второй месяц. Здесь все те же передвижения на десятки метров в ту и другую сторону — через трупы тысяч и десятков тысяч

солдат. На Галлипольском полуострове, как и на новом австро-итальянском фронте, линии траншей сразу обозначились, как линии военной безнадежности. На русско-турецкой границе та же картина в провинциальном масштабе. И только на восточном (русском) фронте гигантские армии, после ряда движений в ту и другую сторону, снова катятся сейчас на восток по телу истерзанной Польши, которую каждая из сторон обещает „освободить".

В этой картине, порожденной слепым автоматизмом капиталистических сил и сознательным бесчестием правящих классов, нет решительно никаких точек опоры, которые, с военной точки зрения, позволяли бы связывать какие бы то ни было планы и надежды с решительной победой одной из сторон. Если бы у правящих сил Европы было столько доброй исторической воли, сколько у них злой, они и тогда были бы бессильны разрешить своим оружием те проблемы, которые вызвали войну. Стратегическая ситуация Европы дает механическое выражение тому историческому тупику, в который загнал себя капиталистический мир.

Еслиб социалистические партии, даже оказавшиеся бессильными предупредить войну или призвать в первую ее эпоху правящих к ответу, сняли бы с себя с самого начала всякую ответственность за мировую бойню, если бы в тесной интернациональной связи друг с другом, предостерегая народы и обличая правящих, они, как партии, заняли до поры до времени — в смысле революционного действия—выжидательную позицию, рассчитывая на неизбежный поворот массовых настроений,—как велик был бы сейчас авторитет международного социализма, к которому массы, обманутые милитаризмом, придавленные трауром и растущей нуждой, все больше обращали бы свои взоры, как к подлинному пастырю народов! Смотрите! В положении военной безвыходности обе борющиеся группы держав хватаются сейчас за каждое мелкое государство: за Румынию, Болгарию или Грецию, как за l'état du Destin, „судьбоносное государство", которое своей тяжестью должно склонить, наконец, весы в ту или другую сторону. Какой же действительно „судьбоносный" вес приобрел бы в этих условиях Интернационал, великая держава международного социализма, каждое слово которого находило бы все больший отголосок в сознании масс! И та освободительная программа, которую теперь отдельные секции разбитого Интернационала волокут по кровавой грязи

в хвосте штабного обоза, стала бы могущественной реальностью в международном наступлении социалистического пролетариата против всех сил старого общества.

Но история и на этот раз осталась мачехой по отношению к угнетенному классу. Его национальные партии, закрепившие в своих организациях не только первые успехи пролетариата, не только его стремление к полному освобождению, но и всю нерешительность угнетенного класса, недостаток у него самоуверенности, его инстинкт подчинения государству, эти партии оказались пассивно вовлеченными в мировую катастрофу и, малодушно превращая нужду в добродетель, взяли на себя миссию покрывать безыдейную реальность кровавого преступления ложью освободительной мифологии. Возникшая из мировых антагонизмов полустолетия военная катастрофа стала катастрофой сложившегося за это полустолетие здания Интернационала. Годовщина войны является вместе с тем годовщиной самого страшного падения сильнейших партий международного пролетариата.

И все же мы встречаем кровавую годовщину без всякого душевного упадка или политического скептицизма. Революционные интернационалисты имели то неоценимое преимущество, что устояли в величайшей мировой катастрофе на позициях анализа, критики и революционного предвидения. Мы отказались от всех „национальных“ очков, которые выдавались из генеральных штабов не только по дешевой цене, но даже с приплатой. Мы продолжали видеть вещи, как они есть, называть их своими именами и предвидеть логику их дальнейшего движения. Мы были свидетелями того, как в бешеном калейдоскопе проходили пред кровоточащим человечеством старые иллюзии и наспех к ним приспособленные новые программы, проходили и терпели крушение в водовороте событий, уступая место новым иллюзиям и еще более новым программам, которые мчались навстречу той же участи, все более обнажая истину. А социальная истина всегда революционна!

Марксизм, метод нашей ориентировки в историческом процессе и орудие нашего вмешательства в этот процесс, устоял под ударами пушек в 75 миллиметров, как и мерзеров в 42 сантиметра. Он устоял, когда крушились партии, стоявшие, казалось, под его знаменем.

Марксизм не есть фотография сознания рабочего класса,— он дает законы исторического развития рабочего класса. В своей борьбе за освобождение рабочий класс может изменять марксизму—силою условий, анализ которых дает марксизм—но, изменяя марксизму, рабочий класс изменяет себе. Через падения и разочарования, через трагические катастрофы, приходя к новым, более высоким формам самопознания, рабочий класс снова приходит к марксизму, закрепляя и углубляя в своем сознании его последние революционные выводы.

Это и есть тот процесс, который мы наблюдаем за последний год. Логика положения рабочего класса властно гонит его повсюду вон из-под ярма национального блока и — еще большее чудо!— прочищает многие покрывшиеся плесенью поссибилизма социалистические мозги. Какими жалкими и презренными кажутся, несмотря на их видимую успешность, торопливые усилия официальных партий еще раз провозгласить на своих совещаниях революционную роль казенного мелинита и закрепить посредством многократного повторения рабскую иллюзию „защиты отечества", не сходящего с большой дороги империализма!

Безвыходность военного положения, паразитическая алчность правящих капиталистических клик, питающихся этой безвыходностью, повсеместный рост бронированной реакции, обнищание народных масс и, как результат всех этих результатов, медленное, но неуклонное отрезвление рабочего класса, — вот неподдельная реальность, дальнейшего развития которой не задержит никакая сила в мире!

В недрах всех партий Интернационала происходит процесс пока еще только идейного восстания против милитаризма и шовинистической идеологии, — процесс, который не только спасает честь социализма, но и указывает народам единственный путь выхода из войны, с ее лозунгом „до конца", этой законченной формулой упершегося в тупик „ученого варварства".

Служить этому процессу есть самая высокая задача, какая существует сейчас на нашей окровавленной и обесчещенной планете!

„Н. С.", 4 августа 1915 г.

Болгарская соц.-дем. и война.

Агентство „Havas“ сообщает, будто болгарские социалистические вожди заверили правительство, что, в виду важности положения, они не причинят ему никаких затруднений. „Humanité“, усердно распространявшая весь гавасовский вздор о русских, итальянских и сербских социалистах и добавлявшая к нему еще собственного, на этот раз вносит косвенную поправку, спрашивая, о каких собственно вождях и о какой партии идет речь? Было бы наивно усматривать в этой поправке проблеск социалистической совести: все объясняется тем, что в данный момент непримиримая классовая оппозиция болгарских социалистов войне — на руку державам четверного согласия.

„Humanité“ прибавляет, что до сих пор обе социалистические партии (тесные и широкие) стояли за нейтралитет. Формально это верно. Но по существу внешняя политика этих двух партий глубоко различна. Широкие примыкали слева к буржуазной руссофильской оппозиции. Не говоря прямо о вмешательстве в войну, они отстаивали соглашение с Сербией, чтоб выступить в хвосте держав Согласия на большую дорогу территориальных („национальных“) приобретений. Тесные же социалисты боролись все время против воинствующей руссофильской оппозиции не менее, чем против германофильского выжидательного „нейтралитета“ правительства Радославова.

Но вот пробил кровавый час и для Болгарии! Какие же это „социалистические вожди“ принесли свою присягу на верность Радославову, союзнику Австрии, Германии и Турции? Нельзя сомневаться ни минуты: это руссофилы, „широкие“, Янко Сакозов со товарищи. Так как их внешняя политика определяется не революционно-классовыми, а „национальными“ интересами, то в минуту „национальной опасности“ они должны были вместе с своей буржуазной оппозицией пасть на брюхо пред идолом национального единства. Так, руссофилы и сербофилы, широкие, будут поддерживать правительство, ведущее войну против Сербии и России.

Иное дело—тесняки. Именно потому, что они стоят на революционно-классовой позиции, аргументы Парвуса для них так же мало убедительны, как и аргументы Плеханова. Именно

7*

потому, что до вчерашнего дня они не почерпали своего оппозиционного вдохновения из русского и французского посольств, они не склоняют сегодня головы перед фактом болгаро-немецкой военной коалиции.

Наиболее точное представление о позиции тесных, вошедших в состав общебалканской с.-д. федерации и принимавших участие в международном совещании, наши читатели получат, если ознакомятся с их важнейшими партийными заявлениями последнего времени.

На заседавшем в конце августа XXI съезде партии вынесена была резолюция по вопросу о войне и положении на Балканах.

„Германофильство либеральных партий[1]), прикрытое политикой „временного нейтралитета“ нынешнего правительства,— говорит эта резолюция, — и руссофильство, в водах которого плавают остальные буржуазные и мелкобуржуазные партии, от народняков и цанкоистов до радикалов и общедельцев (широких) включительно,—и там и здесь при открытой или тайной поддержке дипломатии воюющих группировок, пускающей в ход обещания, давление и коррупцию, — и германофильство и руссофильство являются не чем иным, как проводниками завоевательной политики великих империалистических держав на Балканах. Вдохновляющиеся из этих источников партии открыто или прикрыто готовят новые авантюры, новые войны на Балканах, которые могут только окончательно ввергнуть балканские народы в экономическое и политическое рабство“.

Исходя из этих и ряда других соображений, партийный съезд „отвергает всякое решительно участие болгарского народа в общеевропейской войне, на какой бы то ни было стороне, и всякую авантюру, могущую довести до такого участия“. Съезд „выражает полное единодушие и солидарность болгарского пролетариата с пролетариатом остальных балканских стран и заявляет, что балканский пролетариат, объединенный в социал-демократическую федерацию на Балканах, является единственным в настоящее время фактором, способным, чрез посредство своей самостоятельной классовой борьбы, осуществить балканскую демократическую федеративную республику“.

[1]) Либеральные партии или группы представляют собою разветвления старой партии Стамбулова (таковы группы Радославова, Тончева, Геннадиева и др.).

В центральном органе партии „Работнически Вестник“, 4 (17) сентября в статье „Пред судьбоносным моментом“ мы читаем: „Господствующая капиталистически-шовинистическая клика не хочет, чтоб болгарский народ жил в мире; она не может дождаться того времени, когда заживут его раны, еще раскрытые после катастрофы, происшедшей два года тому назад...

„Мы, социал-демократы, исполнили в меру наших сил наш верховный долг. Но если голос наш не будет услышан, если страна, вопреки всему, будет ввергнута в нынешний мировой пожар, мы не отчаемся... Мы сохраним непоколебимый боевой дух и глубокое убеждение в том, что страшные кровавые события окончательно уничтожат вкоренившиеся предрассудки и заблуждения и что мы со стихийной силой пойдем навстречу всеобщему революционному подъему, который освободит мир от кровавого политического рабства и приведет к победе социализма. Ибо нет другого исхода из нынешнего положения: великие европейские державы со все более свирепой ожесточенностью готовятся продолжать борьбу *до конца*, а здравый человеческий разум не может допустить, чтобы европейские народы терпеливо дожидались среди безграничных ужасов нынешней войны, пока не истребят друг друга до конца и не погибнут под ее развалинами“.

На следующем номере (5 (18) сент.) „судьбоносный момент“ освободительной мобилизации оставил уже яркие следы в виде десятка белых цензурных пятен.

„Наши собрания, — пишет „Р. В.“, — не допускаются, наши воззвания и афиши конфискуются, ораторы и агитаторы разгоняются, избиваются и арестуются, телеграммы в нашу газету, в которых выражается протест против националистического авантюризма и требование мира, задерживаются“.

Весьма возможно, что социалистическая пресса в Болгарии сейчас уже задавлена; во всяком случае, она перестанет доходить до нас, как и „Наше Слово“, которое наши болгарские единомышленники столь часто цитировали, перестанет доходить до них. Если счастливый случай доставит тем не менее эти строки нашим болгарским друзьям, мы просим их верить, что мы сумеем стать на защиту их социалистической чести против лжи официозных агентств, клеветы буржуазной печати, брани и хвалы социал-патриотизма; что мы ни на минуту не усомнимся в их революци-

онном мужестве и социалистической верности; что вместе с ними — через разделяющие нас отныне траншеи — мы убеждены в грядущем революционном подъеме, в котором мы, как и они, найдем свое место!

„Н. С.“, 12 октября 1915 г.

Второй Новый год.

Когда ставилось здесь, в Париже, в сентябре 1914 г. ежедневное социалистическое издание,—тогда, под именем „Голоса“,— никто не думал, что этому изданию доведется дважды встречать Новый год. Неожиданно (после долгих... ожиданий!) пришла война, вместе с ней пришел катастрофический кризис социализма, все устойчивое рушилось и меньше всего можно было ожидать, что в этом водовороте всеобщей неустойчивости устоит на ногах в течение полутора лет маленькая газета, которую группа русских эмигрантов, без средств и без связей со своей страной, создала в самые критические часы жизни Парижа. Но газета устояла. Какими судьбами? Это временами нам самим кажется загадкой. Газета почти всегда находилась в состоянии финансового крушения и — жила.

Газета выступала против войны и, прежде всего, против рабски-восторженного преклонения социалистов пред национальным милитаризмом. Так называемые „трезвые умы“, то-есть филистеры, которые при помощи своих десяти пальцев подводят бухгалтерские итоги всемирной истории, имели пред собою самое наглядное доказательство „утопичности“ нашей позиции. С одной стороны, могущественное государство, которое швыряет миллиард за миллиардом в раскаленную пасть милитаризма — при содействии всех партий и при патетическом одобрении наиболее авторитетных социалистических вождей. С другой стороны, кружки отщепенцев, как наш, создающие на тычке ежедневную газету — при наличности в „кассе“ нескольких десятков франков — для аудитории из нуждающихся эмигрантов. „Газета не сможет держаться!“—говорили одни. „Какое значение может иметь сейчас эмигрантская газета?“—дополняли другие. Но газета держалась! И она вошла необходимою составной частью в идейную

жизнь разрастающейся международной общины революционного социализма [1]).

Республика противопоставила нам свою цензуру. От нас хотели добиться, чтобы мы думали и чувствовали, как „Humanité“ В то время, как берлинский кайзер составляет с начала войны необходимый предмет потребления всей прессы, об его „кузенах“ республиканская цензура позволяла нам — как о покойниках — либо молчать, либо говорить одно хорошее. Мы избрали первое.

Нам запрещали огорчать не только французских министров, но и русских губернаторов. Более того: цензура взяла под свою защиту французскую социалистическую партию, и только на-днях нам не позволили сказать об идейной тривиальности того социализма, который возглавляется Пьером Ренოделем. Мы не могли, сплошь да рядом, печатать речи социал-демократических депутатов Думы, в течение недель мы не смели произносить имя Циммервальда, а в настоящее время мы не имеем возможности печатать резолюции заграничных групп нашей партии. Газета появлялась нередко в виде ряда белых полос, и читатель, надеемся, поверит нам, если мы скажем, что те полосы, которые из цензурной лаборатории выходили белыми, не были самыми худшими. Во всех тех случаях, когда у цензуры возникало сомнение, она разрешала его против нас: какой смысл церемониться с эмигрантской газетой, издающейся на русском языке!

К этому присоединилась открытая и закулисная травля со стороны социал-патриотов. Утомившись своим долгим отщепен-

---

[1]) В докладе о работе французских интернационалистов на циммервальдской конференции было указано на то значение, какое имело для них существование „Нашего Слова“, устанавливавшего идейную связь с интернационалистским движением других стран. Раковский в своем докладе указал, что „Голос“ и „Наше Слово“ — на ряду с „Avanti“ и „Berner Tagwacht“ — сыграли крупнейшую роль в процессе выработки интернационалистской позиции балканских с.-д. партий. Итальянская партия была знакома с „Нашим Словом“ по многочисленным переводам А. Балабановой. Чаще всего, однако, „Голос“ и „Наше Слово“ цитировались в немецкой прессе. Буржуазные и социал-патриотические фальсификаторы пользовались, разумеется, статьями „Нашего Слова“ для обличения... царизма и французской республики; для немецкой оппозиции „Наше Слово“, как орган революционного интернационализма по ту сторону границы, являлось неизменным собратом по оружию. Большое значение именно для немецкой анти-империалистской оппозиции имеет то обстоятельство, что „Наше Слово“ выходит не в нейтральной стране, а на „союзной“ почве, как боевой политический орган, в непрестанной борьбе с „союзной“ цензурой и с „официальным“ социализмом.

ством; широкие круги русской интеллигенции ухватились за войну, как за счастливый повод, чтобы отчалить от одного берега и пристать к другому. Ненависть социал-патриотических перебежчиков к „Нашему Слову“ была тем ядовитее, чем ярче оно напоминало им о всей глубине их падения. Не было такой инсинуации, к которой не прибегало бы их умственное бессилие. В некоторые моменты целые тучи удушливой клеветы окружали наше издание и имена наших друзей.

Наконец, надо сказать и то, что не все из наших единомышленников первого призыва шли с нами до конца. Затягивалась война, „разочаровывая“ иных социал-патриотов, но затягивался и кризис в социализме, утомляя и пугая своими перспективами иных интернационалистов. Борьба с социал-патриотами приняла осадно-затяжной характер. На обоих неприятельских фронтах выделились элементы, склонные к переговорам и сближению. Идейная непримиримость „Нашего Слова“ не может не казаться таким полудрузьям стеснительной и вредной. Между тем, если есть война, которая должна быть доведена до конца, так это—война с национальной и легалистской ограниченностью в рабочем движении, война с националистическими фальсификаторами социализма. Если где вреден, опасен, прямо губителен „гнилой мир“, так это в нашей войне с тем социализмом, который так постыдно капитулировал перед империалистическим государством.

Революционной непримиримости пожелаем мы и себе и нашим друзьям в новом году, который будет для нас годом дальнейшей борьбы. Мы не делаем себе никаких иллюзий насчет легкости предстоящих задач. Но мы твердо знаем, что за истекший год враг стал слабее, а мы — сильнее. Этого достаточно, чтоб оправдать и укрепить наш революционный оптимизм.

С новым годом, друзья-читатели, и — вперед!

„Н. С.“, 1-го января 1916 г.

Первое мая (1916 г.).

Мы стали за этот год сильнее! — вот первое, что могут сказать себе в день Первого мая интернациональные социалисты. После катастрофы 4 августа 1914 года, после почти полного безмолвия первых месяцев войны, после эпохи невиданных и почти беспросветных унижений социализма, — или того, что мы считали

социализмом до 4 августа 1914 года, — наступили месяцы медленного, но повсеместного и неуклонного отрезвления, пробуждения и собирания сил. Если прошлогоднее Первое мая совпадало с моментом глубочайшего упадка революционного сознания и буржуазные органы могли — в тоне покровительственного презрения к официальному социализму — констатировать смерть Интернационала, то в этом году от их классового самодовольства осталась одна пустая скорлупа, которая все более и более наполняется тревогой. За это время произошла конференция в Циммервальде, которая стала возможна только благодаря пробуждению революционного возмущения на левом фланге официальных партий и которая дала этому процессу знамя и первые организационные формы.

* * *

В обществе, где основа жизни — производство — остается неорганизованной, все социальные отношения перерастают в конце концов через головы людей; война и в этом смысле явилась только высшим выражением анархии и безумия всей системы; если она вначале входила в сознательные планы и расчеты имущих, как „продолжение их политики другими средствами“, то за последний год последствия войны далеко перекатились через головы правящих классов, которые, к слову сказать, во всех странах представлены у власти посредственностями и ничтожествами, как бы для того, чтобы ярче подчеркнуть духовное бессилие буржуазного мира перед теми величайшими в человеческой истории событиями, которые он породил в своем неудержимом, но слепом движении вперед.

Пролетариат является частью этого, на анархии основанного общества, судьбы которого ускользают из его собственных рук. Социализм теоретически предвидел войну и предугадывал в общих чертах ее социальные последствия. Но когда она разразилась, она предстала пред рабочими массами не как закономерное историческое событие, не как новое политическое состояние враждебного им капиталистического общества, а как внешняя катастрофа, обрушившаяся на „нацию“ в целом. Но эта временная растерянность масс перед небывалым еще кровавым взрывом капиталистической анархии преисполнила правящие классы национальной самоуверенностью лишь с того момента, как для них

стало ясно, что руководящие организации международного пролетариата совершенно не справились со смыслом и содержанием надвинувшихся событий и почти автоматически примкнули к правящим классам, — как если бы дело шло о пожаре или землетрясении, т.-е. действительно о внешней механической катастрофе. В этом „оборонческом“ союзе с капиталистическим государством— в момент, когда последнее подверглось им же подготовленному историческому испытанию, — заключалось уже величайшее идейное и политическое самоотрицание, какое знала когда-либо история. Но этому отречению, лишь наиболее ярко выступившему в Германии, где теоретически яснее всего стоял вопрос об отношении к капиталистическому государству, этому политическому самозакланию не хватало еще адэкватной (соответственной) идеологической формы, чтобы социалистический пролетариат мог испить до дна чашу своего унижения. Публицисты и теоретики Интернационала приложили все усилия к тому, чтобы мысль социализма принизить до уровня его политической роли. Прошлогоднее Первое мая представляло собою самую низкую точку в этом процессе упадка, унижения и предательства. Социал-патриотическая пресса на всех языках Европы объясняла пролетариату, почему Первое мая — день протеста против милитаризма — должно на этот раз стать днем его национального апофеоза. И эта проповедь почти не встречала отпора...

* * *

Медленными путями шло освобождение пролетариата из-под власти феодально-религиозных, а затем либерально-буржуазных суеверий и предрассудков. Социализм везде в конце концов стал для рабочего класса знаменем его духовного освобождения и предвестником освобождения материального. На своей классовой организации он сосредоточил ту преданность, — но просветленную сознанием! — какую питал раньше к церкви и отечеству. Но буржуазному отечеству удалось идейно полонить классовую организацию пролетариата. И это обнаружилось в таких размерах и формах, каких не ожидал никто. После того, как национальное государство не только материально, но и духовно мобилизовало социалистический пролетариат, интернациональная контр-мобилизация развернулась несомненно медленнее, чем многие из нас

ожидали, и, во всяком случае, медленнее, чем все мы хотели. Непосредственной причиной тому является работа социал-патриотизма, который, опираясь на государственное насилие и пользуясь всеми рессурсами лжи и обмана, ведет бешеную борьбу за самосохранение. Но фундаментальная причина лежит в глубине того кризиса, который должен назреть в массовом сознании, прежде, чем сможет найти свое выражение в действии. А только, как проблема действия, может быть разрешен пролетариатом вопрос об отношении к событиям, которые начали с того, что сокрушили хребет Второму Интернационалу, но которые могут закончить сокрушением основ буржуазного правопорядка. Если для социалистического парламентария или публициста перемена фронта нередко выражается в формальном „неприятии“ войны, в снятии с себя „ответственности“ — и этим ограничивается — то для целого класса, сознающего, сколь многое стоит и падает вместе с ним, контр-мобилизация означает задачу *революционного действия*. Именно учет этого факта лежит в основе идейной борьбы между революционными интернационалистами и социал-патриотическими союзниками милитаризма. Пацифизм означает для части перепуганных событиями социалистических верхов самоотстранение и выжидательную пассивность. Для масс пацифизм означает момент раздумья, этап на пути от рабского патриотизма к интернационализму действия.

* * *

Контр-мобилизация, отвечающая величайшей исторической задаче, идет медленнее, чем мы бы хотели, но она идет с такой планомерностью, которая не может оставить никакого места для скептицизма. Последний (февральский) циркуляр Международной Социалистической Комиссии (Берн) дает картину пробуждения и нарастания пролетарского сознания и протеста во всех странах Европы. Мы стали за этот год несравненно сильнее! Кроме разве России, где социал-патриотизм, сдвинувшись преимущественно на совершенно серые, впервые пробужденные войною слои пролетариата, внешним образом как бы усилился, — во всех остальных странах Европы истекший год был периодом явного и очевидного ослабления социал-патриотических организаций, падения авторитета их вождей, нарастания недовольства и сознательной оппо-

зиции. И никогда еще во время всей истории рабочего движения прямая и непосредственная зависимость революционного социализма в одной стране от его действий и успехов в другой не была такой очевидной и не ощущалась так ярко и неотразимо, как в эту эпоху насильственного разрыва международных связей и разгула шовинизма. Таким путем закладывается несокрушимый фундамент Третьего Интернационала, как организации масс для решающих боев с буржуазным обществом. Мы стали сильнее. В следующем году мы будем сильнее, чем в нынешнем. Роста нашей силы не задержит более ничто и никто.

„Н. С.“, 1 мая 1916 г.

В борьбе за Третий Интернационал.

Когда Оддино Моргари приехал прошлою весною по поручению своей партии в Париж для переговоров о восстановлении международных связей, он потребовал прежде всего от Вандервельде созыва Международного Социалистического Бюро. Тот начисто отказал: „доколе в бельгийском рабочем доме стоят немецкие солдаты, не может быть и речи о созыве Бюро“.—„Итак, Интернационал является заложником в руках держав согласия?“— спросил Моргари.—„Да, заложником!“—воскликнул Вандервельде.— „Заложником права и справедливости,“ — пояснил принимавший участие в переговорах Ренодель, который из богатого риторического словаря Жореса усвоил несколько оборотов для своего обихода. Тогда Моргари перешел к более скромному предложению: созыва конференции социалистических партий нейтральных стран (напомним, что Италия была тогда еще нейтральна). Со стороны председателя Интернационала последовал столь же категорический отказ. Только после этого Моргари, в качестве представителя итальянской партии, делает—по соглашению с русскими и швейцарскими друзьями — подготовительные шаги для созыва конференции интернационалистов, помимо и против воли социал-патриотических партий. Такова организационная пред - история конференции в Циммервальде.

Через полгода после этого выступает на сцену Гюисманс, который выдвигает идею созыва Интернационального Бюро. Он совершает „агитационную“ поездку в Париж и Лондон, не встре-

чая, разумеется, помех со стороны просвещенных правительств двух западных демократий, ведет здесь переговоры с официальными партиями и оппозицией и, вернувшись в Гаагу, заявляет, что Интернациональное Бюро созвано не будет, но что 26 июня состоится конференция „нейтральных“ партий. Понадобился целый год, чтобы Гюисман усвоил себе ту „минимальную программу“, которую Оддино Моргари предъявлял вниманию Вандервельде.

Но за этот год идея конференции нейтральных успела утратить последние остатки политического смысла. Прежде всего, с того времени две европейские страны, Италия и Болгария, перешли из числа нейтральных в лагерь воюющих. А затем в течение этого года имел место Циммервальд. Румынская и швейцарская партии—с Циммервальдом. В Швеции и Голландии раскол между социал-патриотами и циммервальдцами. Если конференция нейтральных даже состоится,—а об этом можно будет с полной уверенностью говорить не ранее, как через несколько недель,—она сможет лишь констатировать, что военная нейтральность правительств не создает еще ничего общего между интернационалистами и социал-патриотами. И можно было бы только пожалеть о путевых издержках, которые будут понесены нейтральными партиями, если бы для некоторых из них путь в Гаагу не оказался кружным путем в... Циммервальд. И чем отчетливее мы будем принцип Циммервальда противопоставлять принципу Гааги, тем скорее будет пройден колеблющимися этот кружный путь.

Гюисманс изложил в особом первомайском манифесте причины отказа от созыва Бюро: этого не хотят французская и английская партии, как они же не хотят никакой международной кампании за мир. „Не потому, чтобы они были вообще против мира“,—с изумительным глубокомыслием объясняет Гюисманс,—а потому, что они не хотят преждевременного мира. А так как Интернационал остается „заложником права и справедливости“, то Гюисманс предлагает временно удовлетвориться сокращенным Интернационалом нейтральных. При этом он осмеливается читать нравоучения циммервальдцам, этим „нетерпеливым товарищам“, которые перешагнули не только через траншеи и полицейские преграды, но и—через голову Гюисманса. Секретарь Интернационала, который на двадцать втором месяце войны проповедует терпение и молчание социалистам, восстановляющим связь между рабочими разных стран,—может ли быть роль более жалкая и

постыдная! При этом Гюисманс недвусмысленно изображает все циммервальдское объединение, как... русскую интригу (он говорит о раскольнических методах социалистов тех стран, где „еще нет демократии“). В своей бюрократической ограниченности он поддерживает этим не только Реноделя против Лонге и Бурдерона, но и Шейдемана против Гаазе и Либкнехта. Против своей воли, но тем действительнее, Гюисманс дезавуирует всех французских и русских Ласкиных, которые не прочь представить Циммервальд, как интригу Бетман-Гольвега.

Первые дошедшие до нас вести говорят, что циммервальдцы на своем совещании решили добиваться созыва Интернационального Бюро, независимо от согласия или несогласия французов и англичан. Мы не знаем пока еще ни того, как формулировано это решение, ни того, каким большинством оно принято [1]). Но оно не является для нас неожиданным. Оно означает лишь, что очень многим путь в Циммервальд представляется лишь, как вынужденный этап по дороге в Гаагу. Другими словами, многие из циммервальдцев всю задачу момента видят в восстановлении Второго Интернационала, каким он был до „недоразумения“ или „катастрофы“ 4-го августа. Другие поддерживают идею Гааги из педагогических соображений. Мы ни с теми, ни с другими. Мы относимся с полным недоверием к канцелярски-бюрократической утопии восстановления организационной формы Второго Интернационала. Мы признаем только революционно-органический путь: международное сплочение инициативных групп, организаций, партий и пролетарских масс на основе новых методов и новых задач или, точнее: применения старых принципов к условиям и задачам новой эпохи. Так как мы политику не растворяем в педагогике для отсталых, то мы на циммервальдском совещании голосовали бы *против* требования созыва Международного Бюро. Но принятие такой резолюции нимало не пугает нас: оно только характеризует уровень движения. Оказывается, что все расширяющимся кадрам циммервальдцев для того, чтобы найти путь к Третьему Интернационалу, нужно еще и еще раз проделать то испытание, через которое, в лице Оддино Моргари, уже прошел однажды Центральный Комитет Итальянской партии. Мы, рево-

[1]) Во всяком случае, мы не сомневаемся, что оно не имеет ничего общего с резолюцией Лонге — Бурдерона, „одобряющей“ поведение Гюисманса.

люционные интернационалисты, сохраним нашу самостоятельную критическую позицию и по отношению к пассивным интернационалистам, пацифистам и организационным реставраторам, которые движутся по направлению к нам, и тем поможем им—и уж во всяком случае массам, за ним стоящим—перевалить через период нерешительности, поисков, оглядки назад, колебаний между Гаагой и Циммервальдом—и выйти на большую дорогу революционной борьбы за власть.

„Н. С.“, 10 мая 1916 г.

Юбилей „Нашего Слова“.

Небольшой юбилей „Нашего Слова“,—а 500-ый номер для зарубежного издания представляет несомненную в своем роде юбилейную веху!—почти совпадает во времени со второй циммервальдской конференцией, упреждая всего на два с лишним месяца двухлетний „юбилей“ войны.

Сейчас все, что происходило до войны, отодвинулось для нашего сознания далеко назад, как бы провалилось в прошлое. Новейшая история человечества начинается с августа 1914 г. Все вещи и лица, все учреждения и идеи имеют теперь в наших глазах две физиономии: одну, какая им была свойственна до августа 1914 г., и другую, какую они приобрели во время войны. И это прежде всего относится к той идее и к тому учреждению, с которыми мы связаны нашей работой, нашими надеждами, всей нашей жизнью,—той, которая только и заслуживает быть прожитой: мы говорим о социализме и об Интернационале.

До роковой даты 4-го августа социализм выступает, как слагающаяся самостоятельная организация самого значительного и самого угнетенного класса, как непрерывная работа пропаганды, как неутомимая оппозиция всякой эксплуатации, всякому насилию, всякому гнету—особенно тому, который воплощается в капиталистической военщине. Глубоко уходя корнями в самые прозаические повседневные интересы наиболее отсталых слоев, здание социализма, цементированное творческим идеализмом молодого класса, возвышалось, как революционный вызов всему капиталистическому обществу, как предвосхищение будущих миров. И этот образ социализма, в котором главной чертой была гордость мас-

сового подъема к идеалу, сразу потускнел и расплылся в свете потрясающей катастрофы 4-го августа. Призванные и признанные рабочие вожди, поднявшиеся на огромную высоту, благодаря самоотверженным усилиям двух пролетарских поколений, наперекор всему тому, чему учились и учили, пали—в час исторического испытания—ниц перед классовым государством и, в нагло-вопиющем противоречии с духом и буквой программы, стали призывать рабочих отдавать свою кровь за дело капитала. Эти действия и сопровождавшие их заявления казались невероятными, фантастическими по своей логической несовместимости со всем учением социализма. И, однако же, они были фактом, определившим новую физиономию официального социализма. Первым чувством было негодование, первым движением—отпор. Но к этому чувству, не ослабляя его напряженности, примешивалась у многих и многих надежда на то, что в катастрофе заложено недоразумение, раздутое паникой и закрепленное буржуазным государством и прессой, и что кризис в социализме будет скоропреходящим, как скоропреходящей представлялась самая война. В этой атмосфере возник „Голос"—голос протеста, отпора и надежды.

Но кризис не проходил, наоборот, углублялся, принимая все более сознательные и потому все более унизительные формы. К чувству возмущения, спасая от отчаяния, присоединилась потребность понять исторические причины кризиса. Как марксизм учил нас, что нынешняя война является только продуктом комбинированного действия сил, подготовленных капиталистическим развитием прошлой эпохи, так он же требовал от нас в самопредательстве сильнейших рабочих организаций открыть действие тенденций, заложенных в социализм условиями и работой предшествующих десятилетий. Ретроспективная критика и самокритика стала необходимым условием новой ориентации.

Лишь для мещанского квиетизма понять—значит „простить". С точки зрения революционной диалектики понять значит найти объективную опору для революционного противодействия. Мы ни на минуту не отказывались от нашего метода и не собирались анализ объективных сил исторического процесса, действующих за нас и против нас, заменять голым напряжением субъективной воли. И если мы, революционные интернационалисты, как незначительное в первый момент меньшинство, осмелились возвысить свой голос против самых сильных организаций и самых заслужен-

Н. И. БУХАРИН

ных авторитетов, то право на это мы почерпали именно в нашей глубочайшей теоретической уверенности в том, что те самые силы капиталистического развития, которые привели на известном этапе к империалистическому пленению социализма, неотвратимо ведут в дальнейшем к чрезвычайному напряжению классовых противоречий, к беспощадному сокрушению национальных и реформистских иллюзий и к социальным потрясениям небывалой силы и невиданного размаха. Последний период „Голоса“ и первый период „Нашего Слова“ были временем этого анализа причин кризиса и выяснения исторических перспектив.

Пленение официального социализма становилось все более затяжным и глубоким. Ничто не оправдывало пассивно-оптимистических расчетов на то, что социалистические организации в целом, под давлением войны и ее последствий, встанут на путь революционной борьбы. Наоборот, влиятельнейшие партии Второго Интернационала, в борьбе за самосохранение, все сознательнее ставили себе задачей противодействие революционизирующему влиянию войны. Отсюда сама собою вырастала необходимость— наряду с обличением теории и практики социал-патриотизма— объединять и сплачивать в интернациональном масштабе элементы оппозиции и революционной инициативы. Такова работа по подготовке первой интернационалистской конференции, заполняющая летние месяцы прошлого года.

Эта работа не только углубляет пропасть между интернационалистами и социал-патриотами, но и вскрывает различие тенденций в лагере интернационалистов. На правом фланге его группируются пацифистские элементы и пассивные интернационалисты, программа деятельности которых лучше всего характеризуется всесторонним лозунгом status quo ante bellum: возвращение к формально-оппозиционной тактике внутри страны; возвращение ко Второму Интернационалу, каким он был до войны; наконец, возвращение к старым европейским границам (мир без аннексий—и только). Пассивный интернационализм, для которого война является по существу лишь внешней катастрофой, временно вторгшейся в процесс накопления социалистической культуры, предполагает необходимо более примирительное отношение к социал-патриотизму, как ко „временному“ отражению внешней катастрофы.

Для революционного интернационализма, под знаменем которого стоит „Наше Слово“, война—не только „катастрофа“, но и

исторический фактор, который сразу передвигает наше общественное развитие и, прежде всего, классовое движение пролетариата на новую, более высокую плоскость, где принципиальная альтернатива—*империализм или социализм*—объективно становится перед пролетариатом, как задача непосредственного революционного действия. Под этим углом зрения стоит для нас вопрос о „программе мира", не как об утопически-консервативной программе возврата ко вчерашней Европе, которой уже не воскресит никакая сила в мире, а как о самостоятельной революционной программе класса, которому история навязывает непосредственную борьбу за завоевание власти. Противоречие между пассивным и революционным интернационализмом находит свое яркое выражение в лозунге восстановления Второго Интернационала на одном полюсе, в борьбе за Третий Интернационал—на другом. Гаага и Циммервальд!

Стоя под знаменем Третьего Интернационала, „Наше Слово" считает, что это знамя не имеет ничего общего с отказом от социалистического наследства прошлой эпохи. Только критическая оценка этого наследства, отметающая в нем все элементы поссибилизма и национальной ограниченности, делает нас подлинными преемниками и завершителями неоценимой социалистической работы предшествующих поколений. Ибо Третий Интернационал придет не отменить закон, но исполнить.

В процессе идейной подготовки к циммервальдской конференции и в дальнейшей работе на основе ее решений, „Нашему Слову" приходилось и приходится вести идейную борьбу с экстремизмом, как с идейным течением, которое, представляя собою непримиримую реакцию против социал-патриотизма и выжидательно-примиренческой бесформенности, ищет против них, нередко, фиктивных гарантий в игнорировании созданных предшествующим развитием или порожденных войною политических и национальных вопросов, в утрировке революционных лозунгов („поражение России—меньшее зло", „*не* борьба за мир, *а* гражданская война") или в организационном размежевании со всеми другими оттенками интернационализма.

Во второй циммервальдской конференции „Наше Слово" лишено было возможности принять непосредственное участие. Критическая оценка ее решений, их популяризация и политическое истолкование стоят сейчас перед нами, как важнейшая очередная

задача. К этой работе мы приступаем с теми же методами и критериями, которые мы применяли до сих пор.

Все условия свидетельствуют, что прежде, чем социалистический пролетариат выровняет свои ряды настолько, чтоб дать буржуазному обществу „последний, решительный бой“, предстоит еще затяжной период глубокой внутренней борьбы, уяснения задач и очищения рядов. Мы надеемся, что в этой работе „Наше Слово“ будет и дальше служить свою службу делу революционного социализма. Мы твердо рассчитываем поэтому и впредь на сочувствие и деятельную поддержку наших друзей.

„Н. С.“, 16-го мая 1916 г.

Вехи.

Оглянемся еще раз назад. 4 августа 1914 г. могущественнейшие пролетарские организации, провозглашавшие своей задачей ниспровержение капитализма, одним ударом превратились в важнейшую опору капиталистического государства. Только благодаря этому держатся еще сегодня буржуазные правительства всех воюющих стран. Но Интернационал потерял в силе еще больше, чем выиграли национальные государства. Глубокий внутренний процесс разрушает старые могущественные рабочие организации, подготовляя новые группировки революционных сил пролетариата. Какой характер приняло бы европейское социалистическое движение, если бы война закончилась в три-четыре месяца, — а на это весьма надеялись в начале, особенно в Германии — и если бы старые социалистические партии успели снова перейти на „гражданское“ положение прежде, чем успели бы развернуться до конца все последствия политики военного сотрудничества,—сейчас слишком трудно делать на этот счет предположения. Но техника современного милитаризма и соотношение сил обоих лагерей придали войне безнадежно-затяжной характер, и на этой основе успели обнаружиться не только „могущество“ и „приспособлямость“ капиталистического общества, — об этом только и твердят многие скептические дятлы социализма, — но и полная безвыходность империализма и объективная несовместимость социал-патриотизма с элементарными материальными и духовными интересами рабочего класса. Если это в столь по-

трясающих формах обнаружившееся противоречие между империализмом и социализмом лишь медленно находит свое организационно-политическое выражение, то причина этого кроется опять-таки в самом существе нынешнего кризиса, выразившегося в том, что классовое государство экспроприировало для своих целей главные политические органы пролетариата. Последнему, в лице своего революционного авангарда, приходится теоретически и политически формулировать свое отношение к войне не только в условиях полной дезорганизованности своих собственных рядов и в обстановке военно-полицейской диктатуры, но и, главное, против воли своих собственных классовых организаций, вооруженных всем авторитетом Второго Интернационала. Эти исторические условия необходимо всегда ясно представлять себе, чтобы понять затяжной характер того процесса, с которым мы связываем всю будущность социализма.

Первая циммервальдская конференция могла собраться лишь на тринадцатом месяце войны. И несмотря на то, что у участников ее был более чем годовой опыт войны за спиною, представители виднейших национальных секций, как немецкая и французская, — и не только они, — продолжали по существу дела считать, что кризис Интернационала является временным отражением условий войны и закончится вместе с нею. Задачу конференции они видели преимущественно в том, чтобы взаимно осведомиться и создать друг для друга опору в целях воздействия на официальные партии; к моменту заключения мира эти последние должны быть подготовлены к полному восстановлению Интернационала. Под этим углом зрения всякая попытка критически сопоставить опыт войны с идейным наследством Второго Интернационала и наметить хотя бы самые общие принципы пролетарской тактики в эпоху империалистических войн встречала самый решительный отпор со стороны добросовестных „консерваторов“, которые не могли не видеть в такого рода критике несвоевременного осложнения по пути к status quo ante bellum, т.-е. тому международному социалистическому режиму, какой был до войны. Самая идея программно-тактической резолюции была отброшена значительным большинством. Выбранной на конференции Интернациональной Комиссии большинство придавало значение — по выражению Ледебура—Vermittelungstelle, т.-е. временного посреднического бюро.

От первой конференции до второй прошло еще восемь месяцев. Успехи, сделанные за этот период „циммервальдской“ пропагандой во всех странах, совершенно неоспоримы; но эти успехи шли, главным образом, по линии внутриорганизационной борьбы за влияние; массовые рабочие выступления, — а в расчете на них строили свою тактику все действительно революционные элементы первой конференции,— происходили за этот период лишь эпизодически и в скромном масштабе; как ни велико симптоматическое значение подобных выступлений, но их непосредственный политический вес оставался до сих пор более, чем скромным. Таким образом, с этой стороны объективное состояние рабочего движения к моменту второй циммервальдской конференции создавало, казалось бы, исключительно благоприятные условия для правого крыла циммервальдцев, — для социал-пацифистов, пассивных интернационалистов и организационных кунктаторов. И тем не менее, идейная победа осталась не за ними. Вторая конференция представляет собою несомненный и притом крупный шаг на пути критики идейного наследства Второго Интернационала и выработки законченной социально-революционной концепции.

Помимо манифеста, единственным и притом чисто формальным преимуществом которого является более категорически выраженное требование голосования против кредитов, конференция, как мы знаем, выработала две резолюции: одну—программно-политического характера („Тезисы об отношении пролетариата к вопросам мира“) и другую,—посвященную т. н. Интернациональному Социалистическому Бюро (Гюисманс и братья).

Самый факт принятия в Кинтале программной резолюции представляет собою принципиальный разрыв с господствовавшим в Циммервальде взглядом на конференцию, как на временную координацию усилий в деле борьбы за мир. Отклоняя самую идею такой резолюции, большинство первого совещания ссылалось именно на то, что не видит своей задачи в закладывании фундамента для Третьяго Интернационала. Так, принадлежавший к этому большинству Мартов на страницах „Нашего Слова“ с полным одобрением говорил о том, что конференция отклонила делавшиеся ей предложения, чтобы она, „не ограничиваясь инициативой в деле организованной кампании за мир на базисе классовой борьбы, наметила, так сказать, общие принципы деятельности

III Интернационала“. На второй конференции те самые элементы, ограниченную точку зрения которых защищал Мартов в приведенных строках, оказались вынуждены принципиально признать, что задача не сводится к реставрации прошлого, что требуется его критический пересмотр и выработка „общих принципов деятельности“, отвечающих характеру эпохи. Правда, „Известия“, в редакции которых состоит Мартов, опять-таки с одобрением пишут, что „конференция в Кинтале не явилась и, по мысли большинства ее участников, не должна была явиться организационным этапом в деле построения Третьего Интернационала“. Редакция забывает только прибавить при этом, что в эпоху Циммервальда она отвергла (видя в этом — не без основания — работу по „построению Третьего Интернационала“) выработку той самой принципиальной резолюции, которую теперь, в эпоху Кинталя, она вынуждена — в довольно, впрочем, туманных выражениях — приветствовать, как шаг вперед.

Но как же, однако, обстоит дело с отказом конференции от роли „организационного этапа“ на пути построения нового Интернационала? На этот вопрос отвечает резолюция о Гаагском бюро. Эта резолюция не только подвергает уничтожающей критике политику Гюисманса, но и отказывается требовать созыва Международного Бюро. Правда, резолюция предоставляет право отдельным национальным секциям выдвигать такое требование. Но этим только резче подчеркивается, что конференция — не считая возможным механически запретить отсталым секциям проделать еще раз предметный урок — сама отнюдь не считает, что путь к Интернационалу идет через Гаагу и никакой ответственности на себя за этот последний путь не берет. Если Мартов (см. его статью „Кинталь“ в „Инф. Листке“ Бунда) умозаключил, что эта резолюция признает, „по крайней мере, возможность того, что возрождение Интернационала произойдет без разрыва организационной преемственности“, то для нас дело вовсе не в этой гипотетической возможности, а в чисто практическом, организационно-боевом отказе конференции связывать работу по возрождению Интернационала с „легальным“ аппаратом Интернационального бюро. А это значит — не может не значить — что наш циммервальдский аппарат, представляющий сейчас единственные реальные международные связи рабочих, далеко перерос поставленную ему первоначально задачу временного „посреднического

бюро". Дело идет именно о совершенно самостоятельной работе по созданию Третьего Интернационала в прямой борьбе с теми, которые сейчас владеют Вторым и говорят от его имени.

Таким образом в принципе Кинталь означал победу революционного интернационализма. Реализация этой победы зависит от темпа, каким пойдет движение масс.

„Н. С." 6 июля 1916 г.

Два года.

Европа вступила в третий год войны.

Французские газеты констатируют пониженный тон немецкой прессы — немудрено. Ни на одном из фронтов центральный блок не разрешил своей задачи. Но военный обозреватель „Bonnet Rouge", которому нельзя отказать в стремлении по возможности трезво оценивать военные операции, с полным основанием констатирует, что и в казенно-успокоительных статьях официозной французской прессы по поводу второй годовщины войны слышится другой тон. И сам Густав Эрве, главным предметом торговли которого является „коренастый оптимизм" (l'optimisme robuste), счел необходимым напомнить, что в Германии имеется 69 миллионов населения против 39 миллионов во Франции и что призыв каждой новой возрастной категории в Германии должен давать около полумиллиона душ против двухсот тысяч во Франции. Если судьба англо-французского наступления в течение июля снова опрокинула расчеты простаков и пророчества шарлатанов насчет сокрушительной развязки, то выразительные цифры Эрве вносят необходимые поправки в пассивную теорию истощения немецкого человеческого материала. Разумеется, человеческий резерв России и Англии дает военным критикам Согласия необходимую поправку на оптимизм. Но этому противостоит неоспоримое промышленно-техническое превосходство Германии. Недостаток жизненных припасов в Германии есть несомненный факт, находящий свое отражение во все расширяющейся регламентации потребления. Но именно эта регламентация, с ее скаредными порциями, гарантирует Германию от всяких неожиданностей с этой стороны. А в то же время мы видим, как в России, несмет-

ность естественных богатств которой должна была служить залогом победы, десятки городов переходят к карточной системе, которая имеет все недостатки германской, но ни одного из ее достоинств.

„Не нужно быть фанфароном и отъявленным оптимистом,— так говорил г. Рибо ранней весною этого года, — чтобы увидеть близость мира". После произнесения этих слов министром финансов прошло свыше четырех месяцев, — и сейчас „Temps" говорит в „юбилейной" статье о том французском мире, который будет заключен в 1917 году. Таким образом, мы имеем перед собою официозное признание неизбежности новой зимней кампании.

В Германии затяжная безвыходность войны привела не к парламентской концентрации виновников, а наоборот, к обострению трений в их среде. Напряженная борьба вокруг вопроса об аннексиях является здесь несомненным отражением страха правящих вернуться домой с пустыми руками. Многие официозные статьи германской прессы можно бы без затруднений перевести на французский язык и — обратно.

Могущество капиталистического государства в начале войны и во весь первый ее период не только политически подчинило себе широкие социалистические круги, но и поразило бесплодным пессимизмом другие элементы, формально не перешедшие на сторону классовых врагов. Тот аппарат, который должен давать выражение оппозиции пролетариата — социалистические партии и профессиональные союзы, — находится повсюду в состоянии полного распада. Но именно этот распад является до поры до времени свидетельством и выражением глубокого внутреннего процесса в массах. Были ли за этот второй год примеры того, чтобы рабочие организации или их верхи переходили с социалистической позиции на социал-патриотическую? Мы таких примеров не знаем. Зато обратный процесс перехода в оппозицию или полу-оппозицию наблюдается повсюду. До сих пор он имел и на верхах и на низах планомерно „органический" характер. Но если, по Гегелю, во всех такого рода процессах наступает в известный момент „перерыв постепенности" — то, что мы называем *катастрофой*, то тем более неизбежно наступление катастрофических взрывов в процессе, совершающемся под непосредственным влиянием наиболее катастрофического из всех явлений — мировой войны...

„Н. С." 4 августа 1916 г.

Конференция нейтральных теней.

От социалистической конференции „нейтральных“ партий не приходилось после двух лет войны ждать ни решительных действий, ни новых мыслей. Как слабые нейтральные правительства не смеют поднять голос ни для протеста, ни для посредничества, так и связанные в большинстве со своими правительствами „нейтральные“ социалистические партии, после копенгагенской попытки, только глубже убедились в своем бессилии и переносили разрыв международных связей, как их страны переносят войну, то-есть лавируя между большими „державами“ социализма и провозя под нейтральным флагом политическую контрабанду франкофильских или германофильских симпатий. В идейно-политическом смысле нейтральные партии представляют отражение всех основных черт партий воюющих стран только в провинциальном масштабе. Ни швед Брантинг, ни голландец Трельстра, которые у себя дома ведут чисто социал-патриотическую политику, ожесточенно отбиваясь от циммервальдизма, не призваны историей поставить новую веху на пути социалистического возрождения. Но зато полная политическая зависимость их от французской и немецкой партий, которые, в свою очередь, зависят непосредственно от своих правительств, превращала конференцию или, по крайней мере, открывала для нее возможность превратиться в международно-дипломатический факт. Эти люди съехались не для того, чтобы открыть кампанию против войны, а для того, чтобы подготовить почву для восстановления дипломатических сношений между правительственными социалистами обоих лагерей; а это равносильно нащупыванию почвы для открытия мирных переговоров.

Месяца два тому назад цензура не дала нам почему-то сообщить о „плане“ Гюисманса: созвать одну за другой три конференции — „нейтральных“, „союзных“ и „центральных“ социалистов, — и дать им возможность проголосовать три однородные резолюции: скорый мир без аннексий, восстановление Бельгии и Сербии, право наций на самоопределение, свободная торговля, признание долга национальной обороны и (разумеется!) осуждение Циммервальда; после чего Гюисмансу и Трельстра оставалось бы только констатировать, что в основных вопросах „все согласны“ и что для созыва Интернационального Бюро (то-есть неофици-

ального открытия мирных переговоров) нет более никаких препятствий. Не только лонгетисты, которые в Гюисмансе видят Мессию Интернационала, но и большинство французской партии голосовало, как известно, в соответствии с „планом“ Гюисманса, за созыв совещания „союзных“ социалистов, отдавая себе, впрочем, совершенно ясный отчет в полной неосуществимости такого совещания.

Разумеется, у нейтральных партий, конференция которых составляет, как сказано, первое звено „плана“, есть свои собственные виды и цели. Для них не исчезла, прежде всего, опасность, что безнадежное затягивание войны может привести к новым авантюристским попыткам вовлечения нейтральных или прямого нарушения нейтралитета (Швеции, Голландии, Дании). Они ищут поэтому на пути социалистической дипломатии средств к прекращению войны. Далее, Брантинг ведет у себя жестокую борьбу с единомышленниками Хеглунда, а Трельстра — с трибунистами и группой Ролланд-Хольст. В борьбе с циммервальдцами, которые опираются на международные связи, нейтральным социал-патриотам крайне необходимо иметь за себя авторитет Второго Интернационала. Но и здесь повторяется то же самое: самостоятельные цели нейтральных совершенно отступают назад перед вопросом о том значении, какое политика нейтральных имеет для воюющих.

С этой стороны с самого начала был отмечен французской прессой факт посылки приветствия нейтральной конференции Главным Правлением германской социал-демократии. Правление французской партии от приветствия воздержалось и тем облегчило всей прессе Франции травлю гаагской конференции, как интриги Бетман-Гольвега, — несмотря на то, что на конференции раздавались франкофильские голоса, нашедшие свое отражение в вотированной резолюции, и не было ни одного — по крайней мере открытого — германофильского голоса... Лонгетистское меньшинство также не отважилось послать приветствие: чтоб не нарушать рамок легальности, не чинить серьезных затруднений своему большинству, а главное — из опасения сшибиться лбами с Шейдеманом и его друзьями.

Конференция, именно потому, что она состояла из нейтральных, не могла удовлетвориться изысканием „непосредственных виновников“, даже если бы противоречиво-„фильские“ тенденции в ее собственной среде позволили ей притти к какому-нибудь

решению в этом вопросе. Слишком уж это мизерно и ничтожно, после двух лет войны, потрясшей основы мирового хозяйства, преподносить интернациональному пролетариату, в качестве основного вывода, который должен определять всю политику социализма, ту истину, что правительства Вильгельма и Франца-Иосифа страдают мегаломанией и не уважают международных трактатов. Конференция вынуждена была позаимствоваться кое-чем у Циммервальда и прежде всего признать общую империалистическую основу войны; но она тут же свела политически это принципиальное признание на-нет, указав на „свободу торговли", как на путь к прочному миру: как будто империализм исчерпывается принципами таможенной политики или как будто можно повалить его, незаметно выдернув у него из-под ног систему протекционизма!

Признавая, что центральные империи оставили эпоху побед позади, Трельстра подчеркивал безнадежно-затяжной характер войны и нежелательность решительной победы ни одного из противников: отсюда он выводил — и конференция вместе с ним — необходимость для социалистов „позаботиться" о прекращении войны. Брантинг, наоборот, видит явный материальный и моральный перевес на стороне держав Согласия, и именно в этом он хочет открыть серьезную базу для начатия мирных переговоров; в согласии с Брантингом конференция отмечает, что страны Согласия не атаковали, а были атакованы. Так, слегка раскачивая качели своего „нейтрализма" между обоими лагерями, нейтральные дипломаты стремились уловить сердца Шейдеманов и Реноделей, которым они предложили обменяться мыслями по поводу судьбы Эльзас-Лотарингии.

Какое значение могут иметь их „мысли", раз не они решают судьбу завоеванных и еще не завоеванных провинций? Какое значение имеют их суждения на счет целесообразности войны и ее шансов, раз во главе ее стоят другие? Собираются ли социал-патриоты воюющих лагерей повести отныне самостоятельную политику в защиту своих международных „решений"? Нет. Требуют ли от них этого нейтральные социал-патриоты? Нет. Какое же значение имеют решения гаагской конференции? Мы уже ответили на этот вопрос выше: значение пробного шара. Это не призывы к борьбе, а осторожные запросы, обращаемые нейтральными правительствами через посредство нейтральных и воюющих социал-патриотов к воюющим правительствам: *не пора ли?* Тень не

имеет самостоятельного существования, но по ней иногда можно судить о движении тел.

Правление германской социал-демократии приветствовало конференцию. Это симптом. Французская буржуазная пресса бешено напала на нее. Это симптом. Но газета „L'Humanité", эта воплощенная недобросовестность в сфере информации, напечатала подробный и, повидимому, добросовестный отчет о конференции. Буржуазная пресса атаковала Ренoделя, требуя от него истинно-французских комментариев. Но он их не дал и даже опубликовал дополнительно ту часть речи Трельстра, где этот последний подчеркивает, что продолжение войны лишь усиливает международное влияние царизма. Это тоже симптом. Но чего? Новых веяний на правительственных верхах? Или — утраты равновесия на верхах французского социализма, которые считают теперь необходимым держать открытой и гаагскую дверь? На этот счет возможны только предположения, близкие к гаданиям. И тот факт, что все значение конференции нейтральных разрешается в такого рода гаданиях и планах, намерениях и происках правящих, этот факт является самым безжалостным приговором для этой конференции нейтральных теней.

„Н.-С.", 20 августа 1916 г.

IX. Русский социал-патриотизм [1]).

[1]) Здесь объединены статьи, посвященные политическому, действенному формированию русского социал-патриотизма или, точнее, перерождению основного меньшевистского ядра в штаб русского социал-патриотизма. Организационной осью социал-патриотической группировки явились военно-промышленные комитеты; участию в них рабочих посвящена поэтому значительная часть печатаемых статей. Мы выбрали статьи, посвященные наиболее существенным моментам этого процесса, но не избежали при этом некоторых повторений, устранить которые могла бы только радикальная переработка печатаемых статей; но это, разумеется, не могло входить в наши планы.

Печатаемые статьи охватывают период с мая 1915 г. по октябрь 1916 г.

П. Б. Аксельрод и социал-патриотизм.

В своем интервью, затрагивающем основные вопросы переживаемого нами кризиса в социализме, Аксельрод высказывает ряд положений, расходящихся с позицией нашей газеты. Мы считаем необходимым здесь же коснуться этих вопросов, независимо от более подробного рассмотрения их в нашем органе.

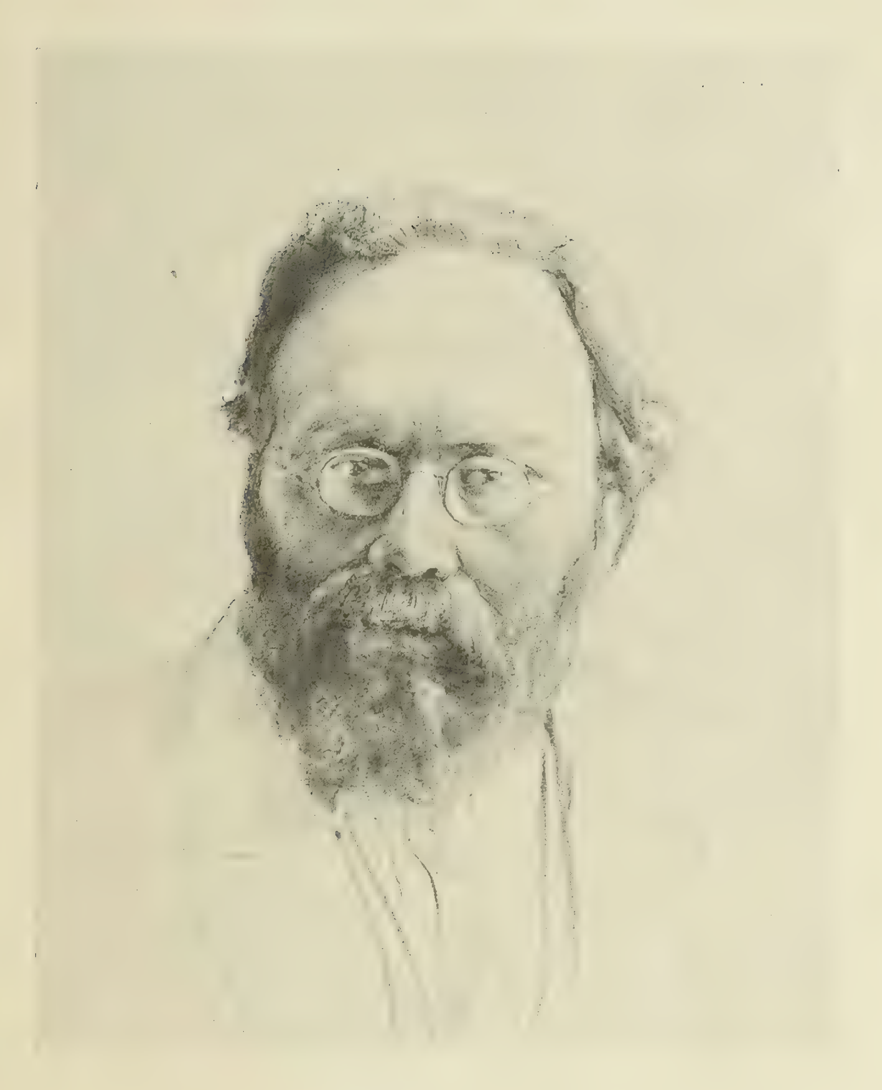
Мы совершенно согласны с Аксельродом, когда он указывает на глубокие внутренние и внешние изменения в старых группировках европейского социализма. Но тем непонятнее представляется нам его упрек тем русским интернационалистам, непримиримая идейная борьба которых неизбежно содействует процессу формирования новых идейных группировок, отвечающих новым задачам эпохи, за счет старых группировок, сложившихся на несравненно более узкой и ограниченной идейной базе. Можно было бы присоединиться к Аксельроду, поскольку он выступал бы только против методологии раскола во что бы то ни стало, раскола, упреждающего (и на деле нередко тормозящего) идейное самоопределение социал-демократического пролетариата. Но на самом деле возражение Аксельрода бьет гораздо дальше и, во имя борьбы против преждевременных или искусственно вызванных расколов, санкционирует то примиренчество во что бы то ни стало, которое на деле влечет к отказу от отчетливой постановки вопросов интернационализма и социал-патриотизма, как неизбежно ведущих к разложению старых русских группировок. В этом мы не можем не видеть недооценки той огромной опасности, какую представляет собою социал-патриотизм, в частности для русского рабочего движения.

Поскольку верно, что русские условия не создают благоприятных предпосылок для распространения в рабочих рядах идей и настроений социал-патриотизма, остается во всей своей силе опасность заражения их скептическим разочарованием в идеалах социализма и методах революционного марксизма, если под знаменем этих именно идей не будет вестись непримиримая борьба против разлагающих и деморализующих Интернационал социал-

патриотических тенденций. Незачем и говорить, что такой результат до последней степени затруднил бы нам в России ту самую работу над интернационализацией тактики, о которой говорит Аксельрод. Такая недооценка опасности русского социал-патриотизма особенно ярко сказалась в подписанном Аксельродом докладе Копенгагенской конференции, где заявляется, будто позиция группы авторов ответа Вандервельде не ведет к прекращению или ослаблению нашей борьбы с царизмом. После думского выступления Манькова, сделавшего единственно возможный вывод из позиции Плеханова и „Нашей Зари“, не может быть споров о том, что эта позиция ведет не только к национализации российской социал-демократии, но и к полному умерщвлению ее революционного духа.

Можно было бы совершенно не касаться надежд Аксельрода на возвращение Плеханова на революционную позицию, если бы эти надежды опирались только на ту или иную оценку индивидуальных способностей Плеханова к возрождению. Но мы — под углом зрения разврата, вносимого патриотизмом в рабочее движение — станем решительно протестовать против всякой попытки оценивать политическое поведение Плеханова и французских социалистов, с которыми он солидаризируется, при помощи другого масштаба, чем поведение, скажем, немецких социал-империалистов. Поскольку в прежних отзывах Аксельрода выражалось несравненно более примирительное отношение к поведению французского социализма, чем немецкого, и поскольку Плеханов односторонне рассматривается Аксельродом под углом зрения не русской, а французской „ориентации“, мы считаем необходимым повторить здесь, что ни принципиальные соображения, ни наблюдения над плачевной действительностью французского социализма, не оставляют, по нашему убеждению, никакого места для такого различия в оценках.

Выражая надежду на возвращение Плеханова на революционную позицию после войны, Аксельрод как бы приглашает интернационалистов смягчить борьбу с Плехановым — под углом зрения этой надежды. Он игнорирует при этом коренной факт, на который сам совершенно правильно указывает в другой связи, именно, что решающие политические группировки, которые должны на многие годы предопределить судьбу социализма, подготовляются уже сейчас, по линии отношения к войне. Вернется ли Пле-



Х. РАППОПОРТ
(ВАРИН)

ханов или не вернется на позицию революционного марксизма, но сейчас он наносит этой позиции жестокие удары, сейчас он соблазняет малых сих, сейчас он вносит смуту в рабочие ряды и поведением своим вызывает, как и солидаризовавшееся с ним окончательно „Наше Дело“, необходимость непримиримого отпора.

„Тактики последовательного интернационализма и национализма, как он (этот последний) проявился во время войны, взаимно настолько исключают друг друга, что существование их в пределах одной партии совершенно невозможно“—такое решительное заявление мы находим в самом начале интервью Аксельрода. Тем непонятнее представляется нам, в свете этого заявления, смягченная оценка русского социал-национализма.

В критике Аксельродом выдвинутого нами плана заграничной конференции интернационалистов имеются, наряду с простыми недоразумениями, и разногласия в оценке внутренних задач партии. К явному недоразумению относится мысль, будто бы мы собираемся кого-либо исключать или изгонять из партии, в зависимости от приглашения или неприглашения на конференцию. Мы предполагали не обще-партийную конференцию, а частное, никакими организационными правами не наделенное совещание интернационалистов в целях более планомерного отстаивания ими своей точки зрения в русском рабочем движении и пред лицом Интернационала. Если Аксельрод в свое время доказывал, что сторонники идеи рабочего съезда имеют право устраивать в партии свои совещания, то тем более должно быть предоставлено это право сторонникам интернационалистской точки зрения в нынешний критический момент. Но это не только право их, а и обязанность. Для того, чтобы непримиримое идейно-политическое размежевание с социал-патриотизмом во всех группировках, — а на этом мы стоим, — не сопровождалось сохранением, а то и усложнением партийного хаоса, необходимо, чтоб параллельно с этим процессом шло идейное и действенное сплочение интернационалистов всех фракций. В этом сплочении мы видим необходимое условие возрождения и успеха революционной социал-демократической деятельности в России.

„Н. С.“, 16 мая 1915 г.

О совместных выступлениях с социал-патриотами.

(По поводу „письма Мартова".)

Мартов совершенно прав, когда заявляет, что редакция „Нашего Слова" не выносила решений, запрещающих членам редакции литературное участие в „Нашем Деле", боевом органе русского социал-национализма. Совершенно верно также, что Мартов говорил на заседаниях редакции о своем намерении бороться против социал-национализма на страницах „Нашего Дела". „Сотрудничество" того рода, какое имел в виду Мартов, по существу дела было бы (если бы могло осуществиться), очевидно, не сотрудничеством в обычном смысле слова, а использованием со стороны Мартова своего положения в меньшевистской фракции для проведения со страниц „Н. Дела" политической линии, непримиримо враждебной этому органу.

Считая этот план практически неосуществимым; не сомневаясь, что социал-национализм против нападений Мартова встретит надежнейшую защиту со стороны цензуры; опасаясь, что голый факт „участия" Мартова в „Н. Деле" послужит, при таких условиях, лишь прикрытием, с одной стороны, для этого органа, а с другой—для всяких промежуточных, шатущихся или беспринципных элементов, — большинство нашей редакции — пять членов из семи — нимало не скрывало от Мартова своего вполне отрицательного отношения даже и к тому „сотрудничеству", которое по замыслу должно было быть перенесением борьбы на неприятельскую территорию. Если, тем не менее, редакция не определяла формально своего отрицательного отношения к такому „сотрудничеству", не выходившему, впрочем, из состояния проекта, и оставляла все это начинание на личной ответственности Мартова, то исключительно руководствуясь уверенностью, что сам Мартов, во всяком случае, примет все меры к тому, чтобы появление его статей в „Н. Деле" не могло быть истолковано, как „совместное литературно-политическое выступление с социал-патриотами".

К такого рода совместным выступлениям наша редакция относится — это, надеемся, без дальнейшего ясно всем нашим друзьям и читателям — совершенно отрицательно. И те примеры и соображения, которые приводит Мартов в своем письме, не могут ни в малой мере поколебать такое наше отношение.

Мы должны выразить сожаление по поводу того, что т. Мартов, „не касаясь“ „сотрудничества с несоциалистическими патриотами“, тем не менее осложняет стоящий перед нами вопрос — вопросом об участии в буржуазной прессе, как „Вестник Европы“, „Русское Богатство“, „Киевская Мысль“ и пр. На самом деле, это два глубоко различных вопроса, и их сближение может только спутать карты и уничтожить возможность какого бы то ни было критерия.

Участие социалиста в буржуазной прессе, какие бы неудобства оно в себе ни заключало, само по себе — по общему правилу — не вносит путаницы в политические отношения. Социал-демократическая партия давно и определенно отмежевалась и от буржуазных партий и от „беспартийной“ буржуазной печати. Здесь линия водораздела проведена совершенно отчетливо для всех. Сотрудничество социалиста в буржуазном издании совершенно не ангажирует партию, как таковую. Никто не делает выводов о политическом блоке из того факта, что социалист пишет корреспонденции в буржуазном органе. Поскольку такого рода сотрудничество вызывается объективным положением вещей, особенно у нас в России, партия может только требовать, чтоб это сотрудничество было обставлено определенными гарантиями: социалист не может сотрудничать в органе, враждебно атакующем социал-демократию; социалист должен подписывать свои статьи, не растворяясь в буржуазном издании; социалист не может со страниц буржуазной прессы критиковать свою партию.

Совсем иначе обстоит дело с изданием типа „Нашего Дела“. Социал-национализм есть течение, возникшее внутри социал-демократии. Это течение, вполне определившееся во всем Интернационале, мы считаем смертельно-враждебным историческим интересам пролетариата. Внутри рабочего движения, внутри социал-демократии мы ведем работу непримиримого размежевания с социал-национализмом. Эта работа в массах еще далеко не завершена. Ясного и несомненного для масс водораздела еще нет. Совместные идейно-политические выступления с социал-патриотами, сотрудничество интернационалистов в органах социал-национализма не может в этих условиях не вносить смуты в умы, не тормозить необходимого и спасительного процесса размежевания, не притуплять революционной бдительности передовых рабочих.

Совершенно верно, что „наша газета отнюдь не проповедует во что бы то ни стало раскола". Отсюда Мартов выводит формально как бы безупречную обратную теорему, — именно, что „Наше Слово" „считает принципиально-допустимой совместную политическую работу с социал-патриотами". Но что это значит? Из того, что мы не требуем раскола с социал-патриотами, *всегда и при всяких условиях* вытекает только, что наша работа и работа социал-патриотов могут *до поры, до времени* развертываться внутри общих организационных рамок. Но это ни в каком смысле не равносильно „совместной политической работе". Наоборот: интернационалисты лишь постольку имеют право оставаться в общих с социал-патриотами рамках, поскольку они противопоставляют свою политическую работу работе патриотов и заставляют таким образом массу делать выбор между той и другой. Но если сосуществование с социал-патриотами в рамках общих массовых организаций диктуется интернационалистам в большинстве случаев именно потребностями борьбы за влияние, то отсюда ни в каком случае не вытекает целесообразность сожительства с социал-патриотами в общих идейно-политических изданиях, которые в настоящих условиях не могут не быть орудиями борьбы двух непримиримых течений. С „внутренним" врагом приходится бороться на общей территории, но нельзя бороться с ним общим оружием.

Мы никак не можем признать „совместными идейно-политическими выступлениями" те приводимые Мартовым случаи, когда „Голос" или „Наше Слово" давали место отдельным статьям Дейча, Ледера, Трояновского или других социал-националистов. Если наша, ведущая определенный интернационалистский курс, редакция печатала время от времени социал-патриотические статьи с соответственной редакционной оценкой, то никак уж не во имя „совместных выступлений", а как раз для более наглядного доказательства — невозможности „совместных выступлений". И это как нельзя лучше обнаруживается на том обстоятельстве, что такого рода случаи, сравнительно нередкие в первый период существования нашей газеты, когда идейное самоопределение враждебных течений находилось в первоначальной стадии, совершенно исчезли за последний период, когда позиции окончательно определились. Ссылка Мартова на принятую нами для напечатания статью Парвуса, „написанную для оправдания его патриоти-

ческой германской позиции", является лучшей иллюстрацией нашей мысли: никто же не станет, в самом деле, утверждать, будто мы решили печатать статью Парвуса — разумеется, с надлежащей отповедью! — на предмет совместных с ним выступлений! Но, с другой стороны, очень поучительно, что это решение редакции не было приведено в исполнение в течение... пяти месяцев. Решение оказалось фактически отмененным — за явной запоздалостью: сейчас уже исчезли мотивы для оказания хотя бы эпизодического „гостеприимства" тем социал-милитаристам, которые стучатся в наши двери. Еще меньше может быть у нас теперь оснований — стучаться к ним в двери.

Цитируемое Мартовым решение относительно статьи Парвуса дает нам достаточный повод привести другое решение, в связи с тем же Парвусом, принятое редакцией в начале августа по инициативе Мартова. Дело шло о том „Институте для исследования социальных последствий войны", который создан Парвусом в Копенгагене. Организатор предприятия пригласил для работы несколько русских социал-демократов-интернационалистов. Мартов предложил редакции признать недопустимым для интернационалиста работу в указанном Институте, — и редакция единогласно приняла такое решение. Не потому, как мы уж разъяснили, что предполагали, будто Институт преследует какие-либо другие цели, кроме подбора и классификации соответственных материалов: наоборот, все, что мы знали и знаем о постановке предприятия, не давало повода ни для каких подозрений. Мартов указал, что он руководится исключительно политическими соображениями: поддержка со стороны интернационалистов созданного Парвусом института, хотя бы и лишенного политической окраски и безупречного по целям, поднимет политический авторитет Парвуса и так или иначе будет им использован в интересах его социал-милитаристской агитации.

Мы считаем, что эти соображения тем более применимы к совместным идейно-политическим выступлениям с социал-патриотами или к сотрудничеству в их органах. Если мы заботимся о том, чтоб немецкий социал-милитарист (Парвус) не почерпнул косвенной поддержки в не-политическом сотрудничестве с ним русских интернационалистов, то мы сугубо обязаны заботиться о том, чтоб не оказать прямой поддержки нашим русским социал-патриотам, выступая с ними бок-о-бок как с политическими

союзниками пред лицом рабочих масс. Нельзя забывать, что мы находимся не в первом и не в пятом, а в пятнадцатом месяце войны. Время академических дискуссий с Масловыми и Левицкими на тему о „защите отечества“ осталось позади. Интернационализм должен стать — и становится — лозунгом действия. На международном совещании мы подписали торжественное обязательство непримиримой борьбы с теми, которые „взяли на себя пред рабочим классом, пред его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы“. Эти слова обязывают. Тех публицистов и „вождей“, которых события войны и социалистического распада не заставили до сих пор ликвидировать свой социал-патриотизм, мы можем и должны предоставить собственной участи. Вопросы интернационализма и социал-патриотизма вышли на улицу и требуют ясного, отчетливого, законченного ответа. Выступая вместе с социал-патриотами со страниц общих изданий, мы не сможем сказать массам, что социал-патриотизм смертельно-враждебен интересам пролетариата, — такова правда, и мы ее должны сказать! Мы должны себе обеспечить возможность сказать массам эту правду целиком. А для этого нам, интернационалистам, нужно теснее сомкнуть *свои* ряды, нужно создать *свои* органы, *свои* опорные базы для революционного действия. Содействовать этому „Наше Слово“ считало и считает своей главнейшей задачей.

„Н. С.“, 19 ноября 1915 г.

Сотрудничество с социал-патриотами.

(Ответ Мартову.)

Мартов, по-прежнему, уклоняется от постановки вопроса по существу, в плоскости политической целесообразности, всячески стараясь его свести в плоскость формальной казуистики и многочисленных, более чем спорных аналогий.

Совершенно верно, что около года тому назад, когда размежевание между интернационалистами и социал-патриотами находилось на первой стадии и когда впервые всплыл рассматриваемый сейчас вопрос, редакция „Нашего Слова“, правильно или неправильно, не видела оснований для вынесения превентивного

решения, признающего недопустимым сотрудничество в „Нашей Заре“. В течение дальнейших 12-ти месяцев у редакции не возникало практического повода ставить этот вопрос, так как из двух ее членов, входящих в августовский блок, Мартов только собирался „совместно выступать“ на страницах „Нашей Зари“, но так и не выступил, а другой, Бэр, ни разу не заявлял нам о своем намерении сопутствовать Мартову. Опасаться, что кто-нибудь из интернационалистов не-меньшевиков найдет момент благоприятным для того, чтобы открыть партийный кредит журналу Потресова, Маевского и Левицкого, совсем не приходилось.

Мартов „не считал“ тех из нас, которые были против его участия в „Нашей Заре“. Что ж, подсчитать никогда не поздно. Если Мартов этим серьезно займется, он убедится, что таких очень много и за пределами нашей редакции: не только весь лагерь ленинцев, которых не приходится скидывать со счетов, когда говорят о взаимоотношениях между интернационалистами и социал-патриотами, не только все нефракционные интернационалисты, но и революционные меньшевики-интернационалисты, которых, к счастью, имеется не мало и которым выступления Мартова в защиту сотрудничества в „Нашем Деле“ причиняют одни только огорчения. Мартову сейчас гораздо легче было бы подсчитать тех, кто с ним согласен в этом вопросе. И чем дальше он будет откладывать подсчет, тем легче будет его задача.

Но Мартов хочет нас заставить думать, что „Наше Дело“ перестало быть идейным очагом социал-патриотизма, так как в редакции-де произведены какие-то никем не замеченные административные перемены. Орган действительно объявлен „дискуссионным“ [1]). Мы не станем повторять здесь уже развивавшиеся нами соображения на счет полной неуместности „дискуссионного“ сожительства с теми, кто ведет против социал-демократии открытую политическую борьбу. Но мы спросим: где же она, эта дискуссия, в дискуссионном органе? Мы берем „Наше Дело“, как оно есть, мы видим его газетные ответвления, петроградское „Рабочее Утро“ и самарский „Наш Голос“, мы имеем пред собою авторов, статьи и идеи, которые действительно определяют для внешнего мира политический облик этого журнала. И мы гово-

[1]) Напомним кстати, что каррикатурно-патриотическое „Свободное Слово“ Дейча в Нью-Иорке также объявлено было „дискуссионным“.

рим: „Наше Дело“ есть главный очаг социал-патриотической пропаганды в России. Мы можем только пожать плечами по поводу того, что Мартов в нашей оценке „Нашего Дела“ пытается открыть наше застарелое недоверие к органу меньшевиков. Нужно ли нам ссылаться на последнюю резолюцию лондонских революционных меньшевиков, у которых, надеемся, нет застарелой ненависти к органам меньшевизма, но которые требуют непримиримой борьбы с „Нашим Делом“, ставя его рядом с Плехановым [1]). Мартову остается разъяснить читателям „Нашего Слова“, что до лондонских меньшевиков доходят только книжки „Нашего Дела“, но не дошла весть о спасительных переменах в составе его редакции.

Мы не можем тут же не обратить внимания всех революционных меньшевиков на то, что, характеризуя нашу оценку „Нашего Дела“, как враждебный поход против меньшевизма, Мартов тем самым прилагает свои руки к тому, чтобы — в полном противоречии со своей прошлой работой в „Н. Слове“ — отождествить в общественном мнении партии и Интернационала меньшевизм с социал-патриотизмом. И мы смеем утверждать, что нашей прямой и открытой постановкой вопроса о „Н. Деле“ мы оказываем действительную услугу революционному меньшевизму и, в частности, нашей думской фракции. Тогда как Мартов своей политикой попустительства и затушеваний толкает меньшевизм к растворению в социал-патриотизме. Товарищи-меньшевики! Помните о петроградских выборах!

Напрасно Мартов снова осложняет вопрос безразборчиво набросанными примерами Ледебура, Гоффмана, Мергейма... Мы меньше всего являемся алхимиками идеи раскола, как философского камня. Мы заявляли не раз, что вопрос об организационных формах борьбы интернационалистов за влияние на пролетариат не является для нас принципиальным, а целиком подчинен соображениям политической целесообразности. У нас нет

---

[1]) „Группа призывает всех стоящих на интернационально-пролетарской почве к беспощадной борьбе против социал-патриотов (Плеханов, „Наше Дело“ и т. д.), затемняющих классовое сознание пролетариата и тем самым преграждающих ему путь к выполнению его революционных задач настоящего момента и к его движению вперед к осуществлению своей исторической миссии“.

(Из резолюции Лондонской Группы Содействия Р. С.-Д. Р. П.)

организационных решений, пригодных для всех стран и на все случаи жизни. Но мы знаем и говорим, что сейчас в России при явном преобладании интернационалистов в политически оформленном рабочем движении; при многочисленности неопределившихся и колеблющихся элементов, для которых авторитет с.-д. партии имеет огромное значение; при том исключительном значении, какое у нас имеют органы печати; при той развращающей политической работе, какую сейчас открыто выполняют в пролетариате социал-патриоты, эксплуатируя авторитет социал-демократии, — при этих условиях участие интернационалистов в их органах, оставаясь фиктивным или полуфиктивным по существу, не может не сводиться к тому, что имена интернационалистов будут играть роль наживки для уловления колеблющихся и неразобравшихся. Позиция Мартова была бы может быть гораздо сильнее, если бы он хоть раз выступил на страницах „Нашего Дела“ со статьей, в которой недвусмысленно призвал бы социалистических рабочих повернуться спиною к идеям Потресова, Левицкого, Маслова, Череванина, Горского и др., как смертельно враждебным историческим интересам пролетариата. Но мы опасаемся, что социалистические рабочие будут тщетно искать такой статьи на страницах „Нашего Дела“. Все, что они до сих пор видели там, это имя Мартова, как свидетельство того, что он отнюдь не усматривает между своими идеями и идеями „Нашего Дела“ никакой смертельной вражды.

* * *

Защита безнадежной позиции приводит Мартова к такому истолкованию смысла циммервальдского манифеста, которое мы считаем нашим долгом отвергнуть со всей категоричностью. Мы сказали, что в Циммервальде мы подписывали обязательство непримиримой борьбы с социал-патриотами, которые, говоря словами манифеста, „взяли на себя перед рабочим классом, перед его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы“. Мы считали, что беспощадная характеристика, какую манифест дает социал-патриотам, именно и означает принятие нами пред лицом „пролетариев Европы“ обязательства непримиримой борьбы с теми, которые „попрали постановления“ интернациональных конгрессов, „призвали рабочих к приостановке

классовой борьбы", „голосовали за военные кредиты", „предоставили себя в распоряжение правительства для разных услуг", „предоставили своим правительствам министров-заложников для охранения национального единения" и пр. и пр. Все это подлинные выражения манифеста. Но, восклицает Мартов, обязательство непримиримой борьбы с социал-патриотами „не заключается ни в одной строке ни одного документа". Какой же смысл имеет в таком случае вся эта беспощадная характеристика социал-патриотов перед лицом рабочих масс? Не означает ли она, что рабочие должны выражать недоверие каждому депутату, который голосует за кредиты, и требовать от него сложения мандата, требовать выхода в отставку министров или лишать их партийного мандата и пр. и пр.? Неужели же Мартов вынужден уже своей нынешней позицией к тому, чтобы не делать и этих выводов из циммервальдского манифеста? Это его дело. Но мы смотрим на наше участие в циммервальдской конференции именно, как на обязательство продолжать непримиримую борьбу с социал-патриотами, прежде всего с русскими, а стало быть с теми самыми, с которыми Мартов считает возможным сотрудничество в добровольно подобранных „коалиционных" редакциях.

Таковы-то оказываются те наши „пристрастные и фракционные нападки", вследствие которых, по словам Мартова, „все большая часть меньшевиков чувствует себя вынужденной держаться в стороне от „Нашего Слова". Если б это было так, это значило бы на самом деле, что та внутри-фракционная политика, которую защищает против нас Мартов, успела целиком принести свои гибельные плоды, притупив революционную бдительность широких кругов меньшевизма. Это значило бы, что даже та более чем печальная роль, какую сыграли руководящие круги августовского блока во время питерской кампании, неспособна породить спасительный отпор со стороны самих меньшевиков, отпор мужественный, решительный и доведенный до конца. Но это не так. Мы не сомневаемся — и даже те поневоле ограниченные наблюдения, какие мы можем сейчас сделать, укрепляют в нас эту уверенность, что в среде рабочих-меньшевиков имеются многочисленные революционные кадры, для которых связь с революционными интернационалистами всех фракций гораздо выше чисто-фракционной, политически-реакционной связи со штабом социал-патриотов из „Нашего Дела"; кото-

рые тяготятся этой последней связью; которые завтра потребуют вместе с нами ее разрыва; которые циммервальдский манифест понимают, как обязательство непримиримой борьбы с социал-националистическими отравителями; которые хотят вести эту борьбу и довести ее до конца, не связывая себя никакими соображениями фракционного родства и свойства. Эти меньшевики-революционеры не смогут отстраниться от нас, как и мы не можем отстраниться от них: мы выполняем одно общее дело. На их суд, как и на суд общественного мнения всех интернационалистов, мы отдаем затяжной конфликт Мартова с нашей редакцией.

„Н. С.", 12 декабря 1915 г.

Нужно сделать все выводы.

(К выборам рабочих в военно-промышленный комитет.)

Мы показали на-днях, какую огромную победу одержал революционный интернационализм в том опросе петроградских рабочих, какой был организован правящими классами [1]). Позиция „национальной обороны" оказалась разбита на-голову, несмотря на то, что она была выдвинута в самый благоприятный для нее момент и в наиболее благоприятных условиях: немецкая армия вошла глубоко внутрь России, пробуждая элементарные инстинкты

---

[1]) „Наше Слово" (31 окт. 1915 г.) следующим образом характеризовало исход петербургских рабочих выборов в военно-промышленный комитет:

„Избирательная кампания эта сопровождалась давно небывалым оживлением в рабочей среде, рядом собраний и митингов. В ней участвовало около 250 тыс. рабочих. Буржуазная печать, внимательно следившая за кампанией, стремилась выуживать малейший намек на патриотическую позицию. Ее старания, однако, мало увенчались успехом, а конечный результат был таков, что он решительно похоронил ее надежды на „национализацию" русского рабочего движения. 90 голосами против 81 уполномоченные крупных петроградских заводов (с числом рабочих от 500 чел.) решили отказаться от выборов в военно-промышленный комитет, часть же рабочих бойкотировала выборы еще на первой стадии.

81 уполномоченный были *за* выборы. Значит ли, что эти 81 уполномоченный были все патриоты или представляли патриотически настроенных рабочих? Отнюдь нет!" И пр.

самосохранения, а буржуазная пресса, этот организованный заговор правительства и имущих классов, не упускала ни одного факта, ни одного довода и, пользуясь отсутствием социалистической печати, не останавливалась ни пред какой фальсификацией, чтобы терроризировать сознание народных масс „тевтонской опасностью“. Поистине, с честью вышел петроградский пролетариат из труднейшего политического испытания. Те политические мудрецы—вроде Чернова—которые из кризиса Интернационала пытались извлечь аргументы против классовой „односторонности“ пролетарского социализма, получили снова хороший урок: если правда, что не всегда и не при всяких условиях пролетариат бывает революционным, то революционный социализм бывает только пролетарским.

Однако, из того же подсчета голосов можно сделать и другой вывод: несмотря на неоспоримую и блестящую победу революционного интернационализма, приходится констатировать, что под социал-патриотическим знаменем объединилось очень значительное, на первый взгляд даже неожиданное количество петроградского пролетариата. На 90.000 рабочих, ясно и отчетливо заявивших себя интернационалистами, на 53.000 рабочих, отколотых Организационным Комитетом от прямого участия в кампании, пришлось 80.000 душ (35%), высказавшихся за участие в военно-промышленном комитете. Что 53.000 рабочих, отказавшихся—из опасения „фальсификации общественного мнения пролетариата“! — от выборов и сбившихся на тактику самого примитивного бойкотизма, действовали ложно, это, думаем, не нуждается в доказательствах. Но самый страх их пред правительственно - предпринимательской фальсификацией выборов достаточно ярко свидетельствует, что эта часть рабочей массы меньше всего стремилась впречься в колымагу „национальной обороны“. Из 80.000, голосовавших за участие в комитете, значительная часть, как известно, руководилась не национальными, а примитивно - классовыми соображениями о защите рабочих интересов через собственных представителей в военно - промышленном комитете. Но все же остается тот факт, что от $1/4$ до $1/3$ петроградского пролетариата— никак не больше, но вряд ли многим меньше — высказалось за организованное участие рабочих в военной мобилизации промышленности и в „национальной обороне“. Факт очень крупный, и к нему надо внимательно присмотреться.

Несомненно, что больше всего были ошеломлены своим успехом сами социал-патриоты. В какой-нибудь „L'Humanité они могли, разумеется, с успехом пускать пыль в глаза, рассказывая, что за каждым, с позволения сказать, Алексинским стоит весь российский пролетариат. Но в глубине души они не могли не чувствовать себя жалкими отщепенцами — без организации, без традиций, почти без думского представительства, без авторитета партии. И вдруг: несколько десятков тысяч голосов! Откуда?

Ясно откуда: *из рук буржуазного общества*. Все те элементы рабочего класса, которые находятся еще в духовной кабале у государства и имущих классов, мобилизовались на этот раз под знаменем социал-патриотизма. При каждых выборах рабочие давали известное количество реакционных, либеральных и трудовических выборщиков. Где они оказались на этот раз? Ясно: они все сплотились под знаменем Плеханова, „Призыва“ и „Нашего Дела“.

Но не одни эти элементы. В рабочем классе имеется не только *промышленная*, но и *политическая* резервная армия: многочисленные кадры индифферентных, забитых, неразбирающихся, пассивных. Они участвуют в общественной жизни порывами и, в зависимости от характера момента, склоняются то на сторону революции, то на сторону реакции. Они захватываются нередко стачками, но из них же вербуются эпизодические штрейкбрехеры. Война должна была взбудоражить самые пассивные слои рабочего класса, а поражения естественно должны были сделать именно эти отсталые элементы восприимчивыми к лозунгу „национальной обороны“. Мы уже не раз указывали на противоречивое влияние военных поражений: революционизируя одни элементы пролетариата, они толкают другие его слои, дотоле индифферентные или поверхностно затронутые социализмом, под национально-милитаристическое знамя. Сюда же нужно, наконец, прибавить своекорыстные элементы из среды квалифицированных рабочих, недурно пристроившиеся при „мобилизованной“ промышленности.

В качестве непосредственных руководителей социал-патриотических масс выступили достаточно многочисленные у нас оппортунистические пролетарские элементы, прошедшие известную политическую школу, скептически или враждебно относящиеся к революционной борьбе и склонные всегда итти по линии наи-

меньшего сопротивления. Идеология „национальной обороны“ и классового сотрудничества нашла в них своих естественных сторонников и проповедников на фабриках и заводах.

Такова подлинная армия социал-патриотизма. Она, в подавляющей своей массе, навербована за пределами социал-демократии. Элементарный анализ цифр говорит нам, что социал-патриотические верхи не увели за собой наших масс, а сами передвинулись на новые, еще не завоеванные нами или не закрепленные за социализмом массы. Вот почему в Москве, где социал-демократия не имела никогда таких глубоких корней, как в Петрограде, социал-патриоты должны иметь значительно больший успех, чем в петроградской цитадели социализма. В явном расчете на это именно различие уровня рабочей среды правящие классы только и могли решиться сделать новую попытку в Москве после того, как столь жестоко обожглись в Петрограде.

Но каким же образом социал-патриоты в кратчайший срок мобилизовали десятки тысяч рабочих без политического авторитета, без организаций, без аппарата пропаганды? Очень просто: для овладения *чужими* массами к их услугам оказался готовый *чужой* аппарат — наиболее могущественный, какой только можно себе представить: все органы буржуазного общественного мнения, а в значительной мере и военно-полицейская организация государства.

Социалистическая пресса подавлена. Рабочие массы вынуждены питаться „лево“-буржуазной печатью. И, мы видели, как „День“, „Современное слово“, „Речь“ — при сочувственной поддержке „Вечернего Времени“ и „Нового Времени“ — становятся проводниками социал-патриотических идей в рабочие массы. Изо-дня в день в газетах и на патриотических собраниях говорится о тевтонском варварстве, об угрозе независимой России и западных демократий; факты препарируются, подтасовываются, замалчиваются — смотря по надобности. О циммервальдской конференции русским рабочим, конечно, не узнать из легальной прессы; зато она вся полна сообщениями о конференции полудюжины русских социал-патриотов. Их политические вещания правительственная телеграфная проволока немедленно разносит по всей стране. Орган московских промышленников требовал даже расклейки плехановского манифеста по фабрикам и заводам. Вот какой аппарат оказался

на службе у социал-патриотов, или точнее: вот у кого на службе оказался социал-патриотизм!

Монархическое черносотенство овладевало у нас лишь самыми темными или развращенными подонками рабочего класса. Русский либерализм привлекал к себе только отдельные единицы из наилучше поставленных рабочих, входящих в состав заводской иерархии. Социал-патриотизм оказался более пригодным политическим инструментом в руках имущих классов и государственной власти для идейно-политического подчинения себе отсталых рабочих. Хвостов с Гучковым и Милюковым могли думать семь дней и семь ночей, — они не выдумали бы для своих нужд ничего лучшего, чем плехановское воззвание. Но им не пришлось его выдумывать, они получили этот документ в готовом виде, задаром, с прибавкой более или менее авторитетных имен и „фирм". Там, где правящие, кругом скомпрометтированные, собственными средствами могли бы мобилизовать тысячи рабочих, они, при посредстве социал-патриотов, мобилизовали десятки тысяч.

Социал-патриотизм выступил открыто, на широкой арене, как политическое орудие смертельных противников социализма и классовых врагов пролетариата. Это его поведение должно определить отныне не только наше политическое, но и наше организационное отношение к нему.

Когда депутат Маньков свои политические колебания разрешил в сторону половинчатого патриотизма, воздержавшись при голосовании кредитов, с.-д. фракция исключила его из своей среды. Мы одобряли ее решение, как единственно отвечающее серьезности и глубине противоречия между социализмом и национализмом. Ныне вдохновители Манькова скопом вышли на арену политической борьбы. Против революционного социализма и организаций нашей партии они выступают со своим собственным анти-революционным знаменем, *организационно* опираясь на классовых врагов пролетариата, *политически* служа этим врагам. Этим самым противоречие между нами и ими окончательно выходит из стадии принципиальной „дискуссии" или внутрипартийной борьбы течений, — оно становится составной частью классовой борьбы пролетариата с буржуазным обществом.

Организационная связь с социал-националистическими штабами становится тем самым нетерпимой для социал-демократии и ее организаций. Мы не можем связывать себя сотрудничеством с

социал-патриотами, которые открыто связывают себя с воинствующей буржуазией — против нас. Мы не можем покрывать авторитетом партии работу этих отравителей пролетарского сознания, и мы не можем ограничивать никакими организационными узами нашу борьбу с ними, которая должна быть и будет доведена *до конца*!

Организационный разрыв с воинствующими социал-патриотами по всей линии — вот вывод, который вытекает для нас из последнего петроградского эксперимента!

„Н. С." 11 ноября 1915 года.

Факты и выводы.

(Еще о петроградских выборах.)

В Петрограде идут новые выборы в военно-промышленный комитет, а, между тем, итоги сентябрьским выборам еще и до сих пор не подведены с необходимой *фактической* точностью. Мы говорим о *фактической* точности, ибо те более достоверные данные о ходе выборов 27 сентября, какими мы располагаем сейчас, хотя и дают картину значительно отличную от той, какая вырисовывалась из первого сообщения, проникшего в немецкую социалистическую печать, тем не менее эти новые данные и поправки не только не опрокидывают сделанных нами *политических выводов*, наоборот, в некоторых отношениях, еще больше укрепляют их.

Что касается 90 выборщиков большинства, то попытка зачислить их всех в сторонники „Социал-Демократа" должна быть признана несостоятельной: достаточно указать, что в состав этих 90 входило не только несколько меньшевиков, но и интернационалистское *меньшинство* народников. Хотя до сих пор нет данных об идейных группировках среди выборщиков большинства, не может быть, однако, никакого сомнения в том, что рабочие-большевики занимали в этом революционном блоке виднейшее место. Но, с другой стороны, все имеющиеся данные, в том числе и опубликованные в „Социал-Демократе", совершенно исключают возможность утверждать, будто выборщики-интернационалисты выступали под специфическими лозунгами „Социал-Демократа".

Г. ЧУДНОВСКИЙ

Наоборот: поскольку социал-патриотические выборщики пытались приписать пораженческий лозунг выборщикам-интернационалистам, эти последние отвечали бурными протестами. Повторилось только в более широком масштабе, и не в начале, а на пятнадцатом месяце войны то же, что произошло на суде пяти с.-д. депутатов: лозунг пораженчества, т.-е. вывороченного наизнанку национализма, оказался отвергнут — не „шовинистами“ и „прислужниками правительств“, как величал всех своих оппонентов „Социал-Демократ“, а *всем революционно-интернационалистским авангардом русского пролетариата.* Мы надеемся, поэтому, что „Социал-Демократ“ не заставит нас больше возвращаться к этому печальнейшему идейному и политическому недоразумению.

* * *

Сообщение о 53.000 рабочих, будто бы бойкотировавших — по призыву меньшевистского О. К. — выборы в военно-промышленный комитет, оказалось совершенно *ложным.* На некоторых заводах бойкот действительно имел место, но, повидимому, без всякого политического знамени. Довольно многочисленная группа выборщиков не приняла участия ни в одной из двух группировок и не выдвинула собственного знамени. Но это было пассивное воздержание, а никак не „бойкот“. По сведениям „Рабочего Утра“ всех выборщиков было 212. По официальному сообщению Центр. Военно-промышленного Комитета в собрании 27 сентября участвовало 202 выборщика. Из них 90 стали под интернационалистское знамя, 81 примкнули к противоположной группировке; остальные рассыпались бесследно. Следовательно, помимо тех 10 выборщиков, которые, по данным „Рабочего Утра“, не дошли до собрания, 31 выборщик на самом собрании пассивно стали к сторонке. Возможно, что эта именно группа в 30 — 40 выборщиков, не примкнувших — несомненно по разным причинам — ни туда ни сюда, дала повод для создания легенды об организованном бойкоте выборов сторонниками О. К.

Мы указывали на этих столбцах на полную неожиданность применения бойкотизма центральной организацией *меньшевистской* фракции. Но так как перепечатанное нами из немецкой прессы сообщение не вызвало опровержений, мы вынуждены были считать его достоверным. Мнимый „бойкотизм“ О. К. мы объяснили, разумеется, не упрощенно-революционными соображе-

ниями, как, напр., бойкотизм по отношению к первой Думе, а стремлением уклониться от ответа на *политический* вопрос по существу. В этом объяснении мы исходили из общей политической физиономии О. К., как она определяется его составом и выражается в его выступлениях.

Оказалось, однако, что О. К. не призывал к бойкоту, и что сторонники его входят в число тех 81 выборщика, которые добивались участия в военно-промышленном комитете. Таким образом, наше предположение, что, благодаря решительности социал-патриотов, выступавших под открытым „оборонческим" знаменем, интернационалистские рабочие круги августовского блока оказались *выделены*, наперекор политически-бесхарактерной позиции О. К., оказалось к сожалению ошибочным. На самом деле, выборщики из среды августовского блока стояли под общим „оборонческим" знаменем 81-го и противостояли лагерю интернационалистов. Такова главная поправка, какую приходится внести в данную нами раньше картину выборов.

Это, разумеется, не значит—об этом мы уж писали—будто все 81 выборщик стоят на позиции „национального единения" и всестороннего и безусловного участия в обороне (приостановка классовой борьбы, голосование за военные кредиты и пр.). Ничего подобного! В этом блоке имелись, несомненно, все оттенки от плехановского и до эклектически-интернационалистского. Но так как они противостояли другому, интернационалистскому лагерю, и противостояли не случайно,—то все они предстали пред общественным мнением пролетариата и правящих классов, как сторонники участия в обороне. Так эти два лагеря и закрепились в политическом сознании, как оборонцы и анти-оборонцы.

Против такого критерия пытается в № 3 социал-патриотического „Рабочего Утра" протестовать К. Оранский: он видит в одном лагере международность и реализм, а в другом—космополитический анархизм. На это ему совершенно правильно возражает „Призыв": „Мы не можем понять аргументацию Оранского и думаем, что он перевел спор в спор о словах. То, что разделило Интернационал на два лагеря, это именно вопрос о том, может ли и когда пролетариат защищать свое отечество, не противоречит ли лозунг обороны классовой борьбе пролетариата, и не исключает ли лозунг обороны международную солидарность пролетариата воюющих стран... До тех пор, пока не будут даны

ясные ответы на эти коренные вопросы, к полемике всегда будет примешиваться целый ряд недоразумений". Это выражено неуклюже, но по существу совершенно правильно.

На центральный вопрос: о допустимости военного сотрудничества партии пролетариата с современным империалистическим, хотя бы и демократизированным, государством О. К. не дал принципиального отрицательного ответа. Этим он оставил дверь открытой для всех оттенков социал-патриотизма. К. Оранский, представляющий левый фланг социал-патриотического „Рабочего Утра", настаивает на том, что в резолюции 81 не нашло себе выражения „какое-либо определенное оборончество". Более того, наказ, исходивший, повидимому, из среды элементов, близких к О. К., указывал, что „*в данной общественно-политической* обстановке рабочий класс не может взять на себя никакой ответственности за оборону страны"[1]. Но это, как справедливо говорит „Призыв", не затрагивает существа того разногласия, какое раздирает ныне весь Интернационал. Можно отказываться брать на себя ответственность за ведение обороны в России в *данных условиях*, — и в то же время солидаризироваться с Гэдом и Вандервельде: такова была первоначальная позиция авторов письма к Вандервельде. И петроградские выборы показали, что условные сторонники обороны („при демократических условиях") оказались политически ближе к явным и открытым социал-патриотам, чем к интернационалистам. И с полным правом „Призыв" говорит о полупатриотах типа Оранского: это „не единомышленники, но союзники"!

В этом же лагере Горский требует, чтоб участие в выборах рассматривалось исключительно под углом зрения организационного использования, независимо от отношения к участию в обороне. Мартов правильно отмечает, что такого рода организационная позиция, опустошенная от политического содержания, „вместо того, чтобы облегчить дело организации рабочих, должна скорее привести к их дезорганизации. На пороге революционной полосы в истории России рабочий класс должен отдавать себе возможно ясный отчет в том, какие цели и какими методами он будет отстаивать в ходе революционного процесса, должен знать, для чего и во имя чего он организует свои силы. Всякая недо-

[1]) Через полтора года, после мартовской революции, вопрос этот получил решающее политическое значение.

говоренность и недодуманность, проявленные сейчас, жестоко отомстят за себя завтра". Участие О. К. в петроградских выборах как нельзя ярче подтвердило эти слова.

Подходит ли равнодействующая О. К. ближе к позиции Оранского или Горского, разница несущественная. И в том и в другом случае это *уклонение* от ответа на центральный для социализма вопрос. Раньше мы имели основания думать, что свое уклонение О. К. выразил в неожиданной форме организационного „бойкота". Оказывается, что на самом деле О. К. склонился к самодовлеющему организационному „использованию", не давая ответа об его политических целях. Организационная форма уклонения оказалась иная, но само политическое уклонение налицо. И факт остается во всем своем значении: революционная честь пролетариата была спасена 90 выборщиками, а сторонники политики О. К. всех оттенков оказались среди 81.

Из этого обстоятельства мы уже сделали надлежащие политические и организационные выводы. Серьезный шаг в том же направлении сделала на-днях парижская группа меньшевиков, заявившая, что „позиция, занятая русской частью О. К., *вредна*, особенно сейчас, когда социал-патриоты обнаруживают в России значительную активность, открыто в политической борьбе выступая против интернационалистского большинства пролетариата. Принимая это во внимание, группа считает необходимым скорейший созыв конференции августовского блока, которая должна, *не останавливаясь перед разрывом* с своими социал-патриотами, непоколебимо установить революционно-интернационалистскую позицию блока и выбрать строго-интернационалистский О. К. До тех же пор группа требует от интернационалистских элементов О. К. *отказа от всяких компромиссов с социал-патриотами*, непримиримого проведения интернационалистской политики и решительных выступлений в открытой политической борьбе перед лицом пролетариата против патриотических элементов блока". (Курсив наш.)

Эта резолюция пока есть только симптом. Но мы твердо надеемся, что завтра все революционные меньшевики-интернационалисты поднимут голос протеста, те же слова прозвучат с большей решительностью и ясностью, и за словами последуют — дела!

„Н. С.", 19 декабря 1915 г.

Политические штрейкбрехеры.

Новые „выборы" в военно-промышленный комитет.

Повторные выборы в Петрограде, произведенные 29 ноября ст. ст. с явным надругательством над волей столичного пролетариата, представляют собою новую главу в книге социал-патриотического позора.

В сентябрьских выборах блоку всех интернационалистов противостоял блок всех социал-патриотов, от ультра-фиолетовой плехановской окраски до бледно-розовых тонов Организационного Комитета. Мы тогда уже указали, что для борьбы с революционной социал-демократией социал-патриотический блок пользовался, прямо и непосредственно, газетным аппаратом либеральной буржуазии (у которой социал-патриотизм состоит на политической службе), и, менее непосредственно, но не менее действительно, полицейским аппаратом государства, которое, не спуская с патриотов глаз, открыто помогает им в деле развращения рабочих.

Но политическая логика неумолима. Того неоформленного, хотя и очень действительного союза, который фактически создался уже на сентябрьских выборах между сторонниками Плеханова и группы „Нашего Дела", с одной стороны, Гучковым и Хвостовым — с другой, вскоре оказалось недостаточным. Разбитые, несмотря на могущественную помощь сверху, на-голову, социал-патриоты не сложили оружия: они уже вкусили тех преимуществ, какие дает близость к сильным мира сего в борьбе с революционной нелегальной партией. Они решили сделать шаг дальше и против совершенно явной и недвусмысленной революционной воли пролетариата заключить союз с столь же недвусмысленной полицейской „волей" Хвостова. Фальсификация общественного мнения рабочих масс при первой попытке не удалась. Пускаться вторично на такой широкий эксперимент было слишком рискованно. Оставалось, минуя *массы*, попытаться фальсифицировать уже однажды высказавшееся мнение *выборщиков*. В этом узком кругу, охватывающем две сотни человек, всегда можно было надеяться подготовительную работу социал-патриотического развращения с успехом дополнить во многих случаях капиталистическим и полицейским

давлением. Объявление собрания выборщиков незаконным напрашивалось, стало быть, само собою. Правящим нужен был только подходящий формальный повод. Разделение политического труда требовало, чтоб такой повод доставили социал-патриоты. Правда, для этого приходилось окончательно принести в жертву свою революционную честь. Но по этой части у социал-патриотов в запасе оставалось так мало, что поистине не было смысла налагать на себя узду. Гвоздев, лидер социал-патриотического блока и председатель собрания выборщиков, берет на себя постыдную инициативу и выступает с разоблачением „беззакония", состоявшего в том, что какой-то вредный агитатор проник на собрание по бумагам одного из выборщиков. Что агитатор проявил политическое легкомыслие, это неоспоримый факт, и было бы опять-таки легкомыслием закрывать на это глаза. Когда агитатор „незаконно" проникает на рабочее собрание, где его ждет атмосфера общего сочувствия, это одно; совсем иное, когда он „незаконно" проникает на демократически избранное собрание, значительная часть которого относится к его идеям с сознательной враждебностью. Чем непримиримее мы сами относимся к социал-патриотам, как к представителям направления, смертельно враждебного интересам пролетариата, тем меньше у нас права рассчитывать на их „попустительство" нашей „незаконной" борьбе с полицейскими рогатками; тем больше, стало быть, опасность, что незаконное „вторжение" предстанет пред широкими кругами рабочих, как нарушение их демократических прав. Это соображение, целиком относящееся к нашему, революционному лагерю, нимало, разумеется, не умаляет бесстыдства учиненного Гвоздевым доноса. Если нужно было сверхсметное и при том кричащее, вопиющее доказательство невозможности „совместной" деятельности и организационной связи с социал-патриотическими штабами в наших русских условиях, то здесь оно перед нами налицо. Лидер социал-патриотического блока *доносит* на незаконное действие агитатора, чтобы насильственно сорвать состоявшееся решение, в котором, несмотря на все препятствия, явно и неоспоримо нашла свое выражение воля большинства петроградских рабочих. Давая место доносу Гвоздева на своих столбцах, „Рабочее Утро", воркуя, журит социал-патриотического председателя за его слишком откровенный шаг, но в то же время политически целиком приобщается к вытекающим из этого шага последствиям,

в которых тот же Гвоздев продолжает ненарушимо играть руководящую роль.

„Нужно использовать выборы до конца, независимо от отношения к участию в национальной обороне по существу". — Такова была беспринципная, трусливо-уклончивая „идея" кругов О. К., — идея, представляющая собою только полузамаскированную формулу политической капитуляции перед социал-патриотизмом. На деле это свелось к тому, что *дипломатические* элементы О. К. дали пустопорожнюю организационную формулу, которую *патриотические* элементы того же О. К. наполнили своим политическим содержанием. В результате выборщики, мобилизованные О. К., поголовно оказались, как мы уже знаем, не в том лагере 90, которым мы гордимся, а в том блоке 81, с которым революционные интернационалисты вынуждены были вести непримиримую борьбу.

Но на этом, как мы видим, дело не остановилось. Гучков и Хвостов пошли с полной готовностью навстречу Гвоздеву. Общими усилиями сентябрьский социал-патриотический блок был пополнен десятком-полутора выборщиков — очевидно из среды тех, которые 27 сентября уклонились от голосования [1]). После того, как интернационалисты („Речь" говорит о большевиках и части народников) с протестом покинули собрание 29-го ноября, герой маленького государственного переворота, Гвоздев собрал вокруг своего знамени 95 выборщиков. Десять рабочих „представителей" были, наконец, избраны в центральный военно-промышленный комитет и шесть — в окружный. „Организационное использование", независимое от политических принципов, завершилось для господ „лидеров" освобождением от принципов моральных. Те выборщики, которых О. К. тащил в лагерь потресовщины и плехановщины, оказались поставлены логикой вещей под подмоченное знамя гвоздевщины.

Какова будет роль и судьба гвоздевских представителей в военно-промышленном комитете, удержатся ли они там или, несмотря на всю свою беспринципность, вынуждены будут уйти с протестом, нанеся, против своей воли, удар той самой „национальной обороне", которой они сейчас собираются служить, это в данный момент безразлично. Мы не сомневаемся, что социал-

[1]) Разослано было 213 повесток, доставлено 185; на выборы явилось 153 выборщика, затем еще 23.

патриоты на всех поприщах будут претерпевать жесточайшие разочарования, изнашивая при этом свое влияние и свои репутации.

Но сейчас необходимо закрепить в памяти политический факт, на который никто в нашей партии не может и не смеет закрывать глаз: *социал-патриотический блок внес раскол в политическое выступление петроградского пролетариата*; *потерпев поражение, блок объединился с правительственной властью для фальсификации воли петроградского пролетариата и, через голову его революционного большинства, послал своих заложников в учреждения национальной обороны.*

В состав этого блока входили выборщики, объединившиеся под знаменем Организационного Комитета.

Мы имеем перед собою злейшую форму политического штрейкбрехерства. Но штрейкбрехерство допускает только два ответа: либо попустительство и соучастие, либо неумолимый и безотлагательный организационный отпор.

„Н. С.“ 29 декабря 1915 г.

Циммервальд или гвоздевщина?

На-днях мы приводили сообщение самарского „Нашего Голоса“ (№ 11 от 1 дек.) о том, что „в передовых меньшевистских кругах“ (речь идет, очевидно, о кругах О. К.) держатся того мнения, что думская с.-д. фракция должна оставаться на старой позиции, подчеркнув более определенно „внутренне - политические пожелания с.-д.“, и выразить солидарность с положениями циммервальдской конференции. Дальше сообщалось, что указанными кругами „выработана платформа, по существу несходная (?) с известными уже петроградской и московской декларациями“, архи-патриотическими, как помнят наши читатели. Крайняя неопределенность и уклончивость формулировок отнимала в значительной мере ценность у этого сообщения, которое можно было бы, разумеется, только приветствовать, если бы оно давало право надеяться на то, что „передовые меньшевистские круги“ не ограничатся выработкой платформы, „несходной“ с платформой откровенных, ни перед чем не останавливающихся социал-патриотов, и объявят этим последним — открыто, пред лицом рабочих масс — беспощадную борьбу.

Между тем, в том же „Нашем Голосе“, в № 9 от 8 ноября, в письме того же самого корреспондента из Петрограда (П. Ивановского) мы находим сообщение, которое необходимо сопоставить с письмом в № 11, чтобы составить себе правильное, а не иллюзорное представление о действительном положении вещей.

„... Вопрос, приковывающий сейчас к себе внимание *передовых меньшевистских кругов*, — так пишет петроградский корреспондент „Нашего Голоса“, — возобновление кампании по выборам в центральный военно-промышленный комитет. Вообще очень трудно примириться (!) с получившейся, благодаря решению 27 сентября, незаконченностью этого политического выступления, в котором приняли участие такие широкие массы. Большинство на бывшем избирательном собрании считают в значительной мере случайным, главным образом, благодаря отсутствию предвыборных совещаний уполномоченных; к тому же оно и не абсолютное: 90 из 218. *Поэтому, передовые рабочие находят возможным и необходимым добиваться от центрального в.-пр. комитета вторичного созыва выборщиков для пересмотра решения.* Вопрос этот обсуждается в частных собраниях, и собираются подписи под соответствующим заявлением“. (Курс. наш.)

Повторяем еще раз: обе корреспонденции, отделенные одна от другой промежутком в три недели, написаны одним и тем же лицом, стоящим не на точке зрения „Нашего Дела“, а отстаивающим официальную позицию „передовых меньшевистских кругов“, — под каковым именем у автора идет несомненно речь о кругах, близких к Организационному Комитету.

Итак: те самые передовые круги, которые формально принимают „положения“ циммервальдской конференции, активно участвовали в политической и организационной подготовке того маленького „государственного переворота“, который связан с именем Гвоздева. Даже московская „Народная Газета“, социал-патриотическая по направлению, признала поведение Гвоздева и гвоздевцев скандальным: выборщики не являются пожизненными, справедливо писала эта газета; высказав однажды свое мнение, они тем самым перестают быть выборщиками; их настроение может измениться, но это не имеет уже значения для определения воли рабочих масс; к этим последним должен был апеллировать тот, кто остался недоволен первым решением выборщиков. Но

на такой путь социал-патриоты не собирались становиться, тем более, что они не встретили бы тут сочувствия со стороны своей союзницы-администрации. Что же делают „передовые рабочие“? Поддерживаемые „передовыми меньшевистскими кругами“, они вступают в стачку с гучковским военно-промышленным комитетом. И об этом заговоре против элементарнейших принципов демократии повествует с безоблачным лбом тот самый корреспондент, который через три недели „присоединяется“ от имени тех же самых „передовых меньшевистских кругов“ к положениям циммервальдской конференции.

Что это значит?

„Трудно разобраться, ничего не поймешь отсюда“! — так нередко отвечают те меньшевики-интернационалисты, у которых инстинкт фракционного (а не революционно-социалистического) самосохранения отбивает самую охоту понимать и разбираться, как только речь заходит о положении дел в августовском блоке.

Между тем ничего таинственного и загадочного в этом положении нет.

Организационный Комитет присоединяется к Циммервальду. Стало быть, он против участия в национальной обороне? Да, но он за „организационное использование“ военно-промышленных комитетов. Прекрасно, но что значит „использование“? Казалось бы, внесение революционно-интернационалистской связи в рабочие массы. Но каким же образом О. К., примыкающий к Циммервальду, порывает с 90 представителями, стоящими на интернационалистской позиции, и вступает против них в протежируемый администрацией блок с социал-патриотами?

Очень просто: О. Комитету не было надобности вступать в блок с социал-патриотами, ибо по своему составу и методам работы он является перманентным блоком интернационалистов с социал-патриотами. Для этих интернационалистов, сочетающих Циммервальд с гвоздевщиной, *фракционная* связь с своими социал-патриотами важнее и значительнее *идейно-политической* связи со всем лагерем интернационалистов. Но это, в свою очередь, является убийственным доказательством того, насколько формальным и ненадежным является их интернационализм, остающийся в политическом услужении у социал-патриотов и играющий роль приманки по отношению ко всем колеблющимся и неразобравшимся элементам рабочего класса.

Кто действительно, а не на словах присоединяется к Циммервальду, тот берет на себя обязательство непримиримой борьбы с социал-патриотами пред лицом рабочих масс. Если бы Ледебур и его друзья, озабоченные единством парламентской фракции и охранением ее дисциплины, продолжали и после Циммервальда воздерживаться при голосовании кредитов, мы все понимали бы это, как прямое нарушение смысла и духа циммервальдских решений. Но в таком случае прямым глумлением над циммервальдскими обязательствами является поведение руководящих кругов августовского блока, которые в Петрограде не „воздерживаются", но активно орудуют, вместе с социал-патриотами, против интернационалистов, — в то время как заграничные представители августовского блока критикуют Ледебура и его друзей за недостаточно явное и активное выступление против социал-патриотов. Если у Ледебура и его друзей дело шло по крайней мере о сбережении единства парламентской фракции, представляющей 4 миллиона избирателей, то у „интернационалистов" О. К., от имени которых говорит корреспондент „Нашего Голоса", дело идет всего-на-всего о бережении фракционно-кружковых связей со „влиятельными" кругами меньшевиков-патриотов. При этом воздержания Ледебура происходили *до* Циммервальда, а позор гвоздевщины произошел после Циммервальда.

Мы не устанем указывать на то, что это противоречие является глубоко компрометирующим и политически совершенно нетерпимым. Нас нимало не остановит то, что бюрократы и дипломаты августовского блока пытаются представить нашу критику, как фракционную интригу или как проявление недоброжелательства к меньшевикам. Мы считали бы худшим видом фарисейства обличать половинчатость позиции Каутского и Гаазе, кричать Вандервельде „в отставку!", клеймить Прессманов[1]), которые тоже присоединяются к Циммервальду, чтобы на деле отрекаться от него — и в то же время закрывать глаза на то, что происходит у нас, в России, в августовском блоке, где эксплуатируются потемки царизма, чтоб помешать рабочим массам установить межу между Циммервальдом и гвоздевщиной.

---

[1]) Прессман, французский социалист, гэдист, считавшийся „левым", ныне состоит в партии Блюма-Лонге.

Если мы с такой настойчивостью возвращаемся — и еще будем возвращаться — к этому вопросу, так именно потому, что, по глубокому нашему убеждению, существуют очень многочисленные и ценные кадры интернационалистов - меньшевиков, которых рабочее движение России не может скинуть и не скинет со счетов, но которые сейчас парализованы и обескуражены политикой своих руководящих центров. Явный и открытый разрыв с социал-патриотическим штабом „Нашего Дела“ и „Рабочего Утра“ является сейчас для интернационалистов - меньшевиков необходимой предпосылкой решительного выступления пред лицом рабочих масс с развернутым знаменем интернационализма. А это есть единственный способ привлечь на свою сторону колеблющихся и выбить почву из-под ног у социал - патриотов.

„Н. С.“ 14 января 1916 г.

Социал-патриотизм в России.

I. Их „победа“.

Из социал-патриотического монолога, сообщенного на-днях т. М. Борецким (Урицким), наши читатели могли удостовериться, какого высокомерия преисполнились наши российские социал-патриоты после выборов в военно-промышленные комитеты. Петроград за ними, Москва за ними, провинция за ними — города и деревни, марксисты и народники, мужчины и женщины, старцы и дети — все за ними и с ними. Незачем говорить, что все Авксентьево-Алексинские из „Призыва“ скромно примеривают в каждом номере фельдмаршальские треуголки, а Плеханов, державшийся некоторое время от „Призыва“, как от греха, подале, и, может быть, уже подумывавший о каких-нибудь заранее заготовленных позициях, сразу утвердился в объединенном органе патриотических с.-д. и с.-р.

Несомненно, у социал-патриотов имеются свои основания торжествовать. Их представители прошли почти во всех центрах рабочего движения — против воли интернационалистов — в военно-промышленные комитеты, задачей которых является всестороннее приспособление русской промышленности и ее рабочего персонала для нужд „национальной обороны“. Пред лицом имущих

классов и в зеркале буржуазной печати рабочие-оборонцы выступают сейчас, как призванные и признанные представители русского пролетариата. Значение этих фактов было бы нелепо отрицать. Но столь же неосновательно было бы их переоценивать.

Общая политическая обстановка, в какой происходили выборы (капитуляция сильнейших социалистических партий Европы, военное поражение России, империалистическая деморализация русской социалистической интеллигенции), нами была уже подвергнута оценке. Сейчас мы хотим взглянуть, как на самом деле происходили выборы в этой обстановке? каковы действительно размеры „победы“ социал-патриотов и каков ее удельный политический вес?

Чтобы устранить всякий субъективизм с нашей стороны, мы воспользуемся показаниями и суждениями социал-патриотической и буржуазной прессы, прежде всего московской „Народной Газеты“. Это ныне уже закрытое издание стояло целиком на точке зрения активного участия рабочего класса в национальной обороне и в восторженных красках живописало, как союзные правительства Англии, Франции и Бельгии мудрой демократической политикой обеспечили национальное единение. Сказанного достаточно для характеристики газеты. Прибавим только, что она держалась приличного тона и старалась свой патриотизм очищать от ноздревщины и хлестаковщины.

Послушаем теперь, как эта социал-патриотическая газета отзывалась о вторичных петроградских выборах, прошедших под знаком Гвоздева, в статье под выразительным заглавием „Рассудку вопреки“... В противоположность московским выборам, представлявшим, по выражению газеты, „странную игру в темную“, в Петрограде кампания была поставлена широко: „рабочие имели полную возможность ознакомиться с тем, что такое военно-промышленные комитеты,... каковы их конечные цели и ближайшие практические задачи... Многие уполномоченные получили от своих избирателей даже письменные наказы“. На собрании уполномоченных победило то течение, которое категорически высказывалось против участия в комитетах. „Такова была,— продолжает социал-патриотическая газета, — воля петроградских рабочих. Можно доказывать ошибочность подобного решения, можно оспаривать его практическую целесообразность и т. д., но нельзя отнимать у рабочих права „иметь свое суждение“... и

тот, кто ценит и уважает классовую солидарность... должен был подчиниться велениям этого большинства“. Но произошло иначе: „не в меру ретивое“, по выражению московской социал-патриотической газеты, меньшинство добилось через администрацию не нового опроса массы, что было бы вполне законно, а нового собрания уполномоченных без новых полномочий. „Из 218 выборщиков на собрание явилось только 153. Пять выборщиков оказались уже арестованными, шестеро — не разысканы, 1 сложил свои полномочия“. После ухода интернационалистов осталось только 99 уполномоченных, т.-е. 45%, причем и эти „далеко не единогласно“, по словам газеты, приняли решение участвовать в комитетах. „Итак, *незначительное число уполномоченных с удивительной смелостью решило вопрос, который волновал и волнует всю петроградскую рабочую массу. Они перешагнули через явно выраженную волю большинства своих товарищей, пренебрегли правами своих избирателей, нарушили простейшие правила демократических выборов*“.

Так характеризовала победу гвоздевцев газета, которая в каждом номере, в объявлении о подписке, призывала весь народ „общими силами взяться за оборону страны“. Немудрено, если „Призыв“ нашел направление „Народной Газеты“ неопределенным, — действительно: стоит на точке зрения обороны, а возмущается сделкой с администрацией для фальсификации воли рабочих! Патриотизм надо глотать целиком, — либо целиком отбрасывать. Поэтому „Народная Газета“ была действительно наивна, толкая рабочих на путь поддержки царизма и в то же время требуя от соблазнившихся соблюдения революционно-классовой дисциплины и политической опрятности. Снимая голову, можно ли заботиться о волосах? Но как бы ни обстояло дело с непоследовательностью „Народной Газеты“, ее характеристика петроградской „победы“ социал-патриотов сохраняет всю свою силу.

Теперь перейдем к московским выборам. Тут победа оборонцев была, как известно, сокрушающей: только около четверти всех уполномоченных отказались принимать участие в выборах представителей в военно-промышленный комитет. Ясно, что московский пролетариат целиком с Плехановым, Потресовым и Гвоздевым. Справимся, однако, в той же московской социал-патриотической газете. „Московские рабочие, — рассказывает она в № 10, — выбирали своих представителей в учреждение, о кото-

ром ровно ничего не знали. Никакой предвыборной кампании в Москве не было... Наконец, в самых выборах уполномоченных принимало участие поразительно ничтожное количество рабочих. То количество голосов, которое получили некоторые уполномоченные, столь мизерно, что не может быть и речи о каком-то представительстве". Газета приводит примеры: у Шрадера, где 1.105 рабочих, уполномоченный получил 59 голосов; у Жиро, где 3.268 рабочих, уполномоченный собрал 198 голосов, и т. д. С полным основанием социал-патриотический орган заканчивает: „Московская рабочая масса, читая о первых шагах своих мнимых представителей в военно-промышленном комитете, может сказать лишь одно: *без меня меня женили*". Так выглядит победа оборонцев в Москве!

Если сравнить московские выборы с петроградскими, то вывод напрашивается сам собою: *чем более отсталой является рабочая среда, чем меньше она знает о том, что такое военно-промышленные комитеты, чем пассивнее она вообще относится к политической жизни,— тем выше шансы социал-патриотов.* Пример Москвы дает полное право заключить относительно Петрограда, что Гвоздев и гвоздевцы опирались на более отсталую часть рабочей массы, эксплуатируя воздействие на нее буржуазной печати и прямое давление администрации.

Не трудно представить себе, как происходили выборы в провинции. Так, в Киеве, где оборонцы одержали одну из наиболее блестящих своих „побед", выборщики-интернационалисты указывали, по отчету „Киевской Мысли", что собрание выборщиков „не является сколько-нибудь правильным представительством киевских рабочих: выборам не предшествовали собрания, на которых избиратели могли бы сознательно отнестись к выборам, во многих предприятиях давление на выборы оказала промысловая администрация". С своей стороны, оборонцы, признавая, что „условия, в которых происходили выборы, достойны всяческого протеста", отнюдь не желали, однако, отказываться от принесенной этими условиями победы. В этом отношении гвоздевщина сыграла свою роль: эксперимент открытой сделки с администрацией, произведенный в центре рабочего движения, не мог не оказать самого деморализующего влияния на провинцию. В некоторых местах не было, однако, надобности и в деморализации: так, в Саратове администрация просто „пригласила"

двух надежных рабочих представлять идеи Плеханова в в.-пр. комитете, совершенно не беспокоя при этом рабочей массы... Здесь победа оборончества выступает перед нами в своем наиболее чистом административном виде.

Приведенных данных совершенно достаточно, смеем полагать, чтоб ввести социал-патриотическое торжество в его естественные пределы. И если даже отвлечься от вопроса о последствиях участия в в.-пр. комитетах и о политических шансах борьбы социализма с социал-патриотизмом, вообще от мыслей о завтрашнем дне, — этим вопросам будут посвящены дальнейшие статьи; если оставаться целиком в пределах текущей минуты, — и тогда у русского интернационализма нет никаких оснований впадать в пессимизм при виде социал-патриотического засилья, выступающего под опекой административного насилия.

Бог не выдаст, социал-патриотизм не съест.

II. „Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман".

„Разгром и гибель страны больше всего угрожают интересам трудящихся, *и в спасении ее более других общественных классов заинтересованы рабочие*", так заявляет в своем недавнем воззвании „К рабочим России" рабочая группа Центрального Военно-Промышленного Комитета, предводимая Гвоздевым (см. „Наше Слово", № 52). Рабочая группа московского в.-пр. к., борясь за самостоятельное существование в составе комитета, ссылается прежде всего на то, что рабочие вошли в в.-пр. комитеты именно для „спасения страны от разгрома". *Политическая позиция рабочих групп в военно-промышленных комитетах имеет совершенно определенно выраженный социал-патриотический характер.* В этих новых социал-патриотических демонстрациях питерской и московской групп нет ровно ничего для тех, кто следил за всей борьбой, шедшей в рабочих массах вокруг вопроса об участии в в.-пр. к., возникших и действующих в качестве органов „национальной обороны".

Если мы считаем необходимым еще раз поставить вопрос, то не потому, что он сам по себе может вызывать какие бы то ни было сомнения у людей, которые *хотят видеть то, что есть,*

а потому, что сомнения и недоразумения *искусственно сеются* литературной группой, издающей „Известия Заграничного Секретариата Орг. Комитета“. В № 3 этого издания (меньшевиков) „Наше Слово“ жестоко осуждается за игнорирование тех глубоких различий, которые существовали и существуют в лагере сторонников участия в в.-пр. к. „Наши товарищи, объединившиеся на роковом решении — принять участие в в.-пр. к., — так рассказывают „Известия“, — руководились *весьма разнородными, подчас противоположными мотивами*“ (курсив наш). Дальше производится следующая классификация. Настоящих боевых националистов, типа Плеханова, среди сторонников участия в комитетах „почти совершенно нет“. Левицкие и Череванины („правое крыло“) отстаивали участие в комитетах „не столько из национализма, сколько из оппортунизма“, т.-е. не столько ради спасения страны, сколько ради политического блока с оппозиционной буржуазией; третью группу, „большинство“, составляют те, которые стремятся через комитеты „противопоставить организующуюся силу пролетариата организованной силе буржуазии“; наконец, на левом фланге стоят „совершенно определенные интернационалисты“ (типа Дана), которые звали рабочих в в.-пр. к. под лозунгом „интернациональной борьбы за мир“.

Вторая статья „Известий“, посвященная тому же вопросу, („Военно-промышленные комитеты и тактика социал-демократии“) приводит ряд цитат и ссылок в доказательство того, что целое „течение среди интернационалистов“ звало и вело рабочих в в.-пр. к. по мотивам, которые „ничего общего с оборончеством не имеют“. Какую собственно позицию или какую из четырех охарактеризованных выше позиций занимает сам Организационный Комитет, об этом мы от его Заграничного Секретариата ничего не слышим; но так как, не в пример парижской группе меньшевиков, объявившей политику О. К. „вредной“, „Известия“ считают ее полезной, приходится заключать, что О. К., счастливо синтезирующий все четыре тенденции августовского блока (националистическую, оппортунистическую, организационно-строительскую и агитационно-интернационалистскую), сам отнюдь не стоит на позиции национальной обороны.

Немудрено, если при таком положении дел „Известия“ с негодованием говорят о нашем злостном стремлении валить весь августовский блок в одну кучу.

Все эти обвинения, цитаты и классификации имеют тот недостаток, что они представляют собою *литературное издевательство над политическими фактами*. Если большинство августовцев, или хотя бы половина, или хотя бы треть их, участвовала в выборах под необоронческим, и даже под определенно-интернационалистским знаменем, тогда должно же это было отразиться на составе выборщиков и на составе самих рабочих групп в военно-промышл. комитетах? *Рабочие группы центрального, питерского, московского, киевского и др. комитетов стоят на принципиально-оборонческой позиции.* Во всех их заявлениях и действиях исходным пунктом является *оборона страны*. Если они хотят „толкать влево" буржуазию, то на основе национальной обороны. Если они хотят использовать организационную возможность, то на основе национальной обороны. Если они, наконец, признают необходимость восстановления международных связей, то не иначе, как на основе принципа национальной самообороны. Такую оборонческую позицию те элементы, которые *действительно, на деле*, стали во главе сторонников участия в комитетах, заняли с самого начала „военно-промышленной" кампании.

„Когда стране угрожает опасность, — таково было первое заявление московской группы в комитете, — гражданский долг рабочего класса защищать ее от нашествия неприятельских войск, несущих разорение прежде всего и больше всего трудящемуся люду". („Н. Гол"., № 12.) Гвоздев в Питере с самого начала кампании выступал, как боевой оборонец. От имени центральной группы Гвоздев телеграфировал московской группе, вскоре после выборов, о „двуединой задаче" пролетариата; то-есть об освобождении страны от внешних и внутренних врагов,—формула, почти дословно повторенная в последнем воззвании центральной группы. Московские выборщики Черегородцева и др. посылали предложенные Рябушинским телеграммы Ллойд-Джорджу и Альберту Тома с пожеланием победы над врагом. Гвоздев, от имени центральной группы, посылал Гэду, по поводу смерти Вальяна, телеграмму соболезнования в ярких социал-патриотических тонах. Все эти действия и заявления совершались от имени военно-промышленных „рабочих групп" в целом; никаких протестов из их среды нигде не было слышно. Редакция „Известий" не могла всего этого не знать, ибо приводимые нами факты и документы сообщались между прочим и в (меньшевистском) „Нашем Голосе", где

к слову сказать, сотрудником значится тот самый Гвоздев, который, *совместно с руководящими элементами августовского блока*, совершил петроградский coup d'état, оказавший огромное влияние на всю провинцию.

Что между взглядами Дана и взглядами Бибика есть разница, это, разумеется, не укрылось и от нас, и об этом мы поговорим в завтрашней статье. Что тактическая позиция Дана: войти в комитеты для агитации против войны — обща целому „течению" в августовском блоке, об этом мы впервые узнаем из № 3 „Известий", каемся, мы не имеем никакого понятия о размерах этого „течения". Но зато мы твердо знаем, что это „течение" совершенно ничем — ни единым словом — не заявило о себе ни в среде выборщиков-сторонников участия в комитетах, ни, тем более, в деятельности избранных ими рабочих групп. На деле выборы шли под знаком Гвоздева. Во главе центральной рабочей группы стоит Гвоздев. В центре работы по созыву рабочего съезда стоит Гвоздев. Политически, пред лицом рабочих масс России, пред лицом других классов, августовский блок представлен Гвоздевым. У нас нет ни права, ни возможности, ни желания закрывать на это глаза. А действительным идейным вдохновителем „военно-промышленной" практики августовского блока является не Заграничный Секретариат, и даже не „тактическое течение" Дана, а группа сборника „Самозащита", группа А. Потресова, П. Маслова, К. Дмитриева, Евг. Маевского, В. Левицкого, Батурского, Н. Череванина, Ана, Л. Седова, К. Гвоздева, Ивана Кубикова, А. Бибика и др. и пр. Участники этой группы коллективно заявляют в своем сборнике, что *„идея интернационализма и идея самозащиты страны... представляют то единство, которое определяет на ближайшее время линию их практической политики"* („Предисловие"). А. Потресов, главный „теорик" этой группы, резюмирует политическую философию своей фракции в лозунге: *„через патриотизм—иного пути нет—в международное царство братства и равенства"*. („Самозащита", стр. 21.) Именно к этой группе принадлежит К. Гвоздев, который, в качестве центральной сейчас фигуры „августовской" группировки в России, на деле сочетает интернационализм с патриотизмом в высшем единстве военно-промышленного сотрудничества с Гучковым. Организационный Комитет является практически только передаточным ремнем между идеологией потресовщины и практикой гвоздевщины.

Таково действительно положение вещей.

Заграничный Секретариат избрал, повидимому, своим девизом пушкинский стих: „Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман“. А так как мы в этом случае не с Пушкиным, а с Лассалем, который считал, что aussprechen was ist *(сказать, что есть)* — есть начало всякой революционной политики, то литераторы „Известий“, для полемики с социал-патриотами употребляющие исключительно розовое масло, против „Нашего Слова“ пишут не иначе, как смесью желчи с уксусом. Но — возвышающие обманы гибнут, а политические факты остаются.

III. „Военно-промышленные“ соц.-демократы и их группировки.

Если точно восстановить официозно-оптимистическую картину августовского блока, даваемую „Известиями“, то получится вот что: участие блока в в.-пр. к-тах есть, конечно, печальный факт, ибо так или иначе означает прикрепление пролетариата к военно-промышленным политическим организациям империалистической буржуазии; но субъективно это участие для большинства самих участников вовсе-де не стоит под знаком поддержки войны; просто, августовский блок шел в комнату, попал в другую. Конечно, на это можно с полным правом возразить, что в политике взвешиваются не субъективные стремления, — из них, как известно, в аду делают тротуары, — а политические последствия. Но такое возражение, безукоризненное по существу, будет слишком общим с точки зрения интересующих нас выводов. Для того, чтобы оправдать свою бесформенную пассивно-выжидательную политику по отношению к вдохновителям Гвоздева, Заграничный Секретариат вынужден идеализировать их субъективное сознание: эту ретушерскую работу мы наблюдаем с самого начала войны. В предыдущей статье мы попытались снять с политической картины августовского блока официозную ретушь, и мы надеемся, что читатели увидели вместе с нами то, что есть: при выборах в военно-промышленный к-т августовский блок мобилизовал широкие круги рабочих при прямом и косвенном содействии администрации и буржуазии и под неоспоримой идейно-политической гегемонией социал-патриотов. Гвоздевы и Черегородцевы, а за их спиною Потресовы, Маевские, Левицкие, Се-

довы и пр. попали именно в ту комнату, в какую шли. И простой товарищеской беседы „промежду себя“ окажется недостаточно для того, чтоб они из этой комнаты вышли. Все их поведение свидетельствует о том, что их придется выводить. Именно поэтому нам необходимо собирать силу, то-есть мобилизовать силу против них. А этого нельзя сделать без решительного разрыва с ними перед лицом массы.

Но как же быть с не-оборонческими сторонниками участия в в.-пр. к-те? Мы показали уже, что политически их существование решительно ни в чем не выражается: все рабочие группы в в.-пр. к-те стоят на социал-патриотической позиции. Но литературно существуют, несомненно, в августовском блоке группы и элементы, зовущие в комитеты не для целей обороны, а во имя других — организационных или политических — задач. Вопреки утверждениям „Известий“, мы отнюдь не игнорировали и не игнорируем эти идейные и литературные оттенки: мы могли бы это без труда доказать десятками цитат из прежних статей „Нашего Слова“ на эту тему. Но, констатируя наличность этих оттенков, мы в то же время различали между тем из них, потресовско-гвоздевским, который действительно задает политический тон, и между остальными, сохраняющими чисто-литературную самостоятельность, а политически обслуживающими первый. И мы считаем, что такое соотношение между ними в высшей степени закономерно.

Наряду с откровенным плехановским национализмом, которого „почти нет“ в августовском блоке, „Известия“ насчитывают, как мы знаем, еще три группировки среди сторонников участия в в.-пр. к-тах.

Во-первых, это „течение“ Левицкого, Череванина, которое исходит „не столько из национализма, сколько из оппортунизма“. Но что же такое нынешний социал-национализм вообще, как не оппортунизм, приспособленный к условиям империалистической войны? Поскольку оппортунизм ограничивает все движение пролетариата борьбой за реформы на основе существующего строя, он неизменно должен искать сближения с влиятельными слоями буржуазии, ибо против нее добиться завоеваний можно только революционными, а не оппортунистическими методами. Поэтому в нынешнюю эпоху оппортунизм, оставаясь верным своей природе, вынужден вслед за буржуазией перейти на рельсы национа-

лизма и империализма. В этом отношении Левицкие-Череванины-Маевские и пр. ничем решительно не отличаются от Эбертов и Шейдеманов, кроме своего более скромного роста. Нужно не забывать, что и в Германии имеются „крайние правые“, Зюдекумы и Гейльманы, в параллель к нашим Плехановым.

Во-вторых, „Известия“ констатируют „гораздо более левую“ позицию, которую заняло „значительное большинство сторонников участия в комитетах“: это элементы, еще не сведшие счетов с оборонческой идеологией, но идущие в комитеты для классового объединения. Дело идет таким образом о сторонниках „организационного использования“, которые хватаются за форму, игнорируя или пытаясь нейтрализовать ее действительное политическое содержание. Несомненно, что этот политически безъидейный организационный фетишизм, представленный, например, В. Ежовым или К. Оранским, сыграл свою крупную роль в политической ориентации руководящих кругов августовского блока. Но разве тот же факт — только в несравненно более могучих политических пропорциях — не наблюдался в политической ориентации германской социал-демократии? Там дело шло, правда, не *о создании* — при содействии Гучкова — классовой организации, *а о сохранении ее* — при снисходительности Гинденбурга. Но это различие, вытекающее из разницы возрастов, по существу ничего не меняет. Там, толкаемые голой заботой о сохранении касс, домов, газет, учреждений, партийные бюрократы и фетишисты организации, типа Молькенбура, пассивно тащились в русле социал-патриотической политики, которая только и могла гарантировать в условиях войны материальную неприкосновенность организаций. Здесь, у нас, Ежовы и другие мудрецы из „Нашего Голоса“ зазывают рабочих в в.-пр. к-ты „для организации“, тщетно умоляя Гвоздевых и Черегородцевых не слишком выпячивать свое патриотическое лицо[1]). Но политика не растворяется в организации и не терпит пустоты. Рабочие идут в партию

---

[1]) „На лицо одна лишь опасность, — пишет В. Ежов, — ненужное и в нашей обстановке (!) вредное окрашивание этой программы в „защитный“ цвет. Такое окрашивание вместо того, чтобы втягивать (!) передовые рабочие круги в повседневную общественно-политическую работу, способно лишь отталкивать их и усиливать их пассивность“. Другими словами, Ежов помогает Гвоздеву втягивать в оборонческую практику тех, которые пока-что пугаются оборонческой теории.

и союзы не „для организации“, а для борьбы за классовые задачи. В военно-промышленные комитеты рабочие идут не для „использования“, а для обороны отечества или для получения уступок со стороны буржуазии в обмен за поддержку ее в ведении войны. Это значит, что сознательные социал-патриоты, Шейдеманы, Гвоздевы, получают по необходимости перевес над организационными фетишистами и доктринерами „использования“, Молькенбурами, Ежовыми, и заставляют их служить себе.

Наконец, *третье* течение представлено „совершенно определенными интернационалистами“, которые стремятся „в комитетах противопоставить лозунгу военной обороны лозунг интернациональной борьбы за мир“. В этом духе, как известно, высказался в „Нашем Голосе“ очень влиятельный в меньшевистских кругах Дан. Мы уже знаем, что в в.-пр. к-тах не обнаружилось пока что ни одного сторонника этой позиции: петь псалмы в преисподней. В.-пр. к-т ведь не парламент, где обсуждаются и (в принципе) решаются вопросы войны и мира; комитет есть исполнительное учреждение, подчиненное заданиям войны. „Надо иметь в виду, — разъяснил рабочим выборщикам Гучков, — что комитет преследует только цель обороны, а политические вопросы находятся вне компетенции военно-промышленной организации“ (Нар. Газ.“, № 13). В чем же может состоять тактика Дана?

Еслиб дело шло о вхождении в комитеты только для заявления своего отношения к войне, к ее виновникам и организаторам, против этого *в принципе* ничего нельзя было бы возразить. Заявят ли сами выборщики, что не могут принимать участия в ведении войны, или же поручат сделать такое заявление своей „десятке“ в комитете, это подчиненный вопрос агитационного удобства. Дело в обоих случаях сводится к демонстрации. Совершенно ясно, что, после заявления своего принципиального отказа добровольно и коллективно участвовать в обслуживании войны, было бы абсурдным оставаться в составе комитета. Нельзя же в самом деле противопоставлять ежедневно „лозунг интернациональной борьбы за мир“ органической работе учреждения, которое занято тем, чтобы довести до максимума число выделываемых снарядов: такая „политика“ была бы карикатурным дон-кихотством и на другой же день исчерпала бы себя. Но Дан хочет не демонстрации в комитете, а „длительной работы“,

участия в органической деятельности комитетов или, по крайней мере, приспособления к ней — не под углом зрения национальной обороны, а под углом зрения классовых интересов пролетариата. Представители рабочих, согласно этому замыслу, формально снимают с себя ответственность за ведение войны и в принципе высказываются за „лозунг интернациональной борьбы за мир“, но политически становятся на почву коллективно-организованного участия рабочих в национальной обороне и *на этой почве* отстаивают интересы рабочих. Практически это вводит деятельность партии в рамки, намеченные последним воззванием К. Гвоздева и его товарищей: „содействие организации распыленных слоев рабочего класса *вокруг задач, поставленных перед ним участием в военно-промышленных комитетах*“. Ясно, что такая тактика предполагает практический отказ от революционной мобилизации масс против войны. Это интернационализм формальный, декларативный, политически-пассивный, глубоко-поссибилистский. Его активность начинается с того пункта, где он перестает быть... интернационализмом. Тактика, которая, на первый взгляд, могла показаться дон-кихотством, оказывается насквозь проникнутой духом Санчо-Пансы. Но практицизм Санчо-Пансы тем беспредметнее и мертвеннее, чем глубже и драматичнее политическая обстановка. Широким кругам рабочих поистине недоступно, особенно в нынешней исторической обстановке, это соединение декларативной непримиримости к войне с тактикой „длительного“ *приживальщичества.* Кому дорог лозунг интернациональной борьбы против войны, тот не вступит в артель ее организаторов. А кто считает необходимым итти в в.-пр. к-ты, тот вооружится идеологией социал-патриотизма. Вот почему хитроумная тактика Дана (или целого „течения“ в августовском блоке, как выражаются „Известия“) не сползла с газетного листа.

Из сказанного, надеемся, ясно, что мы отнюдь не игнорируем разных оттенков среди „военно-промышленных“ политиков августовского блока. Но мы не только констатируем их наличность, а и анализируем их политический вес и взаимоотношения. Если наш анализ верен, — а мы думаем, что это так, — то из него вытекают следующие неоспоримые выводы. Самостоятельное политическое значение среди „военно-промышленных“ социалистов имеют только боевые, сознательные социал-патриоты, гвоздевцы. Остальные „военно-промышленные“ оттенки играют роль

подчиненную и второстепенную. Судьба этих „оттенков“ всецело определится ходом борьбы революционного интернационализма с социал-патриотизмом. Политическую борьбу с Гвоздевыми нельзя заменять педагогикой по отношению к Данам или Ежовым. Нужны аргументы и методы, убедительные не для этих последних, а для масс. Если массы убедятся, они сумеют убедить Ежовых или—перешагнуть через них. Язык для масс должен быть революционно—политический, а не условно-дипломатический. А для этого необходим ясный и полный разрыв с социал-патриотическими штабами пред лицом деморализуемых и предаваемых ими масс.

IV. Класс и партия, массы и вожди.

Несомненно, что немаловажной причиной в распространении оборонческих настроений и социал-патриотических идей в рабочем движении России явилось победоносное наступление австро-немецкой армии в прошлом году. Поражения внесли замешательство не только в ряды правящей бюрократии и всего третьеиюньского блока в целом, но и в ряды рабочего класса. Поражения обнаруживали не только свое революционизирующее, но и свое деморализующее и парализующее влияние. Лозунг „поражение России — меньшее зло“, по меньшей мере гадательный в смысле *теоретического предвидения,* никуда не годный в *агитационном* смысле и именно поэтому отвергнутый всеми интернационалистскими группировками в России, оказался окончательно ликвидирован при политической проверке его событиями: если поражения расщепляют волю пролетариата, внося в широкие его круги настроения, стоящие на грани между национальными и, так сказать, „биологическими“, то революционная партия пролетариата не может в поражениях видеть хотя бы косвенного своего союзника.

Было бы, однако, совершенно ложно представлять себе дело так, будто поражения автоматически, или хотя бы непосредственно прививают революционным массам социал-патриотические взгляды и вытекающую из них тактику. На самом деле поражения — в более острой форме, чем самый факт войны — ставят перед массами необычные и неотложные вопросы и порождают в них

тревогу за „национальную“ территорию, неприкосновенность экономической и культурной жизни, и не в последнюю очередь за судьбу населения пограничных областей. Революционный социализм не игнорирует законного содержания этих вопросов и этой тревоги — он лишь отвергает реакционные и по существу иллюзорные ответы; он говорит рабочим массам: „У вас нет других путей и средств обеспечить неприкосновенность человеческой культуры и в частности независимость наций, кроме вашей международной солидарности и вашей революционной борьбы против милитаризма и его капиталистических основ“.

Для того, чтобы порожденная или обостренная поражениями тревога пролетарских масс приняла социал-патриотическое выражение, нужно, чтобы ответу революционного социализма был противопоставлен другой ответ, рассчитанный на наиболее примитивные чувства и настроения более отсталых масс, на узость их политического кругозора. Такой ответ дается, разумеется, прежде всего буржуазной прессой. Она развивает могущественную демагогическую работу, связывая гуманитарные настроения массы и ее политические и социальные идеалы с работой национального милитаризма. Но европейский пролетариат, и русский в том числе, не безоружен пред лицом буржуазного общества, с его партиями, прессой, агентствами и официальными легендами: между пролетарскими массами и организованными в капиталистическое государство буржуазными классами стоит социалистическая организация, — и именно через ее посредство и при ее активном воздействии пролетариат вырабатывает свое отношение к буржуазно-патриотической идеологии. Отсюда огромная роль — а стало быть и огромная ответственность — социалистической организации, особенно в такую критическую, поворотную эпоху, как наша. От нее в очень большой степени зависит, проявятся ли чувства и запросы, порожденные в пролетариате войной, уже во время самой войны в виде углубления интернационально-революционного характера рабочего движения или, наоборот, поведут к сближению с национальной буржуазией под социал-патриотическим знаменем.

Совершенно ложным является такой взгляд, будто социалистические и профессиональные организации стали на путь военно-политического сотрудничества с классовым государством под непосредственным давлением самих рабочих масс. На самом деле

политически-парламентарное и профессиональное представительство пролетариата заняло национальную, патриотическую позицию *под могущественным давлением буржуазной нации*, с важнейшими органами которой пролетарская бюрократия тесно связала себя всей предшествующей работой. Несомненно, что широкие массы, проходившие долгую школу организационной дисциплины в историческую эпоху, когда их непосредственная революционная инициатива не находила себе выражения, не сумели дать немедленный отпор идеологии буржуазного национализма, притекавшей к ним сверху, по готовым каналам социалистической организации; более того: значительные слои рабочих были своим положением в производстве и характером движения в прошлую эпоху подготовлены к восприятию патриотически-империалистических идей; тем не менее остается неоспоримым фактом, что сущностью социалистического кризиса, как мы его сейчас переживаем, является *капитуляция руководящих классовых организаций* — не пред стихийным настроением масс, *а пред планомерным натиском буржуазии и ее государства*. Политическое давление шло не снизу вверх, а сверху вниз. Социал-патриотические лозунги возникли не в той плоскости, где партийная организация опирается на массы, а в той плоскости, где партийные бюрократы, социалистические парламентарии и профессиональные дипломаты (industrial diplomacy) входят в контакт с ответственными представителями буржуазии.

Факт таков, что *всюду*, где руководящие организации устояли на позиции интернационализма, они — при всех колебаниях массовых настроений в ту или другую сторону — сохранили или даже упрочили свои позиции в массах. *Нигде* национальной идеологии не удалось завладеть пролетариатом против воли его руководящих организаций. Для того, чтоб пролетариат оказался идейным пленником национального милитаризма, необходимо было — во всех случаях — между официальной идеологией буржуазии и политической растерянностью (или неориентированностью) массы важнейшее звено, в виде патриотической ориентации авторитетных рабочих организаций и, прежде всего, их руководящих верхов.

Не только со стороны самих социал-патриотов, но и со стороны пассивных интернационалистов, склонных к тактике резонирующего выжидания, ссылка на настроения рабочих масс,

как на последнюю решающую инстанцию в нынешнем поведении социалистических партий, принимает сплошь-да-рядом замаскированный или явный адвокатски-защитительный характер. Объяснять кризис Интернационала из условий рабочего движения и практики его организаций и вождей в прошлую эпоху — это одно. А растворять кризис в настроениях массы — совсем другое. В этом втором случае мы просто игнорируем значение организации и ее самостоятельную роль в рабочем движении; остается только спросить: к чему тогда все наши усилия? В первом случае мы, наоборот, объясняем, как и почему руководящие организации и вожди получили такое значение, что их ориентация в момент исторического перелома определила и закрепила ориентацию рабочих масс, по крайней мере, в истекшем периоде войны.

Сказанное здесь в общей форме целиком относится и к России.

На первый взгляд может показаться, что роль русской организации (партийной или фракционной) в рабочем движении не может итти ни в какое сравнение с ролью, например, организаций немецкого пролетариата. Но на самом деле это не так. Если в глазах германского рабочего его партия воплощает в себе долгое и упорное строительство и вырабатывавшуюся в течение полустолетия демократическую дисциплину, то для русского рабочего его партия, и еще чаще его фракция означает опыт революции или первое духовное пробуждение его в пореволюционную эпоху. Чем менее организованно-массовый характер имеет в наших условиях партия, тем более концентрированным является ее идейно-политический авторитет, тем выше оказывается во все критические моменты удельный вес штабов, вождей, центров литературных органов.

Если в Германии такое огромное значение для социал-империалистической ориентации партии получила политика „инстанций" (партийных центров); если в Англии в направлении официальной политики пролетариата такое решающее значение получают „лидерские клики" (см. статьи на эту тему т. Чичерина в нашей газете), то в России для хода и исхода кампании вокруг военно-промышленных комитетов решающим был тот факт, что влиятельнейшая литературная группа на верхах одной из двух наших „исторических" фракций, группа, тесно связанная с многочисленными легалистски и оппортунистически настроенными

рабочими, заняла в этой кампании, разумеется, не случайно, определенную социал-патриотическую позицию.

Это группа „Нашей Зари“—„Нашего Дела“—„Самозащиты“.

V. Необходимо изолировать социал-патриотический штаб.

Ссылки на всесильные будто бы оборонческие настроения масс, сказали мы, принимают сплошь да рядом адвокатски-защитительный (по отношению к соц.-патриотическим штабам) характер — у тех пассивных интернационалистов, которые по тем или иным мотивам не решаются объявлять социал-патриотам открытую войну пред лицом рабочих масс. „Оппозиционная буржуазия“... — читаем мы в № 3 „Известий“ З. С., — совершенно неожиданно приобрела нового партнера в лице *большинства передовых элементов пролетариата*, которые под впечатлением военного разгрома страны и связанной с ним мобилизации общественных сил поколебались в своей старой позиции и решили приобщиться к успевшему уже достаточно скомпрометироваться общественному движению, выступающему под флагом „национальной обороны“ (стр. 4, курс. наш).

„... остается фактом, — читаем мы в другой статье того же издания, — что по всей России, *большинство* высказавшегося по вопросу об участии в в.-пр. к. *передового*, ибо проявившего в данных условиях наибольшую самодеятельность, слоя рабочих склонилось к другому решению“ — именно „к сотрудничеству с отечественной империалистической буржуазией на почве так наз. обороны страны (стр. 6, курс. наш).

Мы видим тут, как *большинство передового пролетариата* зачисляется — без излишних процессуальных формальностей — в сторонники сотрудничества с империалистической буржуазией на почве „обороны страны“. А в предшествующих статьях мы ознакомились с тем, как тщательно сортирует та же редакция „Известий“ военно-промышленных марксистов на верхах августовского блока, доказывая, что большинство их звало рабочих в в.-пр. к. по причинам, „ничего общего с оборончеством не имеющим“.

В результате этой операции — радикального перемещения оборончества с верхов в низы, перенесения ответственности за военно-промышленную практику со штабов и лидеров — на массы,

с Потресовых, Левицких, Маевских, Гвоздевых, Бибиков и пр на „большинство передового пролетариата“ — в результате этой операции все дело принимает такой оборот, как если бы социал-патриотическая политика была навязана большинством передовых рабочих руководящим кругам августовского блока, стоящим, в общем и целом, на интернационалистской позиции. Если принять далее во внимание, что „меньшинство“ передового пролетариата, высказавшееся против участия в комитетах, сгруппировалось почти сплошь вне рамок августовского блока, то картина, даваемая „Известиями“, становится еще более поразительной: выходит, что почти все рабочие, стоящие за августовским блоком, занимают оборонческую позицию; миссия же Организационного Комитета сводится к тому, чтобы крепкое вино пролетарского социал-патриотизма разбавлять сверху постной водой „организационного использования“. Но такая картина, очень отрадная для господ из „Призыва“ и „Самозащиты“, представляет к счастью карикатуру на действительность.

В первой главе („Их победа“) мы, на основании данных буржуазной и соц.-патриотической прессы, показали, что говорить об оборонческом *большинстве*, да еще *передовых* рабочих, у г. г. патриотов нет решительно никакого права. Из цитированных там материалов мы сделали следующий вывод: чем более отсталой является рабочая среда; чем меньше она знает, что такое в.-пр. к., чем пассивнее она относится к политической жизни; и с другой стороны: чем более интернационалисты связаны по рукам и по ногам полицией и цензурой в предъявлении своей позиции, чем большим монополистом выступает местный социал-патриотический штаб, — тем выше шансы военно-промышленного „социализма“.

Мы имеем еще и другое, крайне ценное свидетельство по этому вопросу в № 18 самарского „Нашего Голоса“, в статье рабочего Сероблузкина, называющего себя, к слову сказать, ликвидатором. Сероблузкин указывает прежде всего на то, что „готовые“ военно-промышленные „выводы“ идут не снизу, а сверху и что целый ответственный меньшевистский рабочий коллектив в Питере занял, несмотря на противоположную позицию авторитетных верхов, „бойкотитскую“ позицию по отношению к комитетам. Смутно улавливая антиреволюционный характер всей политической концепции в.-пр. социалистов, Сероблузкин пишет:

„Там, в массах (я говорю пока о Петрограде) в настоящее время самым популярным лозунгом является не коалиция, а коренное переустройство...“. Он предостерегает против отождествления настроения массы и выборщиков (гвоздевцев): массы, по его словам, просто „вверяют свою судьбу в руки наиболее опытных и известных им рабочих деятелей“, отнюдь не солидаризируясь этим с их тенденциями. Что касается рабочего съезда, который Гвоздев и Черегородцев, идейно вдохновляемые группой „Самозащиты“, стремятся созвать под оборонческим знаменем, то в сознании масс, по Сероблузкину, „эта идея имеет очень близкое касательство с теми *основными* чаяниями, которыми живут широкие рабочие круги“ (подчеркнуто автором). Более того. Только потому, что массы вкладывают в лозунг рабочего съезда свое, т.-е. революционное содержание—только поэтому „и возможно известное схождение и органическое соприкасательство с массами на этом лозунге...“.

Из этой характеристики, которая прекрасно совпадает со всеми другими данными и лучше всего говорит за себя своей внутренней логикой, вырисовывается совершенно иное, чем из „Известий“, соотношение между настроениями действительного большинства передовых рабочих и военно-промышленной политикой руководящих кругов августовского блока.

Разумеется, движение немецкой армии внутрь страны не могло, как мы уже говорили, не внести замешательства в ряды пролетариата; а пробуждение „национально“-шкурной тревоги не могло не сделать обстановку более благоприятной для анти-революционной пропаганды в рабочих массах. Тем не менее, не может быть никакого сомнения в том, что если бы буржуазный национализм встретил, в лице всех руководящих групп и центров социал-демократии, сплошную фалангу интернационализма и попытался, в обход ее, аппелировать к массам от своего собственного имени, он наткнулся бы на непреодолимое классовое недоверие и закончил бы свой поход жалким фиаско. Для того, чтобы „прогрессивно“-империалистический блок получил возможность идейно, политически впречь значительные круги рабочих в телегу национальной обороны, необходимо было, чтобы выполнение этой задачи взяли на себя в сфере самого рабочего движения влиятельные руководящие группы, связанные своим прошлым с пролетариатом и имеющие в его глазах право говорить от имени

социализма и революции. Таким генеральным штабом социал-патриотизма явилось — и не случайно — центральное ликвидаторское, интеллигентское и рабочее, ядро в России, пополненное отдельными беженцами из других фракций и групп. И если временное „паническое“ настроение в рабочих кругах (а эти настроения у нас нет никаких оснований преувеличивать), если развращающая агитация либеральной прессы, пример „старших“ на Западе, давление администрации и предпринимателей, наконец карикатурное партизанство Плеханова,—если все эти условия и факты ввели сравнительно широкие круги русских рабочих в военно-промышленные комитеты под знаменем национальной обороны, то только благодаря агитационной и организационной работе влиятельного социал-патриотического штаба, духовным центром которого является группа „Самозащиты“.

Этот штаб вовсе не был „жертвой“ социал-патриотического давления снизу; он был и остается орудием буржуазно-империалистического давления сверху. Эксплуатируя авторитет социал-демократии в рабочих массах и традиционную связь известных рабочих кругов (районов, кварталов, заводов...) с меньшевистской фракцией, эксплуатируя неосведомленность, несамостоятельность, растерянность широких рабочих масс, и сама насквозь зараженная настроениями левого фланга буржуазно-империалистической „нации“, эта группа играла и играет инициативную и крайне активную роль в деле социал-патриотического совращения и вовлечения широких рабочих кругов в сферу „общенациональной“ идеологии и оборонческой практики.

Мы говорим: задача революционных интернационалистов в августовском блоке состоит в том, чтобы политически опереться не на Гвоздевых, а на те самые массы, которые за „коренное переустройство“; в частности, на тот „рабочий коллектив“, который выступил против участия в комитетах; на Сероблузкина и на всех тех, от чьего имени он пока — еще слишком беспомощно говорит. Эту задачу можно выполнить, только непримиримо выступая пред лицом рабочих масс против преподносимой им сверху гвоздевщины во всех ее разновидностях. Но такую политику нельзя вести от имени О. К. — „руководящего учреждения“, объединяющего сторонников Потресова со сторонниками Мартова, гвоздевщину с Циммервальдом. Поддерживать в глазах масс такое учреждение значит, с одной стороны, поддерживать

и дальше развращающую работу гвоздевцев всем авторитетом социал-демократии; значит, с другой стороны, организационно навязывать думской фракции политическую бесформенность. Если Чхеидзе в своей речи стал открыто на почву Циммервальда, — что можно только приветствовать, — то он той же самой своей речью, во многих частях уклончивой и прямо двусмысленной, обнаружил лишний раз, как трудно политически стоять на революционной почве Циммервальда — при стремлении сохранить общую почву с вдохновителями гвоздевщины.

Кто очаг социал-патриотизма тенденциозно открывает в „большинстве передовых рабочих“, кто свои надежды строит на политическом возрождении Потресовых и Бибиков и к ним приспособляет методы и темп своей „политики“, превращая ее в кружковую педагогику, — тот, разумеется, не поймет, какое значение имеет сейчас открытая и решительная изоляция социал-патриотического штаба пред лицом рабочих масс. Но кто свою задачу видит в освобождении этих масс от потресовщины и гвоздевщины, кто стремится непосредственно и действенно опереться на эти массы, деморализуемые социал-патриотами под прикрытием авторитета нашей партии, тот не сможет в настоящих условиях приступить к работе, действительно отвечающей характеру и задачам эпохи, не порвав открыто связей с ответственными социал-патриотическими деморализаторами.

„Н. С.“, 10 февраля — 15 марта 1916 г.

Логика плохого положения.

Ответ Л. Мартову.

Согласно твердо установившемуся у Мартова правилу, он начинает свою статью с обвинений ред. „Н. С.“ в нелойяльности. Раньше дело шло о наших „злоупотреблениях“ со статьями Мартова. При участии Бера (единомышленника Мартова) мы выяснили, что „злоупотребления“ совершались в самом деле почтовой цензурой, которая по месяцам задерживает письма из Швейцарии, как она *свыше трех недель продержала печатаемую теперь статью Мартова*. Казалось бы, этот опыт должен был бы побудить Мартова к некоторой осторожности. Но так как дело идет

о редакции „Н. С.“, членом которой Мартов числится, то он считает поэтому всякую осторожность в обвинениях излишней. Автор статьи думает, что мы „знаем, что делаем“, когда — по „фракционным“ соображениям — отождествляем социал-патриотизм с меньшевизмом, не делаем различий в среде „военнно-промышленных“ социалистов, а главное сознательно и систематически скрываем от читателей факты, характеризующие позицию Петроградской Объединенной Группы. Насчет „отождествлений“ и „неразличий“ мы высказались с достаточной определенностью в статьях: „Тьмы горьких истин“... и „В.-пр. с.-д. и их группировки“ (№№ 53 и 54), и новая работа Мартова не вызывает никакой потребности ни в пересмотре наших суждений ни в их пополнении. Но остается прямое и категорическое обвинение нас в „замалчивании“ позиции объединенцев. Читателю сообщается, что в первый год существования газеты мы говорили об объединенцах „достаточно часто“, притом, как о наших единомышленниках; но как только начался „шум“ (!) вокруг в.-пр. комитетов, объединенцы исчезли со столбцов „Н. С.“. Здесь прежде всего великолепно это неудовольствие по поводу „шума“, поднятого вокруг гвоздевщины. В самом деле, разве русская интернационалистская газета не может заниматься Шейдеманом, Реноделем, Вандервельде и не „шуметь“ по поводу того факта, что при посредстве О. К-та сто-двести тысяч русских рабочих втягиваются в оборончество! Ведь все трения и конфликты в редакции, как и все обвинения против реакционного большинства со стороны ближайших друзей Мартова, в основе своей вызывались именно тем, что мы применяли к русскому социализму те же требования и критерии, что и к немецкому или бельгийскому, и били тревогу по поводу фактов, свидетельствовавших, что оборончество расползается в августовском блоке, как масляное пятно. Мы продолжаем стоять на той точке зрения, что русский социализм лишь постольку имеет право возвышать свой голос в Интернационале, поскольку, по выражению т. Ф. Ротштейна, „чисто метет перед собственной дверью“.

Но как же обстоит все-таки дело насчет объединенцев? Во-первых, совершенно неверно, будто в первый год мы о них говорили „часто“: мы о них говорили тогда, когда получали какие-либо сведения, а это бывало, к сожалению, очень редко. Во-вторых, совершенно неверно, будто объединенцы „исчезли“ со стра-

ниц „Н. С.“ со времени военно-промышленной кампании. Если Мартов пишет, что „даже усердный т. Борецкий (Урицкий) не постарался доставить“ сообщений об объединенцах, то этого не нужно брать всерьез, ибо Мартов вовсе не всегда говорит, „то, что есть“; на самом деле именно Борецкий дважды за это время писал об объединенцах: в № 7 (от 9 янв.) он сообщал, что они, „по некоторым сведениям“, „ведут недостаточно самостоятельную и решительную политику“ и, наталкиваясь в своем стремлении к объединению интернационалистов на препятствия со стороны большевиков, „заходят слишком далеко в своем сотрудничестве с О. К.“; в № 47 (от 25 февр.) Борецкий сообщил, *со слов плехановца,* что объединенцы стоят „приблизительно“ на той же позиции, что и та часть августовского блока, которая солидарна с Мартовым. Оба эти сообщения как нельзя ярче показывают, до какой степени далеки — и редакция и т. Борецкий — от тенденциозного (третье-фракционного!) освещения деятельности „объединенцев“. И они же показывают, до какой степени далек Мартов от „того, что есть“.

Теперь далее. Мы умолчали, по Мартову, о сведениях, сообщенных об объединенцах в № 50 „Социал-Демократа“? Нет, не умолчали. Этому сообщению у нас посвящена целая передовая в № 68, от 21 марта, стало быть более чем за неделю до получения нами статьи Мартова. Более того. Автор статьи „То, что есть“ — это заглавие звучит, как ирония! — прямо пишет, что мы для того именно замолчали № 50 „С.-Д.“, чтобы избавить себя от необходимости дать объяснения и характеристику позиции объединенцев и сообщить читателям, что сам Гвоздев был объединенцем. Неправда: мы и характеристику дали и о Гвоздеве сообщили, — не то, что говорит Мартов: будто Гвоздев — „лидер“ объединенцев, а то, что действительно напечатано в „С.-Д.“: что Гвоздев, нынешний сотрудник „Самозащиты“ и самарского „Нашего Голоса“, „*был* объединенцем“. Но почему же мы дали эти сведения только 21 марта, а не раньше: ведь Мартов утверждает, что мы „*имели в руках*“ № 50 еще до 6 марта. Если Мартов утверждает, то это, к сожалению, вовсе не значит, несмотря на заглавие его статьи, что так оно и есть. На самом деле первый известный нам экземпляр № 50 появился в Париже после 6 марта, и статью о нем мы дали, как только получили этот экземпляр на несколько часов в руки. У нас тем меньше

было основания — даже с точки зрения Мартова — „замалчивать" № 50 „С.-Д.", что позиция Объединенной Группы представлена в нем несомненно благоприятнее, чем в корреспонденции Борецкого.

На этом мы могли остановиться. Но мы не сомневаемся, что в таком случае Мартов прислал бы нам новое уличающее послание: вы утверждаете, — так приблизительно писал бы он, — что не имели № 50 „Социал-Демократа" до 22 марта, а между тем уже в номере от 1 марта у вас напечатано „заявление" петербургских выборщиков с прямой ссылкой на этот номер. Поспешим поэтому избавить Мартова от новой... оплошности: „Заявление" выборщиков было для нас переписано Буквоедом (Рязановым), и только благодаря его вниманию мы получили возможность опубликовать этот документ на три недели раньше.

Мы видим, что все факты и даты оказываются в прямом заговоре против Мартова. Может быть, этого бы не было, если бы Мартов попытался вести принципиальную полемику вместо разыскивания корней и нитей. Мы вынуждены поэтому подать ему совет: прежде чем выдвигать против нас новое обвинение на основании сложных комбинаций и косвенных улик, лучше справиться у нас письмом: это может избавить Мартова от новой... оплошности, а главное избавить столбцы „Н. С." от полемики, которую плодотворной никак назвать нельзя.

Нам остается еще сделать два-три замечания по поводу того, что Мартов говорит по существу вопроса.

Прокламацию Иниц. Гр., из которой Мартов приводит обширную выдержку, мы перевели из „Berner Tagwacht" для „Н. С." за три дня до получения статьи Мартова. Эта прокламация только подтверждает то, что мы говорили о позиции Дана: политически она не реализуется, и участие в в.-пр. комитетах идет под знаком социал-патриотизма. Иниц. Гр. вынуждена, как и Мартов, закрывать глаза на социал-патриотическую позицию гвоздевцев. Москвичи — другое дело, они за „защиту", сообщает нам Мартов, а питерцы — это совсем особая статья: они — за „спасение". Не станем по поводу этого удивительного „анализа" ссылаться ни на телеграмму гвоздевцев москвичам о „двуединой задаче" (борьбы с внутренним и внешним врагом), ни на телеграмму питерцев Гэду, ни на ряд других фактов. Возьмем *заявление всей рабочей* группы недавнего военно-промышленного съезда,

как оно оглашено депутатом Чхенкели в Думе. Вот это заявление: *„В то время, как для наших французских и бельгийских товарищей открыт путь к свободному участию в защите их родины, рабочий класс России стоит перед глухой стеной крепостнического строя, не допускающего его к осуществлению самозащиты. Реакция скорее готова отдать страну под военный разгром, продать и предать ее, чем допустить народ к самозащите“*.

Выходит на поверку, что филологических упражнений над „защитой“ и „спасением“ недостаточно, чтобы перекрасить гвоздевцев в интернационалистов. Для утешения Мартова Гвоздев готов принять и уклончиво-двусмысленную формулу „спасения“, но когда ему приходится „дело делать“ — перед лицом своих капиталистических партнеров — он выступает, как принципиальный оборонец. А Мартов, который готов подбросить Гвоздева — через объединенцев — „Нашему Слову“, логикой положения вынужден этого самого Гвоздева политически обелять... Мы думаем, что положение, у которого такая плохая логика, должно быть названо плохим положением.

„Н. С.“, 9 апреля 1916 г.

Думская социал-демократическая фракция.

Революционная и пассивно-выжидательная политика.

Мы не раз говорили — и до последней думской сессии — о недостаточной определенности позиции с.-д. думской фракции, руководимой Чхеидзе, и мы считаем совершенно недопустимым закрывать глаза на то, что дальнейшее сохранение этой неопределенности — при все возрастающем расхождении национально-оборонческих и интернационально-революционных элементов рабочего движения — может поставить фракцию в совершенно безвыходное положение.

Карл Либкнехт дает нам образец революционно-агрессивной, неутомимо-наступательной социалистической тактики в империалистическом парламенте. Агрессивность Либкнехта было бы нелепо объяснять „темпераментом“; на самом деле она вытекает из определенности позиции и политических задач. Все выступления Либкнехта вытекают из стремления действенно противопо-

ставить пролетариат войне и ее виновникам. Он считает необходимым подготовлять „революционное вмешательство пролетариата“ (см. его беседу со скандинавским товарищем „Н. С.“, № 55). Он считает, что приостановить войну в сколько-нибудь близком будущем может только революционное вмешательство пролетариата; он строит всю свою политику в расчете на „период крупных социальных схваток“. Именно поэтому он не только не ищет общего языка с империалистическим большинством, а наоборот, даже по частным вопросам выбирает такие формулировки, которые как можно более враждебно противопоставляют его этому буржуазному большинству вместе с социал-патриотами и порождают и закрепляют в сознании массы представление о полной непримиримости социализма и империализма. Найти в себе внутреннюю силу для такой тактики в патриотически-сгущенной атмосфере современного парламента может только тот, кто стремится стать органом непосредственного „революционного вмешательства пролетариата“. И вот почему, приветствуя переход группы Гаазе на путь открытой оппозиции, Либкнехт основной порок многих членов этой группы видит в том, что „у них нет желания или мужества дать пролетариату революционный лозунг“ („Н. С.“, № 55).

Такой революционно-наступательной тактики нет у наших депутатов. Не нужно обманывать себя их энергичными выступлениями против правительства в вопросах внутренней политики. Центральным вопросом жизни народных масс, как и центральным явлением всей эпохи, является *война*. Между тем энергия и определенность выступлений нашей фракции тем меньше, чем ближе она подходит к этому центральному факту.

Правда, „*революционные*“ социал-патриоты — то-есть те немногие из них, которые искренно считают себя такими — усматривают политическую задачу в том, чтобы, *прияв войну*, содействовать развитию „национальной революции“ путем критики *правительственного ведения* войны. Под углом зрения национальной революции под патриотическим знаменем логически не только понятно, но и обязательно стремление найти общий язык с прогрессивным блоком и ограничивать область „революционной“ критики вопросами внутренней политики и военной техники. Такая точка зрения, внутренне логическая, политически представляет собою самую жалкую и бездарную из утопий, и Милюков, в течение последней сессии, снова двинул в ход все свои рессурсы

обывательского реализма и политического бесстыдства, чтобы втолковать самым упорным всю безнадежность сочетания патриотизма с революцией.

Но наша думская фракция, за вычетом Чхенкели, и не занимается, к чести ее, таким сочетанием. В этом главное *отрицательное* достоинство ее позиции. Однако этого совершенно недостаточно. За отказом от мнимо-революционной мобилизации пролетариата на основе „национального предприятия" (войны), остаются две возможности: революционная мобилизация пролетариата *против* „предприятия", а стало быть полный разрыв на этом с прогрессивным блоком, либо же *пассивно-выжидательная* политика, не ангажирующаяся в патриотическом направлении, но и не находящая в себе, по выражению Либкнехта „желания или мужества дать пролетариату революционный лозунг". Деятельность нашей думской фракции протекает между этими двумя альтернативами — с явным приближением к пассивному интернационализму. Перспектива *революционной* мобилизации пролетариата против „национального предприятия", стало быть не только против монархии и дворянства, но и против империалистической буржуазии, — несомненно пугает фракцию своей политической „безвыходностью". В национальных рамках такая перспектива действительно заканчивается тупиком. Революционно противопоставлять пролетариат не только „реакции", но и империалистическому блоку можно лишь при ясном понимании того, что война эта означает для всей Европы „период крупных социальных схваток", что политическое выступление „изолированного" (от империалистических классов) русского пролетариата представляет собою только одну из этих схваток, и что судьба боевой анти-империалистической политики в России зависит в последнем счете не от соотношения сил в национальных рамках, а от хода и исхода революционной борьбы на протяжении всей Европы. У наших депутатов нет ясной интернационально-революционной концепции; и если они — за вычетом Чхенкели — отвергают национально-патриотическую концепцию, то они в то же время слишком часто оказываются безоружными пред ней. Такова *основная* причина политической расплывчатости выступлений нашей фракции и пассивно-выжидательного характера ее интернационализма.

Но наряду с этим действует в том же направлении более непосредственно и потому более остро другая причина: организацион-

ная связь фракции с руководящими социал-патриотами. Для того, чтобы депутаты могли с думской трибуны открыто призывать рабочих не связывать себе рук цепями оборонческой политики, руки самих депутатов должны быть совершенно свободны от организационной связи с оборонцами, зовут ли этих последних Потресовыми или Чхенкели.

„Н. С.“, 20 апр. 1916 г.

Без стержня.

Товарищей меньшевиков-интернационалистов, тех, которые с двойственным чувством следят за полемикой между Заграничным Секретариатом О. К. и „Нашим Словом“, мы можем — с своей стороны — лишь пригласить самым внимательным образом прочитать № 4 „Известий“ Загр. Секр. Мы предлагаем при этом пройти мимо разбросанных там обвинений в „недобросовестности“ и пр., которые — будучи, как мы уже показали, совершенно несостоятельными — могут только отвлечь мысль от существа обсуждаемых вопросов. Мы настаиваем на том, чтоб товарищи-меньшевики спокойно проверили — с № 4 „Известий“ в руках — степень правильности всего того, что „Наше Слово“ писало о положении дел в меньшевистской фракции и в нашей партии вообще.

Вопрос о взаимоотношении между *верхами* и *низами* августовского блока в деле проведения социал-патриотической политики составлял все время предмет острых разногласий между нами и Загр. Секретариатом. „Известия“ проводили ту точку зрения, что социал-патриотизм шел снизу — со стороны „большинства (!) передовых элементов пролетариата, которые, под впечатлением военного разгрома страны и мобилизации общественных сил, поколебались в своей старой позиции и решили приобщиться к... общественному движению, выступающему под флагом национальной обороны“ („Изв.“ № 3). Что же касается руководящих элементов августовского блока, то большинство их, если и звало в комитеты, — то — как утверждали „Известия“ — по причинам, „ничего общего с оборончеством не имеющим“. Такова была конструкция Загр. Секретариата. Мы занимали в этом вопросе противоположную позицию. „Остается неоспоримым фак-

том, — писали мы, — что сущностью социалистического кризиса, как мы его сейчас переживаем, является *капитуляция руководящих классовых организаций* — не пред стихийным настроением масс, а *пред планомерным натиском буржуазии и ее государства*. Политическое давление шло не снизу вверх, а сверху вниз". И в частности: „в России для хода и исхода кампании вокруг военно-промышленных комитетов решающим был тот факт, что влиятельнейшая литературная группа на верхах одной из двух наших „исторических" фракций, группа, тесно связанная с многочисленными легалистски и оппортунистически настроенными рабочими, заняла в этой кампании, разумеется, не случайно, определенную социал-патриотическую позицию. Это группа „Нашей Зари" — „Нашего Дела" — „Самозащиты" („Н. С." № 62).

Читатели понимают всю практическую важность этого разногласия. Требование полного разрыва с социал-патриотическими штабами получает свое политическое оправдание лишь в том случае, если оборончество идет не „снизу", со стороны „большинства передовых рабочих", как думают „Известия", а сверху вниз — от буржуазно-империалистической нации через посредство социал-патриотических штабов, как думаем мы.

Проверим теперь этот огромной важности спор на последнем номере „Известий". Вот, что мы читаем в письме из Петербурга:

„... Расслоение на два определенных течения происходит сверху до низу. Очень мало осталось колеблющихся или неопределившихся. *Среди сознательных рабочих таких, пожалуй, и совсем нет.* И отчуждение между интернационалистами и националистами, или, как у нас принято выражаться, — между оборонцами и антиоборонцами, — все растет. *К сожалению, не так обстоит дело с коллегиями*: большинство из них не примыкает официально к одной какой-либо линии. *В состав их входят сторонники обеих точек зрения.* Общепартийного меньшевистского мнения нет. Петербургская Организация *давно и тщетно добивается* от О. К., чтобы он принял меры к его выяснению, но он *упорно отговаривается* тем, что на очереди есть спешные и важные вопросы. Объясняется это, по-моему, с одной стороны, боязнью раскола; с другой — тем, что оборонцы явно чуют свой провал, как только вопрос будет поставлен формально в общероссийском масштабе.

„Течения распределяются так: как общее правило относительно всей России, можно, не боясь ошибиться, сказать, что среди интеллигенции, в частности литераторов, преобладает оборончество. То же самое, — и даже еще в более сильной степени, к сожалению и среди самой верхушки наиболее развитых, обинтеллигентившихся, рабочих (они же как раз и наиболее квалифицированные и хорошо оплачиваемые). Но в широкой массе меньшевиков оборончество совершенно отсутствует и вызывает к себе самое озлобленное отношение". („Изв." № 4, курс. наш.)

Перечитайте внимательно эти в высшей степени поучительные строки, как и все вообще „письмо", и скажите: не является ли оно уничтожающим опровержением того, что писал Загр. Секретариат, и не подтверждает ли оно — в важнейших своих пунктах дословно — то, что говорили мы по вопросу о взаимоотношении низов и верхов в оборонческой политике августовского блока? И когда редакция „Известий", осыпав нас в примечании „огнем нежданных эпиграмм", присовокупляет: „сообщение нашего корреспондента подтверждает то, что мы писали в № 3 о действительном положении дел в России", то это заявление совершенно обезоруживает своей внезапностью. Но какая же нужна степень политической растерянности, чтобы отважиться на такое утверждение!

Ведь именно № 3 „Известий" был целиком, с начала до конца, посвящен доказательству того, насколько вредно „форсировать" размежевание верхов при оборонческих или бесформенных настроениях низов. Эта мысль проходила через все статьи февральского номера. В полемике с парижской группой меньшевиков, которая тогда попыталась было подняться над уровнем обывательской пассивности, редакция „Известий" писала: „для подавляющего большинства наших партийных рабочих суть наших споров с социал-патриотами, российскими и западно-европейскими, начинает только-только раскрываться". В противовес этой попытке спрятать банкротство августовских верхов за бесформенность низов, питерское письмо сообщает, что колеблющихся или неопределившихся „среди сознательных рабочих, пожалуй, и вообще нет".

Совершенно обратно, как мы видим, обстоит дело с руководящими коллегиями. Редакция „Известий" защищала два месяца тому назад О. К. не только от нас, но даже от парижской группы,

доказывая, что его интернационалистская позиция „выразилась достаточно определенно“.

В противовес этому, питерское письмо сообщает, что О. К. официально не имеет никакой позиции; что снизу „давно и тщетно“ требуют от него выяснить обще-меньшевистскую позицию, на что О. К. упорно отговаривается“ недосугом (некогда занять позицию!). На самом же деле, по словам автора „Письма“, „оборонцы явно чуют свой провал, как только вопрос будет поставлен в общероссийском масштабе“, и именно по этой причине не хотят определять позицию. Другими словами: августовские низы потому так „долго и тщетно“ стучатся у ворот О. К., что в этом учреждении хозяйничают оборонцы.

Вы снова видите, стало быть, что „сообщение нашего корреспондента подтверждает то, что мы (ред. „Известий“) писали в № 3 о действительном положении дел в России“. Буква в букву! Точка в точку!

С каким высокомерием и с каким негодованием отвергал № 3 „Известий“ требование „Нашего Слова“: „разрывать организационную связь с наше-дельцами“. Возьмите его в руки, этот № 3, и прочитайте хотя бы третий столбец на пятой стр.: ссылки на темноту в головах рабочих, надежды на великую силу исторического процесса и весьма неосторожные эпиграммы на счет „фельетонного легкомыслия“ тех, которые требуют организационного разрыва с социал-патриотическим штабом.

А что говорит по этому поводу питерское письмо? „Мы настаиваем на определении официального мнения меньшевизма. И если О. К. не примет к тому мер, то мы сами сделаем нужное. *Раскол мне лично кажется неминуемым*: оборонцы, наверное, не подчинятся; ведут они себя довольно вызывающе“. (№ 4, курс. наш.)

Мы вовсе не хотим сказать, что те товарищи-меньшевики, от имени которых говорит автор „Письма“, занимают достаточно отчетливую и решительную интернационалистскую позицию. Но совершенно ясно, что именно они стремятся выбраться на интернационалистский путь. И в этом стремлении они упираются в социал-патриотический штаб, хозяйничающий в О. К. и отвечающий организационной обструкцией на все усилия левых меньшевиков выбраться из оборонческой трясины. „Раскол мне лично кажется неминуемым“, говорит автор „Письма“, очевидно, зара-

зившись на двадцатом месяце войны „фельетонным легкомыслием“.

Теперь вам стало окончательно ясно, что „сообщение нашего корреспондента подтверждает то, что мы писали в № 3 о действительном положении дел в России“. Правда, там, где „мы“ говорили *да*, корреспондент говорит *нет*, где „мы“ писали *плюс*, он пишет *минус*, где у нас *черный* цвет, там у него *белый*. Но за вычетом этого остается, как видите, полное совпадение... Сама ирония безоружна пред лицом этой невиданной и неслыханной растерянности!

„Н. С.“ 4 мая 1916 г.

Аргумент от копыта.

Война, которая успела стать „органическим“ состоянием Европы, снова вступила в период конвульсий. Союзные армии делают давно возвещенную попытку прорвать заколдованный круг,—заколдованный для обеих сторон. Инициатива была на этот раз предоставлена России, потому ли, что западные союзники не считали возможным „начинать“, прежде чем не убедятся на деле в способности русской армии к наступлению, потому ли, что единство наступления, в более узком и точном смысле слова, оказалось на этот раз объективно неосуществимым, это для общей картины не имеет сейчас большого значения. Мы не имеем также возможности судить о том, в какой мере, в результате последних военных операций на восточном фронте, оказалась доказанной для союзных штабов способность русской армии к планомерной и решительной офензиве. Остается, однако, несомненным,—и это уже отмечалось на столбцах нашей газеты,—что никогда еще до сих пор французская пресса не проявляла столько сдержанности, несмотря на благоприятные внешние симптомы, как сейчас. За вычетом совершенно беспардонных уличных газет, снова извлекших на свет божий достаточно таки скомпрометированный русский „паровой каток“, который должен пройтись по Германии, остальная пресса успела все-таки за эти два года понять, что эта война есть война материала что наступление есть бешеное расточение материала и что стало быть непрерывность и решительность наступления может быть обеспечена лишь способностью

страны к планомерному воспроизведению и перемещению военных материалов. После всех и всяких уклонений в ту или другую сторону вопрос сводится к своей первооснове: сравнительному уровню развития производительных сил. „Надстроечные“ или субъективные факторы, как-то: лучший или худший контроль, подбор генералов, состояние духа солдат, согласованность действий и пр. имеют бесспорно огромное значение, но они не могут произвести чудес. Именно поэтому мы не ждали и не ждем чудес.

Наши читатели—притом не только друзья, но и добросовестные противники—знают, что мы не ставим судеб социалистического движения в Европе и методов классовой борьбы в зависимость от возможных стратегических эпизодов развертывающейся войны, ни даже от ее общего военного итога. Циммервальдский масштаб—хорош он или плох—во всяком случае шире и глубже военно-стратегического масштаба. В соответствии с этим социал-патриоты обвиняли нас в двух грехах: во-первых, в том, что мы игнорируем непосредственные причины войны, ограничиваясь ее основной причиной—обострением империалистического соперничества великих держав; во-вторых, в том, что мы игнорируем возможное влияние на развитие демократии и социализма военного перевеса той или другой стороны. Оба эти „обвинения“ в их основе мы принимаем, и именно на этой почве шла у нас вся первоначальная борьба с социал-патриотизмом.

Совершенно неожиданной должна поэтому представиться та позиция, какую занял „Призыв“ в связи с русским наступлением: *австрийский фронт прорван*, пишет эта единственная в своем роде газета, *и стало быть прорван фронт циммервальдовский*. Какими путями? Мы можем верно или неверно оценивать в каждый данный момент соотношение сил и стратегическое взаимоотношение воюющих лагерей. Но ведь нас обвиняют, и совершенно основательно, в том, что наша политика определяется не этим взаимоотношением, а тем, какое существует между лагерями революционного пролетариата и капиталистического империализма. Каким же образом передвижение линии русских войск на несколько десятков километров подрывает принципы и методы Циммервальда? А если бы пал Вердэн, не значило ли бы это в таком случае, по логике „Призыва“, подтверждение теорий Кинталя?

Разумеется, здесь перед нами чистейший абсурд. Тем не менее в кликушеском восклицании „Призыва“ есть своя политическая логика. Эти люди сдали все то, что они некогда считали идеями и задачами социализма, своим генеральным штабам. В действительных или мнимых успехах этих штабов они готовы поэтому видеть ответ на все теоретические аргументы и политические доводы, которые превышают меру их собственного разумения. Но если их багаж ныне целиком умещается на крупе средней казачьей лошади, то отсюда еще вовсе не следует, что позиция Циммервальда может быть сокрушена аргументом от копыта.

„Н. С.“, 29 июня 1916 г.

Коренное расхождение.

1. Политические основы военно-промышленного „интернационализма“.

В № 5 „Известий“ — издание, во главе которого стоят Аксельрод, Мартов, Мартынов и др. — напечатаны две крайне обширные декларации петербургских и московских меньшевиков о войне. Первая подписана Петербургской инициативной группой и Московской с.-д. группой, вторая—только Инициативной группой. Обширность документов, как это нередко бывает, связана с чрезвычайной расплывчатостью. Авторы заявляют себя сторонниками Циммервальда и стремятся, в оппозиции к оборонцам, формулировать и обосновать интернационалистскую позицию. Но теоретические очертания этой последней почти неуловимы, а практическими выводами своими она упирается в военно-промышленные комитеты.

„В нынешнем международном конфликте,—говорят авторы,—нас должен отделять от буржуазного, даже (!) буржуазно-демократического понимания задач и событий именно наш интернационализм, забота не только (!) об отечестве, но и о международном пролетариате, уменье преодолеть основное противоречие момента, умение определить опасность, от которой надо обороняться, и средства обороны не с точки зрения своей лишь национальной скорлупы, а с точки зрения всего Интернационала“.

Эта цитата очень характерна для общего духа документа, который самые простые мысли выражает сложными словами, приспособленными к оборонческим настроениям тех элементов, которые этот документ увещевает. Высказываясь в принципе против оборончества, названные группы обращаются не к рабочим массам с призывом, а к социал-патриотам—с увещанием. Естественно, если они ищут общего с ними языка. И нужно сказать, что они без труда находят его.

Мы уже сказали, что обе примыкающие в Циммервальду меньшевистские группы тактически защищают—и с какой горячностью!—необходимость участия в военно-промышленных комитетах: разумеется, не для обороны, а для „выдвигания очередных задач", „собирания сил" и пр. Таким образом, схождение с социал-патриотами, на первый взгляд, является лишь формально-тактическим: и те за участие в комитетах, и другие. Но одни—во имя обороны, а другие—во имя интернациональной борьбы за мир. Мартов и другие заграничные литераторы меньшевистского крыла не раз обвиняли „Наше Слово" в том, что оно не хочет-де видеть полной противоположности тех мотивов, которые толкают в военно-промышленные комитеты—Потресова, на одной стороне, Дана—на другой. Мы отвечали вопросом: но каким же образом военно-промышленные „интернационалисты" при полной, будто бы, противоположности воззрений оказываются в политической практике в одном лагере с патриотами, под одним и тем же лидерством патриота—Гвоздева? Нам отвечали ссылками на русские потемки, на невыясненность вопросов, организационные недоразумения и предлагали отложить непримиримую борьбу против гвоздевщины—до тех пор, пока до России дойдут разъяснительные и увещательные послания Заграничного Секретариата. Но и после получения этих посланий военно-промышленные „интернационалисты" не сдались. Наоборот, и покойный самарский „Наш Голос" и оба разбираемые нами документа дают решительный отпор „анархо-синдикализму", поворачивающемуся спиною к военно-промышленной политике, и, отгораживаясь от беспринципной защиты, добросовестно стремятся показать, что для сотрудничества с Гвоздевым у них имеются *совершенно достаточные принципиальные мотивы.* В выяснении этих мотивов и заключается, по нашему мнению, главное значение обоих документов.

„Война широко развернула,—говорят наши авторы,—процесс организации в России общественно-политических сил. Буржуазная оппозиция, главный грех которой заключается в ее равнодушии к основным организационным задачам русского общества и к попыткам пролетариата приблизиться к разрешению их, эта оппозиция вступила, наконец, на путь собирания распыленных общественных сил. В интересах пролетариата поддерживать организационно-политическую работу оппозиции, влить в эту работу силы широкой демократии“ и пр. Он „должен положить *в основу своей тактики* (курсив наш) принцип координации политических действий. Свои первые удары он должен обратить не на противников будущей полной демократизации России, а на сторонников нынешней дворянско-бюрократической диктатуры“.

Та же самая „основа тактики“ проходит и через второй документ. „Мы должны, — говорится там, — в нашей борьбе с главным врагом, самодержавием, искать точек соприкосновения с буржуазной оппозицией“. И далее: „одолеть его (самодержавие) не может ни одна буржуазия без пролетариата, ни один пролетариат без буржуазии“.

Здесь мы видим принципиальную в своем роде постановку вопроса — в отличие от тех недоговоренностей и уклончивых полуфраз, из которых состоит позиция самих „Известий“.

Военно-промышленные интернационалисты не хотят брать на себя ответственность за оборону. Они стоят за необходимость революционной борьбы с царизмом, независимо от ее непосредственных военных последствий. Но они считают, что пролетариат может и должен вести эту борьбу только в сотрудничестве с либеральной буржуазией. Именно поэтому—т. - е. заботясь, чтоб это сотрудничество было не бесплотным, а реальным—они требуют, чтоб пролетариат входил в созданные либеральной буржуазией оборонческие учреждения.

Эта позиция, фальшивая с начала до конца, теснейшим образом связывает военно-промышленных интернационалистов с социал-патриотами и объясняет нам, почему первые, под гвоздевским знаменем, оказались враждебно противопоставлены революционным интернационалистам.

Если мы идем навстречу революции, в которой буржуазия будет вместе с пролетариатом бороться против самодержавия, то нам, конечно, нужно стремиться к координации политических

В. Н. МЕЩЕРЯКОВ

действий. А так как политическая и в том числе оппозиционная деятельность буржуазии развертывается на почве национальной обороны (империализма), то нам, чтобы не отрываться от буржуазии, нужно практически стать на ту же почву, „сняв“ с себя при этом—посредством „декларации“—политическую ответственность за операции милитаризма. Стать на общую с буржуазией почву значит не только войти в военно-промышленные комитеты, но и фактически подчинить революционное движение пролетариата оппозиционному движению либеральной буржуазии. Пролетариат, как мы слышали, не может свергнуть самодержавие—„без буржуазии“. Это значит, что революционное движение, развертывающееся против буржуазии, заранее обречено на поражение. Хотя военно-промышленные интернационалисты признают (в декларации!) самостоятельное рабочее движение и даже независимо от его непосредственного влияния на судьбы войны, но эту самостоятельность они подчиняют маленькому ограничению, ставя ее—под видом „координации“—в зависимость от политики либерализма. А так как либеральная политика свою оппозицию ставит в зависимость от внешней политики, то „принцип координации политических действий“, как *основа* тактики, приводит на деле к тому, что военно-промышленные комитеты (и не только они одни) превращаются в те посреднические камеры, откуда революционная энергия пролетариата сознательно ограничивается и нейтрализуется в ожидании революционного сотрудничества буржуазии. *И это совершенно независимо от того, заседают ли в военно-промышленных комитетах гвоздевцы или единомышленники Дана.* Политика пролетариата — через посредство координации действий с либеральной буржуазией—становится в глубокую внутреннюю зависимость от всей политики империализма, только, в отличие от обнаженных социал-патриотов, зависимость эта маскируется километрическими декларациями.

II. Две исключающие друг друга тактические линии.

Мы видели в прошлой статье, что военно-промышленные „интернационалисты“ (Инициат. Группа и пр.) потому именно и мирятся фактически с социал-патриотами, потому и передают так легко свой политический мандат гвоздевцам, что те и другие

кладут „в основу своей тактики принцип координации политических действий“ пролетариата и либеральной буржуазии („Известия“, № 5). Декларация питерских и московских меньшевиков-интернационалистов с полным удовлетворением констатирует, что „оппозиция вступила, наконец, на путь собирания распыленных общественных сил“. Речь идет, очевидно, об организации прогрессивного блока, земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов и пр., словом, о сосредоточении сил буржуазных классов на империалистической основе в учреждениях, сочетающих принципиальное и фактическое сотрудничество с формальной оппозицией по отношению к бюрократии. „В интересах пролетариата, говорит разбираемый документ, поддерживать организационно-политическую работу оппозиции“. Но *существо* политической работы оппозиции состоит в развитии и углублении дела 3-го июня: в примирении монархии, аграриев, финансовых и промышленных капиталистов на империалистической основе, — по отношению к этой целиком контр-революционной задаче оппозиционное давление буржуазии имеет заранее ограниченное, чисто подчиненное значение. Думать и надеяться, что оппозиционное „давление“ самой буржуазии может выйти за пределы внутренней семейной игры сил или тяжбы империалистических пайщиков и направиться против основ „самодержавия“ (империалистической монархии), значит ничего не понимать ни в социальных и политических группировках России, ни во всем содержании европейской истории за последнее полустолетие. Оппозиционное „давление“ буржуазии, которая всегда начинает сначала, чтобы не продолжать, имеет своей задачей не только оттягать лишнюю долю влияния для буржуазных классов, но и главное, под оппозиционным знаменем — навязать дисциплину империалистического государства мелкобуржуазной интеллигенции, а через нее и рабочим массам. Если во Франции республиканская форма и окостеневшие традиции революции, а в Германии промышленно-культурное могущество служат незаменимыми средствами дисциплинирования народного сознания и его подчинения империалистическому дирижерству, то в России единственным рессурсом буржуазной нации на этом пути является оппозиционный жест, дополняющий и маскирующий империалистическое сотрудничество или, как у кадетов, глубоко принципиальное в своей низкопробности прислужничество.

Царизм, как он есть, не может привязать рабочих к третье-июньской фирме, которая есть не случайное и преходящее образование, а лишь русское выражение обще-европейской комбинации исторических сил. Социал-патриотизм в России представляется — и в этом его *внешнее* отличие — не прямой и открытой капитуляцией социализма перед государством, а оппозиционной „координацией политических действий“ с буржуазной нацией в целях давления на государственный режим. Но непосредственно-служебная роль русского либерализма так очевидна, господство империализма в политике буржуазии над либерализмом так явно, что социал-патриотизм, т.-е. прямое перенесение кадетизма в рабочее движение (потресовщина, гвоздевщина), неизбежно должен компрометировать себя с третьего слова и лишаться всякого доверия в рабочих рядах. В этих условиях речь может итти скорее о социал-патриотических лакеях либерализма, чем о социал-патриотических контр-агентах буржуазии в рабочем движении. Для того, чтобы стало возможным широкое и длительное „сотрудничество“, оказывается политически необходимым, по крайней мере, еще одно промежуточное звено. Как либеральная оппозиция необходима империалистическому блоку для приручения и подчинения буржуазной нации, так военно-промышленный „интернационализм“ необходим для политического приручения рабочих, — не прямого, но не менее действительного. Дело, разумеется, не в военно-промышленных комитетах самих по себе, а во всей исторической концепции и в вытекающих из нее основах тактики. Декларация московских и питерских меньшевиков, „снимая с себя ответственность“ и расписываясь под многими хорошими мыслями, правда, весьма конфузно и конфузливо выраженными, в самом *основном* дает все решительно необходимые гарантии — не интернациональному пролетариату, а русскому империалистическому блоку. Его работа — на основе самого варварского империализма — признана работой „собирания распыленных общественных сил“. На пролетариат возложена обязанность эту работу поддерживать. Победа революции обусловлена сотрудничеством пролетариата с империалистической буржуазией. Самостоятельная политика, т.-е. революционная мобилизация пролетарских и связанных с ними народных масс *против* империалистического блока признана заранее безнадежной („один пролетариат без буржуазии“ не может „одолеть самодержавия“). Этим

фактически, на деле, на практике вся борьба пролетариата ставится в замаскированную словами зависимость от „развития“ либеральной оппозиции, политика которой в свою очередь целиком определяется потребностями империализма. Отсюда столь непонятное на первый взгляд сочетание Циммервальда с гвоздевщиной. Осуществлять сотрудничество с либеральной буржуазией против Гвоздева или помимо него невозможно: он необходимое соединительное звено. Но привлечь к такому сотрудничеству широкие слои рабочих плехановскими манифестами или гвоздевскими беседами со Штюрмером еще того менее возможно: нужны более высокие принципы, более популярные лозунги. Отсюда тяга военно-промышленных „интернационалистов“ к Циммервальду, по крайней мере, к его фразеологии, ибо революционная сущность Циммервальда, как показывают оба документа, остается для их авторов книгой за семью печатями.

Полагать в основу своей тактики координацию действий с империалистической и по существу анти-революционной буржуазией значит отказываться не только от интернационализма, но и от русской революции. Вернее сказать: из отказа от самостоятельной интернационально-классовой политики пролетариата неизбежно вытекает отказ от революционной борьбы против царизма. Какие революционные силы может собрать вокруг себя русский пролетариат, развернув знамя непримиримой и открытой борьбы против империалистического блока по всему фронту? Этот вопрос не может быть решен иначе, как самой практикой революционной борьбы. Но если русский пролетариат „один“ не может одолеть царизма, то это может *для нас* значить лишь: один — без европейского пролетариата, а не без русской буржуазии. Несомненно, что русская революция может быть „доведена до конца“ только в связи с победоносной пролетарской революцией в Европе. Из этой перспективы, единственно реальной, вытекает теснейшая координация действий с европейским пролетариатом (это и есть Циммервальд!), но никак не с русской буржуазией. Координация действий европейского пролетариата не может, в свою очередь, иметь выжидательный характер, т.-е. фразеология интернационализма не может служить прикрытием национальной пассивности. Выступая против так называемого „национального“ предприятия, порывая со всякими оборонческими учреждениями и оборончески-демократическими иллюзиями, мо-

билизуя пролетарские массы против империалистического блока, мы тем самым будем развязывать руки немецкой оппозиции, расширять арену ее влияния и толкать вперед циммервальдцев во всей Европе. Ясно, что эта наша политика будет не сближать нас с русской буржуазной оппозицией, а наоборот — непримиримо противопоставлять ей. Этой перспективы пугаются авторы документа, оппортунисты до мозга костей, и пытаются запугать ею пролетариат. На этой именно почве революционные интернационалисты должны вести с ними борьбу. Нужно вопрос о военно-промышленных комитетах и все другие частные вопросы текущей политики поднять в сознании пролетарского авангарда на уровень принципиальной альтернативы: что мы полагаем в основу нашей тактики — координацию действий с либеральной буржуазией во имя мнимых, иллюзорных интересов русской революции или координацию действий с европейским пролетариатом — против всех сил империализма — во имя европейской революции?

Поднять вопрос на эту высоту значит вместе с тем открыть непримиримую борьбу против той идеологии и политики, выражением которой являются напечатанные в № 5 „Известий“ заявления петербургских и московских меньшевиков.

„Н. С.“, 19 и 20 июля 1916 г.

Два лица.

Политический критерий для определения оборонческой и интернационалистской политики мы видели в отношении к военно-промышленным комитетам. Мы нимало не закрывали глаз на наличность различных „оттенков“ в лагере военно-промышленных социалистов. Но мы говорили: *положительное* решение вопроса об участии в комитетах и вытекающая отсюда борьба с противниками этого участия должна была неминуемо обеспечить в этом лагере господство определенным социал-патриотам; остальные „оттенки“ играли только роль вольных и невольных пособников по вовлечению широких рабочих кругов в оборонческую практику. Наоборот, резкое противопоставление себя комитетам, как органам „национального предприятия“, уже одной объективной логикой вещей становилось важнейшим моментом в развитии интернационалистской тактики. Такова была наша оценка.

Из кругов Загран. Секретариата нас по этому поводу обвиняли, как известно, в злостном искажении политической действительности. По словам Мартова (№ 84 „Н. С.“), мы упорно закрываем глаза на то, что „разделение на сторонников участия и бойкотистов далеко не совпадает в России с делением на интернационалистов и оборонцев“. Оказалось однако, что с нашим критерием мы на свете не одни. В известном февральском циркуляре Бернской комиссии, в обзоре пробуждающегося социалистического движения, имеются такие строки: „В Петербурге более 100.000 рабочих высказались против участия в военно-промышленных комитетах и таким путем отказались брать на себя какую бы то ни было ответственность за войну“. Таким образом, „Циммервальд“, в качестве критерия, избрал именно отношение к комитетам и официально признал *своими* бойкотистов, и только их. Можно было бы, конечно, предположить, что „Циммервальд“ был плохо осведомлен или введен в заблуждение „Нашим Словом“. Но нет, из № 4 „Известий“ слегка удивленное человечество узнало, что приведенная выше оценка петербургских военно-промышленных выборов была сделана именно *по предложению представителя* О. К. Мартова.

Значит, Мартов переменил на этот счет свое мнение? Нет, зачем же... ровно через месяц он в статье „То, что есть“ снова негодовал по поводу того, что „Наше Слово“ принципиально противопоставляет гвоздевцев циммервальдцам, и на самых высоких нотах доказывал, что Гвоздев в сущности не Гвоздев, ибо он стоит за „спасение“, а не за „защиту“ страны. Отчего бы, кстати, Заграничному Секретариату не издать сборник статей Мартова за два года войны? Это была бы книга незаменимого воспитательного действия.

Мы, пожалуй, не возвращались бы к этой теме, если б не столкнулись с новым фактом все той же прискорбнейшей категории.

В изданной им недавно на немецком языке брошюре [1]. Заграничный Секретариат, „желая осведомить заграничных товарищей о позиции одной части русских и польских марксистов в очередных вопросах социал-демократической политики“, опубликовал проект манифеста, предложенный Кинтальской конферен-

[1]) „Kriegs- und Friedensprobleme der Arbeiterklasse“.

ции представителем О. К. и P. P. S. „С той же целью“, как говорится в предисловии, к брошюре приложен перевод части декларации петербургских и московских меньшевиков.

Мы уже познакомили наших читателей в очерке „Коренное расхождение“ с позицией питерской и московской групп, которые свой интернационализм, как известно, воздвигли на военно-промышленном фундаменте.

Первая часть их декларации представляет собою довольно запутанное изложение „циммервальдских“ воззрений на войну и национальную оборону. Из этой части иностранные товарищи вряд ли могут узнать что-нибудь для них новое и поучительное. Другое дело—вторая часть документа, где петербургская и московская группы излагают, какие выводы следуют по их мнению из циммервальдских принципов для социалистической практики в России. Эта вторая часть документа именно и начинается с того, что „разрешение мирового конфликта в интернациональном масштабе... должно опираться на *политическое строительство пролетариата в национальных рамках*“ (курсив наш). Дальше обстоятельно излагается необходимость *в основу тактики* российского пролетариата полагать не непримиримую борьбу с либеральной буржуазией, важнейшей частью империалистического блока, а „координацию политических действий, то-есть *сотрудничество* с нею. Именно поэтому и для этого рекомендуется вести работу в военно-промышленных комитетах, группируясь вокруг Гвоздева и Черегородцева. Казалось бы, если *осведомлять* заграничных товарищей, т.-е. осведомлять их *добросовестно*, то эту часть документа необходимо было сообщить им в первую очередь, ибо именно здесь говорится о позиции „одной части русских и польских (?) марксистов *в очередных вопросах с.-д. политики*“. Что же делает Заграничный Секретариат? Он надписывает сверху „Из декларации“ и, обеспечив за собою таким образом тыл, выбрасывает далее целиком (т.-е. фактически скрывает от заграничных товарищей) самую существенную часть документа, ту, где излагается, как „часть русских (и польских?) марксистов“ проводит в жизнь принципы Циммервальда.

Мы утверждаем, что *ни один* заграничный интернационалист, ознакомившись с первой половиной документа, не догадается, что авторы его рекомендуют вхождение в органы национальной обороны в целях координации политических действий с империа-

листической буржуазией. Именно для того, чтобы *скрыть* от заграничных товарищей „то, что есть“, Заграничный Секретариат произвел в документе усекновение гвоздевского лица. Для чего же он вообще в таком случае переводил злосчастный документ? Для того, чтобы предъявить Интернационалу циммервальдское лицо. С точки зрения канцелярской проформы Секретариат, надписавший „из декларации“, действовал неуязвимо. Но с точки зрения *политической правды* такому методу информации заграничных товарищей поистине нет имени. А между тем этот метод непреодолимо вытекает из всей официально-официозной политики августовского блока, у которого есть два лица: одно показное, интернационально-циммервальдское, а другое—натуральное, гвоздевское.

„Н. С.“, 29 июля 1916 г.

Группировки в российской социал-демократии.

(Тезисы.)

Положение внутри российской социал-демократии достаточно определилось в результате двух лет войны и кризиса, чтобы позволить подведение общих итогов и в частности побудить интернационалистские группировки, не занимающие определенного организационного места в партии, сделать необходимые практические выводы и более точно определить линию своей дальнейшей внутри-партийной политики, — в теснейшей связи с группировками во всем социалистическом Интернационале.

1. Группа „Призыв“, давшая знамя всем отступническим, политически-развращенным, шовинистическим элементам интеллигенции и явно анти-революционным элементам рабочего класса, непрерывно опускалась за этот период по наклонной плоскости либерально-милитаристической фальсификации социализма и разнузданной шовинистической травли революционной социал-демократии. Отношение к этой желтой группе, которая сама по себе не имеет будущности в русском рабочем движении, не может возбуждать никакого сомнения в среде интернационалистов.

2. Группа „Самозащиты“ (Потресов и Ко), стоящая между августовским блоком, с которым она организационно связана, и

„Призывом“, от которого она идейно-политически отличается лишь меньшей разнузданностью приемов, представляет собою несравненно более серьезную группировку со значительными связями, с одной стороны, среди наиболее оппортунистических элементов на верхах рабочего класса, с другой — в среде буржуазного „общества“ (буржуазная пресса, буржуазные издательства, буржуазные „оппозиционные“ организации). Группа „Самозащиты“ представляет собою русскую разновидность социал-патриотизма (Шейдеман-Ренодель-Гайндман и пр.), причем эта русская разновидность, в виду общественно-политических условий России, имеет наиболее злокачественный характер.

3. Гораздо более сложным политическим образованием представляется „августовский блок“.

Политическая работа августовского блока в России развертывается почти целиком на основе участия в оборонческих военно-промышленных комитетах. Петербургская Инициативная Группа и Московская Группа в основу тактики принципиально полагает координацию действий с либерально-империалистической буржуазией.

Разногласия в этой среде начинаются в области *оценки* участия в военно-промышленной практике: одни, откровенные социал-патриоты, требуют, чтоб это участие шло под *оборонческим* знаменем; другие, фактически подчиняя политику пролетариата оборончески-„оппозиционной“ политике буржуазии, дополняют эту работу чисто-декларативным интернационализмом, платоническими заявлениями о солидарности с Циммервальдом и пр.

Взаимная борьба этих двух тенденций, фактически парализующая О. К., не мешает им однако оставаться связанными в рамках одной „августовской“ организации на общей почве оборонческой практики, после всего международного и русского опыта двух лет.

В центре повседневной работы августовского блока, как концентрационные пункты, остаются центральная, питерская и московская военно-промышленные группы, стоящие под боевым патриотическим знаменем.

4. В думской фракции хроническое разложение. Чхеидзе и Скобелев заявляют с трибуны о своей солидарности с Циммервальдом и снимают с себя политическую ответственность за О. К. Тем не менее, они ни разу не выступили против участия в военно-

промышленных комитетах и не протестовали открыто ни против того, что августовская пресса оповещает о фракции рядом с гвоздевской группой, как о политически родственных учреждениях, ни против того, что Чхенкели заявил с трибуны о своей солидарности с декларацией гвоздевцев.

Если речи и декларации фракции, точнее Чхеидзе и Скобелева, дают известную опору немецким, французским, итальянским циммервальдцами и в этом смысле играют прогрессивную роль, то позиция фракции в вопросах внутренней политики и особенно во внутри-партийных вопросах представляется не только бесформенной, но и двусмысленной, и чем дальше, тем больше грозит превратиться в парламентское прикрытие для „военно-промышленной“ кооперации пролетариата с либеральной буржуазией.

5. За границей августовский блок представлен так называемым Заграничным Секретариатом, который по своим тенденциям, как они сказываются на международных совещаниях в вопросах *интернациональной* политики, приближается в общем и целом к правому крылу циммервальдцев (Ледебур-Бурдерон и пр.). Но связанный с фракционной группировкой, работа которой развертывается на военно-промышленной основе, З. С. обнаружил полную неспособность и нежелание освободить себя от этой связи и открыто мобилизовать революционные элементы меньшевизма против явных и бессознательных социал-патриотов. Наоборот, З. С. всячески охранял единство августовского блока, затушевывая, насколько возможно, его внутренние противоречия и тем упрочивая позиции социал-патриотов. С наибольшей энергией З. С. борется с революционными интернационалистами, в частности, с „Нашим Словом“, фактически примирившись с оборонческой практикой своих единомышленников в России. (См.: „Известия“, № 5.)

В результате августовский блок, правое крыло которого целиком стоит на позиции социал-патриотизма („Самозащита“), приближается в лице своих „левых“ группировок (Дан и др.) к позиции лонгетизма во Франции и других таких же течений, которые фактическое сотрудничество с партиями национальной обороны дополняют интернационалистскими декларациями. Поскольку в условиях хвостовско-штюрмеровского режима открытый социал-патриотизм плехановского или потресовского образца

не может долго держаться в среде пролетариата, *политика августовского блока представляет наибольше опасностей.* Именно здесь, под формальным прикрытием циммервальдского знамени, совершается работа политического подчинения верхов пролетариата империалистической буржуазии. При таких условиях только согласованная и энергичная борьба всех интернационалистов против политики августовского блока может свести к минимуму антиреволюционное влияние национализма и оппортунизма на русское рабочее движение.

6. В лагере русских интернационалистов мы встречаемся прежде всего с группой „Социал-Демократа". Нам не раз приходилось указывать на те черты этой организации, которые, не лишая ее роли важного революционного фактора в нынешнюю эпоху кризиса, мешают ей в то же время охватить все революционные элементы движения. С самого начала войны „Социал-Демократ" враждебно относился к лозунгу борьбы за мир, а между тем, как свидетельствует опыт, именно под этим лозунгом шла и идет всюду мобилизация пролетарской оппозиции, и только на этой основе революционные интернационалисты могут теперь с успехом вести свою работу. Формула *гражданской войны*, по существу правильно выражающая неизбежное обострение всех форм классовой борьбы в наступившую эпоху, будучи *противопоставлена* борьбе за мир, повисает в воздухе и лишается для переживаемого нами периода своего значения. Наконец парадоксальная и внутренне-противоречивая формула „поражение России — меньшее зло", создавая затруднения нашим немецким единомышленникам и ничем не обогащая нашей агитации, наоборот, затрудняя ее, явилась важнейшим орудием социал-патриотической демагогии в борьбе с общим нам знаменем. Такая утрировка революционных лозунгов тем опаснее, что „Социал-Демократ" немедленно же превращает эти формулы в абсолютные критерии интернационализма.

Указанные здесь отрицательные черты никогда не мешали нам — и еще меньше могут помешать теперь — признавать настоятельную необходимость координации действий с „Социал-Демократом".

7. Практически такая координация может быть серьезно осуществлена только при условии предварительного политического и организационного соглашения тех разрозненных ныне групп

за границей и в самой России, которые, стоя на почве революционного интернационализма, с полной непримиримостью относятся к национал-либеральному приручению рабочих, которое теперь совершается не только под знаменем „Призыва“ и „Самозащиты“, но и под покровом августовского блока в целом.

Такое соглашение тем более необходимо, что оно вызывается также и потребностями *интернациональной* группировки. Циммервальдская левая, игравшая несомненно прогрессивную роль в общем объединении циммервальдцев, не охватывает сейчас все уже обнаружившиеся на работе революционные группировки и фракции. Только создание прочных идейных и организационных связей между всеми революционно-интернационалистскими элементами и дальнейшее упрочение и расширение этого революционного объединения, может создать серьезную гарантию против попятных движений и неожиданностей в процессе развития III Интернационала.

Август 1916 г.

Поездка депутата Чхеидзе.

„Кавк. Сл.“ перепечатало из грузинской газеты „Танамедрове Азри“ следующее сообщение о посещении членом Гос. Думы К. Чхеидзе, по приглашению местного населения, тех пунктов Нижней Имеретии, где имели место осложнения на почве дороговизны. В м. Самтреди Чхеидзе застал в ограде местной церкви огромную массу народа, которая собиралась обсудить создавшееся положение с разрешения администрации. Собрание было открыто полк. кн. Микеладзе и свящ. Хундадзе, которые обратились к народу с краткими речами. Затем длинную и содержательную речь сказал деп. Чхеидзе, который объяснил народу вредность всякого рода эксцессов, прежде всего в интересах населения, и указал на невозможность борьбы с дороговизной путем грабежа и уничтожения созданного народным же трудом добра. Депутат призывал собравшихся к развитию самодеятельности, учреждению касс взаимопомощи, кооперативов и развитию вообще общественной инициативы для облегчения создавшегося в деревне положения. Собранием единогласно была вынесена резолюция, порицающая всякого рода насилия и погромные выступления и призывающая

население к спокойствию. Вечером из Ново-Сенак приехал губернатор, который, приняв депутацию, одобрил постановления собрания и предложил приставу оказать содействие населению в устройстве сходов.

В г. Поти,—как передает „Кавк. Слово“,—член гос. думы Чхеидзе 23 июля произнес блестящую речь к довольно значительной части населения, собравшейся на соборной площади, на тему о современном экономическом положении на местах. Речь оратора, очень образная, живая, злободневная, полная аргументации, была покрыта дружными аплодисментами собрания.

Таково сообщение русской печати. Если сообщение это верно,—а внутренняя связь приведенных выше фактов не вызывает, к сожалению, сомнений,—то приходится пред общественным мнением революционной социал-демократии поставить кардинальнейшие вопросы о политическом смысле поведения депутата Чхеидзе.

На почве дороговизны происходили на Кавказе „осложнения“, т.-е. волнения, насилия, разгромы лавок и пр. Подобные явления в немецких городах мы оцениваем, как симптом наростания глухого недовольства в самых глубоких народных низах. У нас нет никакого основания иначе оценивать те же факты, если они происходят не в Саксонии, а в Имеретии. У нас нет и не может быть никакого политического интереса рекомендовать толпе разгромы лавок или „уничтожение созданного народным же трудом добра“, даже тогда, когда поддерживаемые администрацией ростовщики делают это добро монополией богатых потребителей. Наоборот, у нас есть достаточно оснований выяснять народным массам, что продовольственная нужда не может быть преодолена эпизодическими насилиями над продуктами или над спекулянтами. Все это азбучные истины. Деп. Чхеидзе и мог и должен был эти азбучные истины высказать перед лицом стихийно возбужденной массы. Но достаточно ли этого?

Правда, деп. Чхеидзе настаивал еще на необходимости „развития самодеятельности, учреждения касс взаимопомощи, кооперативов и пр.“. Опять-таки и эти советы не вызывают сами по себе никаких возражений. Но достаточно ли этого? Нет никакого сомнения, что и полковник кн. Микеладзе и свящ. Хундадзе в своих речах призывали толпу не громить лавок, а заняться устройством кооперативов. Когда Хвостов-племянник был призван

на пост министра внутренних дел, он тоже выдвинул в своей „программе“ борьбу с дороговизной при помощи кооперативов. Таким образом, этот лозунг—не погромы, а кооперативы!—является официальным лозунгом всех общественных органов и партий, которым приходится нести на себе ответственность пред народом за войну и ее последствия. Для того, чтобы развить пред народными собраниями в Самтреди и Поти эту „успокоительную“ официозно-государственную программу борьбы с дороговизной, не было надобности в социал-демократическом ораторе..

Обязанность этого последнего состояла как раз *в разоблачении* официозной лжи, гласящей, будто на основе всеобщей военной дезорганизации условий и средств производства и сообщения можно достигнуть сколько-нибудь серьезных улучшений в области народного продовольствия при помощи касс взаимопомощи и кооперативов. Выясняя толпе вред слепого разрушения, необходимо было не рассеивать ее возмущения при помощи крохоборческих иллюзий, а осмыслить его в глазах самой толпы и направить против основных причин дороговизны и против ответственных виновников создавшегося положения. Вот где был исключительно благоприятный случай превратить идеи Циммервальда—тов. Чхеидзе примкнул к Циммервальду!—в движущие лозунги массового движения, выросшего на почве войны.

Но может быть деп. Чхеидзе так именно и сделал,—и буржуазная пресса с тем бесстыдством, какое ее отличает, начисто извратила смысл речей и призывов социал-демократического оратора? Такое предположение представляется, несомненно, вполне естественным и в то же время—очень заманчивым. Но к несчастью оно сразу же разбивается о внутреннюю логику фактов.

Если бы Чхеидзе поставил себе целью выяснить изголодавшейся и отчаявшейся массе смысл войны и действительные причины дороговизны и других народных бедствий, он, социал-демократический оратор, не мог бы мирно выступать рядом с полковником Микеладзе и священником Хундадзе. После революционно-социалистической речи, единственно-достойной „циммервальдца“, толпа не могла бы принять единогласно (включая полковника и попа?) резолюцию, „порицающую насилия и призывающую к спокойствию“,—резолюцию, которую одобрил (!) сам губернатор. Если деп. Чхеидзе не просто успокаивал толпу демократическим пересказом официозно-кооперативной программы, а вел револю-

ционную агитацию против войны, он не имел бы возможности беспрепятственно изъясняться в тех пунктах Нижней Имеретии, где имели место „осложнения на почве дороговизны“. И губернатор, надо думать, не предложил бы приставу „оказать содействие (!!!) населению в устройстве сходов“.

Надо сказать прямо: роль депутата Чхеидзе в этой организованной под протекторатом губернатора, полковника, попа и пристава поездке представляется в плачевном до последней степени виде. Это в лучшем случае роль мягкосердого либерала, который успокоительно машет руками, прежде чем губернатор со своими приставами сочтут нужным прибегнуть к доводам другого порядка. Для того, чтобы в нынешних условиях играть такую роль, поистине не было надобности „примкнуть“ к Циммервальду!

Члены думской с.-д. фракции не раз приветствовали с трибуны немецкую оппозицию и в особенности т. Либкнехта, с самого начала примкнувшего к Циммервальду. Но Карл Либкнехт не занимался „кооперативным“ успокоением голодающих женщин— при содействии администрации Вильгельма II. Рядом с Либкнехтом мы не видели на народных собраниях ни полковников, ни пасторов; шуцманы не расчищали перед ним дороги, и ландраты не одобряли его резолюций. Карл Либкнехт вышел на площадь с криком: „Долой войну! Долой правительство!“ Шуцманы схватили его за грудь, а немецкие полковники, при благословении всех немецких пасторов, заточили его—в два приема—на четыре года в каменный мешок. Таков Карл Либкнехт.

Не всякий, кто приветствует революционного потсдамского депутата, обязан по решимости и мужеству равняться ему. Не всякий социалистический депутат обязан быть Либкнехтом. Но кто примкнул к знамени Либкнехта — Циммервальду, — тот не смеет безнаказанно компрометировать это знамя.

„Н. С.“, 3 сентября 1916 г.

Еще о поездке депутата Чхеидзе.

В № 1 Бюллетеня Заграничного Комитета Бунда (сентябрь 1916 г.) напечатана пространная статья Л. Мартова „Опасность упростительства“ в защиту известной кавказской поездки депутата Чхеидзе. Статья, наряду с некоторыми фактическими сооб-

щениями и дополнениями, содержит в себе приуроченную к случаю философию политического действия. Нас интересуют, однако, преимущественно фактические элементы статьи.

Мартов сообщает прежде всего об участии союза русского народа в кавказских погромах на почве дороговизны. Об этом телеграфировал депутату Чхеидзе городской голова Сухума. По словам кавказской марксистской газеты, сухумская полиция, арестовав главу громившей толпы, Карпа Педанова, нашла у него при обыске подписанный В. Пуришкевичем документ, рекомендующий Педанова, как лицо „способное руководить толпой и вести в массах агитацию". На борьбу с этой агитацией и выступил кавказский социал-демократический депутат[1]).

„В каком же духе при этом выступал т. Чхеидзе, — продолжает Мартов, — можно судить по тому, что, по словам агентских телеграмм петербургских газет, он „говорил о политическом положении России", а по словам кавказского с.-д. органа („Ахали Квали") „не оставил ни одной причины дороговизны неосвещенной"; на просьбу же тифлисских буржуа принять участие в народном собрании, созванном городской думой, ответил „предупреждением, что не намерен ограничивать себя в изложении причин создавшегося положения".

Опираясь на эти данные, Мартов не только не согласен признать, что кавказское турнэ Чхеидзе выступает в „плачевном до последней степени виде", но, наоборот, считает, что Чхеидзе безукоризненно выполнил свой социалистический долг. Если же его поездка жестоко критиковалась в социалистической печати, то это между прочим потому, что критики пользовались отчетом „Кавказского Слова", руководимого известным черносотенцем Тимошкиным, и представили читателям „совершенно ложную картину" выступлений депутата Чхеидзе. Насколько ложной является эта картина, позаимствованная радикальными „упростителями" у черносотенной газеты, видно в частности из того, что выступавший рядом с Чхеидзе полковник оказывается отставным офицером Микеладзе, „известным в своем уезде радикальным общественным деятелем", а поп — священником Хундадзе, „привлекавшимся в 1905 году к ответственности за участие в с.-д. движении".

---

[1]) Отметим тут же, что тифлисские и иные буржуа имеют все причины преувеличивать значение черносотенной агитации, чтобы преуменьшивать значение своих собственных спекуляций на жизненных продуктах.

Этими данными исчерпывается первая, фактическая часть статьи. Можно не сомневаться, что статья эта показалась очень убедительной тем читателям, которые были убеждены заранее.

Начать с источника — „Кавказского Слова". Состоит ли руководителем его Тимошкин до сих пор, мы не знаем. Возможно, что и так. Но дело-то в том, что *отчет „Кавказского Слова" есть перевод из грузинской марксистской газеты.* Мартов об этом молчит, хотя он прекрасно знает, что это так, ибо в самом „Кавказском Слове" есть прямая ссылка на грузинскую с.-д. газету, и ссылка эта обошла значительную часть русской прессы. Выходит, что Мартов знает, что делает, когда умалчивает о действительном источнике „черносотенного" отчета.

Но, может быть, „Кавказское Слово" дало ложный перевод? Тогда так и нужно было бы говорить. Но поразительно, что сам Чхеидзе — достаточно заинтересованное лицо! — нигде не выступал с опровержением этого отчета, перепечатанного значительной частью „левой" прессы (в том числе и самарским меньшевистским „Голосом", № 1), — так что русские рабочие узнали о поездке Чхеидзе именно то, что, на основании марксистской газеты, сообщил черносотенец Тимошкин.

Самое поразительное, казалось бы, состоит, однако, в том, что черносотенный орган обнаружил столь исключительную симпатию к выступлениям Чхеидзе, дав место в высшей степени хвалебному отчету о красноречии Чхеидзе, его юморе, убедительности, влиянии на массу и пр. Если т. Мартов старательно подчеркивает, что „упростители" опираются на Тимошкина, почему же он не задумывается над вопросом о том, зачем Тимошкину понадобилось хвалить и рекламировать Чхеидзе? Уж не для того ли, чтоб дать пищу „упростителям"? Или, может быть, потому, что Чхеидзе выполнил работу, пришедшуюся по душе хозяевам Тимошкина?

Но Чхеидзе — об этом даже агентские телеграммы сообщают — „говорил о политическом положении России". Но Чхеидзе — смотрите! — заявил тифлисским буржуа, что „не намерен ограничивать себя в изложении причин создавшегося положения". Ни агентские телеграммы, ни Мартов не сообщают нам, к сожалению, *что* именно говорил Чхеидзе о политическом положении России. Но мы охотно допускаем, что он говорил много хорошего. Никто же не думает, что Чхеидзе говорил свои речи по

шпаргалке Тимошкина, — иначе ни сухумским ни тифлисским буржуа не было бы никакой необходимости выписывать социал-демократического депутата для успокоительного воздействия на массы. Но неизвестная ни нам ни Мартову речь Чхеидзе была произнесена им в обоснование единогласно [1]) принятой резолюции. Об этой же последней нам известно — не от Тимошкина, а из марксистского первоисточника — во-первых, что она порицала разгром лавок (сие конечно правильно) и рекомендовала устройство кооперативов и вообще „самодеятельность“ против дороговизны, и, во-вторых, что *резолюция встретила полное одобрение г. губернатора, который рекомендовал приставам не чинить никаких препятствий к дальнейшему устройству собраний депутатом Чхеидзе.* Достаточно одного этого факта, чтоб разрушить всю мозаику Мартова. К сожалению, этот последний, столь обстоятельный на счет „примыкавшего“ священника и „радикального“ в своем уезде отставного полковника, совершенно молчит о губернаторе. Или, может быть, сей губернатор тоже к чему-нибудь примыкал? Или, может быть, он... отставной? Нет, не похоже: ибо отдает распоряжения полиции не мешать депутату Чхеидзе выяснять голодающим массам „политическое положение России“, сохраняя при этом в резерве вещественные аргументы, на случай, если невещественные доводы левого депутата не окажут ожидаемого действия. Мы видим, что Мартов особенно красноречив в тех случаях, когда он о чем-нибудь умалчивает.

В этом отношении наш автор похож, впрочем, на депутата Чхеидзе, который очень хорошо (см. „Кавк. Слово“) говорил о „политическом положении“, но еще красноречивее умолчал в рассчитанной на единогласие резолюции о тех элементарнейших лозунгах, которые только и могли оправдать его выступление. Ибо — тут Мартов согласится с нами — если бы Чхеидзе не припрятал своих лозунгов, то не было бы ни губернаторского поощрения, ни тимошкинского отчета, ни агентских телеграмм, вообще всей этой демонстрации „священного единения“. А к этому-то ведь и сводится вопрос!

Все те банальности насчет „стихийности“ и „сознательности“, которые Мартов многословно преподносит по этому поводу

[1]) Факт этого единогласия, к слову сказать, опять-таки отнюдь не свидетельствует о силе черносотенной агитации.

с мало мотивированным видом превосходства, должны несомненно встретить полное одобрение редакции „Бюллетеня". Но они не могут скрыть от критического читателя того факта, что Чхеидзе выполнял в своей поездке чужую работу и не вносил в стихийность первейших элементов *социалистической* сознательности. И именно по тем самым причинам, по которым так довольны поведением Чхеидзе губернатор, тифлисские буржуа, Тимошкин, официальное агентство, уездные радикалы в рясе (и... цюрихские комментаторы?), — мы, с своей стороны, считаем эту поездку скандальным политическим фактом.

„Начало", 3 ноября 1916 г.

X. Кризис французского социализма.

Отходит эпоха.

Сегодня сожгли тело Эдуарда Вальяна.

Отходит целая эпоха в европейском социализме. И не только идейно, но и физически отходит, в лице своих самых выдающихся представителей. Бебель умер в период бухарестской мирной конференции, между балканской войной и нынешней. Помню, как на вокзале в Плоэштах у Гереа, выходца из России и известного румынского писателя, я узнал эту весть. Она казалась невероятной, как раньше весть о смерти Толстого; в глазах всякого, связанного с немецкой политической жизнью, Бебель был неотторжимой ее частью. В ту отдаленную эпоху слово *смерть* имело, вообще, еще совсем другое содержание на человеческом языке чем в наши дни. „Бебель умер. Как же немецкая социал-демократия?“ Вспомнилось, как отозвался когда-то, лет пять тому назад, о внутренней жизни своей партии Ледебур: 20% решительных радикалов, 30% оппортунистов, остальные идут за Бебелем.

Уже смерть Либкнехта была первым предостережением старшему поколению — в том смысле, что оно может сойти со сцены, не выполнив того, что считало своей исторической миссией. Но пока жив был Бебель, оставалась живая связь с героическим периодом движения и „негероические“ черты руководящих люд второго призыва не выступали так ярко наружу.

Когда началась война и стало известно, что социалисты голосовали за военные кредиты, невольно возникал вопрос: как поступил бы в этом случае Бебель? Но Бебеля не было в живых, история убрала его с дороги, чтобы дать с полной свободой проявиться тем чувствам и настроениям, которые почти незаметно, но тем более неудержимо накоплялись в немецкой социал-демократии в течение десятилетий ее медленного органического роста.

В это время уже не было в живых и Жореса. Весть о том, что он убит, еще застала меня в Вене, которую приходилось спешно покидать, и произвела не меньшее в своем роде впечат-

ление, чем первые тогдашние раскаты мировой грозы. Колоссальные события настраивают фаталистически: личность стушевывается, когда из пересечения отдаленных и непосредственных, глубоких и поверхностных причин вырастает столкновение вооруженных народов. Но смерть Жореса, предупредившая это столкновение безличных масс, налагала на надвигавшиеся события печать захватывающего индивидуального трагизма. Это была самая величественная вариация на старую, но не стареющую тему борьбы героя с роком. Рок выходил и на этот раз победителем. Жорес лежал с простреленной головой. Французский социализм оказался обезглавлен, и немедленно возникал вопрос: какое он займет место в нынешних событиях?

Представлялось, что, подготовляя распад Второго Интернационала, история облегчила себе работу, устранив двух человек, которые символизировали движение всей этой эпохи: Бебеля и Жореса.

В личности Бебеля воплощалось упорное и неуклонное движение нового класса снизу вверх. Этот хрупкий сухощавый старик казался весь созданным из воли, устремленной к единой цели. В своем мышлении, в своем красноречии и в своих литературных произведениях он совершенно не допускал таких затрат духовной энергии, которые не ведут непосредственно к цели. Он был не только врагом риторики, но и безусловно чужд самодовлеющих стетических обольщений. В этом и состояла, к слову сказать, высшая красота его политического пафоса. Он отражал собою класс, который учится в немногие свободные часы, дорожит каждой минутой и жадно поглощает то, что строго необходимо.

Жорес был, напротив, весь—полет; его духовный мир состоял из идеалистических традиций, философской фантазии, поэтического воображения и имел столь же ярко выраженные аристократические черты, насколько духовный облик Бебеля был плебейски-демократическим. Помимо этой психологической разницы двух типов — бывшего токаря и бывшего профессора философии — между Бебелем и Жоресом было еще глубокое логическое и политическое различие миросозерцаний: Бебель был материалистом, Жорес—эклектическим идеалистом, Бебель — революционным марксистом, Жорес — реформистом, министериалистом. Но, несмотря на все эти различия, они в политике отражали, через призму немецкой и французской политической культуры, одну и ту же

политическую эпоху. Это была эпоха *вооруженного мира* — в международных отношениях, как и в междуклассовых.

Организация немецкого пролетариата росла непрестанно, кассы пополнялись, число газет, депутатов, муниципальных гласных непрерывно умножалось. В то-же время реакция твердо держалась на всех своих позициях. Отсюда вытекала неизбежность столкновения между двумя полярными силами германской общественности. Но это столкновение так долго не наступало, а силы и средства организации так автоматически росли, что целое поколение успело *привыкнуть* к такому положению вещей, и хотя все писали, говорили или читали о неизбежности решающего конфликта, — как неизбежно столкновение двух поездов, идущих навстречу друг другу по одним и тем же рельсам, — но в конце концов, внутренно перестали ощущать эту неизбежность. Старик Бебель тем и отличался от многих других, что до конца своих дней жил глубокой уверенностью в том, что события фатально идут к развязке, и в день своего семидесятилетия он в словах сосредоточенной страсти говорил о грядущем часе социальной революции.

Во Франции не было ни такого планомерного роста рабочей рганизации, ни такого открытого господства реакции. Наоборот, государственная машина, на основах демократического парламентаризма, казалась совершенно доступной. Когда Жорес отбивал атаки клерикализма и открытого или явного роялизма, как в период дела Дрейфуса, он считал, что непосредственно за этим начнется период реформаторских „достижений". Его антагонист, Жюль Гед, придавал марксистским тенденциям и перспективам во французских условиях сектантский характер; глубокий и убежденный фанатик, он в течение десятилетий ждал освобождающего удара, духовно сгорая в огне своей веры и напряженного нетерпения. Жорес становился на почву демократии и эволюции. Он считал своей задачей очистить путь пролетариата от реакционных препон и сделать парламентский механизм орудием глубочайших социальных реформ, которые должны перестроить, рационализировать и оздоровить весь общественный порядок. Но экономическое развитие Франции двигалось крайне медленно, социальные отношения сохраняли застойный характер, выборы шли за выборами, меняя политические группировки в парламентском калейдоскопе, но не нарушая соотношения его основных сил. Как

в Германии целое поколение привыкло к самодовлеющему росту организации, так во Франции социалисты с головой уходили в парламентскую повседневность, только в торжественных речах вспоминая о конечных „достижениях“.

Однородный психологический процесс происходил и в области вопросов международной политики. После войны 1870 года было естественно ожидание ее возобновления. Милитаризм рос непрерывно, но война все отодвигалась. В борьбе с внутренним милитаризмом на обеих сторонах Рейна постоянно говорили об опасности войны, но в конце концов большинство перестало в нее по настоящему верить. К росту милитаризма привыкли, как и к росту рабочих организаций. 45 лет вооруженного мира, внутреннего и внешнего, постепенно вытравили из сознания целого поколения черты революционной психологии. И именно тогда, когда эта работа была благополучно закончена, история обрушила на голову человечества величайшую катастрофу, которая предвещает и ведет за собою другие. Ничего не поделаете: это и есть диалектика развития.

Бебель и Жорес, каждый по-своему, отражали свою эпоху, но, как гениальные люди, оба были выше ее головой, не растворялись в ней и потому в гораздо меньшей степени, чем их посредственные сотрудники, могли бы быть застигнуты врасплох. Но они заблаговременно сошли с арены, чтобы доставить истории возможность в чистом виде произвести опыт воздействия катастрофы на нереволюционное сознание.

Сегодня хоронили Эдуарда Вальяна.

Он был единственным оставшимся в живых крупным представителем традиции национального французского социализма, *бланкизма*, который сочетал крайние методы действия, вплоть до инсуррэкции, с крайним патриотизмом. Бланки в 1870 году не хотел в своей газете „Patrie en danger“ („Отечество в опасности“) знать других врагов, кроме пруссака. А Густав Тридон, друг Бланки, с протестом выступил вместе с Малоном 3 марта 1871 года из национального собрания, осмелившегося одобрить франкфуртский договор, стало быть, уступку немцам Эльзаса-Лотарингии. „Я буду непримиримо восставать против этого преступного договора, — писал Тридон своим избирателям, — до того дня, когда революция или ваш патриотизм не уничтожат его. Во всем этом не было противоречия: как Вальян вышел из Бланки, так Бланки

вышел из Бабефа и великой революции. Этой преемственностью для них исчерпывалось и замыкалось развитие политической мысли. Для Вальяна, хотя он и принадлежал к числу немногих французов, действительно знающих немецкий язык и немецкую литературу, Франция неизменно оставалась мессианистической страной, избранной, освободительной нацией, прикосновение которой только и пробуждает другие народы к духовной жизни. Его социализм был глубоко патриотическим, как его патриотизм — освободительно-мессианистическим. Нынешняя Франция с ее задержанным ростом народонаселения и экономической отсталостью, с ее консервативными формами мысли и жизни, все еще казалась ему, в сущности, *единственной* страной движения и прогресса.

Пройдя через испытания 1870 — 1871 года, Вальян стал фанатическим противником войны и в борьбе с ней предлагал самые крайние средства, как и его соратник на последних международных конгрессах, англичанин Кайр-Гарди, на несколько месяцев раньше Вальяна сошедший со сцены. Но когда война разразилась, вся европейская история, прошедшая и будущая, сосредоточилась перед Вальяном в вопросе о судьбе Франции. Так как для него все победы мысли и все успехи справедливости непосредственно вытекали из великой революции, которая была и осталась французской, то он не мог не связывать в конце концов своих идей с кровью *расы*. Дело шло о спасении народа-богоносца, и для этой цели Вальян готов был привести в движение все силы. И старик стал писать статьи в стиле „отечества в опасности“ Бланки. Он благословил меч милитаризма, против которого так жестоко боролся в мирное время, — под тем условием, чтобы этот унаследованный от великой революции меч сокрушил германскую монархию и германский милитаризм. Вальян был самым крайним сторонником войны jusqu' au bout, до конца. Передовые статьи, которые он ежедневно писал в начале войны, дышали такой напряженностью национального чувства, по существу шовинизма, что менее последовательные, то-есть более трусливые националисты, типа нынешнего „лидера“ партии Реноделя, не без основания чувствовали себя смущенными. В 75-летней голове бланкиста пробудилась старая механически-революционная концепция. Немецкий милитаризм выступал под его пером не как продукт германских социальных условий, а как внешняя чудовищная надстройка, которую можно сокрушить ударом республи-

канского меча извне. Вальян окончательно разочаровался в немецкой расе. И когда в Штутгарте, в резиденции Клары Цеткин, поднялась оппозиция против милитаризма и официального партийного курса социал-демократии, он стал искать на юге Германии примесей галльской крови, чтобы объяснить мужество вюртембергских социалистов...

Ренодель, Компер-Морель, Лонге и другие уравновешенные парламентарии с беспокойством глядели на старого бланкиста, на Дон-Кихота революционного мессианизма Франции, который как бы совершенно не замечал сквозь свои неизменные темные очки глубокой перемены в исторических условиях. Через несколько месяцев Вальян совершенно отстранился от газеты. Руководство ею перешло в руки Пьера Реноделя, состоявшего вульгаризатором при Жоресе и унаследовавшего все слабые черты своего гениального учителя...

Я встретил Вальяна несколько месяцев тому назад в Комитете Действия („военном“ учреждении, состоящем наполовину из делегатов партии, наполовину из представителей синдикатов). Вальян походил на свою тень, — тень бланкизма с традициями санкюлотских войн в эпоху мировой империалистической войны. Он дожил до того момента, когда меч республики, который предназначался для сокрушения гогенцоллернской монархии, оказался врученным роялисту-католику Кастельно. На этой главе политической истории Франции и всей войны старый бланкист умер, наложив таким образом и на свою смерть черту политического стиля.

Во Франции и прежде всего во французском социализме стало меньше одним крупным человеком. Посредственности эпохи междуцарствия станут казаться себе — увы, и другим — еще значительнее. Но не всегда и даже не надолго. Старая эпоха сходит со сцены вместе со своими людьми, новая эпоха найдет новых людей.

Париж, 22 декабря 1915 г.

Наш конкурс.

Две парижские газеты сочли полезным поощрить пыл своих читателей посредством конкурсов. Первая из них, „Évenement“, газета чистого jusqu'au bout'изма, находящаяся, как утверждают, в близком родстве с английским оружейным заводом Максима,

патриотизм которого находит серьезнейшее питание в размере дивидендов. Социал-патриотический депутат . . . . Александр Варен, входящий в состав редакционного комитета газеты, получил звучное прозвище „мужчины от Максима“. На то же самое звание претендует один из редакторов „Призыва“, пописывающий в оружейном органе в неувядающем звании бывшего депутата. Так вот „Évenement“ ассигновал 50.000 фр. на премии читателям за указание наиболее отличившихся в бою воинов.

„Bonnet Rouge“ — газета, всесторонне вдохновляемая, как известно, финансистом-радикалом Кайо, который слывет решительным противником jusqu'aubout'изма и, будучи сам крайне осторожным в своих выступлениях, позволяет своему газетному представителю Альмерейда заигрывать не только с лонгетистами, но и с циммервальдцами. В соответствии с своим характером, редакция „Bonnet Rouge“ решила распределить 5000 фр. между читателями, которые назовут десять самых необходимых социальных законов.

Под прямым влиянием этих примеров, „Наше Слово“ также решило уважить своих читателей конкурсом. Характер его очень несложен. В №№ 174 и 175 мы дважды пытались сказать, что место Жореса заняли . . . . эпигоны. Но цензура оба раза вычеркнула у нас прилагательное, характеризующее этих эпигонов. Если верить энциклопедическому словарю, эпигонами называются маленького роста люди, пытающиеся развивать идеи своего большого учителя. Спрашивается: *какое слово вычеркнула у нас цензура?* Для облегчения задачи участникам конкурса сообщаем, что вычеркнутое слово не заключает в себе ни военно-дипломатической тайны, ни призыва к ниспровержению порядка. К сожалению, мы не можем предложить нашим читателям ни 50.000, ни даже 5.000 франков — по причинам, о которых в конце концов не трудно догадаться.

„Н. С.“ 3 августа 1916 г.

Маневры лонгетистов.

Тучи полемической пыли, поднятой во всей французской печати по поводу последнего Национального Совета социалистической партии, еще не улеглись, и в этих тучах укрывается пока что главный вопрос лонгетистской оппозиции: восстановление

международных связей. Лонгетисты высказались за необходимость восстановления Интернационала. Это—единственное „принципиальное“ отличие их резолюции от резолюции официального большинства.

Но вопрос стоит так: какими путями лонгетисты собираются восстановлять международные связи, если они *действительно* хотят восстановлять их. На этот счет резолюция лонгетистов ограничивается тем, что предлагает предварительный созыв конференции союзных социалистических партий, надеясь (вернее: обещая) воздействовать через эту конференцию на официальные верхи французской социалистической партии.

Но каковы эти союзные партии? Итальянская, российская, обе английские, сербская и португальская примыкают к Циммервальду. Ни итальянские национал-реформисты, ни новая чисто-шовинистическая партия Гайндмана не примыкают к старому Интернациональному Бюро (а таково необходимое условие участия в „союзной“ конференции).

Вне Циммервальда, помимо французской партии, стоит только бельгийская, т.-е. ее официальные верхи, так как воля действительной рабочей партии Бельгии скована сейчас железом немецкой оккупации. На что же надеются лонгетисты?

Они думают, что „союзные“ партии согласятся на 25-м месяце войны на участие в позоре союзной, т.-е. ограниченной одним лагерем воюющих, конференции. Они надеются, что „циммервальдские“ партии, не задумываясь о том впечатлении, какое это произвело бы на немецких рабочих, бросятся на совещание с Реноделем и Вандервельде, дабы помочь Жану Лонге убедить этих господ в пользу международного общения с Шейдеманом?

Можно было бы говорить о чудовищной слепоте лонгетистов, но этим одним дело не ограничивается. Жан Лонге не может не знать, что итальянская партия уже вынесла свое отрицательное решение по вопросу о „союзном“ совещании.

Английские социалисты официально заявили о своей полной солидарности в этом вопросе с итальянцами. Насчет русских социалистов даже Жан Лонге не может иметь никаких иллюзий. Стало быть, руководящие лонгетисты знают, что в своем большинстве союзные партии не могут, не хотят и не будут участвовать в „союзном“ совещании.

И тем не менее, лонгетисты предлагают массам это бессмысленное и неосуществимое „союзное“ совещание, как единственное средство восстановления Интернационала. Это значит, что теснимые снизу, но связанные по рукам и по ногам своей чисто правительственной политикой, они пользуются неосведомленностью массы и выдвигают заведомо-фиктивные средства с единственной целью: выиграть время. А выиграть время значит в данном случае—потерять его. Для этой политики нет достаточно сурового осуждения.

„Н. С.“, 13 августа 1916 г.

Декларация, внесенная в Комитет для восстановления интернациональных связей [1]).

Оппозиция во Франции представляется группирующейся в два большие лагеря: лонгетистский и циммервальдский.

Каково может и должно быть отношение циммервальдцев к политике лонгетизма? Ответ на этот вопрос имеет решающее значение: чтобы существовать в качестве самостоятельной организации циммервальдцев, мы должны ясно знать, чего мы хотим, как намерены действовать и что нас отличает от лонгетистов. Если разногласия с ними имеют второстепенный характер, было бы чистейшим преступлением дробить силы.

В чем состоит политика лонгетистов?

Во всех основных вопросах они идут рука об руку с нынешним большинством социалистической партии и, следовательно, с партиями империалистической буржуазии.

Лонгетисты считают войну своей войной. Они пишут на своем знамени все те лозунги, которые служат для обольщения рабочих масс: „национальная оборона“, „восстановление права“, „уничтожение милитаризма“ (путем войны) и проч. и проч. Они несут перед массами и перед историей всю тяжесть ответственности за превращение французского социализма во вспомогатель-

[1]) Комитет для восстановления интернациональных связей превратился затем в Комитет Третьего Интернационала. В состав Комитета входили: Лорио, Росмер, Монатт (был мобилизован), члены редакции „Нашего Слова“, но также и пацифистские элементы, вскоре дезертировавшие: Мергейм, Бурдерон и пр.

ное орудие империалистического блока. Они продолжают сознательно увеличивать бремя этой ответственности, вотируя кредиты на расходы по империалистическому взаимоистреблению народов.

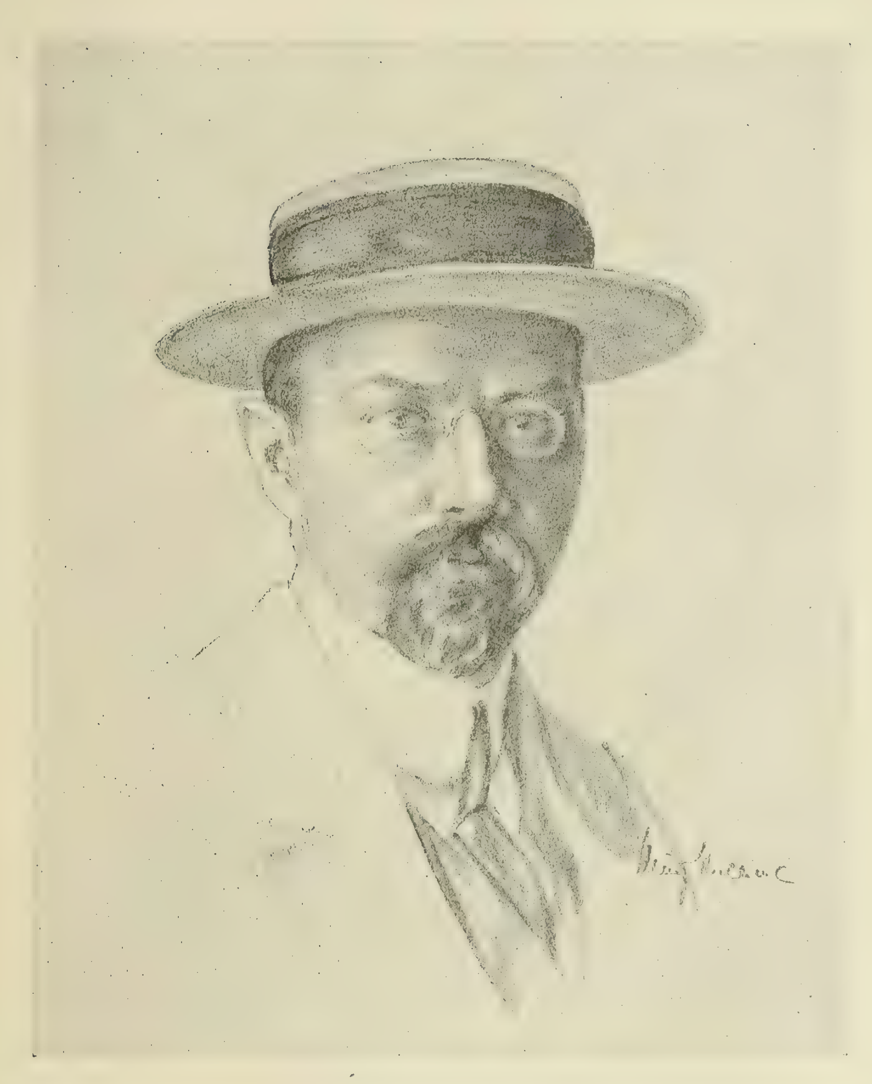
Такую политику лонгетисты ведут после двух лет войны, внутренний смысл которой успел раскрыться целиком. Мы судим их не по широковещательным речам, а по делам. И в свете их политических дел все „интернационалистские" заявления лонгетистов лишаются какого бы то ни было серьезного значения. С точки зрения классовой борьбы эти заявления оказываются либо бессодержательной фразеологией, либо, что еще хуже, средством маскировать в глазах пролетариата чисто-правительственный характер политики официального социализма.

Империалистический правительственный блок нуждается в официальном социализме, который дисциплинирует рабочие массы и привязывает их к милитаризму всем авторитетом социализма. Точно так же официальный социализм нуждается в лонгетистской оппозиции, которая собирает вокруг себя недовольные элементы, успокаивает их социалистическую совесть и заставляет их затем проделывать ту же политику, которую ведет ренаделевское большинство.

Первым „оппозиционным" лозунгом лонгетистов был созыв Интернационального Соц. Бюро.

Международные конгрессы, и особенно последний, базельский, категорически требовали, чтобы, в случае войны, И. С. Б. продолжало свою деятельность. Но эту деятельность резолюция базельского конгресса характеризует, как борьбу за скорейшее прекращение войны и как использование ее ужасающих последствий для революционной мобилизации масс против капиталистического господства.

Между тем, лонгетисты, выдвигая чисто механически требование созыва бюро, совершенно не затрагивали всю национальную практику union sacrée (священного единения классов). Между тем, совершенно очевидно, что на основе социального мира внутри каждой нации, существование И. Бюро являлось бы бессодержательной обрядностью. Более того, оказалось, что самый созыв Бюро в таких условиях практически неосуществим, по крайней мере, во время войны. Поэтому главный лозунг лонгетистов — восстановление международных связей — лишенный какого бы то ни было социалистического содержания, и в то же время практи-



М. Н. ПОКРОВСКИЙ

чески иллюзорный, имел своим единственным назначением успокаивать пробуждающееся социалистическое сознание туманной надеждой на спасительную работу Интернационального Бюро. Чем дальше, однако, тем ярче обнаруживалась несостоятельность политики Гюисманса и тем меньше несуществующее, не желающее существовать Интернац. Бюро способно было, в качестве лозунга, противостоять притягательной силе Циммервальда. Отсюда—необходимость для лонгетистов выдвинуть новую программу. Они настаивают теперь—с той нерешительностью, которая составляет их природу, — на выходе социалистов из состава французского правительства. Однако, несомненно, что логика и последовательность не на стороне лонгетистов: партия, которая поддерживает войну и участвует в union sacrée, не имеет никаких принципиальных оснований отказываться от участия в правительстве; более того, раз социалистическая фракция считает возможным отдавать в распоряжение министерства миллиарды, она не имеет права отказываться от прямого участия в распределении этих сумм и в руководстве войною. Антиминистериализм лонгетистов, непоследовательный с начала до конца, имеет все ту же цель: успокоить второстепенными уступками взбудораженную социалистическую совесть рабочих и тем отвлечь их от действительной борьбы против войны.

Если официальное большинство социалистической партии, руководимое Реноделем, Гедом, Самба, Тома и др., своей политикой погребает будущность французского социализма, то политика лонгетистов грозит безнадежно скомпрометировать самую идею оппозиции против правительственного социализма.

В глазах широких рабочих масс правительство войны и военной диктатуры, официальный социализм, официальный синдикализм и, наконец, так называемая оппозиция лонгетистов, не могут, в конце концов, не слиться в один блок, связанный единством политики и единством ответственности.

Политика лонгетизма не есть достояние лишь партии; та же политика, с соответственными вариациями, проводится в синдикатах. Здесь, в непосредственной близости с рабочими, совершенно немыслима открытая правительственная капиталистическая политика в стиле Самба и Тома. Чем покорнее руководящая синдикалистская клика тянет вперед кровавую колесницу милитаризма, тем старательнее руководители Всеобщей Конфедерации

Труда, как Жуо и др., отодвигаются внешним образом от чисто правительственной политики, тем охотнее они позволяют себе в статьях и декларациях полуоппозиционные жесты и заверения в своей преданности делу интернационализма. Их газета „La Bataille“ имеет в своем распоряжении известное количество белых пятен, как доказательство своей тайной верности принципам классовой борьбы.

Между поведением лонгетистов и поведением сторонников Жуо имеются несомненные различия, вытекающие из неодинаковости объективных условий их деятельности: лонгетисты сохраняют внутри партийной организации видимость оппозиции, тогда как Жуо и К° составляют руководящее большинство во В. К. Т. С другой стороны, Жуо и К°, не будучи депутатами, имеют то преимущество, что не обязаны открыто голосовать за военные кредиты и могут сохранять позу независимости по отношению к буржуазному парламентаризму. Но за этими внешними различиями скрывается единство основной тенденции, которая стремится сочетать воедино поддержку капиталистического государства, выполняющего кровавую работу, с полу-оппозиционными жестами и полу-интернационалистскими заявлениями.

Определение позиции циммервальдцев по отношению к лонгетизму не является поэтому только внутренним делом социалистической партии. Этот вопрос в такой же мере затрагивает революционных синдикалистов, как вопрос о политике В. К. Т. затрагивает непосредственно революционных социалистов.

Совершенно ясно, что с точки зрения Циммервальда, которая есть точка зрения революционной классовой борьбы, между позициями Реноделя и Лонге нет никакой принципиальной разницы. И если мы действительно хотим вести борьбу против социал-патриотического развращения и принижения рабочего движения, то мы обязаны всюду и везде говорить массам неприкрытую правду о том, что такое лонгетизм: *это — необходимое орудие буржуазного государства, обезвреженный и прирученный социализм, который в интересах политической эксплуатации масс пользуется безвредными обрывками программы и фразеологии интернационализма.*

В Комитете для восстановления интернациональных связей.

Проект напечатанной выше декларации, внесенный в „Комитет для восстановления интернациональных связей“, имеет своей задачей, как видно из текста, открыто размежеваться с лонгетистами. Эта необходимость выросла особенно властно из поведения партийных „циммервальдистов“ типа Бурдерона-Бризона на последнем Национальном Совете: нам известно, что они присоединились к резолюции лонгетистов и тем дали возможность и право всей буржуазной прессе третировать циммервальдцев и лонгетистов, как одну группу. При этих условиях Комитету, на авторитет которого опирается Бурдерон в своих выступлениях в партии, грозила опасность превратиться в простой привесок к организации лонгетистов. Открытая декларация, оценивающая лонгетизм, как разжиженную разновидность социал-патриотизма, и снимающая с Комитета всякую ответственность за тактику лонгетистов и объединяющихся с ними циммервальдцев, становилась, повторяем, необходимостью.

Проект декларации вызвал бурные прения в двух заседаниях специальной Комиссии и в двух заседаниях самого Комитета. Наиболее умеренные элементы из среды партии и из среды синдикалистов были против „объявления войны лонгетистам“. Наиболее принципиальную речь в защиту лонгетизма произнес в комиссии... синдикалист. Себастьян Фор, анархист, послал со столбцов „Ce qu'il faut dire“ приветствие лонгетистам. Но из среды более радикальных элементов комитета настойчиво требовали отмежеваться от лонгетизма.

Бурдерон попытался поставить вопрос в несколько неожиданной плоскости: можно ли позволить синдикалистам и анархистам „судить“ социалистов вообще и лонгетистов в частности? Эта постановка вопроса вызвала естественное возмущение. „Ведь мы же объединялись для совместной борьбы против национализма в рабочем движении,—стало быть есть у нас сейчас общие принципы, которые стоят над старыми теоретическими и организационными разногласиями: иначе незачем было объединяться. Вы, социалисты, обязаны высказаться вместе с нами против национа-

15*

лизма в синдикализме, против Шарль Альберов и Жуо, как мы вместе с вами выскажемся против политики социалистической партии". Таковы были аргументы Перика и др.

После продолжительных прений проект декларации голосовался в принципе и был принят.

„Н. С.", 8—17 августа 1916 г.

Как бороться с лонгетизмом?

Мы думаем, что возражения т. Лозовского, с которым редакция — за временной его отлучкой из Парижа — не имела возможности непосредственно обменяться мнениями по поднятым им вопросам и устранить некоторые явные недоразумения, мы думаем, что возражения т. Лозовского, неправильные по методу, опасны по политическим выводам.

Мы оставляем сейчас в стороне соображения насчет того, какие именно группировки в синдикализме отвечают основным группировкам в социалистической партии: необходимый для решения этого чисто фактического вопроса детальный анализ отвел бы нас далеко от принципиально-тактического вопроса, поднятого т. Лозовским. Скажем только, что в редактировании проекта декларации принимали, как нам известно, ближайшее участие не только социалисты, но и синдикалисты, достаточно хорошо разбирающиеся во внутренних группировках французского рабочего движения.

Каковы же принципиальные возражения т. Лозовского?

Во-первых, декларация заподазривает-де добрую волю лонгетистов, говоря об их „сознательном желании обмануть рабочих". Декларация на самом деле этого не говорит, а те цитаты, которые привел сам т. Лозовский, говорят совсем иное. Хотят ли лонгетисты отвлечь массы от борьбы против войны? Они сами этого не скрывают, высказываясь против „Циммервальда" и вытекающих из него политических действий. Они перешли в оппозицию, выдвигая один за другим второстепенные или заведомо неосуществимые лозунги (как новая конференция „союзных" партий), под прямым давлением недовольства и беспокойства на низах; они совершенно сознательно стремятся дисциплинировать и утихомирить это недовольство, дабы оно не мешало „националь-

ной обороне“ и священному блоку. Представлять себе дело так, что они сами не знают, чего хотят, было бы чистейшей иллюзией. Это — старые, опытнейшие политики, мытые в семи водах и действующие очень сознательно — увы, гораздо сознательнее многих циммервальдцев, которые беспомощно путаются в определении своего отношения к лонгетистам, то подвергая их жесточайшей критике, то капитулируя перед ними. Пусть тов. Лозовский вспомнит хотя бы декларацию партийных циммервальдцев накануне прошлого Национального Совета, заявлявшую, что лонгетисты наносят „удар в спину“ немецкой оппозиции, но не помешавшую Бурдерону голосовать за резолюцию Лонге. Для такого численно слабого меньшинства, как циммервальдское, было бы смертельной опасностью представлять себе своих политических противников несмышленышами и ставить себе педагогически-покровительственные задачи вместо политически-боевых. Недооценка противника, его силы и его сознательности есть худшая из ошибок в политической борьбе.

Но левое крыло центра, — говорит тов. Лозовский, — наши завтрашние друзья. Может быть. Но сейчас с таким же правом можно сказать: наши вчерашние друзья. Ведь в составе этого центра такие циммервальдцы, как Бурдерон и Бризон, пошли под знаменем Лонге; именно поэтому, заметим мимоходом, в декларации речь идет о лонгетизме, а не, как у тов. Лозовского, о „центре“ вообще.

Мостом перехода для них послужил лозунг восстановления интернациональных связей. Гаага или Циммервальд? Когда тов. Лозовский настаивал, при помощи педагогических доводов, на необходимости нашего участия в Гааге, игнорируя, что этот вопрос пока что и не стоит в порядке дня; что сейчас идет жестокая борьба между враждебными принципами Гааги и Циммервальда, он тем самым — против своей воли — содействовал растворению циммервальдцев, типа Бурдерона, в лонгетизме. Мы в свое время ему указывали на это.

И сейчас, торопясь учесть наших завтрашних „союзников“ тов. Лозовский не отдает себе достаточного отчета в необходимости решительной размежевки с нашими сегодняшними противниками. Для лонгетистов бесформенность есть важнейшее орудие в их политической борьбе; для циммервальдцев бесформенность равносильна гибели, точнее — растворению в лонгетизме. Сам не

зная того, тов. Лозовский фактически толкает к такому растворению, когда политическому акту — декларации, противопоставляющей циммервальдцев лонгетистам — с своей стороны, противопоставляет какую-то „дискуссию" циммервальдцев с лонгетистами. Но ведь это именно и значит верить, что вначале было слово, и педагогическим словопрениям с лонгетистами придавать бо́льшее значение, чем двум годам политического опыта войны, на основе которого и выросли эти обе группировки. Если, по тов. Лозовскому, год политической работы после Циммервальда не подготовил Комитет для определения своего отношения к лонгетистам, то уже совершенно неосновательно было бы надеяться, что подготовка может быть достигнута лабораторным путем, в процессе прений с лонгетистами. Когда аналогичное предложение было внесено в комиссию, со стороны левых элементов ее сейчас же раздалось возражение: „Да, даже для того, чтобы вести дискуссию с лонгетистами, нам, как политической организации, необходимо предварительно определить наше отношение к ним". А именно этой цели и служит декларация.

Соображения тов. Лозовского насчет не-партийного состава Комитета являются, по меньшей мере, запоздалыми и, во всяком случае, бьют дальше цели: по существу они направляются против самого существования Комитета, который, это нужно отметить тут же, все более и более стесняет Бурдерона и его ближайших друзей. Если политика партии не подлежит суждению Комитета, в виду присутствия в нем синдикалистов, а политика синдикатов должна быть, очевидно, изъята по противоположной причине, то спрашивается: какими же вопросами должен заниматься Комитет? Совершенно неверно, будто со стороны синдикалистов и даже анархистов, примкнувших к Циммервальду, наблюдается мелочная тенденция нападать на партию, как партию. Достаточно сослаться на то, что анархо-пацифист Себастьян Фор послал немедленно со страниц „Ce qu'il faut dire" свое благословение лонгетистам как раз после того, как тов. Лозовский столь неосновательно заподозрил его во враждебности к ним. В вопросе о лонгетизме, как и в других вопросах, умеренные синдикалисты идут с умеренными социалистами, противостоя революционным элементам из обоих лагерей.

Вот почему мы думаем, что Комитет поступил совершенно правильно, когда большинством голосов принял напечатанную у

нас декларацию, — правда, пока лишь в принципе, так как обсуждение ее еще не закончено в комиссии. Это — единственно целесообразный, ибо принципиальный, путь. И практический успех, т.-е. влияние на массы, обеспечен в конечном счете именно на этом пути. Нужно только уметь не сходить с него.

„Н. С.“, 18 августа 1916 г.

Французский и немецкий социал-патриотизм.

1. В чем сущность „оппозиции“ лонгетистов?

Социалистическая федерация Уазы потребовала, как известно, выхода социалистических министров в отставку. Этот вопрос вообще сосредоточил на себе известный интерес, вызвав некоторое подобие оживления в крайне скудной духовной жизни французского социализма. Официальные лидеры партии еще раз напомнили, — за два года немудрено забыть, — что во Франции нет социалистического министериализма, а есть участие „в национальной обороне“, и что после окончания войны попытки „некоторых“ элементов расширить эксперимент на мирное время будут „несомненно“ отвергнуты подавляющим большинством партии. Один из лидеров лонгетистской оппозиции, Прессман, писал, что если теперь они, оппозиционеры, еще мирятся с участием Геда, Самба и Тома в правительстве, то после заключения мира они ни за что и никогда не пойдут в этом вопросе ни на какие уступки. Поль Луи на недавнем Совете сенской федерации грозил даже учинить, в случае надобности, после войны раскол. Интерес подобных заявлений не в том, что лонгетисты обещают проявить чрезвычайную решимость тогда, когда в ней, по обстоятельствам дела, может быть не будет надобности, а в том, что они *сейчас* вынуждены жаловаться вслух на неудобства, вытекающие для них из официального участия партии в министерстве. Федерация Уазы не стоит особняком. Многие из лонгетистов хотели бы покончить с министериализмом теперь же, не дожидаясь окончания войны. „Le Populaire“ печатает исключительно интересную по фактическому материалу статью: „Должны ли социалистические министры уйти?“, где доказывается, что главное несчастье французской партии — это участие социалистов в министерстве.

С точки зрения принципов социализма и даже простой человеческой логики такая изолированная постановка вопроса о трех (или двух с половиной) социалистических портфелях совершенно не выдерживает критики. Лонгетисты, как известно, целиком — и теоретически и практически — стоят на позиции „национальной защиты“ и „национального единства“. Они голосуют — по принципиально-патриотическим мотивам — за все военные кредиты. „Какие доводы могли бы мы выдвинуть 24 июня (последнее голосование кредитов), — спрашивает Лонге, — чтобы объяснить, почему мы отказываемся дальше обеспечивать национальную защиту, или хотя бы, почему мы не хотим присоединиться к ней в наиболее ясной и отчетливой форме — голосования за кредиты?“ [1]). Но если лонгетисты считают долгом социалистической партии брать на себя ответственность за национальную защиту путем голосования кредитов, то все их соображения против участия партии в министерстве получают характер политической двусмысленности. Партия, которая добровольно отдает в распоряжение правительства миллионы людей и миллиарды денег, не имеет права отказывать этому правительству в содействии всей той работе, ради которой эти кредиты ассигнуются. Если правительство — по мнению Лонге — недостаточно совершенно, чтобы притязать на сотрудничество Геда, то каким же образом Лонге вручает этому министерству средства для руководства судьбами Франции? В этом вопросе логика целиком на стороне „министериалистов“. Но явная и очевидная „непоследовательность“ нисколько не смущает лонгетистов. Они, не колеблясь, изолируют Бризона, Раффен-Дюжанса и Блана, когда дело касается голосования кредитов, и в то же время, одни прямо, другие косвенно, дают понять, что считали бы спасительным уход Самба, Тома и Геда из среды тех, которые распоряжаются этими кредитами.

Объяснять все простой и временной „непоследовательностью“ в процессе перехода от правительственной политики к оппозиционной совершенно не приходится — по крайней мере, по отно-

[1]) „Le Populaire“, № 10. Приводим здесь для характеристики блестящей диалектики Лонге следующий его аргумент: „Какими мотивами могли бы мы оправдать отказ в кредитах для наших солдат, для выдачи пособий их женам и детям?“ Рекомендуем Плеханову эту новую философию социал-патриотизма, согласно которой война есть чисто филантропическое предприятие, служащее — несколько обходными путями — для поддержания сирот, остающихся после убитых солдат.

шению к руководящему ядру лонгетистов. Прежде всего потому, что они, восторженно став, по собственным словам, под знамя национальной обороны с первого дня, заявляли себя, однако, противниками участия в министерстве войны с того момента, как этот вопрос возник. „Самба сообщил социалистической фракции, — рассказывает уже упомянутая выше статья, — что Вивиани не хочет брать на себя ответственности за спасение страны — без социалистов". „Все переглянулись в ужасе (terrifiés). Лонге напомнил пример Рошфора в 1871 г. и с силой восстал против участия во власти. Я также, — продолжает автор, скрывшийся под псевдонимом, — заявил с горячностью, но в очень неловких выражениях (я не гонялся за оттенками!), что это предложение является маневром"... Но Парижу угрожала опасность, а давно уже известно, что Париж стоит мессы, в том числе и социалистической.

Свое недовольство персональной связью партии с министерством лонгетисты проявляли в дальнейшем внутри фракции при каждом подходящем случае. Правда, теперь они оказались вынуждены вынести свой „анти-министериализм" наружу. Но они сами со всей энергией подчеркивают, что это обстоятельство не вносит никакой перемены в основы их политики, которая как была, так и остается национальной и правительственной: *оппозиция по отношению к Ренаделю еще вовсе не означает оппозицию по отношению к классовому государству*. Таким образом, несмотря на всю свою видимую бесформенность, лонгетизм оказывается достаточно устойчивым в своих основных чертах. К нему приходится относиться не просто, как к „переходному состоянию", а как к определенной идейно-политической группировке, которая преследует *свои* цели *своими* средствами.

Мы знаем, что в основу своей деятельности лонгетисты полагают национальную защиту. „Одно из наиболее распространенных заблуждений, — писал на-днях Лонге в „Le Populaire", — состоит в уподоблении членов меньшинства сторонниками немедленного мира, мира во что бы то ни стало..." Указав далее на специальные заслуги оппозиции в деле национальной обороны, Лонге заявляет: „Нет ни одного сторонника меньшинства, который не был бы готов снова проделать, стократно увеличив ее, ту работу, какую он уже совершил для охранения независимости страны и неприкосновенности национальной территории". Но этого мало. „Что неудача, как можно более громкая, попытки гегемонии не-

мецкого империализма, что его поражение является необходимым условием установления длительного мира, — продолжает Лонге,— это стоит для меня вне сомнений“. В конце 25-го месяца войны, после всех громов и молний последнего Национального Совета партии, Лонге формулирует свою программу в руководящей статье руководящего органа оппозиции точно так же, как и Ренодель: национальная защита и поражение германского милитаризма. Тут, как видим, не может быть места никаким иллюзиям.

Но одной этой общей у него с Реноделем программы, по мнению Лонге, недостаточно. „Рядом (à côte de) с этим военным результатом, — говорит он далее в той же статье, — нам необходимо получить дипломатические результаты: мир, который не заключал бы в себе зародышей новых кровавых конфликтов“. Для обеспечения таких дипломатических результатов необходимо — рядом с победой союзников над немецким милитаризмом — восстановление международных связей пролетариата, выработка общей программы мира и давление общественного мнения социализма и „демократии“ на европейскую дипломатию. Тут весь Лонге и все содержание его политической мысли, — его самого и его друзей.

Программа всестороннего содействия национальной обороне и победе над германским милитаризмом обязывает к политике чисто-правительственной партии. А такого рода политика, как мы уже говорили, отнимает у социалистической партии — в условиях французского парламентаризма — право отказываться от прямого участия во власти.

Тем не менее, лонгетисты с некоторого времени с известной настойчивостью, по крайней мере, внешней, повторяют свое требование о выходе социалистов из министерства. На-ряду с этим, они выдвигают требование созыва Интернационального Социалистического Бюро. Этим и исчерпывается их программа спасения Интернационала.

Лонгетисты, повторяем, не могут не понимать всей „нелогичности“ отказа правительственно-патриотического социализма от прямого участия в правительстве; но ценою этой нелогичности они хотят купить для социалистической партии большую свободу маневров в сфере интернациональных отношений. Официальная цель этих маневров, как Лонге почтительно формулирует пред лицом патриотического общественного мнения, состоит в том, чтобы на службу делу Франции („и человечества“) поставить „мо-

ральную силу“ социал-патриотического Интернационала (у Лонге с Гюисмансом заранее подсчитаны голоса в пользу Антанты) и чтобы „освободительную“ работу национального милитаризма дополнить, при содействии Интернационала, дипломатическими гарантиями длительного мира.

Но помимо этой официальной цели, для которой национальный социализм должен пустить в ход свои „интернациональные“ рессурсы, освободившись от стеснений министериализма, существует для „непоследовательности“ лонгетистов и другая, более непосредственная причина: настроение масс, в частности социалистических избирателей. Политика Ренодели-Самба совершенно растворяет социалистическую партию в национальном блоке, и после трех-четырех лет полного политического обезличения избиратель может совершенно растерять те соображения, которые побуждали его до войны голосовать за социалистов — против других. Хотя довлеет дневи злоба его, и хотя эту злобу Лонге понимает совершенно так же, как и Ренодель, но он прибавляет: необходимо помнить и о завтрашнем дне. Лонгетисты предлагают и впредь государству полную поддержку, но просят, чтоб оно освободило их от прямой ответственности за каждый шаг правительственной власти. Как бы ничтожна ни была дистанция между правительственным (не министерским) социализмом и министерством, эта дистанция может, по мысли Лонге, оказаться „спасительной“: она развяжет партии руки, с одной стороны, для интернациональных, с другой—для внутренних маневров, которые позволят ей сохранить тоненькую нить „оппозиционной“ преемственности и удержать за собой избирателей.

Поддерживать в войне социалистическую партию, как орудие дисциплинирования масс, в интересах и под контролем капиталистического государства, и использовать эту работу в интересах упрочения или, по крайней мере, удержания политически-парламентских позиций самой партии — такова общая задача Ренодели и Лонге. Они расходятся только в технике ее выполнения. Расходясь, они дополняют друг друга. Глазами Ренодели социал-патриотический Янус с доверием и надеждой взирает на республику; глазами Лонге он с беспокойством глядит на массы.

II. Лонгетизм и немецкое „большинство".

Политика лонгетистов, выступающих под знаменем оппозиции, создает несомненно серьезнейшие затруднения для оппозиции в Германии. Последняя, даже в лице своего умеренного крыла (Гаазе-Ледебур), выдвинула, в качестве мотивов своего голосования *против* военных кредитов, принципиальный антагонизм пролетариата к капиталистическому государству. В лонгетистской резолюции на Национальном Совете о таком антагонизме нет ни слова. Война характеризуется исключительно гуманитарно-сантиментальными чертами, и лонгетисты посылают „выражение своей скорби" пролетариям всех стран—только для того, чтобы тут же заявить о своей готовности „продолжать свое содействие национальной обороне", наиболее яркой и отчетливой формой которого является, как мы слышали от Лонге, голосование за военные кредиты. Совершенно дезавуируя своим образом действий немецкую оппозицию, лонгетисты — в целях самооправдания — вынуждены, как сейчас увидим, фальсифицировать смысл ее политики. „Несмотря на предосторожности цензуры, несмотря на ловкость своих правящих и несмотря на тьму и смуту, свойственные состоянию войны, социалисты Германии, — так писал на-днях один из вождей лонгетистской оппозиции Пьер Мистраль, — или, по крайней мере, известное число их сумели раскрыть истину и убедиться, что это их правительство хотело войны. Именно поэтому Либкнехт, Мейер, Роза Люксембург, Клара Цеткин и сотня других сидят в тюрьмах кайзера, и именно поэтому сильное меньшинство, с Гаазе, Каутским, Бернштейном, Ледебуром во главе, отказывает в военных кредитах" и пр. („Le Populaire du Centre", 31 авг.). Таким образом здесь позиция не только Каутского-Гаазе, но и Либкнехта, Мейера, Люксембург, Цеткин выводится целиком из вопроса о том, „кто хотел войны". На такой подвиг, необходимый для спасения „оппозиционной" части лонгетистов, не отважился бы и многоопытный Homo. Как раз он, изображая позицию Либкнехта в этом вопросе „неясной", вынужден был насчет Люксембург и Мейера признать на страницах „L'Humanité", что их „простецкая" (simpliste) позиция выводится ими из империалистического характера войны, а не из греховной природы кайзера,—из чего, конечно, не следует, что Роза Люксем-

бург считает Вильгельма II международным праведником. У нас нет никакого основания приписывать Мистралю злую волю: вероятнее всего, что он просто не имеет никакого понятия о том, о чем пишет. Но его невежественная и по существу анти-социалистическая характеристика немецкой оппозиции, нужная ему для обоснования своего права проживать по паспорту „union sacrée“, тем ярче вскрывает чисто-формальный, почти-фразеологический характер „оппозиционности“ лонгетизма, который пребывает в оппозиции к Ренаделю и Самба, но не к классовому государству.

Затрудняя до последней степени положение немецкой оппозиции, на что в чрезвычайно умеренной и осторожной форме уже указывал „Vorwaerts“, лонгетистская оппозиция тем большие надежды вызывает в отнюдь не чувствительных сердцах немецкого большинства. Очень ярким свидетельством этого явились отклики немецкой социал-патриотической печати на последнюю резолюцию лонгетистов.

Руководящие круги германской социал-демократии давно уже высказываются за необходимость созыва Интернационального Социалистического Бюро для обсуждения вопроса о скорейшем прекращении войны: почва достаточно подкопана под ногами Шейдеманов и Эбертов, чтобы они почувствовали потребность упрочить свой авторитет круговой порукой социал-патриотического Интернационала. Нейтральные социал-патриоты не раз уже — и с особенной настойчивостью на конференции в Гааге — предлагали свое посредничество для восстановления международных связей на почве взаимного отпущения грехов. Но непреодолимым препятствием до сих пор являлось „упорство“ французской социал-патриотической партии. Дело, разумеется, вовсе не в том, что Ренодель, этот не вполне прямой потомок Робеспьера, „не может“ протянуть руку Шейдеману до тех пор, пока рука этого последнего не обагрится кровью Гогенцоллернов, отца и сына. В конце концов Ренодель согласился бы сделать значительную скидку с цены своего рукопожатия. Тем более, что и Ренодель сам нуждается в интернациональном свидетельстве социалистической непорочности — для своего домашнего употребления. Но — увы! Ренодель является жертвой республиканского парламентаризма. Шейдеман и Эберт делают все, что могут, для поддержания империалистической монархии; но Гогенцоллерну и в голову не приходит пригласить их в состав своего министерства.

В странах полуабсолютистского режима самый услужающий социал-патриотизм по необходимости сохраняет... полунезависимый вид. Шейдеман никогда не совершил бы поездки в Гаагу без благословения Бетман-Гольвега. Но, совершая такую поездку, Шейдеман отнюдь не ангажировал бы этим своего канцлера. Мизерия германского политического режима создает таким образом известные преимущества — как для социал-патриота, так и для его патрона.

Иначе обстоит дело во Франции. Развернутый парламентарный режим имеет свою почти автоматическую логику: партия, которая поддерживает правительство, тем более в такую исключительную эпоху, не может уклониться от портфелей. А это значит, что Ренодель, как неоднократно выясняла французская буржуазная печать, не может отправиться в Гаагу, не ангажируя непосредственно правительства республики. Когда Лонге, отбиваясь от логики парламентарного режима, выступает против участия социалистов в министерстве, он только стремится создать для французского социал-патриотизма те „преимущества", которыми пользуется... его германский собрат . . . .

. . . .

Немудрено при таких условиях, если патриотическое большинство немецкой социал-демократии поторопилось открыть в лонгетистах родственную душу. Homo приводил ряд отзывов из прессы германского большинства, которая в один голос устанавливает полную однородность своих тактических основ с лонгетистами.

Чтобы убедиться в достаточной обоснованности этих утверждений, достаточно сопоставить резолюцию французского меньшинства с петицией, пущенной Правлением германской партии в массы для собирания подписей. Петиция объявляет войну на стороне Германии чисто оборонительной; высказывается категорически против всяких аннексий; ограничивается программой неприкосновенности Германии и свободы ее экономического развития; требует от правительства открытия мирных переговоров на только что указанной основе и обещает ему, в случае отказа противников, дальнейшую поддержку в деле национальной обороны. По сравнению с „программой мира", разработанной германским партийным центром в августе 1915 года (свобода морей, неприкосновенность Австрии и Турции, открытые двери в коло-

ниях и пр.), программа петиции представляет, по совершенно правильному толкованию „Berner Tagwacht“, отступление с социал-империалистической позиции на социал-патриотическую. Это отступление еще ярче подчеркивается неистовыми атаками против петиции со стороны решительных социал-империалистов, как Ленч, и присоединением к ней наиболее бесхребетных элементов оппозиции. Наконец, преследования местной администрации, препятствующей собиранию подписей, придают всему предприятию необходимый налет оппозиционности. Было бы, следовательно, очень нелегко решить, в чем собственно позиция лонгетистов отличается от позиции официального немецкого большинства.

Как ни одобряют лонгетисты Гаазе и Либкнехта, не отличаясь, впрочем, и тут от Ренoделя, но „Le Populaire du Centre“, главная газета лонгетистов, вынуждена была недавно признать свою принципиальную однородность с социал-патриотами Германии и Австрии. „Мы не оспариваем того, — говорит передовая статья газеты от 27 авг., — что существуют пункты, в которых немецкое большинство действительно сходится с французским меньшинством, — например, относительно неотложности и полезности собрания Интернационала, относительно усилий в пользу мира... Равным образом, — продолжает статья — мы готовы подписаться под следующими строками манифеста, адресованного конференции нейтральных в Гааге австрийской социалистической партией. Необходимость, навязанная нам, продолжать дело обороны до тех пор, пока длится война, не освобождает нас от обязанности делать все возможное для скорейшего окончания конфликта. К этому можно, пожалуй, только прибавить, что австрийские социал-патриоты, в программную формулу которых лонгетистский орган вместил весь груз своего интернационализма, находятся в самом привилегированном положении из всех: им не только никто не навязал портфелей, но полное упразднение на время войны австрийского парламента избавило их от необходимости голосовать Францу-Иосифу его кредиты.

Итак, лонгетизм в лице своих руководящих органов весьма приблизился к правильному определению своего места в пространстве: временно обреченный злой волей республиканского режима на роль оппозиции внутри социалистической партии, он по своим принципиальным основам не выступает из рядов международного социал-патриотизма, а по своим формулировкам очеред-

ных задач близко подходит к руководящим кругам германской и австрийской социал-демократии.

Отсюда совершенно ясна та тактика, какую революционный интернационализм должен проводить по отношению к лонгетизму. На этот счет мы сейчас ничего не могли бы прибавить к тому, что писали в документе, отправленном нами вместе с редакцией „La Vie Ouvrière" на бернское совещание. Приводим здесь относящиеся к интересующему нас вопросу строки. „...Руководящие социал-патриотические организации, считаясь с ростом оппозиции в пролетариате, чаще возвращаются к социалистической фразеологии, говорят о мире без аннексий, о восстановлении международных связей и пр., нисколько однако не меняя при этом своей политики. В том же духе действует та якобы оппозиция (типа Лонге-Прессмана во Франции, „воздержавшихся" в Германии, О. К. в России и пр.), которая, охотно прибегая к интернационалистской фразеологии и заигрывая с циммервальдской конференцией, на деле капитулирует каждый раз, с теми или другими оговорками, пред социал-патриотами.

„Более медленное развитие революционной борьбы против войны и империализма, чем многие рассчитывали, может, при наличности указанных только что явлений, вызывать у некоторых интернационалистов тяготение к уступкам полуоппозиции и даже к сближению с большинством. Мы считали бы всякий шаг в этом направлении прямо-таки губительным. То, что составляет силу оппозиции, это ясная и отчетливая постановка политических вопросов,—в непримиримом противоречии с постановкой правящих классов и социал-патриотов. Всякая неясность и двусмысленность служит неизменно на руку социал-патриотизму.

„Такая позиция вызывается в одинаковой мере принципиальными, как и практически-политическими, соображениями. Если кризис в рабочем движении будет и в дальнейшем носить затяжной характер, интернационалистское меньшинство обязано сделать все для того, чтоб кризис этот получил в сознании массы как можно более глубокое и принципиальное освещение. Если же недовольство массы бурно прорвется наружу, необходимо, чтоб движение, которое может сразу отбросить в сторону руководящие социал-патриотические организации, встретило на первых же порах решительную и последовательную революционную группировку, способную стать во главе движения. Пред лицом обеих

Г. Я. СОКОЛЬНИКОВ

этих перспектив интернационалисты должны углублять и заострять свою борьбу против социал-патриотов, привлекая на свою сторону колеблющихся не беспринципными уступками, а именно решительностью своей революционной позиции".

„Н. С.", 14—15 сентября 1916 года.

Кризис французского социализма.

Г. Бриана никто не обвинял в излишней обремененности de la sagesse livresque, книжной мудростью. Зато он является несомненным виртуозом парламентской механики. Нынешнее французское министерство, где апостол классовой борьбы, Жюль Гед, заседает рядом с монархистом-католиком, Кошеном, представляет собою бесспорно высшее произведение парламентарной стратегии. Политические ворчуны утверждают, что симметрическое нагромождение всех оттенков в министерстве выражает собою беспринципное стремление к распределению ответственности на возможно более широкий круг лиц и партий... Но остается фактом, что осуществить это распределение не легко, а поддерживать его еще труднее. Парламентская и министерская мозаика очень деликатна: стоит выпасть одному-другому камешку в углу, и все сооружение начинает распадаться. Наиболее уязвимым углом мозаики г. Бриана являются, несомненно, социалисты. Это снова обнаружил заседающий сейчас Conseil National, или „малый" конгресс социалистической партии.

Официальная точка зрения французского социализма известна. Она считает эту войну демократической, прямым продолжением войн Великой Революции, и ждет от нее осуществления „национального принципа". Этой концепции посвящена была в день второй годовщины войны любопытная статья молодого монархиста Жака Бенвилля, который выполнял в России прошлой зимой неофициальную дипломатическую миссию и имел таким образом лишний случай убедиться, что „демократические задачи" отнюдь не являются общепризнанными в лагере Антанты.

Пропаганда республиканских идей в Германии... Но даже левые немецкие социалисты, как „Leipziger Volkszeitung", заявили, что не хотят демократии, извне принесенной на конце штыков:

Правда, военный французский авиатор Маршаль бросал над Берлином прокламации с республиканскими призывами. Но даже главный руководитель „Humanité“, Ренодель, не мог не отметить, что прокламация исходила не от союзных правительств и даже не от правительства республики, а только от имени авиатора.

Принцип национальностей? Но он является „обоюдоострым“, говорит Бэнвиль, а сейчас, после злосчастного конгресса национальностей в Лозанне, не только политика, но даже риторика с недоверием обращается к программе освобождения всех народов.

Внутри социалистической партии оппозиция все с большей настойчивостью констатировала в течение последних месяцев те же обстоятельства,—разумеется, под углом зрения, противоположным тому, какой имеется у французского роялиста Бэнвиля. Борьба внутри партии непрерывно углублялась за все это время. Вытесненная совершенно из „Humanité“, оппозиция овладела тремя ежедневными газетами в провинции и поставила в Лиможе свой теоретический еженедельник „Populaire“. В Париже на сторону оппозиции несколько неожиданно встало вечернее издание „Bonnet Rouge“. Здесь ни для кого не составляет тайны, что „Bonnet Rouge“ является фактическим органом радикал-социалиста Кайо, бывшего (и... будущего?) министра-президента, которого считают решительным противником „жюскобутизма“ (войны „до конца“). Во французской оппозиции имеются два резко различных течения: циммервальдцы и лонгетисты, называемые так по имени Жана Лонге, который приходится по матери внуком Карлу Марксу. Было бы не вполне точно называть этого мягчайшего депутата „вождем“ умеренной, т.-е. не-циммервальдской социалистической оппозиции. Но так как эта последняя состоит, в свою очередь, из различных, весьма неоформленных течений, то Лонге, пожалуй, в общем и целом выражает ее равнодействующую.

Главным пунктом разногласий по-прежнему остается вопрос о восстановлении международных связей. Лонгетисты, признавая принципиально долг „национальной обороны“, считают обязанностью партии одновременно содействовать в национальных и интернациональных рамках возможно скорейшему наступлению мира. В этих видах партия должна добиваться, чтоб правительство открыто объявило с парламентской трибуны о тех целях, какие оно преследует в войне; с другой стороны, возобновление связей между социалистическими партиями, которые смогут выра-

ботать для себя общую программу мира, должно облегчить открытие мирных переговоров правительством. Таковы основные идеи лонгетистов, как видим, крайне незамысловатые.

Несомненным сейчас для всех „вождем“ официального социалистического большинства является ветеринарный врач, Пьер Ренодель. При жизни Жореса он состоял в скромной роли администратора центрального органа партии, и только наиболее посвященным было известно о его незаурядной роли во внутренней жизни партии, точнее сказать, на ее кухне.

Не лишенный дарования, как оратор и как журналист, он лишен, однако, в этой области какой бы то ни было оригинальности: могучая личность Жореса раз навсегда подавила его. Клокочущая риторика Жореса опиралась на богатую фантазию и могучий захват мысли, как, с другой стороны, политический оппортунизм трибуна облагораживался его нравственным оптимизмом, его гениальным великодушием. Ренодель тщательно и не без внешнего успеха имитирует все ораторские и писательские повадки Жореса, но его риторика бедна, и раскаты его голоса, по выражению поэта Жоржа Пиока, только заставляют ярче вспоминать, что Жореса уже нет среди нас. Главную силу Ренoделя составляют его таланты парламентского стратега и закулисного комбинатора. Без чрезмерной изысканности, но с несомненным успехом Ренодель играет на человеческих страстях, сочетая и противопоставляя друг другу человеческие интересы, которые, как известно, не всегда бывают возвышенными. Та, преимущественно, „комиссионная“, т.-е. закулисная политика, какую ведет правительственный французский социализм в эпоху войны, дала возможность Ренoделю обнаружить в этой области свою силу, и те же методы, применяемые внутри партии, сделали его неоспоримым вождем партийного большинства.

Ренодель возражает лонгетистам в том смысле, что восстановление связей с германской социал-демократией станет допустимо только тогда, когда немецкая оппозиция, порвавшая со своим правительством, станет во главе партии. На это ему отвечают, что немецкая оппозиция считает своими единомышленниками во Франции не сторонников Ренoделя, а его принципиальных противников, и что о восстановлении международных связей можно говорить либо по отношению к официальным сферам французской и германской партий, которые состоят в однородных

отношениях со своими правительствами, либо по отношению к оппозиционным группам в обеих партиях; всякие же попытки перекрестной комбинации, где на одной стороне будет Ренодель, а на другой—Гаазе или Либкнехт, должны быть заранее признаны безнадежными.

Лонгетисты насчитывают во фракции около трети депутатов. Влево от них стоят три депутата: Бризон, Раффен-Дюжанс и Александр Блан, принимавшие участие во второй конференции циммервальдцев (в Кинтале). Большую сенсацию вызвала во всех политических кругах беседа одного из трех кинтальцев, Раффен-Дюжанса, бывшего учителя, с г. Пуанкарэ. Незадолго до Национального Совета партии президент республики пригласил к себе Раффена — частным образом, через одного из депутатов большинства. „Кинталец" явился. Беседа длилась полтора часа,— очень „куртуазно", как сообщил в печати г. Раффен. Но, насколько можно судить, обе стороны остались при тех мнениях, какие имели до свидания.

Влияние циммервальдцев на партийных верхах незначительно. В секциях партии, опустошенных мобилизацией, оно пока также невелико. Несравненно значительнее оно среди синдикалистов, молодежи и женщин. Точному учету подвергнуть его очень трудно. Но циммервальдцы с полным правом утверждают, что самая оппозиция лонгетистов возникла только под давлением их непримиримой критики. И сейчас лонгетистам приходится выслушивать жестокие возражения не только справа, откуда требуют, чтобы они без сопротивления несли на себе и дальше все последствия принципа „национальной обороны", но и слева, со стороны циммервальдцев, откуда их обвиняют в бесформенности их платонического интернационализма. „Вы настаиваете, чтобы социалистическая партия потребовала от правительства оглашения целей войны?" — говорят циммервальдцы. — „Прекрасно. Но ведь социалистическая партия сама составляет часть правительства: стало быть, она предъявляет требования самой себе". Далее: „как же лонгетисты вместе с большинством голосуют за военные кредиты, если они до сих пор не знают целей войны?" Циммервальдцы требуют поэтому выхода представителей партии из министерства и отрицательных голосований в парламенте. Лонгетисты также склоняются к первому из этих требований, но решительно отвергают второе: они за национальную оборону.

В таких условиях заседал вчера и сегодня очередной Национальный Совет социалистической партии, собирающийся каждые три месяца в составе представителей от партийных департаментских организаций („федераций“). Этому Совету предшествовала энергичная борьба в федерациях, где три точки зрения: большинства, лонгетистов и циммервальдцев в разных комбинациях сталкивались друг с другом. Уже на прошлом Национальном Совете лонгетисты вместе с циммервальдцами собрали около трети мандатов—и вполне основательно доказывали, что в сущности, если выключить фиктивное представительство (несколько десятков беженцев располагают мандатами организаций всех департаментов, оккупированных немцами!), то за оппозицию и сейчас уже стоит большинство организаций. Так как за эти три месяца оппозиция несомненно окрепла, то в ее среде возникли ожидания, а в буржуазной прессе—опасения, что меньшинство станет на Совете большинством. Эрве, наиболее официозный из публицистов, делал отсюда все дальнейшие выводы: выступление социалистов из министерства и общий министерский кризис. Но этого не случилось. В замкнутых и малочисленных теперь партийных секциях соотношение сил за протекшую четверть года, правда, передвинулось в пользу оппозиций, но большинство осталось большинством.

Прения по поводу общего политического положения и задач партии носили в высшей степени бурный характер. Три социалистических министра явились на заседание.

Солидный „Temps“ рассказывает, что Геда встретил у входа молодой социалист и предложил ему издание циммервальдцев.— „Что это такое?“—угрюмо спросил министр. „Издания социалистов, которые являются вашими противниками, гражданин министр“.— „У меня нет противников,—ответил Гед.—Есть товарищи, которые думают, что я заблуждаюсь; я же думаю, что заблуждаются они“...

На самом съезде Гед ни разу не выступал. Зато другой социалистический министр, автор книги „Сделайте мир, а нет— сделайте короля“, Марсель Самба, выступал с энергичной речью против оппозиции и особенно против „Кинталя“, который, по его справедливому мнению, хуже „Циммервальда“. Красноречивого министра общественных работ прерывали на каждой фразе. „Для того, чтоб партию брали всерьез, — начал Самба, — нужно, чтобы мы сами себя брали всерьез и выполняли постановления

наших собственных конгрессов".— „В частности,—крикнул с места Раффен-Дюжанс,—нужно, чтоб министры выполняли постановление об единстве голосований!"...

Чтоб сделать понятным это восклицание, нужно отметить, что социалистические министры, вопреки постановлению конгресса, несколько раз голосовали, в качестве депутатов, вразрез со своей фракцией, ставя министерскую дисциплину выше партийной.

Самба подчеркивал в своей речи организованность и активность меньшинства. Всюду, куда приезжал бельгийский социалист Де-Бруккер, бывший руководитель брюссельского „Peuple", ведущий ныне во французской партии шовинистическую пропаганду жюскобутизма, он встречал оппонентов, вооруженных его вчерашней речью.

Один из лидеров лонгетистской полуоппозиции, депутат Прессман, уже в самом начале прений отметил, что ни одна из сторон не представит новых аргументов и что дело по существу сводится к тому, чтобы померяться силами. Другой из членов той же оппозиции, журналист в унтер-офицерской форме Поль Фор (его не нужно смешивать с „королем" поэтов, Поль Фором, с которым он не имеет ничего общего), подчеркнул в своей речи, что оппозиция, стремясь к немедленному восстановлению интернациональных связей, делает, однако, крупнейшую уступку большинству, предлагая, в качестве посредствующего звена, созыв конференции „союзных" социалистических партий, которая уже и должна будет решить вопрос о созыве Международного Бюро. Эта уступка, рассчитанная на то, чтобы завоевать для оппозиции колеблющиеся элементы большинства, по существу дела совершенно беспредметна. Из „союзных" партий — итальянская, сербская, русская, обе английские примыкают к Циммервальду и в той или другой форме успели заявить о своем вполне отрицательном отношении к односторонней конференции „союзных" социалистов. С другой стороны, французское большинство, идущее в этом, как и в других вопросах, рука об руку с такими элементами бельгийской партии, как Вандервельде и Де-Бруккер, отнюдь не склонно отдавать вопрос о восстановлении интернациональных связей на суд „циммервальдских" в своем большинстве союзных партий.

Тем не менее, и большинство и меньшинство включили в свою резолюцию пожелание совещания союзников; но единомыш-

ленники Ренoделя заранее ограничили это совещание выработкой программы длительного мира и обсуждением вопроса об экономическом соглашении стран Согласия. Оба проекта резолюции заключали в себе, хотя и в очень различной форме, признание необходимости побудить французское правительство открыто формулировать, по образцу сэра Асквита(!), свои цели войны. Таким образом коренное различие противопоставленных друг другу проектов большинства и меньшинства состояло только в принципиальном признании недопустимости (у Ренoделя) и, наоборот, необходимости (у Лонге-Мистраля-Прессмана) немедленного восстановления международных связей. При голосовании вопроса о том, какую из резолюций положить в основу, проект Ренoделя собрал 1824 мандата, за резолюцию оппозиции голосовало 1075 мандатов, т.-е. значительно больше трети. После этого оппозиция отказалась участвовать в голосованиях по проекту большинства и вышла из залы заседания с пением Интернационала.

Нужно вообще сказать, что заседания Национального Совета были богаты драматическими эпизодами и в некоторые моменты страсти накалялись до-бела. Несколько инцидентов связано с именем Александра Варенна. Это — видный депутат, стоящий на крайнем правом фланге официального большинства. Он в первый период войны выполнял обязанности цензора, а затем вступил одним из трех главных редакторов в газету „Evénement“, возникшую уже во время войны. В политических и литературных кругах Парижа известно, что это предприятие существует на средства английского оружейного завода Максима — в целях, которые не нуждаются в комментариях. Вот почему руководителей газеты, и в том числе депутата Варенна, называют в кулуарах „мужчинами от Максима“ (в параллель к „дамам от Максима“). Это-то наименование, проникшее и в печать, нашло свой бурный отголосок в зале заседаний национального совета...

Особенное ожесточение меньшинства вызвало то обстоятельство, что партийный аппарат („Humanité“, разъездные пропагандисты и пр.) служит исключительно распространению идей большинства и наглухо закрыт для представителей другого течения. Но, несмотря на все угрозы, оппозиция в этом вопросе никаких уступок не получила. Самый вопрос отложен до рождественского конгресса...

Статьи руководящей буржуазной прессы, посвященные съезду, признают его, все без исключения, чрезвычайно важным политическим фактом. „Temps", „Figaro" и даже „Action Française" приветствуют большинство, давшее отпор оппозиции по наиболее боевому вопросу о восстановлении порванных международных связей. В то же время эти издания выражают, с большей или меньшей энергией, свое сожаление по поводу тех уступок, какие большинство сделало будто бы „духу Кинталя". Но гораздо интереснее то, что эти органы пишут об оппозиции. Ярче и выразительнее всего, как всегда, статья главного редактора „Figaro" Капюса, близко стоящего к президенту республики и к г. Бриану. „Оппозиция,—пишет он,—не есть случайное образование... Она представляет собою больше трети партии и не уступит ни при каких обстоятельствах, а будет до конца военных действий продолжать свои опаснейшие планы. Она компрометирует социалистическую партию в целом, раз та позволяет ей действовать под своим знаменем". Капюс сочувственно цитирует речь Самба о необходимости отпора оппозиции и продолжает: „Г. Самба знает лучше нас, что его усилия не остановят движения к Кинталю и Циммервальду; вот почему он, как и другие социалисты-патриоты, стоит перед дилеммой: либо две социалистические партии, одна — национальная, другая — зараженная германскими элементами, либо же сохранение единства партии, но тогда — отказ от власти".

Можно сказать, что Капюс отчасти формулирует, отчасти предвосхищает ответ всего правительственного блока на рост оппозиции в социалистической партии: либо раскол, либо выход из министерства.

В свою очередь, и в среде оппозиционного меньшинства все чаще слышатся голоса, что „моральный раскол" есть совершившийся факт.

Париж, сентябрь 1916 г.

XI. В германской социал-демократии.

Еще есть на свете социал-демократы.

С большим запозданием в наши руки попал февральский номер „Lichtstrahlen“, небольшого пропагандистского журнала, вокруг которого группируется значительная часть немецких интернационалистов. Передовая статья — „Еще есть на свете социал-демократы“ — посвящена сравнительной оценке поведения французских и русских социалистов в связи с лондонской конференцией. Статья излагает памятный всем нам парламентский эпизод, когда Вивиани успокоил парламент в том смысле, что лондонские решения, во всех их соблазнительных частях, не окажут никакого влияния на политику правительства, а Гэд и Самба энергично аплодировали заявлению премьера.

„Как утешение в глубокой скорби, — говорит далее статья, — как искра света в черной тьме, действует в этих условиях весть, что, несмотря на все и вопреки всему, существуют еще на свете социал-демократы. От русских товарищей идет эта весть. Они с негодованием отказываются играть роль орудия в руках царизма, в котором они видят орудие своего смертельного врага, русского капитализма...

„В превосходной декларации, некоторые части которой были воспроизведены в Vorwaerts'е (речь идет о декларации, выработанной коллегией сотрудников „Нашего Слова“), — они показали миру, что социализм не умер, что есть еще на свете социал-демократы. С самого начала они протестуют против того, что социалисты тройственного Согласия созывают собственную конференцию, как если бы между ними была какая-то особая, более тесная общность. Уже это одно, говорят наши русские товарищи, противоречит интернациональным задачам пролетариата. И разве они не правы? Если капиталистам Англии, Франции и России угодно было заключить союз и сообща участвовать в войне, неужели среди социалистов названных стран должна поэтому также существовать какая-то особая общность, из которой исключены немецкие, австрийские, нейтральные социалисты? Не значит ли

это санкционировать деяния кровавого капитализма и унизиться до роли его охранной дружины?

„И далее. Какой цели должна была служить лондонская конференция? „Моральной и политической поддержке политики тройственного Согласия“, — отвечают нам русские товарищи. И этими словами они снова попадают в цель. Обман, будто бы „национальная защита“, как ее изображают дипломаты тройственного Согласия, является социалистическим долгом, ложь, будто война является освободительной, — этот обман и эта ложь должны быть заново подкреплены путем „преступного злоупотребления идеями и авторитетом международного социализма...“

„Основная задача истинно социалистических элементов стран тройственного Согласия, — так говорят наши русские товарищи, — состоит, наоборот, в том, чтоб вскрывать действительное значение этой войны и показывать миру, что правительственные социалисты отнюдь не имеют за собою всех социалистов союзных стран...“

„Трудно предположить, — так заканчивается статья, — чтобы Гед, Самба и братия были очень обрадованы этим мужественным, честным и верным языком. Тем более радуемся мы, что еще существуют социал-демократы, которые и в бешеном шуме войны не забывают своего долга“.

Никогда еще, прибавим мы от себя, деятельность социалистов в одной стране не зависела в такой степени от социалистической политики в других странах, как сейчас. Рост настроений интернациональной солидарности и борьба за мир могут развиваться только параллельно во всех странах, втянутых в кровавый водоворот. Правительственные социалисты Франции с надеждой и ожиданием взирают на рост революционных настроений в немецком пролетариате. Но всем своим поведением они задерживают этот рост. Наоборот, революционные социал-демократы России поддерживают своей политикой не немецкий империализм, как клевещут патриотические сикофанты всех партийных мастей, а наоборот, его смертельного врага, в лице интернационалистского крыла немецкой социал-демократии. Как, в свою очередь, борьба этого последнего является для нас незаменимой опорой в нашей борьбе против „тройственной“ реакции.

Поистине — еще есть на свете революционные социал-демократы, — и завтра их будет больше, чем сегодня.

„Н. С.“, 31 марта 1915 г.

„Они — другого духа“.

Первый (апрельский) номер „Интернационала“, журнала Розы Люксембург и Франца Меринга, переиздан сейчас в Швейцарии. Только теперь мы получили возможность ознакомиться с журналом, который в свое время был почти целиком конфискован немецкой полицией, зорко охраняющей „гражданский мир“.

В журнале нет статей, которые занимались бы выяснением характера войны и исторических причин кризиса Интернационала. Первая книжка ставит себе непосредственно боевые цели. *Обличить* поведение официальной партии, поставившей свой могущественный механизм на службу империалистическим интересам. *Противопоставить* официальному курсу — курс классовой борьбы. В книжке несколько раз цитируются слова Лютера об его идейных врагах: „Они — другого духа“. Задача первой книжки (пока что она остается и последней) и состоит в том, чтоб „дух“ марксизма противопоставить „духу“ социал - национализма.

Центральное место в книжке занимает статья т. Розы Люксембург, написанная ею еще до заключения в тюрьму. Основные мысли статьи таковы.

Социализм или империализм — эта альтернатива исчерпывающим образом характеризовала политическую ориентировку рабочих партий в последнее десятилетие... Со взрывом мировой войны слово стало плотью, альтернатива из исторической тенденции превратилась в политическую ситуацию. Поставленная пред этой альтернативой, которую она заранее познала и ввела в сознание народных масс, социал - демократия... без боя очистила место империализму. Еще никогда, с тех пор, как существует история классовой борьбы, с тех пор, как существуют политические партии, не было партии, которая бы таким образом, после пятидесятилетнего непрерывного роста, после того, как она завоевала себе первоклассное положение, объединила вокруг себя миллионы, — чтоб она, как политический фактор, в 24 часа исчезла с лица земли, как это произошло с немецкой социал - демократией.

Роза Люксембург негодующе обрушивается на Каутского и австрийских марксистов, проводящих и проповедующих политику непротивления злу и пассивного выжидания — прекращения войны.

„Эта теория добровольно наложенного на себя скопчества, которая добродетель социализма думает охранить только тем, что в решающий момент мировой истории совершенно исключает его, как фактор, эта теория страдает основным грехом всех расчетов политической импотентности: она сводит счеты без хозяина“.

Мысль, будто классовая борьба и Интернационал — дело мирного времени, в войне же все силы нации должны неизбежно сосредоточиваться на самозащите, Роза Люксембург отвергает с возмущением — не только, как политическую капитуляцию, но и как теоретическую измену марксизму.

„Для пролетариата, следовательно, существует не *одно* жизненное правило, как его до сих пор провозглашал научный социализм, но *два*: одно—для мира и другое—для войны. Во время мира внутри каждой страны господствует классовая борьба, во вне — интернациональная солидарность; во время же войны внутри действует классовая солидарность, во вне — борьба между рабочими разных стран... Но ведь пролетарская классовая борьба есть только необходимое последствие отношений найма и политического господства буржуазии. Между тем, во время войны наемные отношения ни мало не исчезают, наоборот, их тяжесть еще более усиливается вследствие спекуляции и грюндерства, процветающих на тучной почве военной индустрии, а также вследствие давления военной диктатуры на рабочих. Политическое классовое господство буржуазии точно так же не прекращается во время войны: наоборот, оно возводится, благодаря снятию всех конституционных прав, в классовую диктатуру“.

Либо Интернационал останется кучей развалин также и после войны, либо же восстановление его начнется на почве классовой борьбы, из которой он только и может извлекать свои жизненные соки. Он не сможет быть оживлен тем, что после войны извлечена будет старая шарманка, на которой с божественной безмятежностью будут наигрываться старые мелодии, как если бы ничего не случилось со времени 4 августа. Нет, только путем „сурово беспощадного заклеймения собственной половинчатости и слабости“, путем ликвидации всей тактики со времени 4 августа может начаться восстановление Интернационала. И первым шагом в этом направлении является борьба за скорое прекращение войны, за такой мир, который был бы в общих интересах международного пролетариата.

Переходя к критике заявлений социал-демократической фракции против анексионной политики, автор говорит: „Не торжественные заявления в парламенте против всякой политики завоеваний имеют решающее значение для исхода войны, а защита лозунга „держаться до конца“. Война, за продолжение которой выступают Шейдеман и др., имеет свою собственную логику, призванными носителями которой являются те капиталистические элементы, которые сейчас хозяйничают в Германии, а не скромные фигуры социал-демократических парламентариев или редакторов, которые придерживают только стремя настоящим господам... Спасительное действие к восстановлению мира и Интернационала может исходить только от социалистических партий воюющих стран. И первый шаг к миру и к Интернационалу есть решительный поворот с путей социал-империализма.

В статье „За мир“ Клара Цеткин приводит в связь все признаки политического отрезвления и пробуждения социалистической совести и революционного сознания у рабочих партий разных стран... Статья заканчивается призывом к немецкой социал-демократии вступить на путь борьбы за мир. „С вождями, — если они, наконец, решатся; без них, — если они и дальше будут колебаться; против них, — если они станут тормозить. Только такого рода борьба за мир может заложить первый прочный фундамент для воссоздания пролетарского Интернационала“.

Франц Меринг в статье „Наши учителя и политика инстанций“ доказывает, что новый партийный курс, стремящийся прикрыть свою работу ссылками на действия и заявления Маркса, Энгельса и Лассаля, — которых, кстати сказать, виднейшие представители нового курса считали до войны „устаревшими“, — что этот новый курс представляет на самом деле полный и решительный разрыв с методами марксистской ориентации в политике и представляет собою капитуляцию пред интересами классовых врагов, едва прикрытую соображениями вульгарнейшего политического эмпиризма. Политика партийных инстанций, — так заканчивает Меринг, — представляет собою полнейший разрыв с духовным наследством наших первоучителей, со всей историей и со всеми основоположениями немецкой социал-демократии. Логическим последствием этой политики была бы национал-социальная рабочая партия, которая примиряется с милитаризмом и монархией и удовлетворяется тем количеством реформ, которые дости-

жимы для пролетариата на почве капиталистического общества... Было бы равносильно отравлению рабочего движения на неопределенное время, если бы стали ту зияющую трещину, которая отделяет настоящее от прошлого, заклеивать и заделывать звучными словами... Против этой самофальсификации, против этой жалкой, трусливой подделки методов научного социализма в смертельно враждебных ему целях Франц Меринг призывает к беспощадной борьбе под знаменем марксизма. Нужно ясно показать, что мы и они — *разного духа!*

„Н. С.", 13-го июня 1915 г.

„Левая" и „центр" в немецкой социал-демократии.

После того, как „Интернационал", орган Люксембург и Меринга, прекратил свое существование на первой книжке, единственным пропагандистским журналом левой остаются „Lichtstrahlen", „Лучи света". Попытки редакции перейти от ежемесячного издания к еженедельному или, по крайней мере, увеличить формат ежемесячных книжек, каждый раз разбивались о запрет военных властей. В потемках национального единства „Лучи света" не могут претендовать больше, как на 24 страницы в месяц.

В июльской книжке „Lichtstrahlen" напечатана с запозданием, — как оговаривается редакция, — статья о „центре" в партии. Охарактеризовав те группировки, какие имелись в немецкой социал-демократии до войны, подвергнув критике организационную косность центра, группировавшегося вокруг Каутского, статья продолжает:

„Тут разразилась мировая война и застигла рабочий класс совершенно неподготовленным. Среди вождей оппортунисты оказались гораздо сильнее, чем предполагалось.

Они взяли на себя ответственность за войну. А как повели себя при этом сторонники Каутского, центра партии? Идейно совершенно растерявшиеся, они имели одну только мысль, которая и раньше служила пружиной их поведения: оберегать организацию от всякой опасности. В то время, как центр партии шел с социал-империалистами рука в руку, он отличался от них только тем, что жил мечтой о том, что после войны можно будет

Ф. А. СЕРГЕЕВ (АРТЕМ)
умер 24-го июля 1921 г.

начать старую песенку с начала, тогда как оппортунисты совершенно правильно заявляли: из политики 4 августа необходимо будет извлечь все последствия.

„В настоящее время партия раздирается борьбой, как никогда во всей своей истории. Невозможность открыто высказываться о разногласиях только обостряет положение. Противоречия относятся не только *к оценке* мировой войны и будущей политики социал-демократии. Они состоят в различии *действий* социал-империалистической правой, которая теперь отстаивает национальное сотрудничество во всех областях, также и на будущее время, противостоит возрастающая с каждым днем левая, которая на все эти вопросы в агитации и практике дает противоположный ответ. Первая пытается в отдельных местах прямо вытеснить левую из партии. Что делает центр партии? Он защищает по существу политику правой. Он жалуется при этом на „излишества", как справа, так и слева, пропагандирует терпимость, подогревает старые надежды на то, что империализм можно излечить от его „опасных тенденций". Если Каутский и его сторонники огорчаются при этом время от времени продуктами политики правого крыла, если они уверяют в своей готовности охранять старые принципы, то это только усугубляет хаос. Особенно обильные аргументы Каутский доставляет тем элементам партии, которые даже в этой мировой буре не позволяют выбить себя из спокойствия. При том большом авторитете, которым Каутский пользуется в рабочих массах, как виднейший популяризатор идей Маркса, он задерживает процесс идейного уяснения.

„В виду этого невозможна никакая борьба против правой без одновременной борьбы против воззрений Каутского. Борьба против него не является борьбой в лагере марксизма, не является расколом левой. Это—борьба за применение марксистских принципов в нынешней исторической эпохе, борьба за объединение всех левых элементов партии, часть которых, под влиянием авторитета Каутского, качается между левой и правой, словами выступает против правой, делами поддерживает ее".

Как известно, именно эта решительная борьба левой помогла Каутскому выйти из состояния безмятежного квиетизма, в котором он находился с начала войны. Подписанный им манифест, несмотря на всю ограниченность его политического и особенно тактического содержания — в известном смысле *благодаря* этой

ограниченности нанес неисцелимый удар той политике „официозного благополучия“, теоретиком которой во все время войны выступал Каутский. Позиция центра политически скомпрометирована безвозвратно. Манифест Бернштейна, Гаазе и Каутского послужил несомненным толчком для мысли самых широких партийных кругов. Но представляя собой только робкий первый шаг из национального блока, манифест, подписанный авторитетным именем Каутского, не только толкает вперед, но и удерживает от „излишеств“, т.-е. от повелительных тактических выводов из революционно-интернационалистских посылок. Вот почему борьба левой с центром в Германии еще далеко не сказала своего последнего слова. Рабочие массы тем скорее будут выходить из-под идейной опеки безыдейного центра, увлекая за собою многих и многих вождей, чем решительнее и принципиальнее будет левая вести свою критическую и агитационную работу.

„Н. С.“, 11 июля 1915 г.

Без масштаба.

Пространное письмо В. Коссовского [1]), напечатанное нами в № 137 „Нашего Слова“, только восстановляет путаницу понятий и определений, в которую мы хотели внести некоторый порядок нашей передовой статьей, вызвавшей отповедь Коссовского.

Автор письма решительно отрицает свое пристрастие к „немецкому масштабу“. Что такое немецкий масштаб? — спрашивает он. Международная политика немецкого империализма? Ей Коссовский, конечно, не сочувствует. Но он не считает за грех свое сочувствие немецкой социал-демократии. Суть дела, однако, в том, что немецкая социал-демократия, в лице своих официальных организаций, примкнула к политике немецкого правительства. Можно разделять или не разделять взгляды фракции рейхстага. Но кто разделяет или одобряет их, тот тем самым признает, что международная политика Германии имеет право на поддержку партии пролетариата. После того, как партия отдала на службу правительству свои силы и свой авторитет, нельзя

[1]) В. Коссовский, литератор „Бунда“, прислал письмо в редакцию „Н. Слова“ под заголовком „Старомодный масштаб“.

механически отделять отношение к политике услужающего социализма от отношения к политике командующего империализма. Коссовский делает, правда, попытку опровергнуть самый факт услужения немецкой социал-демократии. Но если вотирование кредитов и политического доверия, отказ от классовой борьбы, растворение своей политики в политике руководимого юнкерством национального блока, если все это, по мнению Коссовского, не есть политическое услужение империализму, то мы вообще говорим на разных языках, и нам нужно было бы еще только условиться с Коссовским относительно основных понятий в области пролетарской политики.

Наш оппонент делает попытку опереть свое миролюбивое отношение к официальной немецкой партии на новый, совершенно самостоятельный аргумент: в ее рядах „совершается огромная работа самокритики, она продолжает и под гнетом военной диктатуры жить интенсивной умственной жизнью и мучительно ищет выхода из идейного кризиса...“ Это совершенно справедливо. Но в чем именно состоит „интенсивная умственная жизнь“ немецкой социал-демократии? В непримиримой борьбе течений: против официальных верхов, капитулировавших пред империализмом, восстало левое крыло, под знаменем интернационализма. Центр пытался парализовать „интенсивную, умственную жизнь“ ссылками на характер момента и интересы партийного единства. В результате он сам размывается непримиримыми течениями, отбрасывая в оппозицию наиболее авторитетных своих представителей. Кому же и чему Коссовский отдает свои симпатии? Для социалиста, который обязан активно участвовать в духовной жизни своей международной общины, это слишком дешевая позиция — отпускать грехи (впрочем, Коссовским—только полупризнаваемые) всей немецкой социал-демократии в виду наличности в ней разных течений. Нужно нечто большее, нужно самому занять позицию *за* или *против* отдельных течений, а не присваивать себе право исторического протектората над процессом в целом.

Коссовский стоит за „осторожное отношение к так называемым официальным партиям, в частности, к германской социал-демократии“. Осторожность — почтенное качество, если оно подчинено решительности и мужеству в проведении определенной линии. Но под шум призывов к „осторожности“ партийные

верхи пытались и пытаются задушить интернационалистское крыло. С кем или с чем Коссовский в этой борьбе на жизнь и смерть? Коссовский с — „осторожностью“, и только. Но этого одного убийственно мало.

Если мы утверждаем, „что в главных партиях Интернационала полный развал, что повсюду восторжествовал социалистический империализм, то ... — говорит нам Коссовский, — наше дело совершенно безнадежно“. Какое дело? Дело спасения партийных центров, официальных организаций и многих почтенных репутаций — спасение во что бы то ни стало? Да, это дело можно признать безнадежным. Но дело социалистического пролетариата, которому прошедшая эпоха дала недостаточную, но все же огромную социалистическую школу, исчерпав на это умственные и нравственные силы целого поколения больших и малых „вождей“, это дело отнюдь не безнадежно. И не-безнадежность его лучше всего доказывается тем, что из недр самого организованного пролетариата поднялся и все ширится протест против той политики, которая резюмирует в себе все, что было отсталого, косного, ограниченного и реакционного в практике и идеологии Второго Интернационала. Мужественная и беспощадная критика и самокритика есть необходимое условие выхода из мнимой безнадежности. Кто этого не понял сегодня, тот может быть поймет это завтра. А кто не поймет этого, тот будет отброшен движением в разряд бессильных наблюдателей.

Как характерно для позиции Коссовского его высокомерие по адресу левых элементов разных социалистических партий, которые ищут контакта и сближения друг с другом! Интернационал, говорит он, возродится только, как сумма старых партий: именно поэтому нужно притуплять противоречия между ними. Что же касается объединения меньшинств, оппозиций, то оно даст „разве только жалкий кружок, секту, карикатуру Интернационала, лишенную всякого влияния и значения“. Кому же Коссовский поручает сейчас работу восстановления Интернационала: тем ли, кто убил его политикой национальных блоков, или тем, кто под знаменем классовой борьбы берет на себя инициативу его возрождения? Если б мы могли думать или бояться, что политика национального единения может после нынешней безмерной мировой встряски удержать в своих цепях рабочий класс, тогда мы считали бы, что наше дело — дело социализма и дело левого крыла

Интернационала — действительно безнадежно. Но мы убеждены в противном, мы предвидим, — и все симптомы говорят, что мы правы, — что здание национального блока фатально обрушится над головами тех, кто его воздвигал. Задача состоит в том, чтобы вооружить рабочие массы к этому моменту ясностью сознания своих революционных целей. Это — наша задача, левого крыла в Интернационале. И если мы ищем сближения, то не для того, чтоб создавать „секты“ или организационно закреплять первый шаг в сторону пробуждения и борьбы, а для того, чтобы сразу придать интернациональный размах нашей борьбе с национализмом на всем поле „старых“ партий и организаций пролетариата

Коссовский не может простить нам того, что мы в свое время не могли простить „Vorwaerts“'у его публичное отречение от ведения классовой борьбы: „живая собака, — наставляет нас наш оппонент, -- все же полезнее, чем мертвый лев“. Мы должны, к сожалению, отказаться от включения в наш духовный арсенал этого нового принципа революционного социализма и настоятельно рекомендуем Коссовскому применять этот принцип с — „осторожностью“. Ни организация, ни газета не есть, в конце концов, самоцель. Газета хороша и нужна, поскольку создает духовную связь между атомизированными частицами класса. Бывают моменты, когда такую связь создает — исчезновение газеты. Центральный орган, подписавший свое отречение, тем самым говорил рабочим массам, что в эту эпоху у социал-демократии есть задачи, во им которых можно отказываться от классовой борьбы. Закрывшись „Vorwaerts“ тем самым сказал бы массам, что классовая борьба и сейчас остается высшим критерием пролетарской политики: своим исчезновением „Форвертс“ продолжал бы ту пропаганду, которой он служил всем своим существованием. И кто знает? Может быть даже с узкой, чисто практической точки зрения результат такого поведения, которое немедленно же отразилось бы в рабочих и солдатских рядах, побудил бы военные власти, в их собственных интересах, снять свой постыдный для социал-демократии ультиматум. И „Форвертс“ мог бы возродиться без „собачьей“ печати на челе. А приняв печать, он ведь ничуть не застраховал себя от дальнейших закрытий.

Коссовский называет наш масштаб „старомодным“. Он старомоден лишь постольку, поскольку мы и в нынешнем историческом испытании требуем верности лучшим традициям револю

ционного социализма. От этого масштаба мы не откажемся. И печальный пример Коссовского нас только убеждает в нашей правоте. Не решаясь принять „новый“ масштаб социал-милитаризма, наш оппонент стоит перед нами без всякого масштаба. Оттого его пространное письмо так бедно идейным содержанием.

„Н. С.“, 17 июля 1915 г.

Группировки в немецкой социал-демократии.

В связи со статьей тов. Буквоеда (Рязанова) „Меринг о войне“, содержание которой, как убедились наши читатели, шире ее заглавия, редакция находит необходимым, во избежание всяких недоразумений, высказаться по поводу вопроса, затронутого во вступительной части статьи, именно по поводу внутренних группировок в немецкой социал-демократии.

„Принято считать, — говорит тов. Буквоед, — что крайнюю левую в среде немецких интернационалистов образует группа „Internationale“ [1]). — Этот взгляд мы разделяем целиком. Отнюдь не считая себя обязанными солидаризироваться со всеми теоретическими оценками или тактическими критериями каждого из членов этой группы, ни группы в целом, мы, однако, считаем, что именно то течение, знаменем которого явился журнал „Internationale“, представляет собою революционный фланг немецкого интернационализма, и что именно с этой группой нам больше всего придется итти рука об руку в дальнейшей борьбе. Мы очень далеки от того, чтобы умалять значение теоретической ориентировки для социал-демократии или отдельных ее течений; мы не сомневаемся также, что не только философско-исторические, но и непосредственно-тактические расхождения внутри левого крыла немецких интернационалистов возможны и даже неизбежны. Но нормальные партийные группировки определяются и объединяются прежде всего *политической, действенной* позицией. С этой точки зрения наша солидарность принадлежит целиком той группировке, политические действия которой выражались в голосованиях и заявлениях Либкнехта, в так называемом „манифесте 200“, в ряде

---

[1]) Группа Меринг, Люксембург; к этой же группе идейно примыкают: К. Либкнехт, К. Цеткин и др.

нелегальных прокламаций, как „Главный враг — в собственной стране“, и т. п.

Как сообщает в своей статье тов. Буквоед, Либкнехт вместе с другими руководился в начале войны критерием освободительно-наступательной войны. Этот „критерий“ мы, как знают читатели, считаем совершенно несостоятельным и мы можем лишь отослать читателей к дальнейшим статьям тов. Буквоеда, где с полной убедительностью вскрывается эта несостоятельность. Но мы считаем в то же время необходимым напомнить, что в той декларации, которую Либкнехт внес при втором голосовании военных кредитов, он дает своему отрицательному вотуму не формальное обоснование, под углом зрения наступательной или оборонительной войны, а революционно-социалистическое. Можно, разумеется, жалеть, что Либкнехт не занял этой позиции сразу, а выступил заодно с Гаазе. Но это запоздалое сожаление мало даст нам для ориентировки в нынешних группировках внутри немецкой социал-демократии. После 4-го августа 1914 г. прошло 15 месяцев. За это время позиции успели определиться. Имя К. Либкнехта — такова сила политического действия! — стало во всем мире синонимом социалистического мужества, а имена Гаазе и Каутского стали в лучшем случае синонимами половинчатости.

Каутский задолго до настоящей войны понимал ту опасность, какая таится в критерии „обороны“ и „нападения“ для тактики пролетариата. На партийном съезде в Эссене, в 1907 г., Каутский возражал Бебелю поистине пророческими словами.

Когда же предсказание, которое Каутский сделал в Эссене, в качестве логического аргумента, стало страшной действительностью, Каутский капитулировал перед охваченным национализмом большинством партии, подбирал для этого большинства наименее компрометирующие его политику аргументы, доказывал, что все обстоит благополучно, закрывал глаза на чудовищную националистическую и милитаристическую деморализацию в рядах партии и профессиональных союзов, усовещевал недовольных и призывал их — не к верности социалистическому знамени, а к соблюдению „дисциплины“. Если оппозиция в партии — и в первую очередь Либкнехт — подняла голос возмущения, то не благодаря Каутскому, а вопреки ему. И только когда противоречие между большинством и оппозицией обострилось до последней степени, Каутский — отнюдь не примыкая к оппозиции, не под-

писывая глубоко-принципиального „манифеста 200“ — признал наконец, наличность империалистических тенденций в немецком социализме и, вместе с Бернштейном и Гаазе, выступил с протестом, направленным исключительно против аннексионных притязаний. Когда позднее практически встал вопрос о восстановлении международных социалистических связей, Каутский и Бернштейн явились в Берн для бесплодных переговоров с французским национал-синдикалистом Жуо; но их не было, разумеется, как и Жуо, на конференции в Циммервальде. Поскольку же на этой последней были элементы, приближающиеся к Каутскому слева, как Ледебур и др., революционным элементам конференции, и в том числе делегации „Нашего Слова“, приходилось отстаивать линию немецкой левой („Internationale“, „манифеста 200“) против пассивно-пацифистской линии „манифеста трех“ (Каутского, Бернштейна, Гаазе).

Из всего сказанного совершенно ясно, в каком смысле мы солидаризируемся с группой „Internationale“, с Либкнехтом и Цеткин, как с наиболее яркими выразителями крепнущего интернационалистского течения в немецком рабочем движении. Именно эти элементы ведут сейчас в Германии мужественную борьбу против „гражданского мира“, обличают лицемерие идеологии „национальной обороны“, разбивают рамки легальности и восстанавливают массы против войны и правящих. Рука об руку с этими элементами мы начали и будем вести далее работу по созданию Третьего Интернационала!

„Н. С.“, 17 ноября 1915 г.

Декларация двадцати.

В заседании рейхстага 22 декабря 1915 г. депутат Гейер прочел от имени 20 депутатов меньшинства следующее заявление:

„Военная диктатура, которая беспощадно подавляет все стремления к миру и старается задушить свободу мнений, лишает нас возможности вне рейхстага обосновать свое отношение к законопроекту о военных кредитах. Точно так же, как мы со всей энергией отвергаем завоевательные планы, выдвигаемые правительствами и партиями других стран, мы так же решительно выступаем против чреватых неменьшими опасностями планов на-

ших аннексионистов, которые служат таким же препятствием к началу мирных переговоров. Имперский канцлер 9 декабря, отвечая на социал-демократическую интерпелляцию, не только не высказался против этих планов, но, наоборот, скорее одобрил их (Возгласы: „Совершенно верно!“). Все буржуазные партии поддержали его, требуя территориальных приобретений („Совершенно верно!“). А между тем, переговоры о мире могут только тогда быть успешны, если они ведутся на следующей основе: ни один народ не должен быть задавлен, экономическая и политическая самостоятельность каждого народа должна быть обеспечена, всякие завоевательные планы должны быть решительно отвергнуты. Наши границы и наша независимость не подвергаются никакой опасности. Вторжение вражеской армии нам не грозит. Зато при продолжении этой войны нашей стране и остальной Европе грозит опасность обеднения и разрушения ее культуры („Совершенно верно!“). Именно немецкое правительство должно сделать первый шаг к миру, ибо оно вместе со своими союзниками находится в наиболее благоприятном положении („Совершенно верно!“). Социал-демократическая фракция предложила правительству формулировать свои мирные предложения. Имперский канцлер ответил отказом („Совершенно верно!“). Ужасная война продолжается дальше. Каждый день приносит новые неисчислимые страдания. Политику, которая не употребляет всех усилий, чтобы положить конец этой беспредельной нужде, политику, которая находится в непримиримом противоречии с интересами широких масс населения, — такую политику мы не можем поддерживать („Совершенно верно!“). Наше желание дать сильный импульс стремлениям к миру, проявлявшимся во всех странах, нашу волю к миру, наше отвращение ко всем завоевательным планам — все это мы не можем соединить с голосованием за военные кредиты. Мы поэтому отвергаем военный законопроект“.

Таково заявление немецкой парламентской оппозиции, мотивировавшее ее голосование против нового десятимиллиардного кредита. Как мы видим, заявление не ставит вопрос о „военной“ политике социал-демократии на необходимую принципиальную высоту. Декларация — по крайней мере формально — исходит из соображений о стратегическом положении Германии и настаивает на том, что германское правительство должно сделать первый

шаг в сторону мирных переговоров. Предполагать, будто бы немецкая с.-д. оппозиция сколько-нибудь берет всерьез „национально-оборонительную“ позицию правящих классов и услужающих социал-патриотов, значило бы наносить немецкой оппозиции незаслуженное оскорбление. Если левое крыло в центре своей декларации поставило факт безопасности немецких границ от вражеского нашествия, то оно сделало это прежде всего именно для того, чтобы обнажить перед одураченными массами лицемерие оборонительных формул.

Но одними этими вполне законными агитационными соображениями дело не ограничивается: для самих участников парламентской оппозиции такая неустойчивая и политически-поверхностная мотивировка облегчала переход от политической пассивности к активному противодействию работе национального милитаризма.

Отражая эту нерешительность революционного сознания в принципиальном вопросе о „национальной обороне“, декларация 20-ти тем самым дает социал-патриотам с другого берега [1]) дешевые „стратегические“ зацепки для защиты их политики классового самоотречения и социалистического отступничества. В этом— слабая сторона декларации 20-ти.

Но зато остается во всей силе своей самый факт их выступления. Оппозиция перестала воздерживаться и пассивно выжидать, пока логика событий, давление масс и ее собственное внутреннее воздействие „просветят“ большинство фракции рейхстага. Она выступила активно против национального блока, открыто поставив единство международной политики пролетариата выше формального, вернее, фиктивного единства с.-д. фракции рейхстага. И это выступление не замедлит обнаружить свою революционную логику.

В Циммервальде делегаты всех оттенков требовали от немецких депутатов открытого голосования против кредитов. Ледебур и его друзья, исходя из узких внутри организационных соображений, решительно воспротивились включению такого требования в текст манифеста, считая, что этим „внешним“ обязательством была бы только затруднена их дальнейшая работа.

Социал-патриоты с этого берега немедленно же попытались истолковать поведение немецкой делегации в Циммервальде, как

[1]) Т.-е. французам.

ее отказ голосовать пр тив кредитов. Никакие разъяснения и опровержения не могли мешать этим господам морочить своих читателей и слушателей выдумкой, которая была до сих пор главным козырем в бо ьбе социал-патриотов против циммервальдской конференции.

Теперь вопрос окончательно и безапелляционно разъясне В полном соответствии с духом и смыслом циммервальдских решений двадцать депутатов немецкой левой голосовали против кредитов. Циммервальд нашел свой выразительный отклик в стенах рейхстага. Голосование 20-ти не останется эпизодом, — оно войдет значительной датой в историю социалистического возрождения.

„Н. С.“, 28 декабря 1915 г.

К расколу с.-д. фракции рейхстага.

Раскол германской с.-д. фракции открывает новую главу в международном социалистическом движении „военной эпохи“.

Последние 10 — 12 лет — приблизительно между англо-бурской войной и нынешней — были для Европы периодом гигантского развития производительных сил и могущественной капиталистической экспансии. Параллельно с этим шел процесс роста рабочего движения и *уравнения его методов и форм*. В политической области — формально-самостоятельная тактика парламентаризма, ориентирующаяся в каждом отдельном вопросе по линии „наименьшего зла“: созданием Рабочей Партии английский пролетариат выравнялся по общему политическому фронту. В профессиональной сфере исчезали принципиальные различия английского, французского и немецкого типов: централизованные союзы по производствам стали господствующим образцом организации, тарифный договор — высшей конституцией промышленных отношений.

Однородность условий и методов классовой борьбы порождала однородность психологии. В старейших странах капитализма и рабочего движения война вызвала однородную в своей ограниченности реакцию со стороны партий пролетариата. Какая нужна слепота, чтобы не видеть этого и продолжать искать объяснений крушения Интернационала в желтых, оранжевых и

иных книгах дипломатии или в стратегическом расположении воюющих армий! Какая нужна степень идейной прострации, чтобы устанавливать принципиальную противоположность в тенденциях, воплощением которых *здесь* служит Ренодель, а *там* — Шейдеман. Пусть вся вина на стороне дипломатии центральных монархий: но разве это хоть на иоту меняет революционно-социалистическую ценность Плеханова, Потресова, Геда, Самба, Реноделя, Лонге, как она обнаружилась в испытании событий? Разве же не ясно, что если бы завтра — волею судеб — во главе Германии стали такие образцы международной морали, как Романов и его бюрократия, или даже лица, равноценные нынешним правителям Франции, а во главе союзников оказались сплошь „пираты и бандиты" гогенцоллернской школы, — почтительнейше просим цензуру разрешить нам на минуту такое чисто-логическое допущение, — эта перемена, если б ее можно было даже установить при помощи микрометрического прибора, не внесла бы никакого принципиального изменения в содержание того национально-политического сознания, с каким Шейдеманы, Эберты, Плехановы и Ренодели вошли в эту войну. Но в том-то и дело, что социал-патриотизм парализует не только волю, но и мысль.

Какую свистопляску — поистине хамскую, иного слова не подберешь — разыгрывают вокруг германской социал-демократии наши русско-французские шовинисты под руководством наемного сикофанта уличной прессы Ласкина и оракула консьержек Эрве. Что им говорит ее внутренняя жизнь? Какое значение имеет для них ее внутренняя борьба, если она все еще не облегчает войскам Николая „возможно более полной победы" над Германией.

А между тем, именно в германской социал-демократии, в этой классической партии второго Интернационала, находят наиболее законченное выражение процессы социалистического кризиса и возрождения.

Другие партии, как русская, итальянская, сербская, румынская и болгарская, оказались — на первый взгляд неожиданно — более стойкими, чем германская, в испытании огнем и железом войны. Наша русская социал-демократия — в лице своей окаянной эмиграции — играет сейчас в значительной мере, и не случайно, инициативную роль в деле создания нового Интернационала. Но было бы непростительно обманывать себя насчет исторических пределов этой роли. Только глубокий внутренний пере-

ворот в германской социал-демократии может действительно обеспечить создание централизованного революционного Интернационала, как лишь завоевание пролетариатом власти в Германии, в могущественнейшей цитадели капитализма и милитаризма, может обеспечить победу социальной революции в Европе.

Вот почему можно сказать — без всякой переоценки значения парламентских „событий", — что раскол социал-демократической фракции рейхстага открывает новую главу в европейском рабочем движении.

Никто не скажет, что оппозиционная группа Гаазе-Ледебура проявила избыток нетерпения или излишек революционной инициативы. Наоборот, она делала все, что могла, — и до тех пор, пока была физическая возможность, чтобы свести свою оппозицию к минимуму и спасти таким путем единство или, по крайней мере, его организационную видимость. Никто не скажет — во всяком случае, этого не скажем мы — что воззрения группы Гаазе-Ледебура отличаются политической отчетливостью, а тем более — социально-революционной решимостью. Как ни велики индивидуальные отклонения в этой группе, но взгляды всей ее в целом стоят под знаком социалистического пацифизма: с этой позиции война представляется не ступенью в развитии мировых противоречий и не локомотивом истории, а „колоссальным несчастьем", которое обрушилось на народы и прервало процесс развития культуры, в том числе и той, которая выражалась в организации и борьбе пролетариата. Вся перспектива сводится для них к скорейшему и возможно „безобидному" окончанию войны, которое должно обеспечить восстановление „старых, испытанных" организаций и методов борьбы. Совершенно отсутствует понимание того, что приведший к этой войне империализм, стремление к мировому господству (мысль одних лишь „сумасшедших и глупцов", по Гаазе!) исключает возможность возвращения на старые рельсы, требуя от пролетариата — под страхом политического разложения исторического скачка на новую более высокую ступень революционно-массовой борьбы.

Тем не менее, — а в значительной мере именно поэтому, — раскол социал-демократической фракции рейхстага представляет собою явление огромной важности.

Немецкий пролетариат, как и немецкая индустрия, рос с лихорадочной быстротой. Промышленное развитие порождало

непрерывные противоречия, но оно же, благодаря своему размаху, до поры до времени разрежало их. Отсутствие буржуазной демократии сводило в принципе каждую серьезную политическую проблему (республика, всеобщее избирательное право в Пруссии) к борьбе пролетариата за власть. Тактика германской социал-демократии сводилась к уклонению от решительных схваток с концентрированной государственной властью, к нагромождению неразрешенных задач и к накоплению организационной силы для их будущего разрешения. Вся классовая энергия пролетариата, весь его творческий идеализм, не находя непосредственного применения в открытой, массовой, самоотверженной борьбе за идеал, раскрытый перед ним социал-демократией, уходили в организационное строительство, в расширение, совершенствование, обогащение организаций этой самой социал-демократии. В своей партии и в связанных с нею союзах и кооперативах пролетариат находил не столько орудие непосредственной борьбы, сколько суррогат того, чего не находил в государстве: свою собственную *рабочую демократию*, в которой он чувствовал себя хозяином. „Организационный фетишизм“ немецкой социал-демократии — нет такого камаринского Иванушки, который не глумился бы по этому поводу над „немцем“ — явился историческим осадком организационного врастания немецкого пролетариата в свою самостоятельность.

Гильфердинг повторил недавно парадоксальную по форме мысль, которая высказывалась не раз и раньше: германская социал-демократия стала, волею исторической диалектики, антиреволюционным фактором, сдерживающим классовую энергию пролетариата. Всякому механизму свойственна мертвая инерция, которая может быть преодолена только живой силой пара, электричества и пр. Такой же инерцией обладает и механизм рабочей организации, который приводится в движение живой энергией класса. Но в партии, в течение десятилетий складывавшейся „впрок“, для будущих решительных действий, эта организационная инерция должна была возрасти до колоссальных размеров. Когда империалистическая война потрясла капиталистические основы обществ, поставила под вопрос все развитие Европы и пробил час для „решительных действий“ пролетариата, организационный аппарат, подвергшийся в подготовительной стадии глубокому внутреннему перерождению, встал в полное

противоречие со своей целью. Руководящий персонал социал-демократии оказался своим положением и своей идеологией гораздо неразрывнее связан с потребностями капитализма, чем с задачами социализма, и в вытекшей отсюда социал-патриотической ориентации он повел за собой — в значительной мере ведет и сейчас — широкие рабочие массы. Непосредственным реакционным орудием в руках руководящего персонала, превращенного обстановкой и режимом войны в олигархию, послужила идея организованной дисциплины и организационного единства. Как во Франции идеологическим средством гипнотизирования рабочих явилась главным образом идея республики, наследия революции и пр., так в Германии — идея рабочей демократии. Эксплуатация организационного фетишизма масс совершалась социал-патриотами при активном содействии оппозиционного центра, который ставил единство организации выше той цели, ради которой организация создана. Понадобилось 20 месяцев войны, враждебно противопоставивших социал-патриотизм самым элементарным интересам рабочих масс, чтобы довести фракцию до раскола. Но тем самым раскол фракции наносит смертельный удар *организационному фетишизму.* Перед немецким пролетариатом отныне стоят две фракции, заставляя его в огне событий делать выбор и излечивая его от автоматизма дисциплины, ставшей орудием империалистской реакции. Только через сокрушение организационной рутины пролетариат Германии придет к единству и дисциплине *революционного действия.*

Раскол фракции — важнейший этап на этом пути.

„Н. С.“, 2 апреля 1916 г.

Империализм и социализм.

Последняя речь Шейдемана свидетельствует о том, насчет чего и раньше не могло быть сомнений: правящее большинство германской социал-демократии отнюдь не собирается заняться оттачиванием республиканских ножей против монархии Гогенцоллерна. Наоборот, главная мысль, выдвинутая Шейдеманом в доказательство благодетельных последствий 4-го августа для дальнейших судеб немецкого социализма, состоит в том, что именно сотрудничество социал-демократии с государственной властью,

т.-е. с гогенцоллернской монархией, должно разбить „предрассудки“ широких масс насчет „анти-патриотического“ характера социалистической партии и тем самым сразу увеличить ее силу и влияние.

Правда, эта оценка политики 4-го августа и вытекающих из нее перспектив не может не поразить своей чудовищной внутренней фальшью всякого, кто знаком с политической историей Германии и в частности с историей ее рабочей партии. Именно та политика социал-демократии, которая порождала против нее обвинения и „предрассудки“ насчет ее анти-государственности и анти-патриотичности, собрала под знаменем этой партии свыше четырех миллионов избирателей, причем партийным организациям неоднократно приходилось жаловаться на то, что рост социалистической армии и аудитории опережает пропагандистскую работу партии. Если, далее, политика 4-го августа должна открыть социалистам доступ в новые для них патриотические слои населения, то остается фактом, что та же политика уже сейчас отбросила в оппозицию к „патриотическим“ партийным центрам около половины организованных рабочих. Не может быть двух мнений насчет ценности той новой политики, которая, в погоне за пока еще проблематическими кадрами новых сторонников, начинает с дезорганизации старой партийной основы, сплоченной усилиями двух социалистических поколений. Можно не сомневаться, что Гаазе и Кэте Дункер указали в своих речах, еще не дошедших до нас, на бьющую в глаза политическую ложь шейдемановского оптимизма.

Было бы, однако, ошибочным думать, будто сам Шейдеман совершенно не видит действительного положения дел. Но он сам является носителем или рабом определенной исторической тенденции, — одной из двух основных тенденций, пред которыми война поставила вплотную рабочий класс.

Если германская социал-демократия выступила на политическую арену, как партия социальной революции; если она в принципе все время оставалась носительницей социально-революционной „идеи четвертого сословия“ — и в огромной степени, благодаря этому именно стала партией пролетарских масс — то ее парламентская, профессиональная, муниципальная и кооперативная практика фактически не выходила за пределы реформаторской работы на капиталистических основах, в государственно-

правовых условиях юнкерской монархии, с другого конца приспособлявшейся к тому же капиталистическому развитию. Противоречие между реформистски-поссибилистской практикой, национально ограниченной по всем своим методам, и социально-революционной концепцией было таким образом заложено в социал-демократию всеми условиями ее возникновения и развития. Империализм придал этому противоречию крайнюю напряженность и остроту.

Империализм выражает исторически неизбежное стремление „национального“ капитала вырваться из переживших себя рамок национального государства и подчинить себе весь мир. Поскольку повседневная работа социал-демократии на всех поприщах приспособлялась к национальному капиталу, как своей естественной основе, постольку социал-демократия логикой своего положения оказывалась вынуждена перейти вместе с национальным капиталом на путь империалистического насилия или — *отказаться от дальнейшего приспособления к капиталистическому государству, объявив ему войну не на жизнь, а на смерть.*

Поставленный предшествующим развитием пред необходимостью мировой схватки, Молох империалистического государства обратился к Шейдеману со следующей речью: „Если ты хочешь и дальше развивать свою деятельность в направлении более благоприятных социальных законов и тарифных договоров, ты должен помочь мне обеспечить за национальным капиталом, нашей общей основой, такое мировое положение, которое создавало бы необходимый фундамент для твоей собственной реформаторской работы!“ Социалистический реформизм превращался таким образом в социалистический империализм. Отказываясь от методов революционного насилия против капиталистического государства, официальная социал-демократия оказывалась вынужденной признать и санкционировать методы империалистического насилия капиталистического государства. Эту именно идею империалистически-прирученного „четвертого сословия“ и выражает Шейдеман. Те новые „слои“, с которыми он надеется сблизиться, благодаря столь яркому обнаружению своей государственно-патриотической природы, находятся не внизу, а наверху. Новой эры преуспеяний Шейдеман хочет достигнуть путем полуоппозиционного сотрудничества с правящими силами империалистской Германии. Политическая трудность на его пути лежит в ра-

боте соответственного перевоспитания рабочих масс. Здесь Шейдеман сталкивается лицом к лицу с оппозицией.

В указанных условиях задача этой последней никак не может сводиться к защите традиционной тактики социал-демократии с ее ныне окончательно развернувшимся внутренним противоречием. Другими словами: задача действительной оппозиции не может состоять в спасении „чести“ революционной концепции на основе исчерпавшего себя до дна реформаторского поссибилизма. Вопрос исторически поставлен ребром: либо капитуляция пред империалистическим насилием, либо противопоставление ему революционного насилия. То, что в прошлую эпоху было принципиальным знаменем всей партии, становится теперь конкретной политической задачей оппозиции: *борьба за власть.*

Союзник — не единомышленник.

Одновременно с опубликованием в „L'Humanité“ речи Гаазе на социал-демократической конференции парижские газеты приводят текст письма, которое Либкнехт адресовал военному суду во время своего процесса. Это совпадение нельзя не назвать счастливым, так как оно дает лишний раз возможность сравнить два главных течения в немецкой оппозиции.

Гаазе отказывается вотировать военные кредиты, так как не хочет отдавать свое доверие канцлеру. „Поддерживая политику буржуазных партий, — заявил он большинству, — вы разделяете их ответственность“. Но кроме канцлера и буржуазных партий, — ответили ему, — существует страна, которая находится в опасности“. „В таком случае вы должны были и раньше голосовать все кредиты, идущие на оборону страны“. В этом диалоге слабые и сильные места имеются на обеих сторонах. Совершенно прав Гаазе, когда утверждает, что активное участие социал-демократии в национальной обороне, бок-о-бок с правительством страны, означает осуждение старой тактики вотирования против военных кредитов и предполагает отречение от этой тактики для будущего. Пожарно-авантюристская философия („дом горит, надо спасать“) не годится никуда. Ведь и для тушения пожара необходимы, кроме доброй воли, бочки и кишка. Стало быть, кто собирается в случае пожара заняться его тушением, должен за-

ранее позаботиться о снаряжении пожарного обоза. Другими словами, эта политика, если свести концы с концами, предполагает отказ от принципиальной оппозиции милитаризму. Этого именно и требует Давид. Если Шейдеман не согласен следовать за ним, то только потому, что он вообще отказывается сводить концы с концами.

Но, с другой стороны, правы по-своему и Шейдеман с Давидом, когда указывают Гаазе, что дело не исчерпывается выражением „доверия" или „недоверия" канцлеру: война означает опасность для *Германии*, и партия должна определить свое отношение к этому именно вопросу. Но здесь уж Гаазе не дает ответа. Он определяет свое отношение к канцлеру, но не к „Германии", т.-е. уклоняется от прямого ответа на вопрос о национальной обороне. Его уклончивость в принципиальных вопросах переживаемого социализмом кризиса идет рука об руку с пассивно-выжидательным характером его тактики. „Я не хочу брать на себя ответственности за национальную оборону, как ее понимает и выполняет канцлер"—такова сущность его позиции. На первый взгляд может показаться, что этого достаточно, по крайней мере, для сегодняшнего дня. Либкнехт отмечает для себя „долг" национальной обороны в принципе, Гаазе отказывается от ответственности за ее практическое осуществление; но тот, как и другой, отказывают своему правительству в кредитах и в доверии, а так как это практически самое существенное, то некоторые товарищи склонны совершенно отрицать, или, по крайней мере, преуменьшать различие между позициями Гаазе и Либкнехта.

Нет никакого сомнения, что „каутскианец" Гаазе, голосующий против кредитов, несравненно ближе Либкнехту, чем „каутскианец" Гох и его друзья, воздерживающиеся при голосованиях (мы уж не говорим о тех представителях „оппозиционной" фауны, которые вотируют военные кредиты, так как в Германии этой породы не существует). Несомненно, что Гаазе, Ледебур и др. являются сейчас для Либкнехта политическими союзниками,—тем более, что группа Гаазе-Ледебура выступила из старой фракции и противопоставляет себя ей, тогда как группа Гоха остается в составе фракции Шейдемана-Давида.

Но *союзник* далеко не означает *единомышленник*. Согласуя свои действия с действиями группы Гаазе, поскольку они непо-

средственно направлены против правящей Германии или партийного большинства, друзья Либкнехта и Розы Люксембург сохраняют пред лицом масс свою самостоятельную позицию и неутомимо критикуют бесформенность принципиальных основ политики своих союзников и пассивно-выжидательный характер их тактики. При этом революционные интернационалисты по необходимости открывают у группы Гаазе те же незащищенные места, которые атакуют партийное большинство.

— Вы не доверяете канцлеру и отказываете ему в кредитах? Для начала это, конечно, хорошо, но этого совершенно недостаточно. Вам указывают справа, что дело идет не о канцлере, а о защите того, что мы называли „Германией“: ее географических границ, ее положения на мировом рынке (причем большинство умалчивает, что дело идет в то же время о защите всего того, что составляет социально-политическую структуру нынешней Германии: ее монархии, полицейщины, аграрно-капиталистического господства и пр.). Какова же ваша позиция в вопросе о защите Германии?

Этот вопрос имеет отнюдь не „академическое“ значение. Та социалистическая группа, которая в нынешнюю эпоху мировых потрясений видит свою задачу в поддержании старой тактики — стало быть, и всей ее поссибилистской (приспособленческой) и национальной ограниченности — не может в конце концов отказываться от защиты территориальной и экономической основы этой тактики, т.-е. от защиты Германии.

Голосуя против военных кредитов в мирное время, социал-демократия, как меньшинство в рейхстаге, отнюдь не мешала непосредственно своему правительству создавать и развивать аппарат милитаризма. Выступая против кредитов войны, социал-демократия „рискует“ подорвать „мораль“ рабочих-солдат и тем непосредственно ослабить и даже дезорганизовать оборону. Перед этой именно перспективой остановилось большинство социал-демократической фракции рейхстага.

— Вы видите, — говорит Давид Шейдеману, — наша чисто оппозиционная тактика мирного времени доказала свою несостоятельность, и в минуту серьезного испытания вы сами оказались вынуждены покинуть ее. После войны мы должны будем голосовать за необходимые для национальной обороны кредиты.

— Нет, — отвечает ему Шейдеман, — наша нынешняя тактика имеет исключительный характер. После войны мы опять будем голосовать против военного бюджета.

— Но ведь это нелогично!

— Зато практично: если мы откажемся от оппозиционной тактики, мы потеряем влияние на массы.

— Следовательно, вы собираетесь все начать сначала?

— Хочу, по крайней мере... попробовать.

В этом примерном диалоге Давид выступает перед нами, как доктринер оппортунизма, тогда как Шейдеман отстаивает свое право быть оппортунистом в самом оппортунизме.

Гаазе формально совершенно прав, когда, подобно Давиду, требует, чтобы тактика военного времени была согласована с тактикой мирной эпохи: Давид требует равнения по войне, Гаазе — по миру.

— Что случилось такого? — воскликнул Гаазе в своей речи на конференции, — что заставило вас отказаться от оппозиции канцлеру?

— Ничего особенного, — ответили ему иронически справа, — если не считать, разумеется, войны, угрожающей самому существованию Германии.

Из отчета не видно, как реагировал Гаазе на это замечание. Повидимому, он промолчал: у него на этот счет нет ответа. Об этом свидетельствует вся его речь, целиком сводящаяся к формальной защите „традиционной“ тактики германской социал-демократии. Гаазе не хочет видеть, что весь кризис социализма состоит в разрыве традиции, у которой оказалось два конца: поссибилистский и революционный. Снова связать их воедино не может уже никакая сила в мире.

Будущее за спартаковцами [1]).

Давид требует, чтоб социал-демократия дополнила свою реформаторскую работу внутри страны содействием ее военному могуществу. Эта позиция, которой нельзя отказать в внешней логичности, равносильна полному отказу пролетариата от всякой самостоятельной, в том числе и реформаторской политики. Бис-

[1]) Статья крайне урезана цензурой.

марк признал когда-то, что социальное законодательство Германии есть плод страха правящих классов перед социал-демократией. И это несомненно: до тех пор, пока власть находится в руках имущих классов, реформы в пользу эксплуатируемых масс являются, вообще говоря, плодом страха пред их классовым возмущением. Оппозиционно-угрожающая позиция социал-демократии по отношению к классовому государству, особенно в наиболее чувствительных для него вопросах милитаризма, являлась необходимым условием реформ сверху. Если бы капиталистически-юнкерское правительство Германии имело заранее гарантии того, что в минуту опасности для него социал-демократия взвалит на плечи ружье, немецкий пролератиат тщетно дожидался бы социальных реформ до сего дня. Но именно такие „гарантии" дает ныне социал-демократия правящим классам всем своим поведением, а Давид эти гарантии хочет даже вписать в программу, превратив эту последнюю в крепостную грамоту рабочего класса. Это значит: конец реформам. Не только у правящих исчезнут побудительные мотивы давать эти реформы, но завтра государственный муж Давид сам окажется вынужденным признать, что высшие потребности национальной обороны требуют экономии в области народного образования и страхования рабочих. Если практика реформизма привела к социал-патриотизму, то этот последний подрывает почву даже под практикой реформ.

Эта безвыходность социал-реформизма в обстановке величайших мировых потрясений ребром ставит пред рабочим классом вопрос о революционных методах борьбы.

Германская социал-демократия, опирающаяся на миллионы рабочих, — и это поняло большинство, — не может со своим отказом поддерживать воюющее государство, долго продержаться в плоскости платонически-оппозиционной манифестации. Надо выбирать между активной поддержкой империалистического государства и между объявлением ему революционной войны. Нейтрализм, в том числе и „неблагожелательный" нейтрализм Гаазе, так же мало устойчив теперь во внутренних отношениях, как и во внешних.

Та партия, которая не собирается в своей деятельности выходить за пределы парламентарно-профессионального оппортунизма, не может подкапываться под себя, отказывая национальному государству в поддержке.

Рвать с национально-империалистическим блоком и подвергать опасности „национальную оборону“ (а на эту „опасность“ не закрывают, разумеется, глаз ни Либкнехт, ни Роза Люксембург, ни Кэте Дункер, произнесшая прекрасную речь на социал-демократической конференции), не бояться своей тактикой ослабить боевую способность страны может только та партия, которая ставит себе в эту эпоху непрерывных национальных „опасностей“ революционные задачи, далеко возвышающиеся над преходяще-стратегическими ситуациями и над соображениями о непосредственных мировых интересах национального капитала. Другими словами, только социально-революционная партия, ведущая борьбу за власть, может действительно противопоставить себя „национальному“ предприятию (войне) и использовать все его перипетии, успехи и неудачи для своих целей, которые по самому существу своему гораздо шире вопроса о географических границах Германии. Это и есть позиция Либкнехта. В то время, как Гаазе выжидательно отказывает правительству в доверии, Либкнехт и его друзья объявляют этому правительству открытую борьбу. Достаточно прочитать письмо Либкнехта военному суду или только что упомянутую речь К. Дункер, чтобы понять, как глубоко различие между этими двумя течениями...

Знаменитая формула Раффен-Дюжанса: „Я голосую против кредитов, но если бы от моего голоса зависела их судьба, я голосовал бы за кредиты“—выражает, несомненно, если не мысль, то политическое самочувствие большинства руководящих политиков „центра“ (Гаазе-Каутский-Бернштейн). Эта формула созерцательного и по существу фиктивного интернационализма не так карикатурна, как кажется на первый взгляд. Отрицательное голосование является тут традиционной манифестацией принципиального недоверия к классовому правительству, а отнюдь не вступительным актом мобилизации масс для революционной борьбы. Главное обвинение Либкнехта против политиков центра состояло именно в том, что они отказываются бросить в массы лозунг открытых революционных выступлений против войны и правящей Германии.

Нет никакого сомнения в том, — и эта мысль высказывалась не раз, — что социал-демократический центр является только этапом на пути политического отрезвления и революционного пробуждения рабочих масс. Но важнейшей гарантией того, что массы не застрянут слишком долго на этом этапе, является неуто-

мимая работа революционных интернационалистов, — которые, как выражается К. Дункер — в согласии со штуттгартской резолюцией — „хотят использовать порожденный войною кризис, чтобы достигнуть уничтожения капиталистического государства“. Только решительная, не останавливающаяся пред второстепенными соображениями внутрипартийной стратегии критика теоретической двусмысленности и политической пассивности „центра“ способна приблизить час революционного натиска масс на империалистическое государство. Вот почему, несмотря на малочисленность делегатов этого крыла на конференции [1]), мы считаем группу „Интернационал“ — спартаковцев — первостепенной важности фактором в завтрашних судьбах Германии.

За республику или за социализм?

Homo [2]) подхватывает каждую фразу, исходящую из уст представителей немецкой оппозиции и посвященную вопросу об ответственности за войну, чтобы доказать решающее значение этого вопроса для социалистической политики в эпоху войны. Русские социал-патриотические homunculus'ы (человечки) делают то же, только безграмотно, так как не знают ни немецкого социализма, ни немецкого языка.

Вопрос об „ответственности“ играет несомненно огромную роль во всей агитации немецкой оппозиции, пацифистской, как и революционной. И это совершенно неизбежно, если принять во внимание, что политическая обработка рабочих масс правящими классами и их социал - патриотическими агентами совершалась именно на почве вопроса об ответственности за войну.

Сами имущие и правящие классы прекрасно отдавали себе отчет в том, что эта война имеет своей задачей не охрану нацио-

[1]) Homo сообщает, что на конференции было 10 делегатов левого крыла. Не нужно забывать: 1) что в некоторых местах революционные интернационалисты бойкотировали конференцию, 2) что им во всех смыслах гораздо труднее, чем их противникам, выступать на партийных собраниях, 3) что немало революционных интернационалистов сидит в гогенцоллернских тюрьмах, в том числе все виднейшие вожди: Либкнехт, Меринг, Люксембург, Э. Мейер...

[2]) Эльзасский с.-д. Грумбах, в молодости сторонник К. Либкнехта, переметнувшийся с начала войны на сторону французского социал-патриотизма.

нального государства, ставшего слишком тесным для развития производительных сил и для капиталистического накопления, а наоборот, возможно большее расширение его границ, превращение его из национального в мировое. Эта империалистическая тенденция не имеет в себе ничего „личного" и могущественнее всяких политических форм. Но для уловления совести трудящихся масс делом первой необходимости было представить войну, как навязанную Германии злой волей ее противников и завистников. Национальный идеализм правящих классов питался империалистическими, т.-е. по самому существу своему сверх-национальными целями. Наоборот, мобилизовать идеализм эксплуатируемых классов нельзя было иначе, как посредством защитной, оборонческой аргументации, представляя дело Германии, как дело „элементарных начал права и справедливости".

Совершенно естественно, если первым словом социалистической оппозиции явилось доказательство того, что на германском правительстве, как на одном из важнейших рычагов в механизме капиталистического мира, лежит огромная доля ответственности за нынешние события. Но из одного только разоблачения преступного характера международной политики Гогенцоллернов и Габсбургов ни в каком случае не мог бы еще вытекать долг анти-оборонческой политики для немецкого пролетариата. Если верно, что социал-патриотическая политика означает защиту отечества (а не начальства), то приходится заключить, что немецкое отечество сохраняет свое значение для немецких рабочих и должно быть ими защищаемо—несмотря на то, что они, в противоположность, например, русским рабочим, имеют безнравственное и хищное правительство.

Но если из крайней виновности Гогенцоллерна в нынешней войне социал-патриоты Антанты, не отрекаясь от себя, не в праве делать для немцев *анти-оборонческие* умозаключения, то гораздо обоснованнее представляются на первый взгляд их *республиканские* выводы. В самом деле: если корень зла в Гогенцоллернах, то гарантия против будущих войн — в германской республике. Так именно ставили вопрос в первую эпоху г.г. Ренодель, Эрве и др. Однако, и этот республиканский вывод, логически более складный, чем анти-оборончество в наказание немецкого народа за грехи Вильгельма, отличается крайней политической поверхностностью.

Уничтожение германской монархии есть чисто революционная задача. Какими силами и средствами она может быть разрешена, на этот счет ни вопрос ответственности, ни голый республиканский лозунг сами по себе еще не дают никакого ответа.

Мыслима ли в Германии демократическая революция? Другими словами: существуют ли в Германии такие буржуазные классы, которые были бы заинтересованы в совершении республиканского переворота? Стоит ли в порядке дня революция германской нации против политического режима или революция пролетариата против империалистической монархии, вокруг которой группируются все имущие классы нации?

„Эволюционные“ филистеры (таких не мало даже и среди людей, наклеивающих себе на лоб марксистскую этикетку) представляют себе дело так, что Германия должна раньше совершить свою республиканскую революцию, чтобы таким образом расчистить путь для борьбы пролетариата за государственную власть. Республика представляется им просто, как „естественный“ политический этап в развитии капиталистического общества. Между тем, материалистический анализ говорит нам, что завоевание немецким пролетариатом государственной власти является необходимой предпосылкой для учреждения германской республики.

Нигде в Европе последние десятилетия не давали картины такой быстрой классовой диференциации и такого решительного экономического распада промежуточных классов, как в Германии. Теперь война доделывает эту работу, сметая с лица земли многие сотни тысяч мелких капиталистов и крестьян. Если эта новая резервная армия может дать материал для революционных вспышек во время или после войны, то серьезное революционное движение в Германии может развернуться только, как движение пролетариата. И если этому движению, которому предстоит преодолеть могущественное сопротивление концентрированной империалистической монархии, суждено победить, то оно поставит у власти партию пролетариата,—ту новую партию, которая из элементов нынешней оппозиции и нового революционного поколения сложится в огне борьбы против империалистических классов и их монархии. Вопрос о республике сливается для германского пролетариата с вопросом о борьбе за власть: республика в Германии осуществима только, как политическая оболочка пролетарской диктатуры. Но совершенно очевидно, что став у власти, в резуль-

тате победоносной революции, партия пролетариата вынуждена будет немедленно же приступить к работе социалистического преобразования общества. Историческая задача германского пролетариата выражается, таким образом, не в чисто политической антитезе: *монархия—республика*, а в другой, гораздо более глубокой антитезе: *империализм—социализм.*

Для буржуазно-республиканской агитации (а для нее в Германии меньше почвы, чем где бы то ни было) может быть и достаточно было бы морально-правовых изысканий насчет личной „ответственности“. Но для революционно-классовой борьбы пролетариату необходимо иметь ясное представление об ответственности империалистического режима в целом.

„Начало“, 6—24 октября 1916 г.

Примечание к настоящему изданию. — Является ли германская революция 1918 года опровержением анализа, сделанного в этой статье? И да, и нет. По форме — да, по существу — нет. Революция не привела к власти пролетариата, а приостановилась на жалком выкидыше буржуазной республики Эберта. Борьба пролетариата за власть снова вошла — на более высокой исторической ступени — в подготовительную стадию и превратилась в длительный молекулярный процесс создания коммунистической партии. Значит ли это, однако, что буржуазное общество оказалось способным развить под республиканским знаменем революционную борьбу? Ни в малейшей степени. Но это буржуазное общество оказалось способным вторично использовать социал-демократию для того, чтобы временно задержать революцию на буржуазно-республиканском этапе. Военная катастрофа чрезвычайно ускорила взрыв революции, и эта последняя явилась прежде, чем германский пролетариат успел создать партию, отвечающую его действительным тенденциям и задачам в новую эпоху. В силу этого, революционная борьба пролетариата вынуждена была развиваться под руководством старой социал-демократии, которую ее политика во время войны окончательно превратила в орудие охранения буржуазного общества. Другими словами, республика явилась не как плод совместной революционной борьбы пролетариата и буржуазии, а как плод обмана пролетариата буржуазией, которая, при помощи социал-демократии, сорвала его подготовленную историей победу.

Если в 1848 году немецкий буржуа мечтал о республике с благодетельным великим герцогом во главе, то в 1918 г. немецкий буржуа, после катастрофы, временно примирился на республике с верным Эбертом во главе.

Буржуазная республика в Германии держится исключительно политическим весом социал-демократии и в той мере, в какой социал-демократия сохраняет влияние на рабочих. Соотношение классов и вся международная обстановка Германии неотразимо требуют социальной революции, но политическое прошлое самого пролетариата, отложившееся в виде социал-демократии, является последней преградой на этом пути. Буржуазная республика оказалась возможной в Германии, только как длительная заминка в процессе классового восстания пролетариата, вызванная изменой Шейдеманов и Эбертов, в ноябре 1918 года — прямым продолжением их измены в августе 1914 года.

8 мая 1922 г.

XII. В австрийской социал-демократии.

Политика бессилия, выжидания и распада.

Мы получили после большого перерыва венскую „Arbeiter-Zeitung“ („Рабочую Газету“) за первые две недели текущего месяца. Из Австрии доходит до нас так мало сведений, что мы считаем необходимым извлечь из „A.-Z.“ все, что можно, для характеристики настроений в австрийской социал-демократии.

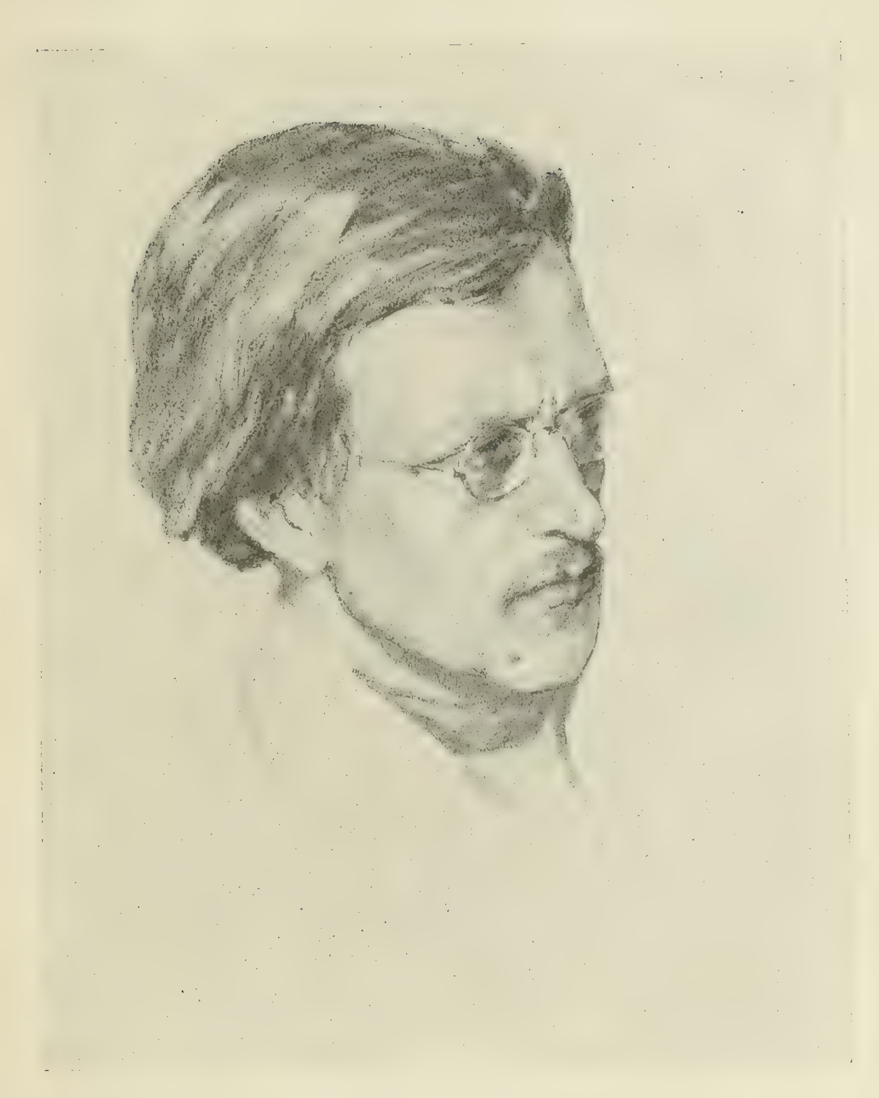
Но сначала несколько предварительных замечаний. „A.-Z.“ и до войны была одной из наиболее пропитанных национализмом немецких социалистических газет. Главный ее редактор, Аустерлиц, несомненно один из самых талантливых немецких журналистов, но человек с очень ограниченным кругозором, социалист в чисто-формальном смысле слова, с головой погруженный в детали австрийской полицейско-бюрократической кухни и всегда готовый отстаивать „немецкие“ интересы и немецкий характер Вены от чешских „посягательств“. Иностранной политикой в газете заведует Лейтнер, австрийский „ревизионист“, который и в мирное время считал прусский национал-либерализм высшей формой человеческого миросозерцания. Если сюда прибавить: старого национал-демократа Пернерсторфера, который пошел в социалисты из-за дурных отношений с Габсбургами; военного критика Гуго Щульце, которому его „антимилитаризм“ никогда не мешал благоговеть в тайне перед прусским лейтенантом; К. Реннера, адвоката дуалистической империи и советника монархии, — то облик главного штаба „A.-Z.“, а значит и самой газеты, станет совершенно ясным. Если что держало до известных пределов в узде венских социал-националистов, так это поведение германской социал-демократии. 4-ое августа сняло с этой стороны все препоны. День постыдной капитуляции германской с.-д. фракции перед милитаризмом „A.-Z.“ провозгласила „великим днем немецкой нации“. Вообще, первый период войны был для „A.-Z.“ временем исступленного национализма. Одна из статей — перед битвой на Марне — носила заглавие „В Париж!“... Виктор Адлер, который гораздо

выше своей системы и ее ближайших исполнителей, несомненно морщился от шовинистических завываний Аустерлица и Лейтнера, но, как всегда, мирился с ними.

Сейчас от этого первого периода австро-немецкой патриотической восторженности остались только бледные воспоминания. На всей газете печать глубокого уныния и отсутствия каких бы то ни было перспектив. Передовая статья в номере от 2 мая говорит о полном крушении преувеличенных военных надежд в обоих лагерях. Дальнейшее затягивание операций не обещает никаких решающих перемен: главные рессурсы обоих лагерей уже поставлены на карту, главные возможности исчерпаны и кульминационный пункт военного кризиса Европы оставлен далеко позади. Газета пишет о всеобщей жажде мира. Но о борьбе за мир на ее страницах нет и речи: не потому, что мешает цензура, а потому, что самая мысль о самостоятельной политике пролетариата во время войны совершенно чужда газете. Вопрос о восстановлении мира в Европе связан для нее сейчас главным образом с поведением Соединенных Штатов. Газета прямо-таки „заклинает" Вильсона не покидать нейтралитета и взять на себя инициативу налажения мирных переговоров.

В том же номере имеется экономическая статья, рисующая процесс возрастающего истощения хозяйственных рессурсов Европы, которое во всей своей силе скажется только после войны. „Для ликования поистине нет причин, — говорит газета. Капитализм, развитие которого привело к империализму и мировой войне, должен будет лишь после войны показать, может ли он вынести эту последнюю. Лишь по заключении мира обнаружится, не повлечет ли за собою война могущественных экономических потрясений, знаменующих собою новую эпоху, в которую пробьет исторический час пролетариата". Но эта революционная перспектива остается для газеты чисто исторической возможностью, совершенно не связываясь с программой революционного действия.

Наоборот, то, что больше всего характеризует австрийскую социал-демократию, это полный отказ от политического действия. Первое мая в этом году, как и в прошлом, было в Австрии буднем: несмотря на то, что до войны первомайская стачка была в Австрии, особенно в Вене, фактически легализована, социал-демократия подобострастно сдала буржуазии и государству эту завоеванную позицию, ограничившись в Вене вечерними собра-



В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ниями, настолько мирными, что только на двух из них комиссары сочли нужным прервать ораторов.

Как известно, в Австрии парламент за все время войны ни разу не созывался. Это избавляло партию от необходимости занимать позицию по отношению к политическим вопросам. Газета почти целиком посвящена задачам народного продовольствия и помощи семьям мобилизованных. Но и в этой области она не ведет никакой боевой кампании. Назначение свое она видит в том, чтобы оказывать воздействие на администрацию, внушать ей наиболее целесообразные мероприятия и пр.

1917 г. будет для Австрии годом новых торговых договоров. Главная мысль газеты в этой области состоит в том, что Австрия может обеспечить для своей индустрии внутренний и внешние рынки, только отказавшись от аграрного протекционизма. Но и в этом направлении все усилия газеты направлены лишь на то, чтобы „перевоспитать“ австрийских промышленников и их университетских представителей.

В ожидании мирного посредничества Вильсона, „A.-Z.“ считает, разумеется, необходимым „держаться до конца“. Но ее патриотизм лишен теперь какой бы то ни было активности и очищен от возвышающих обманов: пассивно-рабский характер социал-патриотизма выступает тут перед нами в обнаженном виде. Разумеется, по „A.-Z.“ так же трудно судить о настроениях пролетариата, как, напр., по „Humanité“. Но во всяком случае, трудно представить себе другую политику, которая в такой мере была бы направлена на усыпление пролетариата, подавление в нем всякой инициативы, размягчение всякого протеста, как политика австрийской социал-демократии.

Во Франции „A.-Z.“ симпатизирует „Populaire du Centre“, называя это издание „прекрасной социалистической газетой“. В Голландии симпатиями Аустерлица пользуется партия Трельстры: что же касается революционных групп Голландии, то они, по инсинуации „A.-Z.“, действуют на радость странам Согласия. Очень поучительна берлинская корреспонденция в газете о Либкнехте. Рассказав, что Либкнехт сделал, с своей стороны, все заявления, которые могли отягчить его участь, и которые в то же время исключали всякую надежду на „заступничество“ парламента, газета говорит: „Здесь, как и вообще во всем своем поведении, Либкнехт производит впечатление человека, который сознательно

идет навстречу своей судьбе... Таким образом Либкнехт дал доказательство своего нравственного мужества... Но жертва, которую приносит Либкнехт, к сожалению, совершенно бесполезна, более того, даже вредна". И в заключение газета желает единомышленникам Либкнехта „одуматься“ как можно скорее.

Политика бессилия, выжидания и распада... На этом гнилом фундаменте нельзя создать ничего. Остается только выразить уверенность, что и в среде австрийской оппозиции найдется достаточно мужества и инициативы, чтобы помочь австрийскому пролетариату освободиться от поддерживаемого официальной партией политического паралича.

„Н. С.“, 21 мая 1916 г.

Эпоха „общественного духа“.

Австрийский социал-патриотизм представляет собою, несомненно, интересную разновидность. Австрия выделила не мало выдающихся марксистских сил, которые обогатили социалистическую литературу рядом ценных исследований, но которые в то же время в области практической политики никогда почти не выходили из официальных рядов и сводили свою теоретическую роль к подъискиванию „научной“ аргументации для оппортунистически националистической политики партии. Если католицизм стремился сделать науку служанкой церкви, можно сказать, что австрийский оппортунизм сумел поставить в услужение к себе австро-марксистскую „ортодоксию“. Разумеется, такое отношение могло быть куплено лишь ценою насилия над самым духом марксизма. Но это насилие становилось тем явственнее и тем грубее, чем ближе марксистская мысль подходила к вопросам боевой австрийской политики. И наоборот: австрийский марксизм давал тем более ценные плоды, чем дальше он отходил от австро-габсбургской мизерии в область чисто теоретических исследований или широких исторических перспектив. В этом смысле „Arbeiter-Zeitung“ и сейчас несет на себе следы чрезвычайно поучительной двойственности. Ее боевая политическая линия, как она представлена Аустерлицем и Лейтнером, сводится целиком к крохоборческому поссибилизму с яркой шовинистической окраской. Ее теоретическая, принципиальная, так сказать праздничная линия, выражаю-

щаяся главным образом в социалистических статьях воскресных номеров газеты, поднимается нередко на высоты действительного марксизма. И для австрийской партии очень характерно, например, то, что в голове Реннера, отнюдь не заурядной, обе эти линии соединяются в одно, если не теоретическое, то психологическое целое.

Мы укажем здесь на две очень интересные статьи, которые теоретически обязуют к революционным выводам или, вернее сказать, должны были бы обязывать. Одна из них была напечатана еще 30 апреля, другая появилась в номере от 21 мая.

Первая статья „От Парижа до Базеля" посвящена 2-му Интернационалу. „В течение этой эпохи (от Парижа до Базеля), — так говорит статья, — рабочий класс всего мира совершил великий подъем; эта эпоха будет записана в книгах истории, как и в сердцах пролетариата, навсегда. Наемные рабы Мамона, которые даже в старейших культурных государствах Европы были еще опутаны цепями политического бесправия и терпели бичи исключительного законодательства, завоевали в этот период везде, даже в России московских царей, политические права, доступ к законодательству, начатки государственной охраны труда... Но не только в ширь и в глубь шел Второй Интернационал, он поднимался даже до высочайших высот человеческой воли. От конгресса к конгрессу росли его задачи, расширялся его кругозор, его влияние на сильных и властных. И высшего своего пункта он достиг в дни Базеля в высоком и обширном соборе рейнского города... Там соединялись в последний раз разум и культурная совесть мира в могущественный аккорд, там Второй Интернационал возвысился на степень подобия будущего более счастливого человечества... Мировая война подвела черту под Вторым Интернационалом: от 1889 до 1914 года... То, что произошло в течение этих трех десятилетий, это—повторение трагедии одинокого борца идеи, который опередил свое время, чтобы затем пасть перед могучим сопротивлением страны. Но эта индивидуальная трагедия расширена здесь на целый класс, на пролетариат всего мира, и развертывается перед нами на полях битв всех стран...

„Катастрофа этой мировой войны стоит, как последний акт (эпохи Мамона и Молоха). Опустошения, которые она оставит, будут требовать труда. Ни к чему человечество не будет так стремиться после этого бедствия, как к миру и труду. Они оба

образуют „идею“ новой эпохи, ибо они отвечают ее внутренней потребности. *Мир и труд — это мы*... До войны социализм опережал свое время, после нее наступит час труда и мира. Иначе, конечно, чем мы хотели и ждали... Но что от Парижа до Базеля было предвещанием, что в эти два года войны стало глубоким разочарованием, то после войны будет исполнением“...

Другая статья, о которой мы упоминали выше, посвящена тому новому психическому типу, который создает война. Поход в несколько недель не мог бы не оставить глубочайших следов в сознании народных масс. Что же сказать о войне, которая охватила все народы Европы и длится два года? Такова исходная точка зрения статьи. Два года предметного изучения, которое заполняет целиком дни и пропитывает собою сновидения ночи — это та высшая школа, в которой душа резко преобразуется. И поэтому приходится с неизбежностью принять, что эта европейская война оставит после себя людей другими.

„Пусть не мечтают, что можно миллионы людей без последствий — чтобы не сказать безнаказанно — вырвать из узкого круга их прозябания и в течение почти двух лет водить по полям Европы через города и все новые области. В тихой деревне жил поселянин, в маленьком городке — ремесленник, в каменном океане большого города — горожанин. Для каждого его круг замыкал собою мир. И вот для каждого европейца, который на девять десятых все еще был оседлым, по крайней мере, оседлым в своем мышлении, мир вдруг стал таким широким, завещанные ограничения жизни порваны... Неутолимое стремление к странствованию, неукротимое тяготение к миру, упорная тяга к шири останется в сердцах детей деревни, и мучительное недовольство узостью местных отношений, которое исключает оседлый тип. Отныне всем им будет свойственно стремление к приключениям и неукротимость викингов, отныне старая средневековая духовная власть земли исчезла навсегда.

„Живопись часто ставила себе задачей закрепить на полотне чудесный миролюбивый глаз скота; но дикие животные имеют горящие глаза. Сейчас все стремится к покою, к ровному дыханию повседневности. Но наши мужи привыкли к чудовищным напряжениям души, они стоят в течение многих месяцев в центре титанических событий, совершая и претерпевая самое страшное. Они и в себе измерили также всю ширь человеческой душевной

жизни, они также и внутренний мир нашли бесконечно большим и широким, и отныне сенсации повседневности будут им казаться скукой и ничтожеством. Великие переживания, хотя бы ценою великих напряжений, хотя бы даже ценою гибели — это стремление останется. В прежнем мире чувств господствует опасение перед необычайным, перед исключительным, прямо-таки страх быть вынужденным пережить что-нибудь... Чрезвычайное, необычное, как жизненное содержание, — такова будет психология новой эпохи.

„Раньше бывали большие и долгие войны. Но воины были тогда небольшим и мало уважаемым сословием на-ряду с другими сословиями. В этой же войне участвовали все, и то, что составляло раньше особенность солдата, надолго останется свойством гражданина. С этим нужно считаться. Идет поколение с горящими глазами“...

Автор говорит дальше о том повышении самоуверенности, которое должна вызвать война. Она показала, что люди могут вынести и совершить более, чем они думали. Но она обнаружила вместе с тем могущество массовой организации и техники. Она показала, какие чудеса способны совершать люди при организованном и технически правильно поставленном соподчинении индивидов. Это признание огромной важности целесообразной организации и могущества, связанной с этой организацией техники, все это войдет в нашу жизнь после войны. Техническая рутина, изолированный труд, мелкобуржуазное прозябание сразу отойдут в прошлое.

„Никогда еще в истории ни при одном из ее великих поворотов не происходило того, что в этот раз: все мужчины от первого пушка и до первых седых волос оказались на жизнь и на смерть захвачены своим государством. И они, как несокрушимое убеждение, принесут отныне в мир тот вывод, что от хорошего или дурного ведения общественных дел почти физически зависит судьба гражданина. Поэтому в будущем мире все люди будут мыслить политически... Гражданин XIX столетия был в первую голову частным лицом, и политика была для него наполовину несерьезным, воскресным занятием. Гражданин XX столетия будет, прежде всего, общественным созданием... С полным правом заключат исторический период частного существования 1914-м годом, и над новой главой напишут: *Эпоха общественного духа.*

„Когда мы размышляем над этим вопросом, нам начинает казаться, будто многие, которые сейчас еще ведут политическую речь, говорят как бы из могилы; будто многие учителя общественности поучают на исчезнувших языках пред скамьями, которые никогда более не будут заполняться учениками. Подымаются новые времена, времена, полные великого беспокойства, мятущегося действия. Их мы дожидаемся“.

Наши читатели, несомненно, с интересом ознакомятся с этим извлечением из статей, одинаково богатых мыслью и формой. На этой последней несомненно отразились цензурные опасения, не все мысли автора доведены до конца. Но сущность его исторической концепции ясна: война замыкает целую историческую эпоху, которую мы не раз на этих столбцах характеризовали, как эпоху „мирного органического развития и политического поссибилизма“. Война замыкает эпоху второго Интернационала — от Парижа до Базеля. Она формирует новый человеческий тип и подготовляет такие объективные условия, которые заставят этот новый тип напречь всю свою политическую волю для того, чтобы овладеть, наконец, движением своей исторической судьбы. Другими словами, война формирует в своих недрах революционное поколение и ставит его лицом к лицу с задачей социалистической организации общества. Но если в лице лучших, наиболее богатых своих представителей, австрийская социал-демократия возвышается до такого исторического провидения, то, с другой стороны, об этой партии, как она представлена своими официальными верхами, можно поистине сказать словами только-что цитированной статьи: голос австрийской социал-демократии звучит как бы из гроба пред политическими скамьями, за которые уже не сядет прошедшее через войну поколение пролетариата.

„Н. С.“, 4 июня 1916 г.

Кто из них лучше?

„Непреходящей славой итальянского и вместе с тем интернационального социализма останется тот факт, что социалисты Италии до последнего момента, когда совершилось бессмысленное преступление военного вмешательства Италии, боролись за поддержание мира всеми средствами“, — так восторженно пишет

венская „Arbeiter-Zeitung“ о поведении итальянской социалистической партии. Но эта хвала итальянским социалистам не только ни к чему не обязывает самое „Arbeiter-Zeitung“ во внутренних австрийских делах, но дает ей, наоборот, рельеф для тем более яростных нападений на правящие классы Италии, причем эти нападения должны, в свою очередь, служить менее бросающейся в глаза, более „приличной“ формой реабилитации имущих классов Германии и Австрии. С каким лакейским злорадством „Arbeiter-Zeitung“ пишет о неудачах итальянской армии, ниспосланных судьбою в наказание за пороки правящих классов Италии, и сервилизм своего злорадства газета прикрывает лицемерными одобрениями по адресу итальянских социалистов.

Последняя речь Бетмана-Гольвега наполнила душу редакции „Arbeiter-Zeitung“ самыми жизнерадостными надеждами: ведь Бетман предложил правительствам считаться с наличной картой войны и, усевшись за стол, приступить к практическим переговорам. „Разобрать друг с другом практически проблемы войны и мира,—таково решающее и вносящее свет слово“. И тут же, во славу канцлера, подвергаются дешево стоящему уничтожению шовинистические газетчики Австро-Венгрии и особенно иноземные государственные люди, лишенные реалистического чутья и чувства ответственности. „Не теряйте духа, — кричит газета Вильсону, — положение ваше, как посредника между двумя лагерями, трудно. В германском лагере не доверяют вашей беспристрастности, в лагере Согласия все еще носятся с бредовыми мечтами о победе, но — не теряйте духа. Европа разбита на два лагеря, между которыми зияет пропасть, и через нее ни один из лагерей не может перешагнуть собственной силой; необходим вождь и посредник, чтобы свести вместе противников. Роль этого вождя и посредника — бесспорно одна из самых высоких и прекрасных, какие история когда-либо ставила перед смертными. Если президент великого и свободного государства возьмет на себя и успешно разрешит эту задачу, он завоюет бессмертие...“. Таким образом, в то самое время, как великие посредники прикидывают на счетах, сколько именно процентов даст им вмешательство или, наоборот, невмешательство в европейскую войну, редакция „Arbeiter-Zeitung“ уже испытывает непреодолимую потребность лизать руки великому американскому умиротворителю.

Бетман-Гольвег теперь излюбленный герой „Arbeiter-Zeitung“, как и всей социал-патриотической прессы Германии; мы уже знаем, что, отдавая себе несколько более трезвый отчет в том, что можно и чего нельзя, канцлер счел необходимым отмежеваться от крайних аннексионистов, германских жюскобутистов, и этим создал легально-правительственную опору для политических упражнений господ социал-патриотов, все значение которых сводится к роли хора при более умеренных элементах правящих классов и бюрократии.

Немецкая оппозиция, разумеется, разоблачает этот дурной политический маскарад, при помощи которого канцлер должен выступить перед глазами немецкого рабочего класса, как носитель идеи демократически-свободного сожительства европейских народов. Так, „Leipziger Volkszeitung“ обличает создаваемую вокруг канцлера социал-патриотическую мифологию, напоминая, что Бетман не удостоил даже социал-патриотов ответом на поставленные ими вопросы. 9 декабря они требовали, чтобы канцлер определил цели войны. Он не ответил. Они требовали, чтобы Германия, в качестве „победоносной страны“, первая предложила условия мира. Об этом, разумеется, не было и речи. Но социал-патриоты притворяются, будто ничего не видят. Если некогда Якоби сказал, что несчастье королей состоит в том, что они не хотят слушать правду, — пишет „Leipziger Volkszeitung“, — то несчастье партий состоит ныне в том, что они не хотят видеть правды“; первая же из этих партий — немецкие социал-патриоты. Цитируя эти фразы, „Humanité“ пишет, что нельзя нанести более решительного удара немецким социал-патриотам, чем это делает „Leipziger Volkszeitung“. Таким образом, в то время, как „Arbeiter-Zeitung“ поет хвалу итальянским социалистам для того, чтобы, с одной стороны, использовать их мужественную интернациональную политику в своих прислужнически-национальных целях, а с другой стороны, для того, чтобы прикрыть свою сервильную наготу видимостью интернациональной солидарности, — в это самое время, „Humanité“ использует честные разоблачения органов немецкой оппозиции для того, чтобы, сопоставив очерненного ею Бетман-Гольвега с собственными государственными людьми, дать возможность последним тем лучезарнее блистать перед аудиторией французского пролетариата. Кто из них лучше?

„Н. С.“, 24 июня 1916 г.

Фриц Адлер.

Сейчас уже не может быть места никаким сомнениям: это именно Фриц Адлер, секретарь австрийской социал-демократии и редактор теоретического журнала партии „Kampf“, сын Виктора Адлера, убил австрийского министра-президента Штюргка. Среди тех неожиданных комбинаций, которыми так богата наша страшая эпоха, это может быть одна из самых неожиданных.

Когда Штюргк был назначен преемником Бинерта на посту австрийского министра-президента, старик Пернерсторфер, председательствовавший на инсбрукском съезде австро-немецкой социал-демократии, провозгласил в своей заключительной речи: „отныне наступает штюргкско-татарский режим“. Но это предсказание не подтвердилось. Штюргк оказался представителем все той же истинно-австрийской бюрократической школы, которая считает, что править — значит заключать мелкие сделки, накоплять затруднения и отсрочивать задачи. Вряд ли он стоял особенно близко к той увенчивавшейся убитым престолонаследником Францем-Фердинандом империалистической клике, которая проповедывала, что выход из внутренней и внешней австро-венгерской мизерии лежит на пути „сильной“ политики. Но Штюргк не вступил, разумеется, с этой кликой в борьбу, а приспособился к ней, то-есть на деле подчинился ей. Министерство Штюргка стало министерством войны. Скороспелый австрийский империализм, который должен был преодолеть все внутренние социальные и национальные противоречия, на деле только обнажил их. Обыденные средства правящей венской бюрократии стали недостаточны. Министерство Штюргка совершенно упразднило на все время войны конституционный режим, собирало и расходовало миллиарды без всякого контроля, а против центробежных национальных тенденций выдвинуло кандалы и виселицу. В безличном и дюжинном бюрократе Штюргке не было ничего, что делало бы его похожим на диктатора и тирана. Но автоматически приспособляясь к потребностям габсбургской машины в условиях европейской бойни, зауряд-чиновник Штюргк установил режим диктатуры и белого террора. Так, в самой безличности своего канцелярского деспотизма он поднялся на уровень представителя империалистского государства в „освободительной“

войне. В этом смысле он являлся, пожалуй, „достойной“ целью для пули террориста.

Но Фриц Адлер, каким мы его знали, не был террористом. Социал-демократ по семейной традиции и лично завоеванному убеждению, всесторонне-образованный марксист, он отнюдь не склонен был к террористическому субъективизму, к наивной вере, что хорошо направленная пуля может разрубить узел величайшей исторической проблемы. Этот „кабинетный“ человек, как его, с известным внешним правом, характеризуют официальные и официозные телеграммы, был несгибаемым выразителем „идеи четвертого сословия“ в том старом всеохватывающем революционном смысле, в каком она запечатлена в Манифесте Коммунистической Партии.

Именно поэтому в первые часы казалось невероятным, что Фриц Адлер поставил свою жизнь интернационалиста на одну карту с жизнью габсбургского Штюргка. Телеграммы французской прессы из Швейцарии питали это естественное недоверие. Они то выводили Адлера из немецкой Богемии, называя его секретарем пражской торговой палаты, то, смешивая его, очевидно, с его младшим братом, причисляли его к литературной богеме, к группе „анархистов“ венских кафе, как Петр Альтенберг, Карл Краус и др. Сейчас, когда телеграммы приносят отклики на событие немецкой прессы и в том числе венской „Arbeiter-Zeitung“, сомнениям уже не может быть места: это именно Фриц Адлер, редактор „Kampf'a“, революционный интернационалист, наш единомышленник и друг, убил австрийского министра-президента Штюргка.

И на месте первоначальной внутренней потребности — *сомнения* — сейчас же вырастает новая потребность — *объяснения*, — более властная даже, чем потребность политической оценки.

Штюргк, сказали мы, отнюдь не увеличиваясь в росте, автоматически поднялся на уровень законченного представителя системы. Этого было бы достаточно для доктринера терроризма, но не для Фрица Адлера. Непосредственных и сильнейших мотивов его действия нужно искать в состоянии и внутренних отношениях самой австрийской социал-демократии.

Виктор Адлер, отец Фрица и действительный создатель австрийской рабочей партии, одна из крупнейших фигур Второго

Интернационала, выступил в 80-х годах на политическую арену, как младший друг Фридриха Энгельса, с серьезным теоретическим багажом и подлинным темпераментом революционера. И сейчас еще нельзя без волнения перелистывать его тогдашний еженедельник „Gleichheit“, ведший великолепную борьбу против габсбургской цензуры, полиции, монархии и против классового общества в целом. Эта героическая эпоха, значительную часть которой Виктор Адлер провел в тюрьмах монархии, окружила его голову революционным ореолом. Искусно эксплуатируя бессилие бюрократии пред хаосом национальных притязаний, австрийская социал-демократия систематически раздвигала для себя открытую арену политической борьбы. К авторитету революционного социалиста Виктор Адлер присоединил авторитет тонкого стратега. Партия находилась в периоде непрерывного роста. В этой атмосфере исключительного политического влияния и личного обаяния Адлера-отца формировалось молодое поколение австрийских марксистов: Карл Реннер, Макс Адлер, Рудольф Гильфердинг, Густав Экштейн, Фриц Адлер, Отто Бауер и другие. Все они в большей или меньшей мере брали официальную тактику партии, как данную сверху, без критики, ограничивая свою задачу областью теоретических исследований и марксистской пропаганды.

Русская революция придала политической активности австрийского пролетариата новый размах. Под прямым давлением нашей октябрьской стачки 1905 г., вызвавшей могущественный отклик на улицах Вены и Праги, дезорганизованная центробежными национальными силами монархия октроировала всеобщее избирательное право. Перед партией открывались, казалось на первый взгляд, широчайшие перспективы. „Австрийский“ метод — сложных маневров, полуугроз и полусоглашений — казался тем более победоносным, чем очевиднее шла к уклону русская революция, с ее „упростительством“ массовых боев.

Но политическая действительность сложилась наперекор оптимическим ожиданиям энтузиастов и бюрократов „австрийского“ метода. Толкаемые быстрым развитием молодого австрийского капитализма правящие верхи стали искать выхода из внутренних затруднений на пути внешних успехов. Политика империализма обрекает на ничтожество более могущественные парламенты, чем австрийский. Всеобщее избирательное право оказалось бес-

сильно изменить этот закон. Милитаризм врезывался в живое тело разноплеменного населения монархии, но отпор еще многочисленных ее крестьянских и мелкобуржуазных масс нейтрализовался без результата в смуте национальных столкновений. Министры по произволу созывали парламент и по произволу рассылали депутатов по домам.

Только непримиримая, революционная, наступательная политика могла спаять во-едино разноплеменный австро-венгерский пролетариат, оберечь его от заражения провинциализмом и национализмом, и вместе с тем поставить монархию в более урегулированную, „конституционную“ связь с имущими классами. Но „австрийский“ метод выжидательных полумер, закулисных ходов, полного заместительства масс стратегами-вождями успел уже превратиться в окостеневшую традицию и, вместе с тем, развернул все свои деморализующие черты.

Вокруг Виктора Адлера, первой и самой большой жертвы собственного метода, сгруппировались посредственности, политики передней, рутинеры и карьеристы, которым не было надобности, подобно их вождю, проделывать в изнуряющей сутолоке австрийской политики путь от революционной концепции к полному скептицизму, чтобы оставаться заклятыми врагами всякой революционной инициативы и массового действия. Жалкая прострация официальных верхов австрийского социализма раскрылась в начале войны, как необузданный сервилизм перед австро-венгерским государством.

В обширном „Манифесте австрийских интернационалистов“, опубликованном вскоре после Циммервальдской конференции в социалистической печати, дана исчерпывающая характеристика внутреннего режима монархии и еще более убийственная характеристика режима австрийской социал-демократии. Автором этого манифеста, выставившего требование, чтобы социалистическая партия, независимо от хода войны, оставалась и действовала; как „*постоянная армия социальной революции*“, был Фриц Адлер, ставший во главе социалистической оппозиции.

Если молодое поколение австрийских марксистов не вело до войны никакой самостоятельной политики, предоставляя эту область Адлеру-отцу, то теперь, в момент величайшего испытания, чувство политической ответственности с величественной силой поднялось в груди Адлера-сына. Он не жил, а горел. Кон-

фликт двух поколений в социализме получил на австрийской почве потрясающее по своему драматизму выражение. В Германии Бебеля уже нет. Его место заняли дюжинные партийные бюрократы. Во Франции нет Жореса. Второстепенные эпигоны руководят социал - патриотическим разложением социализма. В Австрии на охране официальной социал - патриотической политики все еще стоит Виктор Адлер, воплощение всей истории австрийской социал - демократии. Тем труднее, тем драматичнее была задача сына. На верхах партии он встречал снисходительно - враждебный отпор самодовольных парламентариев без парламента, журналистов, отписывающихся от событий между завтраком и обедом, мелких карьеристов или, в лучшем случае, органических националистов. Безразличие филистеров, которые ничего не берут всерьез, должно было тем сильнее наполнять его душу гневом, чем ограниченнее были возможности прямой апелляции к массам. Телеграммы передают, что на недавнем совещании руководящих элементов партии Фриц Адлер требовал решительных действий. „Мы должны повсюду организовать манифестации, — воскликнул он, — иначе народ возложит ответственность за войну на вождей социализма“. Ему отвечали пожиманием плеч. Эти люди ничего не брали всерьез. Но он, Фриц, брал всерьез свой социалистический долг. Он решил изо всех своих сил крикнуть пролетарским массам, что путь социал - патриотизма есть путь рабства и духовной смерти. Он избрал для этого тот способ, какой казался ему наиболее действительным. Как героический стрелочник на железнодорожном полотне, который вскрывает себе вену и сигнализирует об опасности смоченным собственной кровью платком, Фриц Адлер превратил себя самого, свою жизнь в сигнальную бомбу пред лицом обманутых и обескровленных рабочих масс...

Значит, еще бьется сердце этого несчастного человечества, если среди его сынов находятся такие рыцари долга!

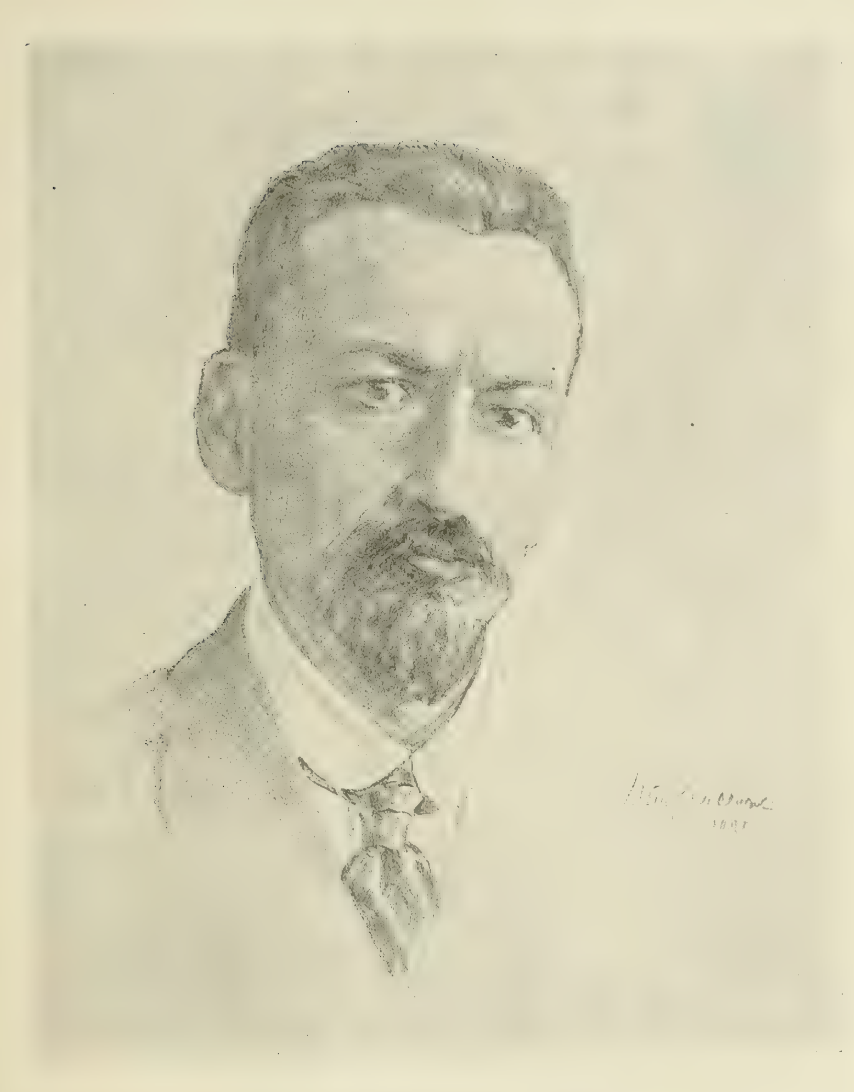
„Начало“ 25 октября 1916 г.

Послесловие. В момент убийства Штюргка и ожидания казни Адлера статья воздерживалась от тактической оценки. Противопоставление отца и сына осталось поэтому не полно. Их обоих по существу объединяло скептическое отношение к революционной способности масс. Адлер - отец, который тоже начинал рево-

люционно, старался непосредственные действия пролетариата заменять соглашательскими комбинациями вождя. Адлер-сын ухватился в момент величайшего отчаяния за револьвер террориста. Но это было действием героического скептика. После войны и выхода из тюрьмы, лицом к лицу с революцией, Фридрих Адлер обнаружил, что он не революционер и не вождь, каких требует наше время. Он использовал свой авторитет террориста, чтобы играть роль тормоза в революции пролетариата. Тому же назначению служит он в качестве наиболее официального из представителей Двух-с-половиного Интернационала.

1 мая 1922 г.

XIII. Травля Раковского.



А. А. ДИВИЛЬКОВСКИЙ

Сытинский „малый“ о Раковском.

В огромной идеологической службе тыла главным орудием является бесспорно клевета. Кажется, вполне достаточно люди лгут и клевещут в мирное время. Но то, что мы наблюдаем с начала войны, имеет такой вид, как будто бы руководящие верхи общества, по меньшей мере, семь лет подвергали себя нравственному посту, и теперь, когда Марс их узы разрешил, сладострастно стремятся излить все накопившиеся в них за этот срок нравственные „отложения“. Если будущий историк культуры с ужасом будет писать о нынешней бессмысленной бойне, то с каким же омерзением, с каким стыдом за отцов своих станет он писать о работе так называемых ответственных депутатов, дипломатов и услужающих журналистов!

Что большая русская пресса займет в этой главе позора подобающее великой державе место, сомневаться в этом было бы ложной национальной скромностью. А в эту большую русскую прессу г. Амфитеатров изо всех сил тщится внести возможно более серьезный вклад, счастливо сочетая навыки суворинца с репутацией бывшего „красного“ человека. Еще совсем недавно Амфитеатров писал историю известных помещиков Обмановых (Романовых), сплошь женатых на немках, а ныне доискивается, не женаты ли на немках те итальянские политики, которые не желают брататься с русским помещиком Обмановым. Еще вчера его, вольноотпущенного нововременского жидоеда, назойливо каявшегося в грехах, обвиняли в том, что он продался евреям; а сейчас он сам ищет мотивов поведения итальянских интернационалистов в том, что они продались немцам.

Раковский приехал из Румынии в Италию, как социалист к социалистам, — бороться за невмешательство в войну Румынии и Италии. Но для чего же снаряжен Амфитеатров сытинской фирмой в Рим, как не для того, чтобы оболгать и оклеветать Раковского! Конечно, сейчас на всем свете свирепствует по поводу „освободительной“ войны злейшая цензура. Она сует свой

нос в типографские гранки, она заглядывает в частные письма, она приложила свое ухо к телеграфной проволоке. Но разве же империалистская цензура существовала когда-нибудь для того, чтобы охранять честных людей от клеветников? За Обмановых Амфитеатров вылетел в Вологду, красные вирши свои писал в эмигрантстве, а лгать на Раковского — сделайте милость — цензура, расступись!

Раковский-де приезжал в Рим, „со своего рода официальной миссией". От кого? С официальной миссией — значит, от правительства? Но Амфитеатров знает, что это — вздор, и прибавляет, что в этом „нужно сомневаться". Почему? „Не такой это тип, чтобы на него возложили официальную миссию". Не потому, значит, нет миссии, что Раковский не взял бы ее, а потому, что Раковский — это „тип", да такой тип, на которого не возложили бы официальной миссии. Но все же, раз нет возможности говорить об официальной миссии, значит, нет и фундамента для клеветы. Амфитеатровых этим не смутишь. Повертевшись вокруг да около, он кончает свою корреспонденцию сообщением, со слов других клеветников, что „Раковский — подставное (?) лицо, присланное в Италию (кем?) для германофильской пропаганды..."

Но ведь Раковский не такой тип, чтоб его посылать? Не такой, но все же „подставной". „Нужно сомневаться", но, тем не менее, прислали. А если все-таки не прислали, то потому, что „не такой тип". Клевещет и озирается, лжет и поджимает хвост, ожидая последствий.

Что за „тип" Раковский, известно Интернационалу. Это человек, который два десятилетия стоит под революционным знаменем, который теснейшими узами связан с русским, французским, болгарским и румынским социализмом, который свои выдающиеся силы и — позволим себе сказать и это! — свои средства отдает делу освобождения пролетариата. К Раковскому липкая амфитеатровщина не пристанет.

А с Амфитеатрова взятки-гладки: сытинский „малый" по итальянским делам — это такой „тип", на которого можно без опаски возлагать всякие поручения.

„Н. С.", 17 апреля, 1915 г.

Клеветникам!

С естественным чувством брезгливости и с явным риском оскорбить чувство брезгливости многих наших читателей печатаем мы новое „заявление“ Г. Алексинского по поводу Раковского. Редакция политического органа при решении вопроса о судьбе такого рода „человеческих документов“ вынуждена руководствоваться не только их внутренними свойствами, но и их симптоматическим общественным значением. Этот последний критерий заставил нас недели две тому назад, не без насилия над собою, заняться темными инсинуациями темного человека Бек-Аллаева. A chaque seigneur son honneur! Алексинскому не должно быть отказано в том, в получении чего расписался его предтеча.

Г. Алексинский называет свое произведение „заявлением“. Между тем, он ничего не „заявляет“. Он не устанавливает каких-нибудь фактов, не дает каких-либо показаний по поводу того вопроса, которому была посвящена наша статья: низкопробной инсинуации Амфитеатрова о т. Раковском. Внешним образом как бы обходя существо вопроса, Г. Алексинский тем назойливее копошится в таких обстоятельствах, которые, на первый взгляд, не могут не показаться совершенно безразличными. Так, он оспаривает наше утверждение, что Раковский „теснейшими узами связан с русским социализмом“. Он отрицает далее „материальное участие Раковского в русском социализме“, хотя, заметим мимоходом, о таком участии мы в нашей статье не говорили ни слова. Наконец, он считает невозможным оставить на „русских социалистических партиях“ (поставив себя вне одной из них, Алексинский говорит теперь от имени обеих) „хоть тень ответственности за итальянскую „миссию“ Раковского“. Так бродит он вокруг да около существа дела, умудряясь на протяжении нескольких десятков строк зацепить десяток вопросов тоном человека, который, если б только захотел, мог бы сказать гораздо больше, чем говорит его письмо.

Алексинский тщится разрушить представление „о какой-то особой близости Раковского к русским социалистическим партиям“. Напрасные усилия! Раковский был и останется одним из *первых* русских социал-демократов. Он ближайшим образом примыкал к Группе Освобождения Труда и являлся пропагандистом

ее воззрений среди русской и болгарской учащейся молодежи. В девяностых годах он жил в Петербурге в качестве марксистского литератора, в постоянной связи с активными социал-демократами, и, как иностранец, был выслан правительством из России. В предреволюционные годы он принимал деятельное участие в Заграничной Лиге нашей партии, сотрудичал в „Искре", поддерживал ее материально и в ряде рефератов вел борьбу против народнических и террористических тенденций в русском социализме. В эпоху русской революции жил всецело ее интересами, оказывал постоянную поддержку эмигрантам, вел кампанию в пользу потемкинцев, высадившихся в Румынии, оставался сотрудником ряда русских социал-демократических изданий, поддерживал „Голос Социал-Демократа", „Правду" и легальную рабочую печать. Вместе с авторитетнейшим марксистским теоретиком в Румынии, старым русским эмигрантом Доброджану-Гереа, Раковский живет и сейчас в постоянном и деятельном общении со многими работниками социал-демократического движения в России. Оба они, Гереа и Раковский, стали лучшими друзьями „Голоса" и „Нашего Слова", как только познакомились с этими изданиями, оба проявляют свое сочувствие нашей газете в материальной поддержке, и напечатанное в „Голосе" письмо Раковского явилось драгоценным для нас выражением незатемненной кровавым безумием солидарности интернационалистов. Алексинский принадлежит к тем немалочисленным элементам, которых прибило к социал-демократическому берегу революционной волной 1905 г. и которых теперь патриотическая волна вернула снова на тот берег, которому они принадлежат по праву. Этому прохожему в социал-демократии меньше всего пристало расценивать степень близости Раковского к русскому социализму и „снимать" с нашей партии ответственность за те или другие ее интернациональные связи. Но и за вычетом этого остается во всей силе вопрос: для чего понадобилось Алексинскому отрицать факты, о которых он, в лучшем для него случае, не имеет понятия? Для чего понадобилось ему все его „заявление"? Для того, чтоб из фактических перестановок создать, путем обиняков лишнюю опору для все той же цели: низкопробной „патриотической" клеветы.

Что это за итальянская „миссия" Раковского? Почему об этой миссии, по поводу которой лгали все прохвосты французской

и русской реакционной печати, Алексинский говорит не иначе, как в ковычках? Почему предполагает необходимым для русского социализма отгораживаться от нее и даже от ее „тени“? Ездил ли Раковский, как представитель румынского социализма, к итальянским социалистам, борясь, в соответствии с решениями всех интернациональных социалистических конгрессов, против вмешательства новых стран в войну, — или же он ездил, как австро-немецкий агент, во исполнение „миссии“, данной ему германской дипломатией? Почему Алексинский прямо и открыто не ставит своего имени под этой второй версией, пущенной в оборот агентами дипломатии тройственного согласия? Почему не говорит прямо, не называет вещей своими именами? Потому что по этому центральному вопросу ему нечего сказать. Потому что для его „Заявления“ у него в распоряжении нет ничего, кроме чернильницы и клеветнической похотливости. Он явно спекулирует на то, что от клеветы Дрюмонов, Додэ, Ласкиных и Амфитеатровых должно же было что-нибудь остаться в сознании читательской толпы. Он сам от себя ничего не утверждает, только берет „миссию“ в ковычки. Он только снимает „ответственность“ — он, Алексинский! — с русской социал-демократии. И тут же, забегав глазами, поднимает вопрос о материальной поддержке, которую Раковский будто бы „теперь“ начал оказывать „Нашему Слову“, — теперь, т.-е. в период своей итальянской миссии, той самой, о которой нужно говорить в ковычках. Алексинский очень хорошо понимает, что читатель из его слов должен сделать вывод, что те двести пятьдесят франков, которые мы, в общем, получили от наших румынских друзей, исходят из берлинского казначейства. И именно для этого ему понадобился подход насчет внезапного будто бы сближения Раковского с русской социал-демократией. Прочитайте соответственные строки его письма: два чувства водили рукой автора — бесстыдство и трусость! Этот самый „метод“ мы видели у нововременского классика Амфитеатрова. Характеристику его мы можем поэтому без всяких ограничений перенести на эпигона из социалистических перебежчиков: „лжет и озирается, клевещет и поджимает хвост, ожидая последствий“.

Сбросив с себя всякие идейные покровы, в конец деморализованный своим скачком от Маркса к Марсу, от революции к милитаристическому патриотизму, униженно злобствуя против

всех, кто остался на честной социалистической позиции, Алексинский в инсинуации, в кляузе, в клевете, состряпанной из полуутверждений и полувопросов, сопоставлений и намеков, ищет средства поддержать в себе последние остатки политического самоуважения. А так как он не один, так как „патриотическое“ завершение контр-революционного распада происходит ныне в широких кругах русской интеллигенции, то его кляуза находит сочувственный резонанс, становится почти знаменем и налагает последний штрих на эту проклятую эпоху. И вот почему — и только поэтому — мы печатаем письмо Г. Алексинского. В том глубоком и по своим последствиям плодотворном размежевании, которое идет сейчас по всей линии между революционным социализмом и патриотическим примирением с буржуазным обществом в эпоху его кровавой кульминации, — в этом процессе есть не только своя политическая логика, но и своя мораль. Капитулируя перед воинствующей буржуазной нацией, социалистические перебежчики морально разоружают себя и в борьбе за самоутверждение вынуждены хвататься за наиболее отравленное и бесчестное оружие наших классовых врагов. „Заявление“ Алексинского еще далеко не последнее слово на этом пути. И прежде всего — это не последнее слово самого Алексинского. С пути, на который он встал, нет возврата назад. От клеветы к унижению и от унижения к клевете он будет двигаться по предопределенной орбите, как отталкивающее доказательство того, что дело, которому он ныне служит, не только скверное, но и безнадежное дело.

„Н. С.“, 25 апреля 1915 г.

Комментарий к первомайской телеграмме т. Х. Раковского.

3-го мая я получил экстренное приглашение явиться в комиссариат на rue Délambre. После соответственных вопросов о личности и документах произошел следующий диалог:

— Вы знаете Раковского?

— Знаю.

— Он прислал телеграмму на ваш адрес. Это вам?

— Очевидно, мне.

Комиссар оглашает вслух приветственную телеграмму, слегка запинаясь перед последним словом: „революционный“. Затем продолжает:

— Эта телеграмма не имеет, по-моему, никакого значения.

— Позвольте мне остаться на этот счет при особом мнении.

— Я хочу сказать, что от этой телеграммы никому ни тепло, ни холодно.

— В таком случае, зачем вы меня вызвали?

— Простите, чтоб удостовериться...

— В чем?

— В том, что телеграмма эта именно вам.

Мне предложили расписаться в получении телеграммы от Раковского, „предназначенной для меня“.

На этом пока инцидент закончился. Он, во всяком случае, свидетельствует, что патриотическая деятельность Амфитеатровых, Ласкиных, Алексинских и Дрюмонов вокруг имени Раковского находит сочувственный отклик в полицейских участках Парижа.

„Н. С.“, 5 мая 1915 г.

Раковский о русских социал-патриотах.

В предисловии к новому изданию своей французской брошюры „Социалисты и война“ (это предисловие мы имеем в рукописи) тов. Раковский возражает, между прочим, русским социал-патриотам, занимающимся бессильными, но оттого не менее постыдными попытками побудить „нейтральных“ социалистов толкать свои правительства и народы на путь войны. Сейчас, когда Болгария перешла на положение вооруженного нейтралитета, чтобы не сегодня-завтра вмешаться в войну — правда, в том направлении, которое рекомендовали Зюдекум и Парвус, а не Плеханов,—соображения Раковского получают особенно злободневный интерес. Мы приведем эту часть предисловия целиком:

„Т. Плеханов обвиняет нас, социалистов нейтральных стран — и он имеет при этом, разумеется, в виду преимущественно социалистов тех балканских стран, вмешательство которых в войну составляет предмет обычных дискуссий, — он обвиняет нас в эгоизме, вследствие нашего нежелания примкнуть к той агитации в пользу войны, „в защиту Бельгии“, на стороне держав Со-

гласия, какую у нас, на Балканах, ведут руссофильские партии. Такого рода эгоизм, продолжает Плеханов, несовместим с исповеданием международной солидарности рабочих. Если я остаюсь нейтральным, рассуждает Плеханов, когда один человек душит другого, я рискую быть обвиненным в солидарности с убийцей, во всяком случае, в отсутствии солидарности с жертвой.

Группа русских социал-демократов, разделяющих мнения Плеханова, вынесла резолюцию, в которой мы подвергаемся еще более решительному осуждению [1]). Социалисты нейтральных стран, проповедующие сохранение нейтралитета, объявляются запросто соучастниками своих правительств, которые стремятся „использовать нейтралитет в эгоистических интересах господствующих классов". „Слабость пролетарского контроля, — гласит далее резолюция об этих странах со слабым еще пролетариатом,— ведет к тому, что политика нейтралитета практикуется на словах, а на деле превращается в возмутительное торгашество и под либеральными фразами, убаюкивающими пролетариат, скрывает самое бессердечное хищничество".

Прежде всего пусть авторы этой резолюции соблаговолят не сомневаться в том, что пролетариат балканских стран — Румынии, Болгарии и Греции—строго различает нейтралитет своих правительств и тот нейтралитет, который проповедуется социалистическими партиями. Они различаются даже и в наименовании: правительственный нейтралитет называют выжидательным, тогда как социалистический является принципиальным и окончательным. Первый связан с торгашеством и заключает в себе заранее перспективу вмешательства в войну. Второй исключает и то и другое.

---

[1]) Эта резолюция вынесена от имени представителей заграничных соц.-дем. групп „партийцев". Указание на „заграницу" как нельзя более уместно в виду полной безуспешности всех попыток толкнуть петроградскую Объединенную Группу, одну из наиболее активных интернационалистских группировок в России, на путь „защиты Бельгии" на стороне держав Согласия. Но как обстоит дело с заграничными группами партийцев? В печатном извещении не указано, какие именно группы принимали участие в выработке этой поистине-скандальной резолюции. Эта анонимность выбрана не случайно. Совещание состояло, повидимому, из отдельных „партийцев", представлявших только свой собственный разрыв с социал-демократической партией. Значительная часть партийцев, в том числе фактическое ядро большевиков-партийцев за границей, стоит на позиции интернационализма и в большинстве своем группируется вокруг „Нашего Слова".

Но если наши правительства, оставаясь нейтральными, преследуют политику возмутительного торгашества и бессердечного хищничества (а это несомненно так!), то не станет ли еще хуже, если они вмешаются в войну? Или же война обладает таинственной силой — пусть нам это скажут — превращать буржуазные правительства, торгашеские и хищные, в образцы альтруизма и бескорыстия?

Как угодно, но мы, продолжающие думать, что целью всякого буржуазного правительства является увеличить поле капиталистической эксплоатации, не можем проникнуться военно-нравственным оптимизмом социал-патриотов.

Что касается замечания Плеханова насчет эгоизма социалистов нейтральных стран, которые остаются „безразличными“ по отношению к судьбе Бельгии, то это замечание имело бы оправдание, если бы армии находились в руках социалистов. К несчастью, не мы, социалисты, призваны сейчас спасать Бельгию, но наши имущие классы и наши правительства. Мы же приглашены только поставить себя в их распоряжение, стать их инструментом.

Мы готовы защищать Бельгию против немецкого насилия, но нашими социалистическими средствами. Бесспорно, что эти средства не могут обеспечить нам немедленный результат. Но разве же это единственный случай, где нам приходится констатировать недостаточность нашей силы? Это, во всяком случае, не довод в пользу того, чтоб ослаблять себя, предоставляя часть своих сил в распоряжение правящих.

А с другой стороны, я позволю себе спросить Плеханова, уверен ли он в действительной спасительности средств буржуазии? Уверен ли он, что спасители Бельгии не понесут, по пути к своей цели, ту же самую участь другим народам? В то самое время, когда Плеханов приглашает нас спасать Бельгию, другие кричат нам, что мы не имеем права пассивно допускать задушение Галиции или позволять России стать хозяйкой над всеми народами Турции. Как быть? Впрочем, ведь Плеханов верит в „освободительную“ войну. Мы же не забыли того, чему нас раньше учил Плеханов, и этой легенде не верим“.

* * *

„Нам делают еще одно возражение, — говорит Раковский в цитированном уже нами по рукописи предисловии ко второму изданию своей брошюры. — Это возражение адресуется особенно к сербским товарищам, мужественное социалистическое поведение которых, в парламенте и вне парламента, совершенно обмануло ожидания социал-патриотов четверного Согласия, которые хотят быть более сербами, чем сами сербы. Пытаются открыть противоречие между поведением сербских социалистов, которые в своей стране отказываются поддерживать правительство во время войны, отказывают ему в кредитах на оборону страны, а с другой стороны — обращаются в Софию и Бухарест, на рабочие митинги и общебалканскую конференцию, выдвигая требование республиканской федерации Балкан, как средства обороны против завоевательной политики великих держав.

Представлять цель балканской республиканской федерации таким односторонним образом значит сужать ее. Наши соображения иного порядка, они вытекают из потребностей классовой борьбы пролетариата. Но если даже взглянуть на дело только под углом зрения защиты независимости балканских народов, и тогда в отстаивании сербскими и другими балканскими социалистами идей общебалканской федерации нет никакого противоречия со всем их поведением. Средствам балканских правительств, недействительным и направленным, в сущности, на другие цели, социалисты противоставляют свои средства защиты независимости и свободы балканских стран. Разве же социалисты отказываются защищать права и свободы, необходимые пролетариату? Разумеется, нет. Но они хотят это делать теми средствами, какие сродны им, и федеративная балканская республика, осуществление которой означало бы победу над воинственным национализмом каждой из балканских стран, тем самым становится знаменем классовой борьбы балканского пролетариата“.

В том же предисловии Раковский, на основании опыта балканских народов, категорически отрицает возможность и допустимость ставить политику пролетариата по отношению к войне в зависимость от различения между „наступательными“ и „оборонительными“ войнами.

„Если бы социалистическая партия, — говорит он, — была своего рода исправительным судом, который применяет старую систему наказаний, не преследующую иной цели, кроме репрессий, мы

могли бы, вместе с социал-патриотами, удовлетвориться изысканием непосредственных „виновников“ войны. Но социалистический пролетариат ставит своей целью не кару, не удовлетворение чувства гнева, хотя бы и более или менее законного, но предупреждение войн в будущем. Между тем, та тактика, которая стремится сосредоточить ответственность за войну на том или другом иностранном правительстве, только укрепляет собственный империализм в его завоевательных планах и увековечивает войны...

„Мы в Румынии также употребляли ранее эту терминологию: наступательная и оборонительная война, но события нашей собственной истории показали нам, что это различие сохранило чисто схоластический характер.

„Так, если бы Болгария объявила Румынии войну, чтобы отобрать провинцию, которую Румыния захватила в 1913 г., было ли бы это со стороны Болгарии наступательной или оборонительной войной? Или если бы Турция начала войну, чтобы отобрать Фракию и Македонию? Можно ли назвать такие войны оборонительными? С другой стороны, если мы эти войны назовем завоевательными, то тем самым признаем, что известные захваты, совершенно произвольные и насильственные, немедленно становятся законными, как только скрепляются дипломатическими актами. Другими словами, мы признаем, будто международные дипломатические конференции являются верховным источником права наций на существование. Разве это не абсурд с социалистической точки зрения?“

Какую жалкую, поистине трагикомическую роль, — прибавим мы от себя, — вынужден был бы играть именно балканский социализм, если бы в неизбежной, повидимому, свалке балканских правительств и армий он вздумал применять критерий наступательных и оборонительных, справедливых и несправедливых войн. К счастью для себя и Интернационала, наши балканские товарищи вооружены более надежными критериями!

„Н. С.“, 30 сент. и 5 октября 1915 года.

Христю Раковский и румынское правительство.

Мы уже сообщали об аресте тов. Раковского, которого наши читатели знают не только, как революционного вождя румынского пролетариата, но и как одного из ближайших сотрудников и друзей „Нашего Слова" с первых дней существования газеты. Сегодняшние телеграммы сообщают, что он „условно" освобожден, а кое-кто из галацких властей, руководивших расстрелом рабочих-стачечников, даже смещен.

Раковский еще задолго до этой войны сумел сосредоточить на себе ненависть всей правящей Румынии. Если поверхностно отполированных бандитов, которые правят судьбами этой несчастной страны, в прежние времена могла бы остановить забота о так называемом общественном мнении Европы, то теперь, во время „великой", „освободительной", „справедливой" разбойничьей резни, о такой сантиментальности не может быть, конечно, и речи. Если что могло на этот раз парализовать размах палаческой руки, так это опасения осложнений со стороны румынских рабочих. Несмотря на слабость развития румынской промышленности, молодой, энергичный пролетариат, выдвинувший из собственной среды таких даровитых вождей, как Кристеску, Фриму, Маринеску и др., играет крупную роль в этой стране темных крестьянских масс и засилья паразитических боярских и чокойских клик.

Если „либеральное" министерство Братиану, не решив, кому продаться, и занимая выжидательную нейтральную позицию, терпело еще до поры до времени антимилитаристскую агитацию социалистов, видя в ней до известной степени противовес работе наемных антантовских пропагандистов за вмешательство Румынии в войну, то чем дальше, тем больше социалистическая агитация, ведшаяся со смелым революционным размахом, становилась стеснительной и опасной для румынской олигархии. Наступление русских войск и занятие ими Буковины, совершенное главным образом в целях давления на Румынию, снова создавали критическое положение для министерства Братиану и побуждали его освободить себе руки для всяких возможностей. Попытка связать такого опасного врага, как Раковский, и задушить социалистов-рабочих напрашивалась сама собою, а стачка в Галаце,

приведшая к кровавому конфликту, создавала для этого благоприятный повод. Раковского арестовали. Эту меру правительство сейчас же дополнило запрещением уличных манифестаций. Затем правящая клика отступила. Раковский ныне освобожден „условно“. Это очень предусмотрительно. Можно не сомневаться, что употребление, какое судебные наемники Бухареста или Галаца сделают из этой „условности“, будет тем суровее, чем более правящая Румыния будет склоняться к кровавому вмешательству в события.

В лице румынской партии и ее вождя Раковского мы имеем перед собой подлинную политику *революционного* Интернационала. С внешней стороны может показаться, что тактика Раковского принципиально не отличается от тактики Брантинга в Швеции или Трельстра в Голландии: те тоже, как известно, отстаивают „нейтралитет“ своих стран. Но сходство тут чисто формальное: позиция Брантинга и Трельстра имеет национально-государственный, а не революционно-классовый характер. Они защищают и будут защищать нейтралитет „разумными“, „мирными“, „лойяльными“ мерами, которые не создают международных затруднений их правительствам. В тот момент, когда Швеция или Голландия окажутся накануне вмешательства в войну, — силою ли обстоятельств или волею буржуазных классов, — Брантинг и Трельстра сложат свое мнимо-оппозиционное оружие у ног буржуазии и станут под знамя „национальной обороны“. Вполне естественно, если их правительства поспешат закрепить эту открытую капитуляцию включением социалистов в свой состав. Другими словами: чем ближе вмешательство нейтральных стран в войну, тем ближе „нейтралисты“ Брантинги к министерскому портфелю, а Раковские — к тюрьме. Это „практическое“ различие достаточно ярко характеризует разницу двух тактик.

„Н. С.“, 4 июля 1916 г.

XIV. В мире мерзости и растления.

Время нынче таковское.

В прошлую субботу запрещен был уже назначенный реферат В. Чернова о „немецкой точке зрения на войну". Решили ли компетентные власти, что референт будет *защищать* немецкую точку зрения, а не *излагать и критиковать* ее? Мы этого не знаем. Во всяком случае, референт не успел еще обнаружить злой воли ни по отношению к „священному единению", ни даже по отношению к русским аппетитам на Константинополь: удар обрушился на него, так сказать, в порядке административного предчувствия.

Было бы, однако, ошибочно думать, будто это питается только от мистических корней. Нимало. В бульварной газетке „Новости" появилась после реферата Л. Троцкого заметка, автор которой — он разумеется подписался „Иксом" — очень беспокоился, чего это смотрит начальство. Реферат Луначарского его очень огорчил. Реферат Троцкого тоже не доставил ему удовольствия. А впереди еще Чернов, Покровский, Лазаркевич. Что это такое за общество инженеров, которое приглашает в референты „пангерманистов"? Критическое домино из „Новостей" так и писало: „пангерманисты". Слово крепкое, надежное и весьма способное вызывать административные предчувствия.

Время теперь таковское. Русские люди, негодовавшие на лево-бережных референтов, водились в Париже всегда. Но до войны они были почти бессильны. Опровергать публично революционеров они, в виду своей предопределенной бессловесности, не решались. Зажимать рот — руки оказывались коротки. Оставалось отравляться собственной желчью. Нынче гораздо просторнее. „Господин ажан, в третьем этаже окошко светится, подозреваю "пангерманиста"... Этот самый метод применен и в газете „Новости". Неизвестный джентльмен надел домино, написал на собственном лбу: патриот трех союзных отечеств Икс и „литературно" доложил: „Так — что в обществе инженеров окошко светится. Надо бы, ваше-скородие, потушить, время нынче тревожное". — А в каком смысле светится? — „Известно, в

в каком: пангерманисты, ващс-скородие, и к тому же у их брушура".

Для полноты стиля нашлась действительно и „брушура". Патриот трех союзных отечеств (не считая Бельгии, Сербии, Черногории и Японии) сослался для округления дела на немецкую брошюру автора этих строк. Если у Чернова — „немецкая точка зрения", то у Троцкого — „немецкая брошюра". Правда, в Германии эта брошюра под запретом; правда, тамошний патриот своего отечества — и не Иксу чета — Вольфганг Гейне в это самое время приглашает через „Socialistische Monatshefte" своих ажанов принять меры к тому, чтобы эта самая брошюра не распространялась из Швейцарии; правда, в Штутгарте за нахождение брошюры полиция составила протокол; правда, „Chemnitzer Volkstimme"... Но ведь не помешало же это французской таможне сгоряча конфисковать посылку брошюры — comme étant d'origine allemande, как книгу немецкого происхождения. Время нынче таковское.

Незачем говорить, что одним из главных центров патриотической бдительности в Париже является окошко „Нашего Слова". Сколько раз во время работы приходится наблюдать, как патриотический нос совершенно сплющивается о наше оконное стекло. И не станем зарекаться: в нашем окошке действительно светится подозрительный свет. Пишутся и набираются статьи, в которых нет ни оплевания немецкого народа, ни отречения от немецкой культуры, в которых обличаются ложь и реакция независимо от национальных и государственных границ. Что из того, что мы, в качестве революционных социалистов, являемся непримиримыми противниками германского империализма? Но ведь мы не за Сирию и не за Константинополь. Но ведь мы не с Ллойд-Джорджем и не с Плехановым. Но ведь жрать немца — все равно, под каким соусом: истинно-русским, республиканским или „социалстическим" — мы не отказываемся наотрез. Ясное дело: пангерманисты!

Правда, мы первые обличили попытки кое-каких „революционных" авантюристов России связать свое дело с делом германского, австрийского или турецкого штабов. Правда, мы сами связаны нерасторжимым братством по оружию с Либкнехтом, Р. Люксембург, Мерингом, со смертельными врагами всего того, что называют „пангерманизмом". Но разве это меняет дело? Раз

мы — не с Горемыкиным и даже не с Эрве, стало быть, мы с Бетманом-Гольвегом. Разве нынче люди могут жить, не приписавшись к какому-нибудь штабу? Время нынче таковское.

Инсинуации насчет нашего пангерманизма — иначе, как идиотскими их, по чистой совести, назвать нельзя — переливают всеми оттенками: от „духовных“ уподоблений и до намеков на немецкие деньги. Да, на немецкие деньги. Почти с самого возникновения газеты эта трусливо-подлая, неуловимо-бесформенная клевета вьется вокруг нашего издания. Она ползет откуда-то (откуда бы?) по министерским подворотням, забирается в кулуары палаты депутатов, в кое-какие редакции, временно исчезает и снова появляется. И мы до сих пор лишены были возможности наступить ей на хвост.

Только вчера некий А. бек-Аллаев, рекомендующий себя „настоящим русским человеком“, прислал нам в редакцию грозное письмо, в котором не только выражает свое крайнее неодобрение нашей оценке взятия Пржемышля, но и приводит наши стратегические соображения в связь с немецкими деньгами.

„Если бы вы, господа, побывали бы, — пишет „настоящий русский человек“ на не совсем русском языке, — на передовых позициях и увидели бы, как бьется русский солдат, то у вас, я уверен, не хватило бы столько нахальства писать о том, что обладание Перемышлем не дает русским особенных стратегических выгод. Как это глупо, если бы вы только знали, милостивый государь, господин еврейский Редактор!“ — и г. бек-Аллаев свидетельствует по этому поводу о своей „полной уверенности, что газета издается на германские деньги“. Несколько далее он перефразирует ту же мысль, ослабляя ее: „Если вы будете продолжать в таком духе, то придется признать, что деньги немцев способны подкупить даже и гнусных трусов“. Мы, конечно, не собираемся вступать с г. Аллаевым в стратегические прения. Не будем также останавливаться на том, что возмутившая г. Аллаева „еврейская“ статья написана лицом, носящим более русскую фамилию, чем обличитель, и притом бывшим офицером русской службы. Суть дела не в этом, а в том, что г. Аллаев сообщает свой адрес. Правда, это не передовые позиции, где „бьется русский солдат“, а всего только rue de l'Orangerie, 2, Villemomble, Seine. Но мы готовы довольствоваться и малым. При одном, впрочем, условии: если г. бек-Аллаев найдет в себе до-

статочно решимости заявить, что его слова насчет немецких денег надлежит понимать не „духовно" — это было бы уловкой, достойной лишь „жалких трусов" — а в том прямом и материальном смысле, какой только и может стать предметом разбирательства суда.

Ибо хоть время нынче и таковское, но уголовные кары за клевету еще не отменены. В случае, если г. бек-Аллаев действует не от себя, а по поручению, он может передать наше предложение пославшим его. Со своей стороны, мы отправляем г. Аллаеву настоящий номер заказным письмом с оплаченной обратной распиской. Таким образом, независимо от дальнейших последствий, на г. Аллаева выпадет не совсем предвиденная им честь „расписаться в получении" — за всех клеветников.

„Н. С.", 1 апреля 1915 г.

Были и остаемся красными.

Паника среди русской и особенно русско-еврейской эмиграции в Париже еще не улеглась, хотя совершенно очевидно, что мер массовой репрессии по отношению к „нежелательным иностранцам" сейчас ждать нет никакого основания. И „Temps", и „Guerre Sociale", и „Humanité" откровенно разъяснили, что у Франции нет никакого интереса раздражать богатое американское еврейство такими мероприятиями, которые в лучшем случае могут увеличить кадры „волонтеров" (волонтеров из-под палки) на несколько сот человек. Эрве, со свойственной ему тонкостью, намекнул еще и на нынешний внутренний заем, для которого привлечение еврейских сбережений так же необходимо, как и всяких иных. Словом, по компетентному разъяснению одного правого и двух левых официозов, правительство республики не откажет в праве убежища еврейским рабочим и ремесленникам, чтобы не ссориться с еврейскими банкирами и рантье. Что люди, которые днем и ночью ведут борьбу „за право и справедливость", умеют сообразоваться со звонкой реальностью, в этом мы не сомневались никогда. Есть, однако, еще один довод в пользу сохранения за эмигрантами из России права убежища — довод, который служит, на наш взгляд, в настоящее время более

серьезной гарантией этого права, чем национальная связь между американскими банкирами и русско-еврейскими пролетариями: французские промышленники, и прежде всего военные поставщики, до последней степени нуждаются в рабочей силе, и они, конечно, не найдут более благодарного материала для эксплуатации, чем русско-еврейские рабочие, которых можно держать под постоянной угрозой высылки или заключения в концентрационные лагери. С этой точки зрения шум, который поднимается время от времени националистическим депутатом г. Галли, сохраняет все свое патриотическое значение, хотя бы видимая практическая цель и не была достигнута: пролетариям-эмигрантам напоминают, что они живут под богом „национального единства", и что от стачки до концентрационного лагеря гораздо короче, чем может казаться.

Если широкой массе эмигрантов нет, как сказано, никаких оснований собирать сейчас пожитки и второпях покидать пределы Франции, — а это все еще там и сям происходит, — то нельзя все же не признать, что „право убежища" вышло из последней передряги изрядно помятым: *из рядов всего национального блока не раздалось в пользу этого демократического права ни одного принципиального голоса.*

Густав Эрве, в государственной мудрости которого так счастливо сочетаются черты Фигаро и Тартарена, ограничил (пока что только в передовой статье) право республиканского убежища свидетельством о политической благонадежности. Те иностранцы (Эрве в данном случае говорит почему-то только об евреях), которые открыто стоят на точке зрения борьбы за мир, а не войны до конца, объявляются вывернувшимся наизнанку антимилитаристом „германофилами", и в качестве таковых принадлежат, по его указанию, высылке „в Швейцарию или Германию". Что идеология „национальной обороны" в конце концов неизбежно приводит к околоточным выводам, в этом мы никогда не сомневались. Редактор „Guerre Sociale" нас так же мало удивляет, как и—пугает.

Эрве, как известно, ведет свою духовную родословную от Декларации прав человека и гражданина; но он обнаруживает, как видим, трогательное духовное сродство с нашими отечественными социал-патриотами, воспитавшимися преимущественно под сенью Кузькиной матери. Наши Кифы Мокиевичи, Тяпкины-

Ляпкины и Загорецкие давно объявили революционный социализм германофильством, создав, таким образом, надлежащее идеологическое вступление к соответственным мероприятиям „союзной“ полиции, которая окажется несомненно более объединенной и единодушной, чем „союзная“ дипломатия.

Полицейское усердие Эрве — напомним на всякий случай, что он состоит членом центрального комитета Французской социалистической партии — не является плодом его индивидуального бесстыдства. Чем больше будет нагреваться почва под ногами у режиссеров, пророков и особенно у лакеев национального единства, тем чаще они будут свою всемирно-освободительную риторику заменять аргументами от городового. Совершенно естественно, если, идя по линии наименьшего сопротивления, они начинают с эмигрантов. Все сикофанты везде и всегда в затруднительных случаях искали прежде всего среди „нежелательных иностранцев“ виновников своих политических огорчений. Густав Эрве в данном случае только доблестно поддерживает традицию, которая восходит к полиции Меттерниха, слугам Людовика XVI и теряется в глубине веков.

С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что полицейские меры против тех иностранцев, которые без достаточного уважения относятся к программе г. Эрве, явились бы только первым шагом по пути репрессий против собственных революционных социалистов. Отсюда следует обратная теорема. Только возрождение социалистического движения в стране может создать действительную гарантию для права убежища, — такого, которое не котируется на бирже внешних и внутренних займов и не зависит от колебания настроений г. Эрве и его патронов.

Политические человечки из „Призыва“ пытались внушить перепуганной русской колонии ту мысль, что убежище можно лучше всего обеспечить за собою единением с „французской демократией“, — с какой? — с той самой, при которой политическим паспортистом состоит Эрве! Станьте все трехцветными, — такова эта постыдная мораль, — и вас немедленно полюбят. Эту мысль еще лучше выразил шекспировский тюремщик, который желал, чтоб у всего человечества был один образ мыслей и чтоб он был хорош. Разумеется, право определять, действительно ли образ мыслей хорош, тюремщик оставлял за собой. Если выполнение этой программы не обеспечило бы права убе-

жища, то разве только потому, что в нем не осталось бы никакой нужды.

Но как ни приблизило, казалось, „национальное единение“ политическую реальность к мечтам шекспировского тюремщика, все-таки у всего человечества, к чести его, не оказался один и тот же образ мыслей. Наряду с трехцветными и хамелеонами остались красные, и число их растет. Мы принадлежим к тем, которые не меняют окраски под влиянием окружающей среды. Мы были и остаемся красными. Именно поэтому и именно такими, как мы есть, мы требуем для себя права убежища. И мы ничего не обещаем взамен, кроме верности нашим убеждениям.

Угрозы Эрве, — повторим это, — нас не пугают, хотя мы ни на минуту не сомневаемся в том, что они в первую голову направлены по нашему адресу. Судьбу наших идей, нашей газеты и нашу личную судьбу мы неразрывно сочетаем с возрождением и ростом интернационального революционного социализма. Мы чувствуем себя теснейшими узами связанными с французской демократией — с той, подлинной, революционной, социалистической, которая завтра будет сильнее, чем сегодня. Мы относимся с глубоким уважением к ее прошлому и с полным доверием к ее будущему.

С верой в свое дело, с гордостью за свое знамя, с презрением к сикофантам —

мы были и остаемся красными!

„Н. С.“ 3 декабря 1915 г.

Чудеса, которые не снились мудрецам.

В № 254 нашей газеты напечатана была передовая статья, посвященная французскому займу. Вместо вступительной и заключительной частей статьи — два цензурных пятна среднего размера, как наиболее убедительное доказательство того, что всю остальную часть статьи цензура г.г. Бриана-Галлиени нашла совершенно безупречной. Статья начинается словами: „значительный успех займа можно считать обеспеченным и предрешенным“, и обосновывает это вполне утешительное для организаторов займа предвидение предпочтительной склонностью французской буржуазии к государственным бумагам с хорошим про-

центом. А что процент по займу хорош (5,73%), этого не только не отрицала французская пресса, но, наоборот, она-то именно и напирала с похвальной энергией на процент в своей патриотической агитации за заем.

10 декабря в черносотенной вечерней газете „Intransigeant" появилась заметка следующего содержания:

„Что это за журнал, называющийся „Наше Слово", редактируемый г. Дридзо, помещающийся на 19, rue Daguerre, издаваемый г. Гамбургом (58, Bel de Port-Royal) и пользующийся гостеприимством, которое мы оказываем союзникам, чтобы дискредитировать лицемерным образом национальный французский заем? Разве не достаточно с нас присматривать за нейтральными, и мы должны также контролировать некоторых из тех, кто претендует на звание наших друзей?"

Эта заметка, если говорить с той откровенностью, какая полагается между alliés (союзниками), достаточно глупа. „Intransigeant" напоминает нам, что мы пользуемся гостеприимством Франции. Неужели же отсюда для нас вытекает обязанность не понимать, что 5, 7% = 5,7%. Если б мы обладали способностью черное называть белым, а белое черным, мы не были бы вынуждены искать гостеприимства Республики. А если бы, в обмен за гостеприимство, от нас стали требовать усвоить себе точку зрения господ из „Intransigeant", пришлось бы спросить: чем же республика отличается от царизма? Впрочем, будем справедливы: даже у нас, в России, не требуют в подписке на заем усматривать одно только выражение патриотического бескорыстия.

Нам не хотелось бы слишком долго останавливаться на этой отнюдь не сложной стороне вопроса. Напомним, с какой настойчивостью газета „Éclair" повторяла: „Рента 1870 г. сразу поднялась после войны до 122, и это было после поражения!" „Oeuvre" не менее откровенно заявляла: „Заем 1915 г. даст победу и 5½ процентов". Если известному своим бескорыстием г. Густаву Тэри позволительно напоминать о процентах, то почему собственно должны о них забывать мы, „пользующиеся гостеприимством" Франции?

Мы назвали г. Тэри. Еще на-днях только, в самый разгар подписки на заем, этот журналист дал в своей газете довольно подробные сведения о тех суммах, какие французская пресса получила за свою агитацию в пользу займа. Несомненно, что

г. Тэри руководился в своем разоблачении побуждениями чистого патриотизма: иначе пришлось бы думать, что редактором новой газеты двигала жажда скандальной рекламы.

Но как бы ни обстояло дело с самим г. Тэри, остальная пресса, агитируя за заем, не только ссылалась на проценты, но, как видим, и сама не отказывалась от них. Исключение составила в среде парижской прессы, насколько мы знаем, „Humanité“. Что касается „Intransigeant“, то из статей г. Тэри вытекает, что эта газета отнюдь не уклонилась от кредитных символов государственной признательности за свою агитацию в пользу займа.

Les affaires sont les affaires.

Но мы считаем... невеликодушным со стороны „Intransigeant“, получающего по тарифу и сверх тарифа, требовать, чтобы мы везде и во всем видели одно только бескорыстие.

„Intransigeant“ может, правда, сказать что он во всей этой истории не при чем. Действительно, дословно приведенная нами выше заметка напечатана в газете г. Л. Бэйльби *в виде объявления*: десять строк мельчайшего шрифта между объявлениями о „Тир“, заменяющем масло, и заманчивым анонсом банка Жирон о „Займе Победы“. В этом двойном соседстве нельзя не видеть перста судьбы: между рекламой маргарина и объявлением банка Жирон распято „Наше Слово“ за отсутствие энтузиазма — пред лицом патриотического маргарина и биржевого бескорыстия.

Но раз нас распяли на правах объявления, следовательно, „Intransigeant“ за это заплочено. А если заплочено, то кем? „Вот в чем вопрос“ — как говаривал датский принц Гамлет. Мы могли ы на этот счет развить некоторые соображения и догадки, которые нам кажутся очень убедительными. Но мы воздержимся, так как только на-днях аналогичный наш опыт показался совершенно неубедительным г. цензору.

(Дальнейшие осторожные намеки на деликатную роль в этом деле тогдашнего царского посла Извольского были в знак тесной франко-русской дружбы вычеркнуты почтенным республиканским цензором.)

Наши размышления на этот счет, как и наши догадки о том, кто именно заплатил за объявление в „Intransigeant“, мы обещаем сообщить читателям на другой день после заключения мира.

И это весь поход против „Нашего Слова“?—спросит иной почти разочарованный читатель. Нет, не весь. Внимание к нам таинственных авторов объявления пошло дальше. Экземпляр „Intransigeant“ с приведенной выше заметкой был заботливой рукой доставлен консьержке того дома, в котором помещается наша типография — вряд ли с одной только целью расширить политический кругозор нашей домоправительницы. Почтенная женщина действительно обеспокоилась, узнав, что под ее кровом приютились люди, которые не верят не только в бога, но и в бескорыстие рантье, банкиров и капиталистических газетчиков.

И все? Нет, это не все. В некие высокие учреждения Республики внесен документ, который можно, пожалуй, назвать „жалобой“ на „Наше Слово“, как на орган, подрывающий финансы Франции. Кто внес этот документ? Не знаем, ничего не знаем. Есть ли связь между объявлениями в „Intransigeant“, тревогой консьержки и документом, который на этот раз назовем, для простоты, просто доносом? Зачем, читатель, предполагать связь и скрывающуюся за этой связью злую волю, когда можно ограничиться успокоительным предположением, что все объясняется совпадением... Скептик скажет, что это невероятно. Но мы призовем в свидетели уже потревоженную нами тень принца Гамлета: разве же он не объяснял своему другу Горацио, что много есть на свете чудесных „совпадений“, которые и не снились нашим мудрецам!

„Н. С.“, 18 декабря 1915 г.

История с моралью.

В маленьком мирке иностранных журналистов в Париже разыгрывается сейчас история, которая заслуживает нескольких минут внимания, потому что политическое и моральное богатство новоприобретенной „национальной идеи“ раскрывается в этой истории с исключительной наглядностью.

В качестве одного из важнейших действующих лиц мы снова встречаем парижского корреспондента „Русских Ведомостей“ г. Белоруссова — того самого, который отказался в прошлом году передать нуждающимся русским художникам в Париже полученные для них деньги в виду установленного им — путем на-

ружных наблюдений — инородческого состава и „пораженческого" настроения художнической колонии. „Наше Слово" сказало тогда же по поводу этого подвига то, что считало нужным. Но общественная атмосфера нашего времени так насыщена бациллами личной прострации и стадной паники, что даже среди самих художников многие обыватели — а в самой нечесаной богеме сплошь да рядом сидит обыватель — покачивали опасливо головами, считая, что лучше бы о выступлении г. Белоруссова промолчать. Литературное общество под председательством Л. К. Агафонова поддержало нас резолюцией осуждения по адресу корреспондента „Русских Ведомостей". Но общество русских журналистов, состоящее под председательством корреспондента „Речи" г. Е. Дмитриева, ни словом не обмолвилось о подвиге одного из своих членов. И немудрено: защита „свободного" искусства и борьба против шовинистического озорства теперь совершенно не находят сбыта на базаре либерального общественного мнения и его прессы. Если мы не ошибаемся, колония художников непосредственно обращалась к г. Дмитриеву. Но г. Дмитриев молчал. Он тогда не подозревал еще, что ненасытимое патриотическое алкание, которому он сам готов был принести любую жертву, потребует скоро в жертву — его самого. Но это случилось.

Г. Яковлев, истинно-русский выкрест из „Нового Времени", созвал для начала на тайное заседание группу иностранных корреспондентов, русских и иных, и сообщил им, что председатель Синдиката иностранной прессы, т.-е. их собственный председатель, г. Дмитриев, вовсе не Дмитриев, а имярек, носитель немецкой фамилии, которая была дана ему от роду очевидно неспроста. Англичане, голландцы и испанцы с изумлением внимали через некоторое время на собрании Синдиката вещаниям нововременца, но когда после разъяснений г. Дмитриева стало очевидным, что кадетского корреспондента не удастся повесить на веревке, скрученной из его собственного псевдонима, на сцену выступил г. Белоруссов, как Жанна д'Арк в критический час, и заявил, что хотя ношение псевдонима само по себе, может быть, и не свидетельствует о работе в пользу Германии, но зато (таков именно был логический переход), — г. Дмитриев издавал до войны газету „Парижский Вестник" „на немецкие деньги". Так как г. Дмитриев действительно издавал до войны бульварно-либеральную газетку и так как соиздателем его действительно был

немец, то дело становилось сразу на твердую почву, тем более, что сам обвинитель, г. Белоруссов, в этой газете сотрудничал и за статьи свои аккуратно получал из немецких рук немецкие серебренники. Обвинению был дан полный ход. А где же Алексинский? — спрашивает недоумевающий читатель. Совершенно правильно: Алексинский сейчас появится. Но предварительно, в качестве ответственного редактора „слова и дела“ против г. Дмитриева, выступил некий француз Бато, член того же Синдиката, личность для нас в данном случае совершенно безразличная. Так как, однако, сам г. Бато обладает только напряженной патриотической волей, но по-русски неграмотен, то для выполнения взятого им на себя обвинительного подряда он пригласил трехчленную комиссию, поручив ей подвести под априорную конструкцию необходимый фактический фундамент. Эта комиссия внесла вскоре в Синдикат заявление, которое необходимо привести во всей его неприкосновенности.

„Уполномоченные г. Бато (Bateaut) заявляют, что для выполнения возложенной на них миссии, в виду того взгляда, который они себе о ней составили, им необходимо не только внимательно и полностью прочитать коллекцию „Парижского Вестника“, но также, дабы точно определить смысл его политики (политики „Парижского Вестника“!! Л. Т.) — разузнать, какова была материальная организация этого журнала, каковы были его средства и его связи в самом широком смысле слова. Они просят поэтому, чтобы им дан был для выполнения этой работы следующий срок: ближайшее собрание комиссии (Синдиката) соберется к 15 октября. Подписали: Северак, Михайлов, Алексинский“.

Северак — это читающий по-русски француз, который делает сейчас карьеру на выполнении всяких поручений социал-патриотического большинства: он, между прочим, один из авторов предложения о недопущении русских в секции партии. Михайлов — адвокат из бывших людей, привлечен в качестве „юридической силы“. Алексинский — это... Алексинский: гений его, можно сказать, вибрирует в каждой строке напечатанного выше документа.

Итак, дело начал нововременец, как полагается, по поводу инородческой фамилии. Белоруссов немедленно приобщил себя: сам получал от Дмитриева немецкие деньги. Чтоб в глазах иностранных корреспондентов дело не раскрылось сразу, как интрига милых русских коллег, чего-то не поделивших между собою, вы-

двинут был на пост официального фискала г. Бато. А затем подлинные организаторы: истинно-русский выкрест из „Нового Времени“ и Жанна д'Арк из „Русских Ведомостей“ тихо свистнули, — и из чертогов „Призыва“ к ним немедленно спустился легкокрылый Алексинский в сопровождении двух понятых. Ему необходимо, видите ли, не только „внимательно и полностью“ прочитать „Парижский Вестник“, чтобы понять, для чего именно Вильгельм II прикармливал Белоруссова, — нет, он должен выяснить всю организацию, все рессурсы и все связи и притом „в самом широком смысле этого слова“. И все это нужно не только для того, чтобы дать возможность самому Алексинскому несколько месяцев подряд не выходить из сыскного транса, — нет, помимо этой бескорыстно-этической потребности, тут есть и глубоко утилитарный мотив: так как организаторам ясно, что из „дела“ все равно ничего не выйдет, то остается по крайней мере как можно дольше продержать злосчастного председателя Синдиката под обвинением в служении делу пангерманизма.

Характер нынешних политических отношений и группировок, который на большой арене раскрывается взору не так легко, здесь — в этой ничтожной истории — стоит перед всеми в прямо таки классически-отчетливых очертаниях: когда действительным хозяевам положения, нововременцам, нужно сделать очередную мерзость на патриотической почве, к их услугам, в качестве „третьего элемента“, всегда найдутся для выполнения черной работы три социал-патриота.

Есть в этой поучительнейшей истории и еще один момент, заслуживающий внимания. Г. Дмитриев мог бы, казалось, поднять по собственному своему делу законнейший шум в „Речи“. Но он этого до сих пор не сделал, или, может быть, ему помешал это сделать хозяин „Речи“, г. Милюков? И это понятно: для того дела, которому служит „Речь“, Милюков и сам Дмитриев, Алексинский в высшей степени необходим. И если на основе большого общего дела вырастают у них второстепенные мерзости, столько же отвечающие объективной природе дела, как и субъективной природе участников, то с этим всем им приходится считаться, как с неизбежными трениями в процессе священного сотрудничества. И в этом пока что — главная мораль истории.

„Н. С.“, 13 августа 1916 г.

„Призыв" и его Алексинский.

Вчера мы напечатали приговор по совершенно невероятному и в то же время вполне достоверному „делу" г. Дмитриева, где редактор и, так сказать, нравственный вдохновитель „Призыва" сыграл роль, которую можно было бы тоже счесть невероятной, если бы она—наоборот—не отвечала до последней точки „нравственной" субстанции самого ярого и яркого соратника Плеханова, Авксентьева, Бунакова, Воронова, Аргунова и Любимова.

Нововременец попытался спихнуть кадета с занимаемых им постов и выдвинул в качестве убийственных доводов инородческую фамилию и связи с немцем. Правда, эти связи газетно-коммерческого характера имели место до войны. Правда, как раз в то самое время, когда г. Дмитриев издавал совместно с „немцем" свой „Парижский Вестник", Алексинский сотрудничал в немецком журнале. Статьи Алексинского, направленные против русской внешней политики, против русской армии, против франко-русского союза, против англо-русского соглашения—в немецком журнале!—имели такой характер, что цензура не разрешает нам привести из них ни одной цитаты. Но это нисколько не помешало Алексинскому (и его двум приказчикам) перенять сыскной подряд на поставку улик против г. Дмитриева. Получив заказ из рук г. Бато, который в качестве подставного в этом деле лица выполнял заказ Яковлева-Белоруссова и работал „одновременно" с вмешавшейся в дело политической полицией и в том же направлении,—получил заказ, Алексинский немедленно же расширил свою задачу до таких пределов, что злостно-шантажный характер всей кампании стал совершенно очевидным. Собрание иностранных парламентских журналистов, комитет Синдиката иностранной прессы и общество русских журналистов единогласно заклеймили клевету и клеветников. Общество русских журналистов занялось, кроме того, индивидуализацией клеветников и заявило, что „*Алексинский сыграл в этом деле самую неблаговидную роль*", и что его „*позорное поведение*", выразившееся в поставке „*политического навета и ложного доноса*", заслуживает самого резкого осуждения.

Нужно принять во внимание, что общество русских журналистов состоит исключительно из корреспондентов буржуазно-патриотической прессы, которые, как показывает их резолюция, все

вместе со своим председателем г. Дмитриевым считают долгом человека и гражданина отстаивать „интересы русской внешней политики“ и проводить „французскую точку зрения на политические злобы дня“. Таким образом не идейные противники, а принципиальные единомышленники Алексинского заклеймили его поведение именем позора.

И что же? Откликнулся ли „Призыв“ на это публичное клеймение своего редактора? Ни единым словом. Ошельмованный Алексинский продолжает свою работу в качестве наиболее яркого соратника Плеханова, Авксентьева, Бунакова, Воронова, Аргунова и Любимова.

„Н. С.“, 10 сентября 1916 г.

Алексинский и его „Призыв“.

В воскресенье мы посвятили по поводу совершенно баснословного „дела“ г. Дмитриева несколько слов „Призыву“ и его Алексинскому. Сейчас мы считаем поучительным подойти к делу с другой стороны—со стороны Алексинского и его „Призыва“.

После того, как три организации заклеймили кампанию, в которой принимал активное участие Алексинский, клеветнической и недостойной; после того, как общество русских журналистов заявило, что „Алексинский сыграл в этом деле самую неблаговидную роль“, и что его „позорное поведение“, выразившееся в постановке „политического навета и ложного доноса“, заслуживает самого резкого осуждения,—после этого прошел уже целый месяц. Несмотря на это, Алексинский не произнес ни одного слова в свое обеление. Он молчит. Алексинский молчит. Каждое слово резолюции звучит, как приговор к общественной смерти, — Алексинский молчит.

Он молчит, хотя у него нет и не может быть ни малейшей надежды на то, что его молчание будет принято за знак неуважения к приговору. Нет. Алексинский фабриковал материалы по „политическому навету и ложному доносу“ для тех самых людей, которые позже осудили его самого. Взявши на себя подряд от работавшего „одновременно“ с политической полицией г. Бато, Алексинский со своими шантажными — „в самом широком смысле слова“ — изысканиями апеллировал именно к корпорации иностранных журналистов. Признавая таким образом ее компетентность в вопросах политической морали и личной чести г. Дмитриева, Але-

ксинский тем самым заранее отдавал на ее суждение свою собственную мораль и честь или то, что у него заменяет эти аттрибуты. И этот им самим заранее признанный суд заклеймил его клеймом бесчестья.

Почему же Алексинский молчит? Почему он не выступил в своем „Призыве“ с негодующим протестом или хоть с предъявлением... смягчающих обстоятельств? Не потому ли, что его собратья по газете закрыли для сложных вопросов его личной чести дверь общего издания? Это было бы на них похоже. Они, повидимому, считают, что Алексинский достаточно хорош, чтобы под их прикрытием сеять со страниц „Призыва“ семя ядовитой клеветы против общих политических противников; но не очень требовательная брезгливость—которую Алексинский имеет право назвать трусостью—мешает им брать на себя открытую ответственность за собрата, запятнавшего себя „политическим наветом и ложным доносом“. Конечно, Алексинский имеет возможность обратиться к своим Северакам и Михайловым с отдельным манифестом, но этим он только „манифестировал“ бы, что его собственная редакция, что его ближайшие Авксентьевы, Вороновы, Бунаковы, Любимовы, Аргуновы и Плехановы отказали ему в поддержке и приюте — в таком вопросе, от которого в другой среде зависит политическая жизнь и смерть человека.

Вот почему молчит Алексинский. Вот почему молчит „Призыв“. И их общее, хотя и не дружное молчание, поистине означает согласие—согласие с несмываемым приговором.

„Н. С.“, 12 сентября 1916 г.

Негодяй.

„Негодяй, властитель дум современности“.
(Салтыков.)

„Да, я занимаюсь доносами“.
(Гордые слова одного депутата.)

В этом депутате было от природы заложено нечто гнусное. Люди, видевшие и слышавшие его в первый раз, невольно вспоминали библейские слова: „он же ужалит тебя в пяту“. Стремление ужалить, и притом именно в пяту, является главной пружиной его психики. В своей общественной деятельности он фатально тяготел к крайнему флангу, чтобы для ужаления иметь возможно больший простор: по существу дела ему безразлично, идет ли

С. ВОСКОВ

дело о „правых“ или „левых“ идеях. Если Пуришкевич сел справа, а он слева — это дело случая. Он может внести в игру случая поправку и сесть на крайней правой: ему, как прирожденной рептилии, нужно иметь защищенной одну сторону, чтобы тем увереннее жалить всех, находящихся по другую. Мы упомянули Пуришкевича, но у того много самодовлеющего шутовства, которое, нисколько не растворяя злости, присоединяет к ней элемент, так сказать, эстетического бескорыстия, и хотя это эстетика дворянской лакейской, то-есть мерзость неописуемая, но и она вносит смягчающую ноту в общую музыку, состоящую из шипа и лязганья. У Негодяя же нет и этого „украшающего“ качества: шутовство не чуждо ему, наоборот, — но оно является у него не самостоятельной эстетической потребностью, а продуктом несоответствия между его напряженной волей ядовитой рептилии и недостаточностью его рессурсов. Он может завраться до последних пределов глупости, но эта глупость всегда „устремленная“, отравленная; и она ни на минуту не примиряет с ним, — как нет ничего примиряющего в образе скорпиона, который от избытка злости жалит самого себя в хвост.

Негодяй был с левыми левее всех, — и в этом ореоле „левизны“ он издали мог представляться не тем, что он на самом деле. Но та среда, в которой он подвизался волею каприза русской истории, не могла не стеснять его. Нет надобности идеализировать „левую“ среду: но она живет идеей, и в последнем счете ее страсти, большие, малые и даже мелкие, подчинены этой идее, ею дисциплинированы и облагорожены. У него же, у Негодяя, нет над его отравленной злостью никакого контроля, и когда он жалит, оправдывая в собственных глазах свое существование, он не хочет и не может знать никаких ограничений.

... У людей много добродушия и наивности, и они склонны думать: „Нет, на это он все же неспособен“... И они ошибаются: ибо он на все способен. Ему нет надобности получать деньги или чины (это придет само собою), чтобы делать мерзости: для этого у него достаточно внутренних мотивов. Именно поэтому он во лжи, клевете и доносах не знает даже тех пределов, которые диктуются осторожностью. Завтрашний день расскажет про него то, чему многие еще не хотят верить сегодня...

Наивные люди, остерегайтесь Негодяя!

„Начало“, 22 октября 1916 г.

XV. Высылка из Франции.

Царизм на республиканской почве [1]).

I

Война уравняла внутренний режим всех европейских государств. Каждая страна рассматривается, как большая кладовая, служащая для потребностей фронта: столько-то миллионов тонн хлеба, столько-то человеческого мяса, столько-то свинины. Свинья, как известно, не поддается военной дисциплине и не склонна к национальному самоотвержению: ее приходится в военное время содержать на том же режиме, как и в мирное. Иное дело человек: ему говорят, что он — царь природы и что высшие интересы требуют его заклания на алтаре капиталистического божества, которое называется отечеством; после этого его опускают в грязную зловонную яму (на военном языке она называется траншеей), и царь природы покрывается там вшами и собственными отбросами. Когда наступает его очередь, в яме вырывают другую яму и туда закапывают свежий труп.

В прошлые эпохи человек путем усилий мысли и борьбы выработал политические нормы и учреждения, обеспечивающие, в известных пределах, публичные права и личную неприкосновенность. Но эти нормы и права совершенно неприменимы к кладовой, поставляющей человеческое и иное мясо для великой „освободительной“ бойни. Республиканское государство, как Франция, говорит солдату: „Ты призван теперь защищать наследие твоих отцов, завоевания великой революции, республику и демократию, а для того, чтобы ты мог это выполнить с наибольшим успехом, необходимо отменить личные гарантии и свободы, т.-е. стереть с лица земли демократическое наследие отцов“.

Первым и основным шагом на этом пути является введение военной цензуры. Ее официальное назначение — препятствовать разглашению военных и дипломатических тайн. Но она сразу же становится орудием правящих клик и служит для ограждения их

---

[1]) Эта статья, хотя и написана в Нью-Иорке для американского читателя, печатается нами в настоящем отделе, так как она завершает историю „Н. С.“.

спокойствия. Помню, на Балканском полуострове — в Белграде и и Софии — одетые в военные мундиры молодые бездельники вырезывали ножницами из корреспонденций и статей неприятные им политические сообщения и теоретические суждения под тем предлогом, что они могут повредить „войне цивилизации против варварства“: так тогда называлась война балканских союзников против Турции. Объясняли тогда ту легкость, с какою правительственно-военные клики расправлялись с элементарными публичными и личными правами, социальной отсталостью балканских стран, где парламентаризм опирается на крестьянский фундамент. „Нет, говорили себе многие, в Европе господам правителям не так-то легко было бы положить ноги на стол, хотя бы на этих ногах и были военные ботфорты“. Мы жестоко ошиблись. И со стороны официальной лжи, и со стороны патентованной патриотической глупости, и со стороны внутреннего политического режима европейская война ничем не отличается от балканской, кроме своих гигантских размеров. И так как война во всех областях — экономической, политической и культурной — означает возврат к эпохе варварства, нет ничего удивительного в том, что духовное руководство перешло в руки царизма.

История русской интернациональной газеты „Наше Слово“ в Париже дает незаменимые подробности для характеристики нынешнего режима республики и ее политических нравов. Кое-что из этой истории я и хочу здесь рассказать, ибо есть факты, которые содержательнее всяких рассуждений.

С первым острым пароксизмом цензуры мы столкнулись в эпоху русских успехов в Галиции: дело дошло до того, что у нас целиком вычеркнули некролог графу Витте и даже самое название статьи, состоявшее всего из пяти букв: Витте. Я отправился объясняться в цензуру. Нужно сказать, что в ту пору цензора еще слегка конфузились своей работы.

— Я здесь, собственно, не причем, — сказал мне офицер, „заведывавший“ нашей газетой, — все инструкции относительно вашего издания исходят из министерства иностранных дел. Не хотите ли поговорить с одним из наших дипломатов?

Через полчаса в помещение военного министерства явился седовласый дипломатический джентльмен безукоризненного вида: известно, что безукоризненный вид составляет столь же необходимую принадлежность дипломатов, как и шулеров.

— Не можете ли вы мне объяснить, почему вы вычеркнули статью, посвященную русскому бюрократу, отставному и притом мертвому, и какое именно отношение имеет эта мера к военным операциям?

— Знаете ли, такие статьи *им* неприятны, — сказал дипломат, неопределенно кивая головою очевидно в ту сторону, где помещается русское посольство.

— Но мы именно для того и пишем, чтобы им было неприятно...

Дипломат снисходительно улыбнулся этому ответу, как милой шутке.

— Мы находимся в войне... Мы зависим от наших союзников.

— Вы хотите сказать, что внутренний режим Франции стоит под контролем царской дипломатии? Не ошиблись ли в таком случае ваши предки, отрубая голову Людовику Капету?

— О, вы преувеличиваете. И притом, не забывайте, пожалуйста: мы находимся в войне.

Этот классический ответ я слышал сотни раз. Когда депутации отправлялись к социалистическим министрам и депутатам с жалобами по поводу цензурных бесчинств, полицейских репрессий или расстрела русских волонтеров, те разводили руками, как мой дипломат, и отвечали: „мы — в войне". Эта формула объясняла и оправдывала все.

Нужно сказать, однако — и приведенный выше разговор является отчасти свидетельством тому, — что в течение первого года войны можно было еще наблюдать в среде правящей Франции последние вспышки республиканского стыда. Русское посольство помогло республиканцам радикально освободиться от этого стеснительного чувства — особенно по отношению к политическим изгнанникам. Оно распространило слухи, что русские эмигранты сплошь евреи — германофилы, работающие в интересах Вильгельма II. Не только правительство, но и социал-патриотические депутаты оказались как нельзя более восприимчивы к таким слухам. Когда почва оказалась надлежащим образом подготовлена, русское посольство организовало во Франции провокационное покушение, которое и послужило непосредственным оправданием закрытия „Нашего Слова" и моего изгнания из Франции.

II

Издалека, из Нью-Иорка, интернационализм и социал-патриотизм могут представляться двумя „оттенками“ в социализме. Но там, на раскаленной почве Европы, это два смертельных врага.

Социал-патриотизм означает примирение социализма с государственной властью, которая руководит так называемой „национальной обороной“. Но государственная власть это ведь не какой-нибудь отвлеченный принцип, а весьма материальная организация — это Пуанкаре, Бриан, полиция, тюрьмы, сыщики и агенты-провокаторы. Приходится либо принимать все это, либо отвергать. Социал-патриоты принимают.

Когда социалистка Луиза Сомоно выступила со своей открытой агитацией против войны, министерство после некоторого колебания решило арестовать ее. Это решение было принято при участии Геда и Самба и когда одна близкая к Гэду особа явилась к нему хлопотать за Сомоно, социалистический министр взял злополучную просительницу за плечи и... вытолкал ее за дверь. Этот маленький эпизодец характеризует социалистический министериализм лучше всяких принципиальных рассуждений.

Совершенно естественно, если полицейские репрессии против интернационалистов направились прежде всего против русских эмигрантов: это линия наименьшего сопротивления. И путь французской полиции расчищали в этом направлении русские социал-патриоты, сами в большинстве своем эмигранты. В „Призыве“, еженедельной парижской газете, руководимой Плехановым, печаталось из номера в номер, что „Наше Слово“ радуется немецким победам, отстаивает интересы пангерманизма и по существу является органом российских дезертиров и германского штаба. Русскому посольству в Париже оставалось только доводить эти доносы до сведения французских властей. Оно делало это всеми доступными ему способами. Во французской газете „Непримиримый“ в отделе объявлений печаталась заметка: „Что это за газета „Наше Слово“, которая подрывает французские финансы своей злостной критикой наших военных займов?“ За напечатание этого объявления, вдохновленного статьями „Призыва“, платило несомненно русское посольство. В министерстве иностранных дел ежедневно получались из русского посольства статьи „Нашего Слова“ во французском переводе.

Но главное затруднение при всех этих обвинениях в германофильстве состояло в том, что „Наше Слово“ было подцензурной газетой: выходило, что французский офицер, ежедневно упражнявший на наших статьях свою патриотическую бдительность, являлся соучастником Гинденбурга. Русское посольство звонило во французское министерство иностранных дел, министерство звонило к цензору, а мсье Шаль, наш цензор, трепеща всеми конечностями, неизменно отвечал: „Я и так стараюсь изо всех сил“. И газета продолжала существовать, хотя и выходила нередко в виде белых листов бумаги.

Но в сентябре прошлого (1916) года газету задушили, а мне в префектуре предъявили декрет о высылке из пределов Франции. Что послужило непосредственным мотивом для этих мер? Французские власти нам не сказали на этот счет ни слова, и только постепенно раскрылось, что ближайшей причиной послужила грандиозная провокация, организованная во Франции русскими властями.

Когда депутат Жан Лонге по собственной инициативе явился к Бриану с протестом по поводу моей высылки, французский министр-президент ответил ему: „А вы знаете ли, что „Наше Слово“ нашли в Марселе у русских солдат, которые убили своего полковника?“ — Лонге этого не ожидал. Он знал о „циммервальдском“ направлении газеты и о моей работе в среде французских интернационалистов, но убийство полковника застигло почтенного патриота врасплох. Лонге обратился за справками к французским циммервальдцам, те в свою очередь — ко мне, но я знал об убийстве в Марселе не больше, чем они.

В дело вмешались корреспонденты русской буржуазной прессы, все сплошь патриоты 96 пробы, стало быть, принципальные противники „Нашего Слова“, и выяснили все обстоятельства марсельской истории. Она по полному праву заслуживает самой широкой огласки.

С того времени, как во Францию стали доставляться отряды русских солдат (французы называют эти отряды „символическими“ в виду их крайней малочисленности), русское посольство в Париже поставило на ноги все шпионские силы, какие оказались под рукой. Официально многие из этих господ носят название переводчиков, и даже русские офицеры жаловались нередко журналистам на то, что от этих „переводчиков“ нет житья.

С каким титулом был прикомандирован к русским войскам во Франции некий Вининг, я не знаю, во всяком случае не переводчиком, так как он не знает французского языка. Но факт таков, что он был прислан русским консулом в Лондоне к русскому консулу в Париже с письмом следующего содержания: „Податель сего, г. Вининг, был раньше замешан в политические (т.-е. революционные) дела. Но он успел совершенно реабилитироваться в наших глазах. Помогите ему устроиться при русских войсках во Франции. Он знает Х“.

Отправляясь на место своего служения — для провокации среди царских солдат, присланных умирать за республику — Вининг сделал попытку скомпрометировать попутно корреспондентов либеральной прессы. Он посетил, между прочим, корреспондента московского „Русского Слова“, г. Вернера, журналиста, очень далекого от революционных замыслов, и с неуклюжей таинственностью заурядного шпика посвятил его в свой план: вступить в русские войска для „революционной пропаганды“. Не встречая большого сочувствия, Вининг решил щегольнуть своими связями в официальном мире и извлек из кармана рекомендательное письмо лондонского консула, написанное на французском языке — болван не понимал, что письмо выдаст его с головою. Отъехав от журналистов ни с чем, Вининг направился в Тулон, где имел большой успех среди русских матросов, которым труднее было распознать его полицейскую рожу. „Почва для нашей работы здесь очень благоприятная, пришлите мне революционных книг и газет“, писал Вининг из Тулона русским журналистам, от которых, однако, не получал ответа. В Тулоне действительно вспыхнуло революционное движение на русском крейсере „Аскольд“ и было подавлено с многочисленными жертвами. После этого Вининг счел своевременным перенести свою деятельность из Тулона в Марсель. Почва и там оказалась как нельзя более „благодарной“: русские солдаты остаются во Франции под „отечественным“ режимом и подвергаются систематической порке розгами, — немудрено, если они оказываются очень восприимчивыми и к революционной пропаганде, и к полицейской провокации. В Марселе действительно вспыхнуло брожение среди русских войск, которое кончилось тем, что группа солдат камнями убила полковника Краузе во дворе казармы. При аресте у каждого из замешанных в дело солдат неизменно находили номер „Нашего Слова“.

Когда русские журналисты прибыли в Марсель, чтобы разузнать, что там произошло, некоторые из русских офицеров обратились к ним с вопросом:

— Не имеете ли вы отношения к „Нашему Слову“?

— Никакого. А что?

— Да дело в том, что здесь некий Винннг раздает эту газету направо и налево — и тому, кто хочет, и тому, кто не хочет.

Таким образом Виннинг сперва „обрабатывал почву“, т.-е. провоцировал русских солдат, доведенных до крайней степени напряжения режимом порки и перспективой близкой гибели за чужую им Францию, а в тот момент, когда брожение выливалось наружу, Виннинг рассовывал направо и налево „Наше Слово“.

В своем „Открытом письме“ Жюлю Геду я высказал, в виде предположения, ту мысль, что „Наше Слово“ могло быть роздано солдатам в нужную минуту агентом-провокатором. Это предположение получило затем более яркое подтверждение, чем я мог надеяться.

Незачем говорить, что Виннинг не дошел до своей тактики собственным умом: он получил поручение от русских консулов в Лондоне и Париже. Нетрудно также понять цель этой политики: царским дипломатическим агентам нужно было доказать правительству Пуанкаре — Бриана, что если Франция хочет иметь для своей защиты русских солдат, она должна немедленно расправиться с гнездом русских революционеров. При этом пришлось, правда, пожертвовать одним русским полковником... Но это уже относится к необходимым издержкам предприятия. Во всяком случае желательный результат был достигнут: колебавшееся до сих пор французское правительство закрыло „Наше Слово“, а министр внутренних дел, Мальви, один из шефов радикальной партии, подписал, наконец, давно уже заготовленный префектом полиции декрет о высылке меня из Франции.

Благодаря государственной предусмотрительности Виннинга и его хозяев Бриан оказался вооружен несокрушимым аргументом против всякого вмешательства из парламентской среды. Социалистическим депутатам, Лонге и Муте, председателю парламентской комиссии иностранных дел Лейгу, бывшему министру иностранных дел, и другим, Бриан отвечал одним и тем же вопросом: „А вы знали ли, что „Наше Слово“ найдено у тех солдат, которые убили своего полковника?“ Это действовало маги-

чески, несмотря на то, что „Наше Слово“ было ведь легальной подцензурной газетой и свободно продавалось во всех киосках. Но скоро в парламентских кругах стали известны марсельские операции Вининга. Кое-кто из левых депутатов был смущен. Министр народного просвещения, известный физик Пенлеве, воскликнул, когда ему изложили закулисную сторону дела: „Это позор... этого нельзя так оставить“... Однако же, никто — ни депутаты, ни журналисты — не решились предать эти факты огласке. Было бы „непатриотично“ показывать человечеству „освободителя“ Вининга в его натуральном виде.

Возможно, впрочем, что в последнем, тайном заседании французского парламента кто-нибудь из депутатов говорил о моей высылке и о марсельской провокации. Но об этом у меня сведений нет. Во время тайного заседания парламента я сидел уже в мадридской тюрьме, куда меня посадила полиция Альфонса XIII, по инструкциям, полученным ею от полиции Николая II и г. Пуанкаре.

„Новый Мир“, 10 — 12 февраля 1917 г.

Открытое письмо Жюлю Геду.

Париж, 11 октября 1916 г.

Господину министру Жюлю Геду.

Милостивый государь, г. министр!

Прежде чем покинуть почву Франции в сопровождении полицейских комиссаров, воплощающих те свободы, на-страже которых вы бодрствуете или дремлете в недрах Национального Министерства, я считаю своим долгом изложить вам некоторые мысли, которые, вероятно, не пригодятся вам, но которые могут зато пригодиться — против вас.

Изгоняя меня из Франции, ваш коллега г. Мальви не имел мужества изложить мне мотивы этой меры. Точно так же другой из ваших коллег, военный министр, не счел возможным указать причины запрещения русской газеты „Наше Слово“, одним из редакторов которой я состоял, и которая в течение двух лет переносила все издевательства цензуры, действующей под руководством этого самого военного министра.

Однако же, не скрою от вас, что мотивы моего изгнания не заключают в себе для меня ничего таинственного: дело идет о мерах репрессии против социалиста - интернационалиста, одного из тех, которые не хотят брать на себя роль прислужников, бардов или адвокатов империалистической войны.

Но если мотивы той меры, которая направлена против меня, не были сообщены мне, заинтересованному, то они были зато изложены г. Брианом депутатам и журналистам.

В Марселе группа возмутившихся русских солдат убила в августе своего полковника. При обыске были обнаружены у некоторых из этих солдат номера „Нашего Слова". Такова версия, сообщенная г. Брианом в беседе с депутатом Лонге и с председателем парламентской Комиссии иностранных дел г. Лейгом, который в свою очередь сообщил ее журналистам русской буржуазной прессы.

Конечно, г. Бриан не осмелился утверждать, будто „Наше Слово", подчиненное его собственной цензуре, является непосредственной причиной убийства офицера. Мысль г. Бриана могла бы быть выражена следующим образом: в виду присутствия во Франции русских солдат необходимо очистить почву Республики от „Нашего Слова" и от его редакторов, потому что социалистическая газета, которая не сеет ни иллюзий, ни лжи, могла бы, согласно незабвенному выражению г. Ренoделя, навести хандру (cafard) на русских солдат и толкнуть их на опасный путь размышлений.

Однако, к несчастью для г. Бриана, его объяснения покоятся наскандальном анахронизме. Гюстав Эрве, бывший тогда еще членом правления вашей партии, писал в прошлом году, что если бы Мальви выбросил из Франции русских изгнанников, повинных в революционном интернационализме, он, Эрве, готов поручиться за то, что общественное мнение его консьержек приняло бы эту меру с полным удовлетворением. Нельзя, конечно, сомневаться, что внушение для этого пророчества было почерпнуто г. Эрве не на небесах, а в одном из отделений министерства. В конце июля тот же Эрве официозным шопотом уже прямо сообщал, что я буду изгнан из Франции.

Около того времени, следовательно, опять таки до убийства полковника в Марсели, профессор Дюркгейм, председатель назначенной правительством комиссии по вопросу о русских изгнанни-

ках, уведомил представителя этих последних о предстоящем в скором времени запрещении газеты „Наше Слово“ и изгнании редакторов этого издания (см. „Наше Слово“ от 30 июля 1916).

Таким образом все было подготовлено заранее, даже общественное мнение консьержек г. Эрве. Ожидали только предлога, чтобы нанести решающий удар. Этот предлог был найден: несчастные русские солдаты в подходящий для кое-кого момент убили своего полковника.

Это предопределенное совпадение дает место предположению, которое, я опасаюсь, может оскорбить ваше еще свежее министерское целомудрие. Русские журналисты, которые занимались марсельским инцидентом, установили, что в этом деле, как почти во всех подобных делах, активную роль играл провокатор. Не трудно понять, какова была его цель или скорее цель тех хорошо оплачиваемых прохвостов, которые его послали. Какой-нибудь эксцесс со стороны солдат им был необходим прежде всего для оправдания истинно-русского режима нагайки, несколько смущающего французские власти, а затем — чтобы создать предлог для мероприятий против русских изгнанников, которые-де пользуются французским гостеприимством, чтобы „деморализовать“ во время войны русских солдат.

Легко допустить, что инициаторы этого плана не предполагали и не хотели довести дело до конца. Они надеялись, по всей вероятности, достигнуть более широких политических результатов с меньшими затратами и жертвами, но предприятия подобного рода всегда сопряжены с элементом профессионального риска. Впрочем, на сей раз жертвой риска оказался не сам провокатор, а полковник Краузе. Даже русские патриотические журналисты, враждебные „Нашему Слову“, выдвинули предположение, что экземпляры нашего издания могли быть даны солдатам в нужный момент этим именно агентом-провокатором.

Попытайтесь, г. министр, произвести при посредстве г. Мальви расследование в этом направлении. Вы не ожидаете от него никаких результатов. Я — точно так же. Ибо, скажем это открыто, агенты-провокаторы по меньшей мере так же драгоценны для так называемой „национальной обороны“, как и социалистические министры. И вы, Жюль Гед, после того, как вы взяли на себя ответственность за внешнюю политику Третьей Республики, за Франко - Русский союз со всеми его последствиями, за мировые

притязания царизма и за все цели и методы этой войны,—вы не можете отказаться от усыновления, вместе с символическими — по своей незначительности—отрядами русских солдат, отнюдь не символических провокаторов его величества.

В начале войны, когда великодушные обещания раздавались пригоршнями, ваш ближайший сотоварищ, Самба, предрекал русским журналистам самое благодетельное влияние союзных демократий на внутренний режим России. Это было главным доводом, при помощи которого правительственные социалисты Франции и Бельгии пытались — настойчиво, но безуспешно — примирить русских революционеров с царем.

26 месяцев постоянного военного сотрудничества, общения главнокомандующих, дипломатов, парламентеров, визитов Вивиани и Тома в Царское Село, — словом, 26 месяцев непрерывного „влияния“ западных демократий на деспотизм, смягченный лишь административным хаосом, в результате чрезвычайно приблизили внутренний режим Англии и Франции к режиму России. Великодушные обещания г. Самба стоят, как видим, менее дорого, чем его уголь [1]).

Злосчастная судьба права убежища является лишь ярким симптомом господства солдатчины и полицейщины по сю, как и по ту сторону пролива.

Дублинский вешатель, Ллойд-Джордж, отъявленный империалист с манерами пьяного англиканского попа, и Аристид Бриан, ближайшую характеристику которого я предоставляю вам, Жюль Гэд, разыскать в ваших прежних статьях, — эти две фигуры лучше всего выражают дух нынешней войны, ее право, ее мораль, ее аппетиты, классовые и личные. Каким достойным партнером для Ллойд-Джорджа и Бриана является г. Штюрмер, истинно-русский немец, который совершил свою карьеру, держась за рясы митрополитов и за юбки придворных дам. Какое несравненное трио! Поистине, история не могла бы подобрать для Геда-министра лучших сотрудников и шефов.

Мыслимо ли для честного социалиста не бороться против вас? Вы превратили социалистическую партию в послушный хор, следующий за корифеями капиталистического грабежа в такой

---

[1]) В качестве министра общественных работ Самба заведывал в то время доставкой угля.

момент, когда буржуазное общество, смертельным врагом которого вы, Жюль Гед, когда-то были, разоблачило до дна свою подлинную природу. Из событий, подготовлявшихся целою эпохой мировых хищений, неизбежные последствия которых мы неоднократно предсказывали, из всей пролитой крови, из всех страданий, из всех бедствий, из всех преступлений и из всей жадности и вероломства правящих, вы, Жюль Гэд, извлекаете для французского пролетариата одно единственное поучение: что Вильгельм II и Франц-Иосиф — преступники, которые, в отличие от Николая II и Пуанкаре, не уважают законов международного права.

Целое новое поколение французского пролетариата, миллионы молодых рабочих, впервые духовно пробужденные громами войны, узнают о причинах этой катастрофы старого мира лишь то, что им сообщает „Желтая Книга“ г.г. Пуанкаре, Делькассе, Бриана. Перед этим новым евангелием народов, вы, старый вождь пролетариата, склонили колени и отвергли все то, чему учились и учили в школе классовой борьбы.

Французский социализм с его неисчерпаемым прошлым, с его великолепной фалангой мыслителей, борцов и мучеников, нашел, наконец — какое падение и какой позор! — своего Ренồделя, чтобы в наиболее трагическую из эпох переводить изо дня в день высокие идеи „Желтой Книги“ на язык не менее желтой публицистики.

Социализм Бабефа, Сен-Симона, Фурье, Бланки, Коммуны, Жореса и Жюль Геда — да, и Жюль Геда! — нашел, наконец, своего Альбер Тома, чтобы совещаться с Романовым насчет наиболее надежного средства овладения Константинополем, своего Марсель Самба, чтобы проветривать свой диллетантизм над трупами и развалинами французской цивилизации, и своего Жюль Гэда, чтобы следовать в качестве скованного раба за колесницею триумфатора Бриана...

И вы думали, вы надеялись, что французский пролетариат, истекающий по вине господствующих классов кровью в этой войне без смысла и без исхода, в этой самой бесчестной из войн, будет молчаливо переносить до конца постыдный союз, заключенный между официальным социализмом и его злейшими врагами? Вы ошиблись. Оппозиция поднялась. Несмотря на военное положение и оргии национализма, сохраняющего под

роялистской, радикальной или социалистической окрасками свою капиталистическую сущность, революционная оппозиция развивается шаг за шагом и укрепляется с каждым днем.

„Наше Слово“ — издание, которое вы задушили, жило и дышало в атмосфере пробуждающегося французского социализма. Оторванная от русской почвы волею контр-революции, победившей благодаря содействию французской биржи, — которой вы ныне служите, Жюль Гед, — группа „Нашего Слова“ считает для себя долгом чести отразить — с той неполнотой, на которую нас обрекает ваша цензура — голос французской секции Нового Интернационала, который рождается среди ожесточенной братоубийственной войны.

В нашем качестве „нежелательных иностранцев“, связывающих свою судьбу с судьбой французской социалистической оппозиции, мы гордимся тем, что приняли на себя первые удары французского правительства, — вашего правительства, Жюль Гед!

Вместе со всей французской оппозицией, с Монатом, Мергеймом, Сомоно, Росмером, Бурдероном [1]), Лорио, Гильбо и многими другими, мы разделили честь быть обвиненными в германофильстве. Издающийся в Париже еженедельник вашего друга Плеханова, соучастника в вашей былой славе и в вашем падении, каждую неделю доносил на нас полиции г. Мальви, как на агентов немецкого Генерального Штаба. Некогда вы знали цену подобным обвинениям, так как вы сами имели честь служить для них мишенью. В настоящее время вы даете ваше одобрение г. Мальви, который резюмирует для правительства „Национальной Обороны“ донесения своих шпиков.

На вашу беду мой политический формуляр содержит в себе приговор к тюремному заключению, вынесенный против меня заочно, совершенно недавно, уже в начале войны, немецким судом в Лейпциге за мою брошюру „Война и Интернационал“. Но и за вычетом этого факта, способного, по природе своей, импонировать полицейскому черепу г. Мальви, я считаю себя вправе утверждать, что мы, революционные интернационалисты, являемся гораздо более опасными врагами для немецкой реакции, чем все правительства Согласия вместе взятые.

---

[1]) Мергейм и Бурдерон, как известно, перешли впоследствии в лагерь соглашателей.

Их враждебность против Германии есть не что иное, как простое соревнование конкурентов, тогда как наша революционная ненависть против ее господствующего класса непримирима, ибо вытекает из принципов революции.

Империалистическая конкуренция может сближать вчерашних врагов; если бы осуществились проекты полного сокрушения Германии, Англия и Франция искали бы через несколько лет сближения с империей Гогенцоллернов, чтобы защитить себя против чрезмерного могущества России. Будущий Пуанкаре обменивался бы поздравительными телеграммами с Вильгельмом или его наследником; Ллойд-Джордж проклинал бы на своем языке клерджимена и боксера Россию, эту „опору варварства и милитаризма“; Альбер Тома, в качестве французского посланника при дворе кайзера, получал бы ландыши из рук постдамских фрейлин, как он получал их недавно из рук великих княгинь Царского Села. Снова были бы извлечены на свет божий все пошлости речей и статей нынешнего дня: Ренноделю оставалось бы только переменить в них собственные имена, — работа, которая ему вполне по-плечу.

Что же касается нас, то мы остались бы и в этом случае смертельными врагами правящей Германии, потому что мы ненавидим немецкую реакцию той же самой революционной ненавистью, какою мы ненавидим царизм и французскую плутократию. И если вы осмеливаетесь, вы и ваши газетные приказчики, аплодировать Либкнехту, Люксембург, Мерингу, Цеткин, как неустрашимым врагам Гогенцоллерна, то вы не можете не знать, что они являются *нашими* единомышленниками, *нашими* собратьями по оружию. Мы связаны с ними против вас и ваших хозяев нерасторжимым единством революционной борьбы.

Вы, может быть, утешаете себя тем, что мы малочисленны. Однако же, мы гораздо более многочисленны, чем думают полицейские статистики всех рангов. В своей профессиональной близорукости они не замечают, как дух возмущения поднимается из всех очагов страдания, из траншей и казарм, из рабочих кварталов и деревень, распространяется по Франции, сгущается над ней и над всей Европой.

Вы заперли на замок Луизу Сомоно в одной из ваших тюрем. Но уменьшили ли вы этим отчаяние женщин вашей страны? Вы могли арестовывать сотни циммервальдистов после того, как

пресса, по вашему поручению, облила их лишний раз полицейской клеветой. Но можете ли вы вернуть женам их мужей, матерям — их сыновей, детям — их отцов, калекам — их силы и здоровье, обманутому и обескровленному народу — доверие к тем, которые его обманули?

Выйдите, Жюль Гед, из вашего военного автомобиля, из той клетки, в которую вас посадило капиталистическое государство, и поглядите вокруг себя. Приложите ваше ухо к камням мостовой: может быть, судьба сжалится в последний раз над вашей печальной старостью, и вы расслышите глухой шум приближающихся событий. Мы ожидаем их, мы призываем их, мы готовимся к ним. Судьба Франции была бы слишком ужасна, если бы Голгофа ее рабочих масс не вела к великому реваншу [1]), *нашему* реваншу, где не будет больше места ни для вас, Жюль Гед, ни для тех, кто с вами.

Изгнанный вами, я покидаю Францию с глубокой верой в нашу победу. Через вашу голову я посылаю братский привет французскому пролетариату, который пробудится для великих битв и достижений. Без вас и против вас — да здравствует социалистическая Франция!

Л. Троцкий.

---

1) Реванш — отмщение.

XVI. Через Испанию.

Испанские „впечатления“.

Почти - арабская сказка.

Мадридская тюрьма — читатель видит, что мы подходим к вопросу без околичностей — мадридская тюрьма состоит из пяти корпусов. Расположены они радиусами, и каждый производит самое солидное впечатление. Особенностью тюрьмы является то, что новопоступающего спрашивают: желает ли он занимать камеру в 1 фр. 50 с. в сутки, в 75 сант. или бесплатную. Если новопоступающий не свободен от максималистских тенденций, то он может ответить, что отказывается даже и от бесплатной камеры. Но тогда следует разъяснение, что свобода выбора так далеко не простирается.

Камера в 1 фр. 50 с. имеет два окна, которые задрапированы ситцевыми занавесками, очевидно, чтоб решетки не оскорбляли ваших глаз; на каменном полу—всесторонне проплеванный ковер; два застекленных шкафчика по углам; распятие над столом; не стул, а почти кресло; но дверь... дверь запирается снаружи каким-то сложным и скрипучим замком.

Читатель, привыкший к самостоятельным умозаключениям, сделает из предшествующих строк тот вывод, что автор этого письма имел случай изучать мадридскую тюрьму *изнутри*. И читатель не ошибется: исключительно счастливое стечение обстоятельств позволило нам провести трое суток в мадридской тюрьме.

Автор этих строк не испанец и, будучи интернационалистом по образу мыслей, сохранил за собой, однако, право на известную национальную ограниченность, наивно полагая, что тюрем его собственной родины для него, так сказать, за глаза довольно. Он ошибался. „Развитие международного обмена“, как говорит в первых своих строках программа российской социал-демократии, привело к тесному общению народов и тем самым завоевало для русского социалиста право гражданства даже в тюрьмах Кастилии.

Собственно говоря, между развитием обмена и моим арестом в столице Альфонса XIII нет непосредственной и, так сказать, повелительной связи. Не нужно, следовательно, быть сторонником

русской социологической школы, чтобы наряду с общей экономической предпосылкой потребовать также и предъявления „субъективного фактора“.

— За что собственно вы меня арестовали, господа? — с таким субъективным вопросом обратился автор к полицейскому Олимпу, когда предстал перед ним. — В Испании я ровным счетом 10 дней. По-испански не говорю. Не знаю ни одного испанца. Не опубликовал в Испании ни одной строки. Пока что посетил только ваши музеи и церкви. Казалось бы, прямо-таки идеальные условия, исключающие для меня всякую возможность потрясать какие бы то ни было основы. За что же вы меня арестовали?

Этот простой вопрос, как это ни странно, поставил полицейских олимпийцев втупик. „В самом деле, за что мы его арестуем?“.. Они стали поочереди предлагать различные гипотезы, крайне, на мой взгляд, не убедительные. Так, например, один сослался на паспортные затруднения, которые русское правительство чинит иностранцам, отправляющимся в Россию.

„Еслиб вы знали, сколько мы денег тратим на преследование наших анархистов“... — искал моего сочувствия другой.

— Но позвольте: ведь я не могу отвечать одновременно и за русскую полицию и за испанских анархистов.

— Конечно, конечно, — это мы только к примеру...

— Но арестовать-то вы меня все-таки арестовали.

— Какие ваши взгляды? — спросил, наконец, после размышлений „шеф“.

Я в популярной форме изложил свои взгляды.

— Ну, вот видите, — ответили мне. Vos idées sont trop avancées pour l'Espagne.

Читатель вправе заподозрить здесь карикатуру, пародию, шутку. Ничего подобного: все происходило буквально так, как здесь написано: „Ваши взгляды являются слишком передовыми для Испании“.

— Но, во-первых, о моих взглядах вы только что узнали от меня, а во-вторых, не достаточно иметь „слишком передовые“ взгляды—нужно еще выражать их в форме, противной законам, и пр. и пр. Диалог затягивался бесплодно, ибо приказ о моем аресте был уже подписан.

В конце концов „хефе“ (шеф) отдал приказ одному из арестовавших меня „ахентов“ (мушаров), чтоб со мной обращались

как с „кабальеро“, чтоб мне отвели хорошую „комнату“ и пр. и пр. И в двенадцать часов ночи меня отвезли в мадридскую тюрьму.

Ахенте, получивший пять песет наградных, немедленно же выпил и стал придавать полученной им инструкции несколько восторженное истолкование. Он хлопал меня по плечу, подмигивая своим единственным глазом (другой американцы прострелили ему во время Кубанской войны), требовал, чтоб я курил его папиросы, объяснялся в любви к союзникам вообще, к русским в частности, ко мне в особенности, несколько раз на извозчике пытался обнять меня и кончил тем, что остановил экипаж подле пивной и стал требовать, чтоб нам обоим вынесли пива, за которое он платит, ибо я его amigo (друг). Должен вообще сказать, преодолевая скромность и забегая вперед, что я открыл в себе несколько неожиданную способность привлекать сердца испанских „ахентов“: до сих пор уже три из них предлагали мне свою дружбу, а ведь „испанская“ глава моей жизни еще не завершена.

О тюрьме я уже сказал выше. Деление обитателей этого учреждения на три разряда, сообразно вносимой ими за помещение плате, показалось мне сперва совершенно бесстыдным,—особенно, когда я узнал, что „первоклассные“ постояльцы пользуются двухчасовой прогулкой и ежедневными свиданиями, тогда как обитатели бесплатных камер ограничены и в прогулках и в свиданиях. Но в сущности, это только последовательно. Какой смысл устанавливать фиктивное равенство перед острожным режимом в обществе, которое целиком построено на классовом неравенстве? К тому же, привлекая всяческими льготами арестантов в платную часть тюрьмы, мудрая администрация облегчает государственный бюджет, который в Испании, как известно, больше, чем где бы то ни было, нуждается в облегчении.

Помощник начальника тюрьмы и тюремный кюре выражали мне всячески свое сочувствие и жестоко критиковали „либеральное“ министерство графа Романонеса, причем кюре заканчивал беседу благочестивыми словами: „Но что же остается делать? Paciencia! Paciencia! (терпенье!).

Только однажды, когда меня позвали на дактилоскопические исследования, я не проявил необходимой „пасиенсии“, отказавшись добровольно мазать руки краской и вообще содействовать острожной науке. После долгих колебаний и совещаний надзира-

тели взяли в свое распоряжение мои руки (я, разумеется, не сопротивлялся) и произвели все необходимые манипуляции. Но дошло дело до ног, и мне предложили снять сапоги. „Нет, уж потрудитесь снимать сами". Здесь испанская настойчивость истощилась: уходили, приходили, совещались, призывали высшее начальство, но в конце концов оставили мои ноги в покое.

Из тюрьмы я написал министру внутренних дел письмо, в котором обращал его внимание на все неприличие поведения испанской полиции. „Вчера ко мне прислали в тюрьму агента,— писал я,—который повторил мне, что я должен покинуть Испанию и заявить немедленно, в какую страну я намерен выехать. Но в настоящее время невозможно выехать свободно никуда: нужно получить предварительное разрешение соответственного правительства. И особенно после моего ареста в Мадриде: ибо, господин министр, ни один человек в Европе и в целом мире не захочет верить, что я был арестован в Мадриде без всякой не только осязательной, но и умопостигаемой причины".

На следующий день меня „освободили", причем приставленный ко мне одноглазый ахенте заявил мне у ворот тюрьмы, что я буду сегодня же вечером препровожден в... Кадикс. Почему именно в Кадикс?

Я посмотрел на карту. Кадикс находится на самом крайнем пункте юго-западного полуострова Европы: из Березова через Петербург — в Австрию, из Австрии—во Францию, из Франции— в Испанию и наконец через весь Пиренейский полуостров — в Кадикс. Дальше материк кончается, начинается океан...

Ахенты, меня сопровождавшие, отнюдь не окружали нашего путешествия тайной: наоборот, всем, кто только интересовался, они обстоятельно рассказывали мою историю (к этому времени в испанской прессе появилось уже немалое количество статей и заметок по поводу моего ареста), причем характеризовали меня с самой лучшей стороны: не фальшивомонетчик, а кабальеро, но с неподходящими взглядами. Все утешали меня тем, что в Кадиксе очень хороший климат.

— Мы бы никогда не арестовали синьора,—говорит второй ахенте, — если бы не телеграмма. Но хефе получил телеграмму: „Три дня тому назад проехал через Сан-Себастьян ахитадор пелигросо (опасный) анаркиста-террориста — имярек — направился в Мадрид".

Я и раньше почти не сомневался, что в почти арабской сказке моих испанских приключений дело не обошлось без „телеграммы“. Теперь я имел авторитетнейшее подтверждение. „Анархиста-террориста“ мой ахенте, вероятно, сам прибавил для красноречия. Но несомненно, что телеграмма (от просвещенной республиканской полиции г. Бриана) была нарочито составлена в неопределенно угрожающих выражениях, которые отнюдь не исключали ни анархизма, ни терроризма...

Так или иначе либеральное испанское министерство препроводило меня в Кадикс. Здесь же будет, может быть, уместно отметить похвальную бережливость испанских властей: высылая меня из Мадрида в Кадикс, полиция предложила мне взять билет на собственный счет. Так как я в Кадикс совершенно не собирался, то и не усмотрел причин к удовлетворению этого требования—тем более, что уже оказал достаточную поддержку испанской казне, уплатив 4 фр. 50 сант. за пребывание в тюрьме. Ахенты совершенно одобрили мои соображения и исхлопотали для меня билет на казенный счет.

Перед кадикским префектом лежала куча телеграмм, не вполне согласованных одна с другой. Ему рекомендовалось отправить меня в одну из американских республик, по моему выбору и в то же время „с первым отходящим пароходом“.

Посоветовавшись с губернатором, префект разрешил противоречие в пользу первого парохода, который отправлялся на другое утро в... Гаванну. На этот раз мне было сразу предложено бесплатное место. Мне предстояло совершить путешествие в трюме и перейти из рук испанской полиции в руки гаваннской. Я запротестовал, послал срочные телеграммы директору охраны, министру внутренних дел и графу Романонесу с требованием, чтоб мне дали возможность свободно выехать в Нью-Иорк. Префект и губернатор дрогнули, послали срочный запрос в Мадрид, а сами стали склоняться к признанию моего права не ехать в Гаванну. Это толкование было подтверждено из Мадрида, где тем временем республиканский депутат Кастровидо внес по поводу моего ареста и моей высылки интерпелляцию. Меня оставили в Кадиксе до 30 ноября, когда отходит пароход в Нью-Иорк. Прикомандированный ко мне мушэр поставил меня в известность, что дед его был гранд и имел сорок миллионов состояния. Но в карете дедушки далеко не уедешь, как говорится у Горького,

поэтому я угощаю моего мушара кофе, пивом и табаком. Он приемлет с благодарностью, только жалуется, что я курю слишком легкие папиросы. В библиотеке он садится против меня и терпеливо плюет в течение трех часов на пол.

Так мы коротаем с ним время в ожидании парохода на Нью-Иорк.

P. S. Так как префект Кадикса не владеет иностранными языками, то он пригласил в качестве переводчика при наших объяснениях какого-то немца. Потом оказалось, что этот немец — секретарь германского консульства. К сведению ахентов и хефов из „Призыва"!

Кадикс, 21 ноября 1916 года.

Внушения „хефов" и откровения „ахентов".

До меня только сегодня дошел № 49 „Начала" с переводом статьи из „Action socialiste", посвященной покойному „Нашему Слову" вообще, мне — в частности. В этой „статье" или в этом рапорте есть одна подробность, на которую редакция „Нашего Слова" не обратила внимания, — а между тем подробность любопытная. „Потом эту особу, — говорит рапорт обо мне, — видели таскающейся по передним Геда и Самба, снабженной рекомендацией, полученной от Плеханова, чтобы добиться разрешения ехать на фронт в качестве корреспондента русских газет. Как только это разрешение было получено, эта особа".... и пр. Вообще говоря, не было бы ничего предосудительного в том, если бы я, в качестве журналиста, обратился к Геду и Самба, как министрам, с просьбой о том или другом содействии в „профессиональном" деле. Рапортующий называет это „тасканием по передним". Хочет ли он сказать, что социалистические министры принимают журналистов не иначе, как в передней? Или же такой чести удостаиваются специально журналисты, „снабженные рекомендацией, полученной от Плеханова"? Как видите, рапортующий... зарапортовался.

Но суть не в этом, а в том, что „разрешение ехать на фронт" мною вовсе не было получено. И не потому, что мне в нем было отказано, а потому что я о нем никогда никого не просил. Я считал неудобным — именно в виду политической пози-

ции „Нашего Слова“, к редакции которого принадлежал, — вступать в те официальные связи, которые необходимы для поездок „на фронт“.

Но с какой же просьбой в таком случае я обращался к Геду и Самба? Да ни с какой. Посещал ли их? Никогда. За два года своего последнего пребывания во Франции я Геда видел один раз..... из окна квартиры т. Раппопорта. Никогда с ним не говорил. Самба же никогда в жизни не видал и в глаза. Но меня же „видели таскающимся по передним“? Заметьте себе: *видели*..... Мало ли чего! Один испанский ахент „видел“ меня, например, „в сопровождении таинственного француза“ на скачках. Это бывает. Ахенты, вообще говоря, народ пьющий, у них нередко в глазах двоится, да и в трезвом виде они, по тупости своей, плохо различают человеческие лица. А рапортовать горазды.

Но на чем же построил все-таки франко-русский агент повествование о том, как он меня видел (лопни мои глаза!) в передних Геда и Самба? А вот тут самое интересное и есть. Дело в том, что в самом начале войны, собираясь во Францию, я действительно просил по телеграфу из Цюриха Плеханова (о позиции которого тогда у меня, да и у всех „цюрихчан“, не было никаких определенных сведений) прислать мне письмо к Геду — на случай, если бы мне пришлось обратиться к нему за содействием. Вскоре после получения этого письма, будучи еще в Швейцарии, я узнал о подвигах Плеханова в Париже и тогда же решил письмом его не пользоваться. Мне достаточно было пробыть несколько дней в Париже и осмотреться, чтобы решить вообще не обращаться к Геду—ни в качестве журналиста, ни тем более в качестве социалиста. Самба я вообще не имел в виду. Помнится, я тогда же рассказывал товарищам (в частности Мартову и Владимирову) о письме Плеханова, остающемся „без употребления“. Когда Плеханов просил с.-д. депутатов Думы „успокоить“ его голосованием за кредиты, я разыскал его письмо и хотел вернуть автору, но воздержался от этой демонстрации, считая, что и без того все ясно...

А теперь вот когда Гед и Самба выслали меня из Франции, Плеханов сообщил об этом своем неиспользованном мною письме своему собственному ахенту, чтобы уличить меня.... в чем, почтеннейший? В том, что у меня было достаточно политической брезгливости не пользоваться вашими рекомендациями в те первые

месяцы войны, когда еще не совсем было ясно, что „маститый“-то был, да весь вышел?...

А ахент — его дело маленькое: он получил от „хефа“, осторожно сохраняющего в таких случаях свое „инкогнито“, сведение о письме и немедленно же, затрепетав всеми конечностями, „увидел“ меня в передних Геда и Самба.

Этот ли самый агент читал мои „ортодоксально-патриотические корреспонденции“ или какой-либо другой пакостник, — сказать точно не могу. Но думаю, что этот самый.

P. S. Остается еще напомнить, что наиболее существенные части моей немецкой брошюры, „запальчиво написанной в пользу союзников“, были напечатаны в том самом „Нашем Слове“, которое стремилось оказывать немцам „материальную помощь“.

„Начало“, 27 декабря 1916 года.

XVII. В Соединенных Штатах.

М. Г. БРОНСКИЙ

Аванпостные стачки в американском социализме.

1. Да здравствует борьба!

Дверь Европы захлопнулась за мною в Барселоне. Испанская полиция, в качестве послушного пиренейского орудия „западных демократий“ — Франции и Англии — усадила меня на пароход Трансатлантической компании, который в течение 17 дней доставил свой живой и мертвый груз в Нью-Иорк. 17 дней — это срок был бы, вероятно, очень заманчивым для эпохи Христофора Колумба, гордый памятник которого возвышается над портом Барселоны. Но в „наш век“ электричества и радия почти трехнедельное странствование по водам Средиземного моря и Атлантики могло бы показаться возвращением к транспортному варварству... если бы мы не жили в эпоху, так называемой, „освободительной войны“. Письмо из Мадрида в Париж идет теперь 6 — 7 суток вместо 30 часов — и в двух случаях из трех не доходит вовсе. Телеграммы развивают приблизительно ту же скорость. На всех углах и перекрестках Европы — да, впрочем, и других частей света, — сидят сейчас облаченные в ботфорты жрецы освободительной войны, вскрывают корреспонденцию, читают, задерживают письма, а если возможно — то и авторов. Из Копенгагена в Кадикс — из одной нейтральной страны в другую — я получал письма, вскрытые на большой дороге французской военной цензурой, которая на конвертах оставляла официальный след своей... любознательности.

В России жандармы искони смазывают химическими жидкостями письма политических заключенных, чтоб удостовериться, нет ли там тайного текста. Теперь этот способ широко применяется военными цензорами к корреспонденции всей Европы. И не мудрено: война превратила Европу революций и социализма в обширные арестантские роты и, сообразно этой „эволюции“, сделала русского царя наиболее ярким выразителем духа всей имущей, правящей и воюющей Европы... да и не только одной Европы. Незачем говорить, что в центральной Европе нисколько

не лучше: методы Гогенцоллерна являются только переводом англо-франко-романовских методов на немецкий язык.

Было бы, однако, клеветой или, по меньшей мере, жалким недомыслием гуманитарных пацифистов утверждать, что в Европе нет сейчас ничего и никого, кроме торжествующих варваров, которые обокрали цивилизацию девятнадцати столетий, чтобы из всех завоеваний ее сделать орудия истребления. За два года войны, самой безумной и самой постыдной из всех войн истории, под милитаристическим панцырем Европы накопилось в массах столько негодования, отчаяния и ненависти, как никогда в прошлом... И вместе с тем в подполье траншей, куда загнан сейчас цвет европейского населения, и на заводах, фабрикующих снаряды, и в очагах осиротевших семей работает—медленно, слишком медленно, но упорно и неутомимо—работает критическая мысль новых миллионов, пробужденных громом войны. Сочетание сосредоточенной ненависти с критической мыслью страшно для сегодняшних хозяев Европы, ибо оно означает революцию. С глубокой верой в надвигающуюся революцию я покинул окровавленную Европу. И без всяких „демократических“ иллюзий я вступил на берег этого достаточно постаревшего „Нового света“. Здесь те же силы и те же вопросы, те же опасности и те же обязанности, что и там. И в семью революционного американского социализма я вступаю с тем лозунгом, которому научила меня старая Европа:

— Да здравствует борьба!

„Новый Мир“, 16 января 1917 г.

2. Под знаменем социальной революции.

(Речь на интернациональном нью-иоркском „митинге встречи“ 25 января 1917 г.)

Товарищи! Прежде всего позвольте выразить благодарность и устроителям этого собрания, и ораторам, и всем собравшимся за радушную встречу на американской почве. Теперь, когда дверь Европы временно захлопнулась за моей спиной, я надеюсь работать рука об руку с вами в семье американского революционного социализма.

Ваш Нью-Иорк произвел огромное впечатление на меня. Нужно прибавить, что я прибыл сюда непосредственно из Испании, из страны прекрасного неба, яркого солнца, но вместе с тем из

страны застоя, беспечности и живописной нищеты, из страны, которая в значительной своей части живет почти той же жизнью, какую описал Сервантес более 300 лет тому назад. Трудно представить себе больший контраст, чем города Андалузии и — Нью-Иорк.

Но и Париж, где я прожил два года войны, сейчас дает совсем иную картину, чем Нью-Иорк. Это не старый Париж, город-Светоч, как его называли с гордостью французы — ни в духовном, ни в физическом смысле. Сейчас это город... тьмы. Газ тушат в 6 часов вечера из-за недостатка угля. Окна занавешены — из-за страха перед цеппелинами. Темно и грязно на улицах. Смутно в квартирах. Тревожно в душах. Нехватка во всем. Почти невозможно достать сахару. Некому починить сапоги. Нитки расползаются под руками. Вся экономическая ткань страны расползается под руками... И Нью-Иорк поражает в первый же момент своим расточительным светом, обилием средств передвижения, напряженной сутолокой улиц и возможностью достать, что нужно, хоть и по чудовищным ценам. Поистине, страна чудес, — страна, где можно сразу купить целый фунт сахару!.. Вы видите из этого, кстати, что наша европейская программа-минимум стала очень скромной.

Величайший по значению экономический факт, товарищи, состоит в том, что Европа разоряется в самых основах своего хозяйства, тогда как Америка обогащается. И, глядя с завистью на Нью-Иорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спрашиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?

Эта мысль может возникнуть тем естественнее, если от экономического состояния Европы перейти к ее политическому состоянию. Война за „демократию“ и „право“ все больше приводит к распространению на всю Европу порядков и нравов царизма.

Мне вспоминается, как во время Штуттгартского конгресса — 10 лет тому назад — старый английский социалист Квелч назвал на митинге конференцию европейских дипломатов сборищем лгунов и разбойников. Этого чувствительное вюртембергское правительство не выдержало и выслало Квелча за пределы Германии. Я помню, товарищи, какими негодующими восклицаниями

и каким сарказмом встретил известие о высылке Квелча конгресс и, в частности, как возмущалась французская делегация, привыкшая к „демократическим“ нравам республики... За эти десять лет я мог только убеждаться, что характеристика, данная Квелчем буржуазным дипломатам, как разбойникам с большой дороги, вполне и целиком отвечает действительности. Я был на Балканах во время Балканской войны и снова проверил на этом малом примере, на этой репетиции великой бойни: да, руководители нынешних государств — разбойники с большой дороги. С этим твердым убеждением я вошел в войну и здесь еще менее находил основания менять наш социалистический взгляд на буржуазное общество и его руководителей. И именно за исповедывание этого взгляда в печати и на небольших собраниях — больших не разрешают — меня и выслали не из монархического Вюртемберга, нет, а из республиканской Франции. И кто выслал? Не королевское или великогерцогское правительство, а правительство республиканской обороны, следовательно, и входящие в его состав участники Штуттгартского Интернационального Конгресса: Жюль Гед, Марсель Самба, Альбер Тома... троица социалистических министров и сотня социалистических депутатов, голосующих кредиты на войну и на полицию г-на Мальви.

Таков политический прогресс!

Вы спросите: а как же реагирует на это разорение и опустошение, причиняемое войной, на это политическое одичание рабочий класс? Что делают социалистические партии?

Я не стану вводить вас в заблуждение и рисовать вам потемкинские деревни. Мы, интернационалисты, в Европе в меньшинстве. Мы имеем против себя, прежде всего, государственную власть, вооруженную до зубов, буржуазное общественное мнение со всеми его учреждениям, — парламентом, прессой, университетами, учеными обществами, церковью, театрами и кафэ-шантанами, ибо нужно сказать, что каждый кафэ-шантан теперь превращен в патриотический кратер, извергающий лаву шовинизма. Мы имеем против себя самые могущественные партии Второго Интернационала, являющиеся ныне главной опорой своих воюющих правительств. Если взглянуть на нас со стороны нашей численности или со стороны нашего проявления на официальной политической арене — в парламентах, в легальной прессе — мы незначительное меньшинство. Более того: мы имеем против себя —

и это немаловажно — крупнейшие личные авторитеты социализма, опирающиеся на могущественные рабочие организации.

На этот счет не может быть спора. И кто хочет руководиться только этими признаками: признанными авторитетами, числом депутатов и редакторов, числом официальных членов организации, тот должен сегодня повернуться к строящемуся революционному Интернационалу спиной. И такого мы не станем удерживать... Нам нужны только верные.

Но Карл Либкнехт не руководится этими внешними признаками, Либкнехт не остановился перед авторитетами и официальной волей верхов четырехмиллионной партии; он поднял свой голос и вначале он был один. Но я спрашиваю вас, товарищи, где немецкий социализм: там, где Шейдеман, или там, где Либкнехт? Разве не ясен ответ! Кто спас честь германской социал-демократии и обеспечил ее будущее? Либкнехт. Оттого сердца сознательных рабочих бьются гордостью, когда произносится имя Либкнехта.

Либкнехт ныне не один! В самой Германии уже много жертв, уже сотни и тысячи героев нового Интернационала — революционного действия и непримиримой борьбы.

И смотрите, такие старые патентованные авторитеты, как Каутский, как Бернштейн, как Гаазе оказываются вынуждены хоть слегка передвигаться справа налево, то-есть, в том направлении, какое указал Либкнехт.

Если сила в числе, то почему же официальное большинство партии распадается, а меньшинство крепнет и растет?

Ползание на коленях перед силою числа и весом авторитета есть жалкая и позорная слепота в эту эпоху, когда обрушиваются старые устои жизни, старые авторитеты, старые методы, и новые силы, новые тенденции поднимаются из-под спуда.

В Германии — Либкнехт, в Австрии — Фридрих Адлер. В эпоху шовинистической подлости и личной трусости вождей и руководящих организаций Адлер показал пример личного мужества и готовности принести себя в жертву во имя нашего, а не ихнего дела, под нашим, а не под ихним знаменем. Мы видим в Швеции мужественную борьбу Хеглунда, в Англии — Маклина, в Румынии — Раковского. Хеглунд и Раковский ведут революционными методами борьбу против вмешательства их стран в войну, и американским товарищам, которым грозит та же опасность; нужно по-

внимательнее присмотреться к этим европейским примерам. Мы имеем, наконец, группу революционных депутатов русской Думы, которые противопоставили подлинный голос революционного пролетариата вою буржуазно-царистского патриотизма и подвыванию социал-патриотов; за свой революционный подвиг они расплачиваются ныне в Сибири... Мы имеем мужественных борцов в Италии, в Сербии, в Болгарии. Они в меньшинстве, но они везде указывают завтрашний день и подготовляют торжество социализма.

Таковы герои. Но не в них, товарищи, основа наших ожиданий и надежд. Мы строим наши исторические расчеты на революционном перерождении масс, на том процессе, который совершается в глубинах и который завтра проявится с необычайной силой.

Товарищи! Можно бы стать не только пессимистом, но и мизантропом, ненавистником человеческого рода, если поверить, что все, что теперь происходит, пройдет бесследно для правящих; что люди — все то, что останется от них — вернутся после последнего пушечного выстрела покорно на свои места, в свои капиталистические стойла, к своим разбитым корытам. Как? Какой же еще урок нужен человечеству? Какие еще страдания и унижения? Какие новые кровавые испытания? Какой набат может пробудить его, если не набат этой войны?

Но нет, этого не будет; война не может пройти и не пройдет безнаказанно для капиталистического мира. Все силы истории — и слепые, и сознательные — соединились вместе для того, чтобы подвинуть наконец человечество,— слишком косное, слишком терпеливое, слишком робкое! — из колеи выжидательного прозябания на путь революционной борьбы.

Вглядитесь, на самом деле, в те катастрофические изменения, какие производит война. Низкий, но все же сравнительно устойчивый экономический уровень, на котором держались широкие народные слои — мелкая буржуазия и рабочие — исчез, провалился под ногами. Не осталось ничего устойчивого. Никто не знает, что готовит завтрашний день.

Кто был богат — стал богаче. Кто был беден — стал беднее. Все противоречия стали глубже, все контрасты — разительнее, все несчастия — острее, все язвы — болезненнее. Грозный факт! Люди могут привыкнуть к бедности и тянуть ее лямку. Но внезапное

обеднение всегда ощущается, как болезненный удар. Средние и мелкобуржуазные классы были опорой порядка. Теперь они потрясены более всего. Скачок в пропасть нищеты не раз вызывал восстания.

За последние десятилетия капиталистические государства наклеивали на свои язвы пластырь социальных реформ. Конец! Для социальных реформ, как и для войны, нужны три вещи: деньги, деньги, деньги. Но война пожрала деньги. Государственные кассы опустошены. Новых реформ не будет. Старые будут сведены на-нет. Никаким иллюзиям не будет места. Люди станут беднее—не только достоянием, но и иллюзиями. А горе капиталистическому обществу без иллюзий!

Наконец, и в психическом смысле война совершает грозную для правящих классов работу перевоспитания.

Война разрушает принижающую силу *привычки*. Не даром же рабская мудрость говорит: „Привычка—вторая натура". Привычка к рабству есть необходимая смазка в машине рабства. Поэтому для классового общества всякие крупные потрясения опасны. Нельзя раба безнаказанно вырывать из привычных условий рабства — ни для того, чтобы поднимать его вверх, ни для того, чтобы сразу опускать его вниз. А война сделала и то и другое. Она вырвала раба из условий рабства, опустила его в траншею, где он покрывается собственными отбросами и вшами,— и в то же время сказала ему, что он — спаситель страны, что он герой, и имеет все права на благодарность и заботу отечества.

Война убивает вечно озирающуюся по сторонам *осторожность*, — эту мещанскую карикатуру инстинкта самосохранения. Люди приучаются ныне видеть смерть и смотреть ей в глаза. Люди удостоверяются, что на миру и смерть красна. Их нервы становятся способны к небывалым напряжениям и недолго могут мириться с пошлым ритмом приниженной и придушенной обывательской жизни. Создается новый человеческий тип. Люди, у которых между словом и делом путь короче, люди, которые способны к *дерзанию*. Это необходимая предпосылка революции.

Теперь взгляните на все происшедшее и происходящее обобщающим взглядом. Два поколения социалистов пробуждали рабочие массы к борьбе, повышали их требовательность, открывали перед ними новые перспективы, новые миры. Надежды передовых рабочих Первого и Второго Интернационала на близкое

осуществление социалистического идеала не сбылись. Надежды от этого не исчезли, но перешли в упорную подготовительную работу. Строили организации, привлекали отсталых, воспитывали их, умножали прессу, — таким образом накопляли и консервировали революционную энергию рабочего класса в течение годов и десятилетий. И вот, прежде чем революционная партия отважилась двинуть рабочие массы на прямую борьбу за осуществление их надежд и идеалов, буржуазия осмелилась прибегнуть к самым жестоким, кровавым методам разрешения своих исторических задач. Мало того, ей удалось использовать авторитет социализма в массах для целей капиталистической войны. Официальные социалистические вожди стали загонщиками империализма. Таким путем капиталу удалось мобилизовать отсталость, темноту, рабские инстинкты, суеверия, предрассудки не только отсталых, но и передовых элементов рабочего класса, и все это облечь — через посредство социал-патриотической организации — в ореол служения высшим задачам, высшим целям. Этот опыт, то-есть самая возможность его осуществления, свидетельствует о могуществе буржуазии и о ее великом политическом искусстве. Но все говорит за то, что этот исторический эксперимент станет для буржуазии роковым. Он ускоряет политическое воспитание масс, он заставляет их кровью смыть рабское наследие своего прошлого, он вынуждает их в условиях, где жизнь непрерывно борется со смертью, проверить действием правду и ложь буржуазного государства, церкви, социал-патриотизма и революционного социализма. И из этой проверки мы, революционеры, неизбежно выйдем победителями.

Сейчас еще не видно, как и когда закончится война, но она закончится! Рабочие выползут из своих траншей, встанут во весь рост, оглянутся вокруг и оценят наследство войны: разрушение экономического фундамента, рост противоречий, обострение нищеты. Вернувшись к себе, они найдут голод у своего порога. Их объявили героями, им обещали в результате войны чудеса, а на деле им не смогут дать хлеба. Эти вышедшие из траншей рабочие-бойцы не будут больше так терпеливы, как были до войны. Они научились владеть оружием. Неужели можно допустить, что у них не явится мысль о том, что это оружие может служить их собственным целям? Одновременно, всюду и везде, поднимаются, крепнут и приобретают авторитет вожди, которые

в непримиримой борьбе с социал-патриотами указывают массам действительный путь спасения.

Грядущая эпоха будет эпохой социальной революции. Это убеждение я вывез из разоряемой, сжигаемой, окровавленной Европы, — и здесь, в Америке, я вас приветствую под знаменем грядущей социальной революции!

3. Повторение пройденного.

В истории было не раз, что религиозные или политические идеи, исчерпавшие себя в Европе, переселялись на почву Америки, где в течение некоторого времени еще находили себе источники питания. И так как Америка — страна без традиций и по возможности без идеологии, то переселявшиеся сюда учения сразу принимали обыкновенно упрощенную форму.

То же самое происходит сейчас с „идеями“ войны. Все европейские правительства вступали в бойню с „освободительными“ словами на устах. Правящая Германия собиралась освободить народы России. Французское правительство предлагало немецкому народу руку помощи против прусского милитаризма. Царь спешил освободить народы Австрии. Англия взяла на себя задачу освободить всю Европу от немецкого засилья. Гогенцоллерн пламенел любовью к восставшим ирландцам. Сазоновы и Милюковы ночей не спали, беспокоясь о горькой участи турецких армян. Словом, все ответственные участники и руководители войны только для того и оттачивали кривые ножи, чтобы кого-нибудь „освободить“ — по ту сторону границы. И все проповедывали свободу народов, — больших и малых, свободу экономического развития, свободу морей, свободу проливов, свободу заливов и еще с полдюжины других свобод.

За два с половиною года военного опыта освободительные лозунги окончательно износились в Европе; и хотя патриотические политики, особенно из отставных социалистов, продолжают с упорством шарманки повторять старые слова, но почти никто уже не верит им... И вот мы видим, как износившиеся легенды, сотканные из подлости одних и глупости других, поспешно переселяются через океан, непотревоженные немецкими подводными лодками, и пытаются зажить новой жизнью на почве Соединенных Штатов.

Почему готовится эта страна ко вмешательству в войну? Потому, что надо спасать „свободу человечества“. Потому, что необходимо отстоять нормы „международного права“. Потому, что попранная „мировая справедливость“ взывает к спасителю — Вильсону. Патриотический журналист макает перо в чернильницу и выводит на бумаге все те широковещательные слова, которые в Европе успели набить оскомину самому невзыскательному обывателю захолустья.

А как же с военными поставками, которым грозят немецкие подводные лодки? А как же с миллиардными барышами, срываемыми с истекающей кровью Европы?.. О, кто смеет об этом говорить в час великого национального энтузиазма! Если биржа Нью-Иорка готова к великим жертвам (нести их будет народ), то, разумеется, не во имя презренного чистогана, а ради вечных истин... как бишь это называется? — морали. И не вина биржи, если служение вечной справедливости приносит ей 100 и больше процентов барыша!

Возьмите европейские газеты конца июля и первых дней августа 1914-го года — и вы поразитесь, до какой степени ученически здешняя пресса повторяет то, что говорилось тогда на всех языках человеческой лжи. Поистине американская пресса не открывает Америки! Вся ее кампания, с начала до конца, есть „повторение пройденного“.

С начала до конца! Пока что мы наблюдаем только начало; но не нужно пророческого дара, чтобы предсказать продолжение и конец. Сейчас задача сводится к тому, чтобы внушить народу, что война ему навязана противной стороной. Для этого необходимо во всем блеске представить ему миролюбие правительства Соединенных Штатов. Какой незаменимой фигурой является тут для империалистических заговорщиков президент Вильсон! Уж если этот патентованный „пацифист“ с его ангельским незлобием порвал дипломатические сношения с Германией, стало быть, вина целиком на ее стороне. Таким образом и от пацифизма никакого вреда, кроме пользы.

Пока еще биржевая пресса не смеет поднимать прямую травлю против немцев и всего немецкого — иначе слишком явно обнаружилось бы, что шакалы только и дожидались своего часа. Нет, нужно дать народу небольшой срок, чтобы освоиться с кризисом. Нужно на переходное время оставить массам некото-

рую надежду на мирный исход. А когда подготовительная работа мобилизации душ будет завершена, тогда из дипломатического центра дан будет сигнал — и дьявольская музыка шовинизма развернется во-всю.

Мы это все пережили в Европе. Мы знаем эту музыку и ее нехитрые ноты. И наш долг — ваш долг, передовые рабочие! — ответить правящим нашей собственной музыкой: могучей мелодией Интернационала.

„Н. М.", 7-го февраля 1917 г.

4. Большое обязательство.

(По поводу резолюции митинга в Карнеги-Голл.)

Официальная социалистическая кампания против войны открылась 5-го февраля внушительным митингом в Карнеги-Голл. С организационно-политической стороны, первое выступление было отягощено жесточайшей ошибкой: митинг был организован социалистической партией совместно с буржуазно-поповскими пацифистами („друзьями мира"). Причина этого неуместного сотрудничества имела, как нам сообщают, „случайный" характер: единственный подходящий зал, Карнеги-Голл, был уже сдан буржуазным пацифистам, а наша партия не считала возможным откладывать свое выступление. Но как ни важно было это практическое соображение, мы считаем своим долгом заявить, что возможность устроить митинг в Карнеги-Голл была оплачена слишком дорогой ценой. Социалистическая партия выступила в одной шеренге с людьми, которые сегодня платонически протестуют против войны, а завтра, когда раздастся первый выстрел, поторопятся в большинстве своем заявить себя добрыми патриотами и, по примеру всех буржуазных пацифистов Европы, станут поддерживать государственную машину массовых убийств, внушая массам, что для достижения „справедливого мира", „долгого мира", „вечного мира" необходимо довести войну до конца. Выступая вместе с людьми, для которых Вильсон является все еще предопределенным миротворцем народов, мы смешиваем карты и сбиваем массы с пути. Между тем для действительной, а не показной, для революционной, а не декоративной борьбы против войны и милитаризма

пролетариату прежде всего и больше всего необходима ясность классового сознания.

Из основной ошибки вытекала вторая, производная: обе внесенные резолюции, социалистическая и пацифистская, голосовались совместно. И хотя по настроению собрания было очевидно, что революционные рабочие составляли в нем подавляющее большинство, однако же соотношение сил не нашло себе выражения в голосовании, и революционный характер манифестации был чрезвычайно ослаблен психологически, как и политически.

Зато мы с большим удовлетворением встретили самый текст резолюции, внесенной официальными ораторами социалистической партии. В ней сказано, правда, не все, что мы хотели бы сказать, и в ней есть кое-что лишнее. Но в общем резолюция есть принципиально-интернационалистский документ, а по условиям момента она представляет собою революционный акт или, по крайней мере, вступление к нему.

Если резолюция говорит, что „война ослабит благороднейшие традиции этой республики", то приходится только отметить, что это двусмысленное расшаркивание перед традициями буржуазной республики было бы гораздо более уместным в резолюции буржуазных пацифистов: те завтра начнут доказывать народу, по примеру пацифистов Франции, что именно для спасения „благороднейших традиций республики" нужно сокрушить Германию. Наша пролетарская республика не в традициях прошлого: она вся в будущем.

Резолюция говорит, — и прекрасно говорит, — что „угрожающая нам война будет служить только эгоистическим интересам капиталистов этой страны". Эти интересы в резолюции названы по имени: борьба идет из-за „священного права американских капиталистов жиреть на несчастьи пораженной войной Европы". В виду этого резолюция объявляет „величайшим лицемерием заявление президента Вильсона в Конгрессе о том, что мы не собираемся служить эгоистическим целям". Величайшее лицемерие — это прекрасно сказано, и притом не в бровь, а в глаз тем горе-социалистам, которые знамя социализма подменили (целиком или наполовину) знаменем вильсонизма. Социализм предполагает организованное восстание против буржуазного общества. Социалистическая политика есть организованное не-

доверие к буржуазным партиям, их вождям и государственным приказчикам.

Резолюция не ставит в принципиальной форме вопроса о „национальной обороне". Это ее серьезнейший недочет. Но резолюция заключает в себе совершенно достаточный политический ответ на этот вопрос. Кто, в самом деле, посмеет нам завтра говорить о долге национальной обороны, раз сегодня нам объяснили, что война затевается в защиту „священного права американских капиталистов жиреть на несчастьи пораженной войною Европы"? Запомните эту простую, ясную и честную формулу, товарищи! Она вам пригодится. Она заключает в себе категорическое обязательство для всех представителей рабочего класса во всех учреждениях республики голосовать против всяких кредитов, предназначаемых на потребности этой войны. Она заранее выдает волчий билет тем членам партии, которые попытаются заговорить завтра, когда разразится война, о „гражданском мире" с национальным правительством: ибо только ренегаты, перебежчики, люди без чести и совести, могут призывать рабочих „мириться" с организаторами и руководителями бойни, предпринятой для обеспечения американским капиталистам права жиреть на несчастьи истекающей кровью Европы.

Резолюция призывает „рабочих Соединенных Штатов к борьбе всеми имеющимися в их распоряжении средствами против попытки втянуть Соединенные Штаты в войну". Мы думаем, что об этих средствах можно было и следовало говорить более определенно. Но общее направление борьбы совершенно ясно указано тем, что резолюция обещает идти по пути Либкнехта, Феннер-Броквей [1]), пяти членов русской Думы „и всех остальных мучеников, пожертвовавших своей свободой и даже жизнью за дело мира".

„Средства, имеющиеся в распоряжении" пролетариата, определяются целиком его ролью в капиталистическом производстве и его положением в современном государстве. Этих средств незачем выдумывать: они даны историческим опытом классовой

---

[1]) Феннер - Броквей был членом „Независимой партии труда" в Англии. Он издавал газету „Labour Leader" в начале войны. Как представитель оппозиции против войны, был заключен в тюрьму. В сущности типичный пацифист в духе правого крыла интеллигенции. В последнее время потерял значение. (Справка т. Хейвуда.)

борьбы пролетариата в высших ее, наиболее напряженных формах. Именно в этом направлении призывает нас бороться резолюция, расширяя русло движения, увеличивая его идейно-политический размах и повышая его боевую напряженность.

Товарищи видят, что резолюция социалистической партии богата содержанием. Это боевой призыв и указание пути. Но это вместе с тем и большое обязательство, принятое на себя руководящими кругами партии. Будем же следить за тем, чтоб это обстоятельство — без слабости, без уступок и колебаний — было выполнено до конца!

„Н. М.“, 8 февраля 1917 г.

5. Нужно выбирать путь.

Американский социализм ходом вещей выбивается из нейтральной позиции. Он должен переходить на военную ногу. Вопросы об отношении к войне, к национальной обороне, к гражданскому перемирию встают перед мыслью американского пролетариата во всей своей практической остроте. Благодаря политике своих правящих классов рабочие Соединенных Штатов получают жестокую возможность убедиться, что те разногласия, которые раздирают европейское рабочее движение, отнюдь не надуманы досужими теоретиками: дело идет о жизни и смерти социализма.

Это не преувеличение. Вся история социалистического движения полна внутренней борьбы. Угнетенный класс, движущийся снизу вверх, не может развиваться иначе, как путем критики и самокритики. Но никогда еще разногласия внутри социализма не достигали такой глубины, как в настоящее время. В борьбе марксизма с анархизмом, а затем с реформизмом вопрос шел о путях и методах преодоления капиталистического строя. Между тем сейчас между революционными социал-демократами и социал-патриотами, по существу дела, стоит вопрос: нужно ли вообще вести борьбу против капитализма и буржуазного государства? И поэтому нет ничего удивительного, если анархисты-патриоты, как Кропоткин, Жан Грав и др. сходятся с социалистами-патриотами, тогда как анархо-синдикалисты, оставшиеся верными интернационализму, тяготеют к социалистам-циммервальдцам.

Правда, может показаться, что нынешнее разногласие, несмотря на всю свою остроту, имеет преходящий характер: оно,

порождено исключительными условиями войны и исчезнет вместе с нею. Но это наивнейшая иллюзия. Сами социал-патриоты во всех странах успели за время войны сделать необходимые выводы из своего поведения и для мирного времени. Партия, которая берет на себя ответственность за национальную оборону, — рассуждают они совершенно справедливо, — обязана и в мирное время заботиться об аппарате этой обороны. Принципиальная оппозиция милитаризму должна быть отброшена. Нужно и в мирное время голосовать кредиты на армию и флот, чтобы было чем обороняться в случае войны. А это меняет все отношение к правительственной власти: на место непримиримого антагонизма становится „деловая“ точка зрения, и социал-демократия из партии социальной революции становится одной из национальных партий: она энергичнее других отстаивает реформы в пользу трудящихся, но лишь постольку, поскольку эти реформы не задевают основ буржуазного строя и не сталкиваются с потребностями национальной обороны.

Правда, и сейчас еще имеется немало отсталых социал-патриотов, которые упорно отказываются сводить концы с концами своей новой позиции и повторяют афоризм, выдвинутый ими для утешения своей совести в начале войны: „дом горит—нужно спасать его; в этом одинаково заинтересованы жильцы бэль-этажа и мансарды; а затем каждый вернется на свое место, и все пойдет по-старому“. Однако, эта пожарная философия слишком легковесна.

„Вы великодушно соглашаетесь тушить дом, когда он уже загорелся,—отвечают более последовательные социал-патриоты,— но ведь для тушения недостаточно доброй воли: нужно еще иметь бочку с кишкой. Ясно, что мы не имеем права и в мирное время отвергать военные кредиты и весь буржуазный бюджет“.

Эта точка зрения является единственно-последовательной, если стать на почву национальной обороны. Но здесь именно и открывается, что социал-патриотизм означает полное и окончательное приручение революционной партии капиталистическим государством и использование социалистического знамени в интересах „патриотического“ дисциплинирования рабочих масс. В этом смысле мы и сказали, что дело идет о жизни и смерти социализма.

История не раз уже давала примеры великих идейных движений, которые зарождались и развивались, как протест угнетен-

ных масс, а затем становились незаменимым орудием в руках имущих классов для упрочения консервативного порядка.

Христианство началось как движение самых униженных и обездоленных слоев римского государства. Оно превратилось затем в орудие правящих, а сейчас является незаменимой психологической смазкой в машине капиталистической эксплуатации.

Реформация, выросшая из бурных народных движений против церковного гнета, стала во всех протестантских странах верной прислугой капитала.

Либерализм и *демократия* служили знаменем „народа" в его борьбе против монархии и феодализма; они стали знаменем буржуазии в ее борьбе против пролетариата.

Однородную эволюцию проделывает в лице своего патриотического крыла и социализм: *из мятежного движения он становится консервативным, и правящие классы подчиняют его своим целям.*

Можно, разумеется, отделываться успокоительными рассуждениями на тему о том, что антагонизм пролетариата и буржуазии неискореним, что социализм не может отрешиться от своего классового характера, и что незачем, стало быть, бить тревогу: перемелется — мука будет. Этот обывательский оптимизм, за которым скрывается обычно полное идейное безразличие, не только широко распространен в Америке, но и выдается сплошь да рядом за самый чистопробный марксизм. На самом деле это жалкая подделка под него.

Если социализм „все равно" победит, зачем тогда социалистическая партия? Зачем дана нам способность оценки, критики и предвидения? Марксизм вовсе не фатализм. Марксистская теория может объяснить нам исторические причины возникновения социал-патриотизма, но она не избавляет нас от необходимости бороться против него. Социализм победит, конечно, но не иначе, как через рабочий класс, через его волю, ясность его сознания и революционную самоотверженность. Рабочий класс сам должен пролагать свой исторический путь, а следовательно сам должен определять его направление.

Мы причинили бы поэтому величайший вред делу освобождения пролетариата, если бы стали отрицать, преуменьшать или смазывать всю глубину расхождения между интернационализмом

М. К. ВЛАДИМИРОВ

и социал-демократизмом. Нужно сознательно выбирать между этими двумя исключающими друг друга направлениями. Для тех американских рабочих, которые не сделали этого выбора в прошлую эпоху, на основании опыта Европы, теперь наступает последний момент. Капиталистическое государство завтра заставит их выбирать. Оно бросит их в пекло пожара, подожженного его собственной рукой, и скажет им: „Наш дом горит,—ступайте, рабочие, тушите его!"

„Н. М.", 23 февраля 1917 г.

6. Для чего Америке война?

По имени Соединенные Штаты считались нейтральной страной, но на деле они вели открытую войну на стороне союзников — Англии, Франции, России и Италии. Это знают все. Америка непрерывно снабжала союзников боевыми припасами, и ее „симпатии" к французам и бельгийцам были почти так же высоки, как ее барыши. Американский капитал готов был бы, разумеется, обслуживать обе воюющие стороны: продавать немцам снаряды против французов, а французам против немцев. Это была бы для капитала идеальнейшая „нейтральная" политика. Пушки, симпатии и снаряды были бы тогда несомненно распределены поровну между обоими воюющими лагерями. Но Англия установила блокаду Австро-Германии. Путь к центральным империям оказался отрезан. Если бы Вильсон захотел тогда поступать так, как поступает теперь, он должен был бы во имя „свободы морей" порвать дипломатические сношения с Англией и вообще с союзниками. Но в таком случае американская промышленность оказалась бы сразу отрезана от обоих лагерей. Соединенные Штаты отступили поэтому перед английской блокадой (это и был вильсоновский „пацифизм"), и американский капитал получил возможность наживать бешеные барыши под флагом нейтралитета. Но вот в конце января Германия объявила подводную блокаду против всех своих врагов. Если бы германская блокада была так могущественна, чтобы не только отрезать Америку от союзников, но и открыть дорогу американским товарам к австро-германским берегам, тогда американские капиталисты примирились бы с новым положением и всю амуницию, которую они

заготовили по заказам из Лондона, стали бы отправлять на Берлин. Все „симпатии“ перешли бы на сторону немцев, которые-де защищают Европу от русского варварства. И Вильсон продолжал бы носить халат пацифиста. Но об этом нет и помину. Работа австро-германских подводных лодок достаточна, чтобы расстроить сношения Америки с союзниками, но она совершенно бессильна открыть перед американским капиталом австро-германский рынок. В результате двух блокад Соединенные Штаты оказываются отрезаны от обоих лагерей. Что же остается? Перейти на действительно нейтральное положение, приостановить вывоз амуниции? Но это означало бы не только утрату колоссальных барышей, но и нечто большее. За эти два с половиной года войны американская промышленность внутренно совершенно перестроилась. Вместо того, чтобы создавать для людей предметы потребления, американский капитал стал создавать главным образом орудия истребления. Неисчислимые производительные силы и средства (сырой материал, рабочая сила, машины) сосредоточены теперь в военной промышленности. Прекращение вывоза в Европу означает поэтому небывалый кризис всего капиталистического хозяйства. Многочисленные заводы, выделывающие амуницию, и еще более многочисленные предприятия, поставляющие для них сырой материал, машины и полуфабрикаты, вынуждены будут сразу приостановить работу. Важнейшие биржевые бумаги сразу упадут в цене. В мире капитала воцарятся стенания и скрежет зубовный. Первые признаки такого кризиса наблюдаются уже сейчас. Пароходы не отходят. Гавани запружены. Товары скопляются на пристанях. Вагоны не разгружаются. Но это только цветочки — ягодки впереди. Биржа томится зловещими предчувствиями. Финансовый капитал нервничает. Заправилы трестов требуют решительных действий. Вильсон снимает свои пацифистские туфли и примеривает военные ботфорты. Но чем же поможет вмешательство Соединенных Штатов в войну? Ведь немецкие подводные лодки не сметешь с моря газетными статьями и патриотическим горлодерством? Если могущественный английский флот не может обеспечить „свободы морей“, то американские военные корабли тем менее способны совершать чудеса. Стало быть, при открытом вмешательстве в войну американская военная промышленность все равно останется отрезанной от европейского рынка.

Это, разумеется, бесспорно. Но зато для американских амуниционных заводчиков будет сразу открыт колоссальный новый рынок: в самой Америке.

В этом узел всего вопроса. Обслуживание европейской войны привело к созданию в Соединенных Штатах вавилонской башни военной промышленности. Теперь эта башня возвышается над биржей, над Белым Домом президента, над парламентом, над совестью газетчиков. Если нет возможности вывозить в Европу орудия истребления, то нужно, чтобы за них платила сама американская республика. Нужно в кратчайший срок создать свой собственный милитаризм. До сих пор американский амуниционный капитал наживался на счет европейской крови. Теперь он собирается, подобно европейскому капиталу, чеканить прибыль из мяса и крови собственного народа. Какой характер будет иметь война со стороны Соединенных Штатов — это вопрос особый и он еще не ясен сегодня самим вашингтонским заправилам. Но война им необходима. Им нужна „национальная опасность“, чтобы обрушить на плечи американского народа вавилонскую башню военной индустрии.

„Н. М.“, 9 марта 1917 г.

7. Баранья конституция.

(Конференция Гомперса и К⁰.)

Вашингтонская конференция чиновников Американской Федерации Труда созвана была по требованию правительственного Совета Национальной Обороны, в состав которого входит председатель Федерации С. Гомперс. Уже эта инициатива созыва конференции предопределяла ее задачи: дело шло не о совещании представителей рабочего класса для борьбы против войны и милитаризма, а о заговоре юнионных чиновников для закабаления рабочего класса милитаризму. Именно для этой цели Вильсон своевременно ввел тщеславного Гомперса в Совет Обороны. Именно для этой цели Гомперс созвал конференцию своей собственной „администрации“. И результат получился именно тот, на который рассчитывали заправилы: администрация юнионов поклялась в верности администрации государства.

В центре патриотической клятвы стоит, разумеется, долг „национальной обороны“. Гомперс и его люди не делают на этот счет никаких ограничений и никаких изъятий. Они обещают свои услуги — „во всех направлениях“ — для „защиты, обеспечения и поддержания республики против ее врагов, кто бы они ни были“. Они отказываются заранее от лицемерных адвокатских различений между „оборонительной“ и „наступательной“ войной. Империалистическая республика будет во всякой войне иметь нужду в поддержке рабочих,—и Гомперс обещает их поддержку для всякой войны. А в данный момент—и это самое главное— он обещает свою поддержку для проведения обязательной воинской повинности.

Администрация юнионов присоединяет к этой клятве вассальной (крепостной) верности целый ряд благопожеланий, адресованных к администрации государства. Рабочие (т.-е. чиновники юнионов) должны быть представлены в военных организациях. Рабочие должны иметь голос в определении условий своей службы. Капитал должен быть привлечен к несению материальных тягот войны и пр. и пр.

Как ни пышно звучат некоторые из этих условий, все они являются по существу не только ничтожными, но и глубоко унизительными для рабочего класса. Предавая молодые поколения рабочих в руки милитаризма, профессиональные вожаки юнионов требуют для себя права подавать и свой голос при обсуждении того, каким путем государственный Молох будет пожирать эти поколения. Старые заслуженные бараны требуют у мясника своего представительства на бойне. Они соглашаются на истребление бараньего рода, но с соблюдением правил и обрядностей бараньей конституции.

Чем, однако, гарантировано это соблюдение? На этот счет рабский документ Гомперса и К° отличается крайним косноязычием. С одной стороны, государству обещается поддержка — против всех врагов и при всяких условиях. С другой стороны, эта поддержка как бы ставится в зависимость от соблюдения правительством известных условий.

Но принципиальная позиция Вильсона будет после вашингтонской конференции гораздо тверже, чем позиция Гомперса. При первом же практическом столкновении с юнионными организациями правящие классы этой страны скажут им то же, что

говорили в подобных случаях правящие классы Англии, Германии или Франции своим социал-патриотам: „защита отечества, по вашему собственному признанию, есть первейший долг пролетариата; в таком случае за выполнение этого долга вы не имеете права требовать на чай“. Если американский рабочий класс обязан „лойяльно“ проливать свою кровь за империалистское отечество, то он должен выполнять этот долг независимо от того, будет или не будет Гомперс призван в министерство труда и повысят ли или понизят заработную плату амуниционных рабочих на 10 сентов в день...

В решениях вашингтонской конференции тупой консервативный американский юнионизм находит свое логическое завершение и вместе с тем свою отвратительную карикатуру. Гомперсизм состоит в признании капитализма неизменным строем и в стремлении добиться для пролетариата „благоприятной“ промышленной конституции на неприкосновенных основах капиталистической эксплуатации. Но капитализм стал империализмом. Империализм вовлекает страну в войну. Гомперс коленопреклоненно приемлет милитаризм и войну, как он до сих пор принимал капитализм. Как и раньше, он стремится — теперь уже на основе войны — добиться „благоприятной“ конституции для приносимых в жертву рабочих масс.

Если борьба с Гомперсом была крайне трудной в условиях „мирного“ развития американского капитализма, когда верхи рабочего класса могли получать более или менее крупные крохи со стола буржуазии, то теперь, когда дело идет о беспощадном милитаристском закабалении и военном распятии пролетариата, позиция социалистов в борьбе с гомперсизмом является несравненно более благоприятной. Противоречие между завоеваниями бараньей конституции и страшными бедствиями, какие несет рабочим война, будет слишком очевидным, слишком вопиющим, чтоб самые закоснелые мозги не стали восприимчивее к слову социалистической критики и революционного призыва. Нужно только, чтоб мы сами, социалисты, были на высоте. Никаких уступок государству, милитаризму, патриотизму. Никаких сделок с гомперсизмом. Юнионная бюрократия вступила в заговор с бюрократией капитала. Беспощадная борьба против той и другой должна стать нашим заветом!

„Н. М.“, 15 марта 1917 г.

8. Революционный ценз Хилквита.

Письмо в редакцию „N.-Y. Volkszeitung“ [1]).

Уважаемая редакция!

Мой доклад в немецкой партийной группе Нуарка лишил меня возможности принять участие в воскресном (11 февраля) партийном собрании Нью-Иоркского локала (местной организации) нашей партии. Из отчета вашей газеты я усматриваю, что защищаемая мною позиция подверглась со стороны Хилквита нападению в совершенно неожиданной для меня чисто личной плоскости. Хилквит считает, что наш молодой друг Фрейна не имеет права рекомендовать пролетариату решительную революционную тактику, которая может вызвать необходимость жертв, ибо он, Фрейна, не имел еще до сих пор случая доказать, что лично готов и способен на такие жертвы. По поводу меня, одного из двух подписавших проект меньшинства, Хилквит с укором заявил, что я „не остался в России, чтобы дать расстрелять себя за свои взгляды, а прибыл сюда, чтобы давать другим хорошие советы“. Я не знаю, считаются ли в Америке допустимыми такого рода методы политической „критики“. Я сильно сомневаюсь в этом. Во всяком случае я привык в Европе такие приемы считать не только неубедительными, но и неуместными. В правильности такой оценки не трудно убедиться после нескольких минут размышления.

Т. Симон Берлин, один из членов большинства, заявил, что так как сам он уже вышел из „военного“ возраста, то не считает возможным рекомендовать другим решительные методы борьбы против конскрипции (рекрутчины). Хорошо. Но Фрейна, находящийся как раз в призывном возрасте, лишен права призывать к

---

[1]) Немецкая социал-демократическая газета, во главе которой стоял в то время старик Шлютер, единомышленник Каутского; течение Либкнехта было представлено в газете редактором Лоре, который ныне. со времени смерти Шлютера, стоит во главе „N.-Y. Volkszeitung“. Газета выражает ныне идеи Третьего Интернационала в Америке.

Морис Хилквит, которому посвящена печатаемая ниже заметка,—видный и обремененный делами нью-иоркский адвокат, который в свободное время выполняет обязанности лидера социалистической партии. Шлютер поддерживал Хилквита. Лоре был с нами, редакцией „Н. М.“.

Хилквиг — выходец из России.

решительной борьбе против конскрипции, ибо по своей молодости он, как мы слышали от Хилквита, не успел еще приобресть необходимого мученического ценза. Наконец, я не имею права рекомендовать революционные методы, ибо я не дал себя предварительно расстрелять в России. Как мы видим, революционеру не легко найти в природе такую комбинацию личных условий, которая удовлетворила бы Хилквита: нужно быть не старым и не молодым и притом хоть раз в жизни подвергнуться смертной казни.

Я не сомневаюсь, что если бы я был предварительно расстрелян в России, Хилквит признал бы за мною право рекомендовать революционную тактику. Правда, мне было бы нелегко в этом случае воспользоваться его великодушным разрешением. Но это не единственное затруднение. Для того, чтобы быть расстрелянным в России, я должен был бы, очевидно, рекомендовать там революционную тактику. Но русские хилквиты (они не все переселились в Америку) не упустили бы, разумеется, случая поставить мне на вид, что я еще не доказал на деле своей готовности быть расстрелянным и потому не имею права призывать русских рабочих к революционной борьбе. Как видим, положение получается совершенно безвыходное. К счастью, революционное движение в своем развитии относится без особенной почтительности к тем цензам и нормам, которые устанавливают беспощадные Катоны с Бродвей[1]).

Во время русско-японской войны конференции и съезды нашей партии постановляли призывать массы к революционным стачкам против войны и против царизма. Эти призывы не оставались пустым звуком. 1905 год был в России временем самых могущественных в истории мирового рабочего движения политических стачек и баррикадных боев; и в этой борьбе не было недостатка в политическом мученичестве. На наших партийных совещаниях мы, разумеется, со всех сторон обсуждали методы нашей борьбы, и разногласия в нашей среде достигали нередко большой остроты. Но никому из нас не пришла бы в голову унизительная мысль спросить противника: готов ли он сам нести личную ответственность за те действия, к которым он призывает рабочих? Для этого мы все слишком непосредственно чувствовали себя революционерами. Нас могли разделять вопросы политиче-

---

[1]) Торговая улица Нью-Иорка.

ской целесообразности, но не вопросы личного мужества и готовности нести все последствия наших призывов и действий. И сейчас я не без некоторой брезгливости останавливаюсь на этой стороне дела.

В своем обличительном усердии Хилквит попал в очень дурное общество. Полицейская реакция всех стран всегда утверждала, что зачинщики подводят рабочих под гильотину, а сами выходят сухими из воды. Но на самом деле политическая реакция при всяких народных движениях прежде всего обрушивается, как известно, именно на „зачинщиков", и следовательно с этой стороны столь чуткая совесть Хилквита может быть совершенно спокойной...

Мне остается еще указать на совершенно ложное фактическое утверждение Хилквита, будто я не хотел „оставаться" в России, чтобы быть расстрелянным, а прибыл в Америку подавать рискованные советы. Я не мог „оставаться в России", ибо война застигла меня не в России, а в Швейцарии, в качестве политического эмигранта. Лишенный царским судом гражданских и военных прав, я за время войны не имел никакой физической возможности вернуться в Россию. Я переехал из нейтральной Швейцарии в воюющую Францию, где отстаивал те взгляды, которые теперь так беспокоят Хилквита. Результатом этого была высылка из Франции в Испанию, а из Испании — в Америку. Я не стану входить в рассмотрение того личного „ценза", который дает самому Хилквиту право быть требовательным к своим политическим противникам, но думаю, что, как адвокату, ему следовало бы быть осторожнее в своих инсинуациях.

Нью-Иорк, февраль 1917 г.

9. Клару Цеткин лучше оставить в покое.

На воскресном партийном собрании социалистического локала [1]) Нью-Иорка А. Ингерман—в подкрепление своих соображений, выдвинутых против предложения интернационалистов о недопустимости для членов партии участия в правительственных милитаристских организациях, — сочла целесообразным процитировать частный разговор с ней Клары Цеткин. Эта последняя сказала, по словам А. Ингерман, за несколько дней до начала войны:

[1]) Локал — местная организация.

„Мой муж и мой сын, врач, пойдут, конечно, в санитарную организацию: это наш долг“.

Что хотела этой цитатой сказать А. Ингерман? Что Клара Цеткин такого-то числа в такой-то комнате высказала в присутствии Ингерман такую-то патриотическую мысль? Это, конечно, очень поучительно. Но Клара Цеткин, вообще говоря, известна не только своими частными разговорами с А. Ингерман. Клара Цеткин в свободное от частных разговоров время выступает еще публично: она говорит, пишет, редактирует и... сидит в тюрьме.

Попала ли Клара Цеткин в тюрьму за пропаганду той патриотической мысли, которую от нее слышала $2^1/_2$ года тому назад А. Ингерман? Мы этого не думаем. Клара Цеткин идет в первых рядах немецких революционных интернационалистов. Она входит в группу Либкнехта, Люксембург, Меринга. Она целиком стоит на почве Циммервальда и Кинталя. Она с нами, т. Ингерман!

Вы имеете полное право цитировать в защиту ваших позиций Шейдемана, Плеханова, Вандервельде... Но Клару Цеткин — ее вы лучше оставьте в покое.

„Н. М.“ 13 февраля 1917 г.

10. А все-таки Клару Цеткин напрасно тревожите.

А. Ингерман сочла нужным осторожно обойти принципиальную постановку вопроса и заняться опровержением фактической части моего письма — для того, чтобы великодушно подтвердить ее. Речь шла, говорит А. Ингерман, не о добровольном вступлении в правительственные милитаристские организации, а о... добровольном вступлении в Красный Крест. Хочет ли А. Ингерман сказать, что Красный Крест не есть правительственная милитаристская организация? Или же она думает, что для этой военно-санитарной организации должно быть сделано исключение? Это следовало бы пояснить.

Какой смысл имела ссылка А. Ингерман на частный разговор с Цеткин, становится после опровержения еще загадочнее, чем до него. На собрании А. Ингерман сообщила, будто Клара Цеткин считает вступление в военно-санитарную организацию „нашим долгом“ („Das ist unsere Pflicht!“). А теперь из слов Цеткин делается тот вывод, что врачей, вступающих в Красный Крест, „не нужно исключать из партии“. Исключать ли их или поступать с ними

менее сурово — это уже относится к системе наказаний. Но раньше нужно решить, есть ли вступление в военно-санитарную организацию преступление или... „наш долг"? На это следовало бы дать прежде всего недвусмысленный ответ.

Как смотрит на этот принципиальный вопрос группа Клары Цеткин, Либкнехта, Люксембург, Меринга — это проще всего установить на основании программной книжки „Интернационала". Там в статье Кэте Дункер точка зрения левого крыла, в состав которого входит и Цеткин, формулирована так: социалисты, разумеется, могут и должны оказывать поддержку пролетарским жертвам войны, но они должны для этой цели создавать свои собственные пролетарские учреждения, над которыми должно развеваться антимилитаристское знамя революционного социализма, а не государственное знамя Красного Креста. Только в этом смысле вы имели бы право цитировать Клару Цеткин, не искажая ее действительной позиции, т. Ингерман!

Можно быть истинными интернационалистами, не будучи „с вами", говорит в заключение А. Ингерман. Это что и говорить... Нужно только иметь определенные принципы интернационалистской политики. Мы надеемся, что на ближайшем партийном собрании, в воскресенье, А. Ингерман и ее друзья эти принципы предъявят. На прошлом же собрании по этой части дело обстояло неблагополучно. Определенные принципы были у председателя собрания М. Брауна: он — социал-патриот, имеющий мужество открытого исповедания своих анти-социалистических взглядов. Определенные принципы были у левого крыла, требовавшего революционной борьбы во время войны. А у промежуточных элементов?... Они пока что предъявили только двусмысленные ссылки на частные разговоры с Цеткин в защиту тенденций, которым сама Цеткин непримиримо враждебна. Против этого именно я и восстал, из уважения к Цеткин и к — принципам.

„Н. М." 16 февраля 1917 г.

11. На запросы читателей.

По поводу моих статей в „Н. Мире" я получил несколько запросов и возражений. На два таких обращения, которые я привожу ниже в извлечениях, уместно ответить на страницах „Нового Мира", так как вопросы, о которых идет речь, имеют общий интерес.

О Красном Кресте.

„Стоя на точке зрения социалистов и интернационалистов,— пишет т. Мария Рагоза,—я вполне разделяю ваши взгляды относительно защиты отечества, но меня поставил втупик ваш отзыв о Красном Кресте. Прошу вас выяснить следующее:

Каким образом мы, небольшая кучка социалистов-интернационалистов, можем помочь жертвам войны? Насколько мне известно, в рядах американских русских социалистов состоят всего лишь два доктора, а среди финских социалистов нет ни одного доктора, ни одной сестры милосердия.

Как мы, не имея ни малейшего понятия о перевязывании ран или ампутировании ног и пр., будем помогать американским пролетариям? А во-вторых, есть ли у наших интернационалистов, сгруппировавшихся вокруг „Нового Мира“, еженедельно взывающего о поддержке, средства на бинты, лекарства, посылки, автомобили и пр.? Или мы попросту будем раненых волочить за ноги, как мужик телят?

Нет, тов. Троцкий, не будет ли больше пользы, если причислить Красный Крест к той же нейтральной категории, как больницы, библиотеки, трамваи, пароходы и пр.? Раненому главное — помощь, а не то, каких политических взглядов придерживается человек, помогающий ему“.

Тов. Мария Рагоза представляет себе дело так, будто я предлагаю *заменить* Красный Крест соответственной интернационалистской организацией, и она спрашивает с естественным недоумением: а где же у нас для этого необходимые силы? Разумеется, сил у нас для этого нет. Но если бы и были силы эти, то все равно государство не позволило бы нам ставить свою организацию на место Красного Креста, как оно не дает солдату свободы выбора между казенным и частным врачом. Раненый или больной солдат представляет такую же собственность государства, как и здоровый: оно стремится как можно скорее подлечить раненого, чтоб вернуть его снова на фронт. Только убедившись окончательно, что искалеченный солдат неспособен больше калечить других, государство освобождает его из своих когтей, т.-е. из-под надзора Красного Креста. Военный врач обязан не только лечить раненого, но и следить за тем, чтобы тот не уклонялся от возвращения на фронт, обязан доносить на си-

мулянтов (притворяющихся больными), вообще отстаивать во всех критических случаях интересы военно-государственной организации против ее жертв. Вот почему врач-социалист никоим образом не может считать своим „долгом“ вступление в такую организацию.

Тем не менее долг помогать жертвам войны остается и для нас, социалистов, во всей своей силе, только эту помощь мы оказываем *своим* путем. Прежде всего мы зорко следим за всем тем, что делается в армии и, в частности, в Красном Кресте. Мы обличаем все жестокости, все издевательства над личностью солдата, недостаточность питания, небрежность в лечении и пр. и пр. Делаем мы эту работу не как возмущенные патриоты, а как социалисты, т.-е. защитники интересов трудящихся масс. Далее, мы стремимся поддерживать правильные связи с нашими единомышленниками — в казарме, траншее или лазарете. Мы оказываем им материальную помощь, посылаем деньги, белье, табак и пр., снабжаем их книгами и газетами, ведем с ними переписку и поддерживаем таким образом их дух — не их *воинский*, а их *социалистический* дух. Для этой цели мы можем создавать, если это вызывается обстоятельствами, особые комитеты, наш собственный „Красный Крест“. Но задачей его должно являться не облегчение государству его кровавой работы, а наоборот, — поддержание единства революционных настроений среди рабочих на фабрике, в траншее и лазарете. Над всеми отраслями нашей партийной работы в связи с войной должно поэтому развеваться наше, интернационалистское знамя.

О Плеханове.

В одной из своих статей („Из дневника“) я писал:

„В 1913 г., во время моего пребывания в Бухаресте, Раковский рассказывал мне, что именно во время русско-японской войны Плеханов поверял ему с большею откровенностью, чем нам, свои мысли о том, что социализм не должен быть „антинациональным“ и что „пораженческие“ (по нынешней терминологии) настроения вносятся в партию... еврейской интеллигенцией“.

По этому поводу тов. А. Гойш пишет:

„Невольно возникает вопрос — почему вы, тов. Троцкий, не сочли нужным сорвать маску с „тов.“ Плеханова тогда же, предав этот разговор гласности?

„Я уверен, что этот вопрос возник у многих ваших читателей, и потому ответ на столбцах „Нового Мира“ будет носить общий интерес“.

Тов. Гойш ставит мне тут задним числом невыполнимую задачу. И он сам без труда убедится в этом, если попытается представить себе, как обстояло дело до настоящей войны. Плеханов либо занимал публично интернационалистскую позицию, как во время русско-японской войны, либо дипломатически отмалчивался, как во время балканской войны. На основании личных впечатлений и частных разговоров я подозревал, что в душе у Плеханова сильны националистические тенденции. Но поскольку они не находили открытого выражения в политической деятельности Плеханова, постольку было бы бесцельным и даже недопустимым предавать гласности такого рода личные наблюдения, тем более, что читатели не в состоянии были бы их проверить. Если я теперь счел возможным сослаться на свои личные наблюдения, то только потому, что они дополняют нынешние публичные бесчинства Плеханова и дают к ним до известной степени психологический ключ.

„Н. М.“. 3 марта 1917 г.

12. Готовьте солдат революции!

Наступают суровые дни. Буржуазное государство ребром ставит перед каждым вопрос: со мною или против меня? Многие из тех, что вертятся теперь вокруг да около социализма—адвокаты, врачи и пр., — покинут наши ряды, чтоб не разрывать своих связей с буржуазными кругами общества, от которых они зависят и к которым в большинстве своем принадлежат по духу. Но мы, революционные социалисты, получим зато доступ в самые широкие пролетарские массы, которые пробуждаются теперь громами событий для политической жизни.

Как капиталистическая военщина набирает сейчас во всех странах рекрутов и в кратчайший срок подвергает их воинской муштровке, так мы, социалисты, единственный враг этой военщины, должны учиться сейчас проводить новые и новые тысячи новобранцев через школу социализма.

Обязанности инструкторов должны взять на себя передовые рабочие. В каждом углу Нью-Иорка, в каждом провинциальном

городе, на каждом заводе, где работают русские рабочие, необходимо вербовать новых читателей „Нового Мира“ и приучать их к разумному, сознательному чтению газеты. Нужно повсюду устраивать кружки читателей „Нового Мира“, прочитывать и обсуждать совместно с ними наиболее значительные статьи. Нужно будить и толкать вперед пролетарскую мысль. Нужно готовить солдат революции!

„Н. М.“. 8 марта 1917 г.

13. Общей почвы с „Форвертсом“ у нас нет.

(Письмо в редакцию.)

Вчера мною отправлено в редакцию еврейской газеты „Форвертс“ нижеследующее письмо:

Уважаемая редакция! Когда я принял ваше предложение — изложить на страницах „Форвертса“ свои взгляды на положение международного социализма, я отдавал себе достаточно ясный отчет во всей глубине разделяющих нас разногласий. Правда, незнание еврейского языка лишает меня возможности следить систематически за „Форвертсом“. Но мои политические друзья не раз знакомили меня с отдельными статьями и выдержками, достаточно типичными, чтобы по ним можно было судить о направлении газеты в целом. Тем не менее я — по совету тех же политических друзей—принял несколько недель тому назад ваше предложение, исходя из того, что американский социализм переживал еще — правда, с большим запозданием — период *дискуссионного* отношения к основным вопросам, расколовшим все социалистические партии Европы на два непримиримых лагеря. Приближение войны между Соединенными Штатами и Германией резко изменило это положение. Вопросы сразу встали в боевой политической, а не в дискуссионной плоскости. Редакция „Форвертса“—после „разоблачения“ письма Циммермана [1])—призвала еврейский пролетариат („в случае“, если разоблачение подтвердится) бороться „до последней капли крови“ за так называемое отечество. Я считаю — вместе с декларацией Нью-Иоркского Штатного Комитета нашей партии, — что под именем отечества

[1]) Газетно-дипломатическое „разоблачение“ в целях подъема антигерманских чувств.

фигурирует в этом новом империалистском конфликте священное право американских амуниционных феодалов срывать дальнейшие миллиарды с крови европейских народов. Я считаю, что если американский пролетариат может добровольно отдавать свою кровь, то в борьбе против империалистского „отечества“, а не для его защиты. Это значит, что мы с вами стоим по разные стороны баррикады. При этих изменившихся условиях мое хотя бы временное сотрудничество в „Форвертсе“ способно было бы только вносить смуту в умы ваших и моих читателей, вызывая представление, будто у нас с вами есть какая бы то ни было общая идейная или политическая почва под ногами.

Прошу вас поэтому приостановить печатание моих статей и возвратить мне имеющуюся у вас рукопись.

„Н. М.“, 6 марта 1917 г.

14. Неправда!

„Форвертс“ дважды повторяет, будто я опирался в своем письме на неверный перевод его постыдной „декларации“, призывавшей еврейских товарищей-рабочих проливать свою кровь за интересы американского капитала.

Это неправда. Наш перевод совершенно точен. И редакция „Форвертса“ знает это. Именно поэтому она не сообщает, в чем именно состоит „неверность“ перевода. И по этой же причине она сделала недостойную попытку скрыть от своих читателей мое письмо и напечатала его только после негодующего протеста.

Возмущение передовых еврейских рабочих, которые чувствуют и думают, как мы, заставляет безнадежно скомпрометировавшую себя редакцию искать отводов и обходов. „Форвертс“ просто мутит воду и обманывает читателей.

„Н. М.“, 9 марта 1917 г.

15. Необходимо очищение рядов.

Роль „Форвертса“ в еврейском рабочем движении.

От целого ряда товарищей из еврейских бренчей (отделов) мы получаем письменные и устные приветствия по поводу нашего выступления против анти-социалистической политики „Форвертса“. Эти приветствия не только доставляют нам большое нравственное удовлетворение, но и убеждают нас в том, что в борьбе за

революционную линию социалистической политики мы имеем во всех организациях партии единомышленников, с которыми мы будем идти рука в руку.

Во всех еврейских бренчах возмущение политикой „Форвертса“, приноровленной целиком к нравам и потребностям мелкобуржуазной еврейской улицы, достигло чрезвычайного напряжения. Все передовые еврейские рабочие, — а к счастию их очень много, — сознают всю унизительность такого положения, когда газета, проводящая антипролетарские тенденции и руководящаяся одним принципом „циркуляции“ (тиража), захватила в свои руки фактическую диктатуру над организацией еврейского пролетариата в Соединенных Штатах. Вместо того, чтобы служить в руках еврейской социалистической организации орудием революционного воспитания рабочих масс, „Форвертс“ является орудием притупления классовой борьбы и затемнения классового сознания националистическими предрассудками и рабскими чувствами по отношению к империалистскому государству.

На последнем собрании партийной организации „Локал Нью-Иорк“ вынесена принципиальная резолюция, которая, во-первых, категорически отвергает идею так называемой „национальной обороны“, а во-вторых, объявляет, что все те социалисты, которые обещают государству помощь в случае войны, должны быть поставлены вне рядов социалистической партии. И эту резолюцию увидело себя вынужденным принять правое крыло, в лице Хилквита, Ли, Ингермана и др. Это лучше всего характеризует действительное настроение массы „рядовых“ членов в нашей партии!

По смыслу и букве принятой резолюции, Каган, редактор „Форвертса“, стремящийся привить еврейскому пролетариату реакционную идею „защиты отечества“ и обещающий бандитам империализма помощь еврейских рабочих в случае войны, должен быть поставлен вне рядов нашей партии. Немудрено, если „Форвертс“ скрыл от своих читателей эту важнейшую резолюцию местной организации партии.

Трудно найти другой пример, который ярче обнаруживал бы возмутительную, чисто-капиталистическую, „хозяйскую“ расправу „Форвертса“ над мыслью и совестью своих пролетарских читателей! Газета становится между еврейскими рабочими и их партией, устанавливает свою газетно-капиталистическую цен-

Г. МЕЛЬНИЧАНСКИЙ

зуру и не пропускает к еврейским рабочим решений партии, — почему? Да потому, что по смыслу этих решений заправилам „Форвертса“ нет места в партии, борющейся за освобождение труда.

Есть немало социалистических обывателей, которые говорят: „Анти-пролетарский характер „Форвертса“ известен давно; но тут ничего нельзя поделать“... До такой степени сознание этих людей запугано могуществом десяти-этажного дома на Ист-Бродвей!.. Настроение передовых еврейских рабочих является лучшим доказательством того, что многое может быть сделано и будет сделано. Было бы в самом деле чудовищно, если бы класс, который хочет низвергнуть царство капитала, покорно терпел в рядах своей собственной партии самовластье капиталистических газетчиков.

Наступило время суровой проверки и беспощадного очищения рядов. Мы не сомневаемся, что в этой работе, подготовляющей нас к великим революционным боям, „Новый Мир“ будет стоять в одном ряду с нашими еврейскими собратьями.

„Н. М.“, 14 марта 1917 г.

Г-н Каган, как истолкователь русской революции перед рабочими Нью-Иорка.

На сегодняшнем митинге в Мадиссон Сквер Гарден (этот митинг происходит одновременно с митингом революционных интернационалистов в Гарлем Касино, 116-я улица и Ленокс ав.) одним из ораторов выступит г. Каган.

Русский рабочий класс борется сейчас за республику против либерально-монархической буржуазии. Г. Каган объявляет в печати, что Россия „не созрела“ для республики. Он торопится поддержать русских лакеев монархизма против республиканского пролетариата.

Русский рабочий класс борется за мир и братство народов против русских либеральных империалистов, во главе которых стоит г. Милюков. Каган посылает приветственную телеграмму классовому врагу русских рабочих — Милюкову.

Сегодняшнее выступление Кагана — слышите это, товарищи рабочие? — есть дерзкий вызов русскому пролетариату и оскорбление русской революции.

„Н. М.“ 20 марта 1917 года.

17. Война и революция.

Соединенные Штаты вступают в войну в тот момент, когда на Востоке Европы война успела уже вызвать революцию. Это совпадение очень знаменательно и, можно думать, не случайно. Русская революция вносит в события новую силу, которая поселяет великое беспокойство в сердцах правящих классов. Сегодня во главе России стоит октябристско-кадетское правительство, которое торжественно обязывается в своем манифесте выполнять все финансовые и международно-политические обязательства царизма, то-есть, выплачивать аккуратно проценты французской, английской и американской биржам и, в солидарности с ними, вести войну до „победоносного конца". Само по себе такое обязательство очень утешительно, но кто поручится за завтрашний день? Если министерство Гучкова-Милюкова окажется сметено и на его месте появится правительство революции, это будет означать ликвидацию войны и революционную ликвидацию долгов старого режима. Такой момент будет крайне неблагоприятным для вмешательства Соединенных Штатов в войну. Нужно спешить. Нужно сократить срок подготовительного воспитания народа к войне, тем более, что, как показали колоссальные митинги в Нью-Иорке, начинается под действием великих событий в России перевоспитание масс — в противоположном направлении. Нужно ковать железо, пока горячо.

Капиталистические классы Соединенных Штатов не могут остановиться. Военная промышленность и ее молочный брат, финансовый капитал, давят на волю правящих, страх пред величайшим кризисом толкает их вниз — в пропасть войны. Несмотря на пример России, где связь между войной и революцией выступает с такой поучительной яркостью, несмотря на то, что все европейские правительства вступили в полосу лихорадочной тревоги, несмотря на то, что американская буржуазная пресса сама приучает сейчас свою публику к мысли о неизбежности революции в Европе, — „пацифистское" правительство Соединенных Штатов вынуждено выполнить свое предназначение: вовлечь и последнюю великую державу в кровавую школу войны. Этот факт показывает нам, до какой степени утратила буржуазия возможность и способность руководить событиями и народами.

Разнузданные силы капитализма действуют с автомитической беспощадностью. Обуздать их способен только революционный пролетариат. Американский капитал вовлекает страну в войну, — американский пролетариат найдет из нее выход на пути социальной революции.

„Н. М.“ 22-го марта 1917 года.

18. Пацифизм на службе империализма [1]).

Никогда еще не было на свете столько пацифистов, как теперь, когда люди убивают друг друга на всех больших дорогах нашей планеты. У каждой эпохи есть не только своя техника и свои политические формы, но и свой стиль лицемерия. Когда-то народы истребляли друг друга во славу христианского учения о любви к ближнему. Теперь Христа цитируют только отсталые правительства. Передовые народы режут друг другу глотки под знаменем пацифизма. Вильсон во имя лиги наций и прочного мира вовлек Соединенные Штаты в войну. Керенские и Церетели призывают к наступлению — во имя „скорейшего заключения мира“. Этой эпохе не хватает своего Ювенала, негодующего сатирика. Хотя нужно сказать, что самые могущественные сатирические средства рискуют оказаться бессильными и бледными перед торжествующей подлостью и пресмыкающейся глупостью, — двумя стихиями, разнузданными войной.

Пацифизм — того же исторического корня, что и демократия. Буржуазия сделала огромную историческую попытку рационализировать человеческие отношения, то-есть вытеснить слепую и тупую традицию построениями критикующего разума. Цеховые стеснения промышленности, сословные привилегии, монархическое всевластие — все это было традиционным наследием средневековья. Буржуазная демократия требовала юридического равенства, свободы конкуренции и парламентских методов управления общественными делами. Она естественно перенесла свой рационалистический критерий и на международные отношения. Здесь она

[1]) Эта статья была, в основе своей, напечатана в Америке в начале 1917 г. Здесь она воспроизводится в том виде, в каком была напечатана в июне 1917 г. в петербургском еженедельнике „Вперед“.

натолкнулась на войну, как на такой метод разрешения вопросов, который представляет собою полное отрицание „разума“. Она стала доказывать народам — на языке поэзии, нравственной философии и бухгалтерии — что им выгоднее установить нормы вечного мира. Таковы логические корни буржуазного пацифизма.

Уже от рождения в него был заложен основной порок, характеризующий буржуазную демократию: острие ее критики скользит по поверхности политических явлений, не смея проникать в их экономическую основу. С идеей вечного мира на основах „разумного“ соглашения капиталистическая действительность поступила еще более беспощадно, чем с идеями свободы, равенства и братства. Именно капитализм, который рационализировал (пропитал разумом) технику, не рационализировав общественной организации хозяйства, создал такие орудия взаимоистребления, о которых не смело и мечтать „варварское“ средневековье.

Постоянное обострение международных отношений и безостановочный рост милитаризма совершенно вырывали объективную почву из-под ног пацифизма. Но, с другой стороны, эти же условия призвали его на наших глазах к новой жизни, которая отличается от прежней, как кроваво-багряный закат от розового восхода.

Предшествовавшие нынешней войне десятилетия были эпохой так называемого *вооруженного мира*. Все это время совершались, правда, непрерывные походы и шли войны, но — в колониях. Разыгравшиеся на территории отсталых и слабых народов, эти войны привели к разделу Африки, Полинезии и Азии и подготовили нынешнюю мировую войну. Но так как в самой Европе после 1871 г. не было войны, — несмотря на целый ряд острых конфликтов, то общественное мнение мелко-буржуазной улицы систематически приучалось видеть в растущей армии гарантию мира, который в конце концов будет увенчан международно-правовыми учреждениями. Капиталистические правительства и пушечные короли ничего не имели, разумеется, против такой „пацифистской“ оценки милитаризма. А мировые конфликты тем временем накоплялись, подготовляя нынешний взрыв.

Теоретически и политически пацифизм стоит на той же почве, что и учение о гармонии социальных интересов. Антагонизмы между капиталистическими нациями имеют те же экономические корни, что и антагонизм между классами. И если до-

пустить возможность постепенного притупления классовых противоречий, то отсюда рукой подать до постепенного смягчения и регулирования международных отношений.

Очагом демократической идеологии со всеми ее традициями и иллюзиями являлась мелкая буржуазия. За вторую половину XIX столетия она успела внутренне переродиться, но она вовсе не сошла со сцены. В то время, как развитие капиталистической техники бесповоротно подкопало ее экономическую роль, всеобщее избирательное право и всеобщая воинская повинность придали ей, благодаря ее численности, видимость политического значения. Крупный капитал, поскольку он не стер ее с лица земли, подчинил ее себе при помощи системы кредита. Политическим представителям крупного капитала оставалось подчинить ее себе на парламентской арене, открывши фиктивный кредит ее поизносившимся теориям и предрассудкам. Такова причина, в силу которой мы за последнее десятилетие до войны наблюдали, наряду с могущественным напряжением реакционно-империалистической политики, обманчивый расцвет буржуазной демократии с ее реформизмом и пацифизмом. Капитал подчиняет своим империалистическим целям мелкую буржуазию при помощи ее собственных предрассудков.

Может быть, ярче всего этот друсторонний процесс наблюдался во Франции. Это страна по преимуществу финансового капитала, который опирается на наиболее консервативную в мире и еще очень многочисленную мелкую буржуазию деревни и города. Благодаря иностранным займам, колониям и союзу Франции с Россией и Англией, финансовые верхи третьей Республики оказались вовлечены во все интересы и столкновения мировой политики. Между тем французский мелкий буржуа — провинциал до мозга костей. Он всегда питал инстинктивное отвращение к географии и всю свою жизнь больше всего боялся войны — уже по тому одному, что у него в большинстве случаев всего один сын, который должен наследовать его дело вместе с его мебелью. Этот мелкий буржуа посылал в парламент радикала, который обещал ему охранять мир — с одной стороны, при помощи „лиги наций“ и обязательного третейского суда, с другой стороны — при содействии русских казаков, которые должны держать в узде германского кайзера. Радикальный депутат из провинциальных адвокатов приезжал в Париж не только с самыми лучшими па-

цифистскими намерениями, но и без твердого представления о том, где находится Персидский залив, и кому и зачем нужна Багдадская железная дорога. Парламентское большинство, т.-е. совокупность таких радикально-„пацифистских“ депутатов, выдвигало из своей среды радикальное министерство, которое немедленно же оказывалось опутано по рукам и по ногам всеми ранее заключенными дипломатическими и военными обязательствами и финансовыми интересами французской биржи в России, Африке и Азии. Не переставая источать из себя пацифистские фразы, министерство и парламент продолжали автоматически вести мировую политику, которая вовлекла Францию в войну.

Английский или американский пацифизм, при всем различии социальных условий и форм идеологии (или при ее отсутствии, как в Америке), выполняет ту же самую по существу работу: он дает выход опасениям мелкой и средней буржуазии перед мировыми сотрясениями, в которых она может лишь потерять последние остатки своей самостоятельности; он убаюкивает ее сознание бесплотными и бесплодными идеями разоружения, международного права, мирового трибунала, чтобы затем выдать ее в решающую минуту с головой империалистическому капиталу, который все мобилизовал ныне для своих целей: технику, церковь, искусство, мещанский пацифизм и патриотический „социализм“.

„Мы всегда были против войны, наши депутаты, наши министры были против войны, — говорит французский обыватель,— следовательно война нам навязана, — и во имя осуществления наших пацифистских идеалов мы должны довести ее до конца“. И председатель французских пацифистов, барон д'Эстурнель-де-Констан, скрепляет эту пацифистскую философию империалистической войны торжественным jusqu'au bout (до конца).

Английской бирже для ведения войны понадобились на первом плане пацифисты, как либерал Асквит и радикальный демагог Ллойд-Джордж. „Если эти люди ведут войну,—говорят себе английские народные массы, — стало быть, правда на нашей стороне“. Таким образом и пацифизму отведено соответственное место в экономии войны, наряду с удушливыми газами и дутыми государственными займами.

Еще ярче служебная роль мелко-буржуазного пацифизма по отношению к империализму обнаружилась в Соединенных Штатах.

Действительную политику там более, чем где бы то ни было, делают банки и тресты. Уже до войны Соединенные Штаты, благодаря могущественному развитию индустрии и внешней торговли, систематически двигались в направлении мировых интересов и мировой политики. Европейская война придала этому империалистическому развитию лихорадочный темп. В то время, как многие благочестивые люди (даже Каутский!) надеялись на то, что „ужасы" европейской бойни внушат американской буржуазии отвращение к милитаризму, действительное влияние европейских событий на американскую политику шло не психологическими, а материальными путями и привело к прямо противоположным результатам. Экспорт Соединенных Штатов, достигший в 1913 г. суммы в 2.466 миллионов долларов, поднялся в 1916 г. до совершенно невероятной высоты в 5.481 миллионов [1])! Львиную долю этого экспорта доставляет, разумеется, военная индустрия. Внезапное прекращение, после объявления неограниченной подводной войны, вывоза в союзные страны, которые поглотили в 1915 г. американских товаров не менее, как на 3½ миллиарда [2]), означало не только прекращение притока чудовищных барышей, но и грозило небывалым кризисом всей американской промышленности, перестроившейся на военную ногу. Отсюда обращение капитала к государству: „Ты покровительствовало — под знаменем нейтралитета и пацифизма — развитию военной индустрии: ты обязано теперь обеспечить нам сбыт". Если государство не может обещать немедленного восстановления „свободы морей" (то-есть, свободы наживы на европейской крови), то оно может создать для задыхающейся военной индустрии новый сбыт — в самой Америке. Обслуживание европейской бойни привело таким образом к необходимости *сразу*, *катастрофически* милитаризировать Соединенные Штаты.

Эта работа не могла не встретить оппозиции со стороны широких народных масс. Преодолеть их бесформенное недовольство и ввести его в русло патриотического содействия государству и явилось в течение первой четверти нынешнего года центральной задачей внутренней политики Соединенных Штатов. И в том-то

---

[1]) „Monthly summary of origin commerce of the U. S." (December 1916).

[2]) В Германию и Австро-Венгрию вывезено менее, чем на... полтора миллиона. В этих цифрах—ключ к распределению „симпатии".

и состоит ирония истории, что официальный „пацифизм“ Вильсона, как и „оппозиционный“ пацифизм Брайана явились важнейшими средствами для разрешения этой задачи: *милитаристического приручения масс.*

Брайан поторопился дать весьма шумное выражение естественному отвращению фермеров и вообще „мелких людей“ к мировой политике, солдатчине и повышению налогов. Но в то же время, направляя вагонами петиции и депутации к своему пацифистскому коллеге, стоящему во главе государства, Брайан больше всего заботился о том, чтобы заранее сломить революционное острие этого движения. „*Если дело дойдет до войны,* — телеграфировал Брайан, напр., антивоенному митингу в Чикаго в феврале, — *то мы, само собою разумеется, будем все поддерживать правительство*; но до этого момента нашим священнейшим долгом является сделать все, что в силах наших, для охранения народа от ужасов войны“. В этих немногих словах вся программа мелко-буржуазного пацифизма: „сделать все, что в силах наших, против войны“ означает открыть народному возмущению отдушину в форме безобидных манифестаций, давши заранее правительству гарантию в том, что в случае войны оно не встретит со стороны пацифистской оппозиции никаких препятствий.

Ничего другого и не нужно официальному пацифизму, который, в лице Вильсона, успел дать воинствующему капиталу достаточные доказательства своей империалистической „боеспособности“. На основании заявления самого Брайана, для того, чтобы справиться с его шумной оппозицией против войны, г. Вильсону нужно было сделать только одно: объявить войну. Г. Вильсон так и сделал, и Брайан целиком перешел в правительственный лагерь. А мелкая буржуазия, и не только она одна, но и широкие рабочие массы говорят себе: „Раз наше правительство с таким общепризнанным пацифистом, как Вильсон, во главе, объявило войну, и раз сам Брайан примкнул в этом деле к правительству, стало быть, это неизбежная война и честная война“... Отсюда понятно, почему ханжески-квакерский пацифизм государственных демагогов так высоко котируется на финансовой и военно-промышленной бирже.

Наш меньшевистски-эсеровский пацифизм, при всем внешнем отличии условий и форм, играет по существу совершенно одно-

родную роль. Вынесенная большинством всероссийского съезда Советов резолюция о войне исходит не только из общего пацифистского осуждения войны, но и из характеристики ее, как империалистической. Борьбу за скорейшее окончание войны съезд объявляет „важнейшей очередной задачей революционной демократии“. Но все эти предпосылки мобилизуются только для того, чтобы притти к выводу: „до тех пор, пока войне международными усилиями демократии не положен конец, *русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям*“...

Пересмотр старых международных договоров съезд, вслед за Временным Правительством, ставит в зависимость от добровольного согласия союзной дипломатии, которая по самому существу своему не хочет и не может ликвидировать империалистический характер войны. „Международные усилия демократии“ съезд, вслед за своими вождями, ставит в зависимость от воли социал-патриотов, теснейшими узами связанных со своими империалистическими правительствами. Добровольно замыкаясь в этот заколдованный круг, поскольку дело идет о „скорейшем окончании войны“, большинство съезда в области практической политики приходит к очень определенному выводу: *наступление на фронте.* Тот „пацифизм“, который сплачивает и дисциплинирует мелко-буржуазную демократию и приводит ее к поддержке наступления, должен, очевидно, встречать самое благожелательное отношение не только со стороны русских, но и со стороны союзных империалистов.

Милюков говорит: „Во имя верности союзникам и старым (захватным) договорам необходимо наступление“. Керенский и Церетели говорят: „Хотя старые захватные договоры еще не пересмотрены, необходимо наступление“. Аргументы разные, но политика одна. И это не может быть иначе, так как Керенский и Церетели неразрывно связаны в правительстве с партией Милюкова. Фактически следовательно социал-пацифизм Данов, как и квакерский пацифизм Брайанов, состоит на службе империализма.

При таком положении главная забота русской дипломатии состоит не в том, чтобы заставить союзную дипломатию от чего-то отказаться и что-то пересмотреть, а в том, чтобы заставить

ее поверить, что русская революция вполне надежна и... кредитоспособна. Русский посол Бахметьев в своей речи перед конгрессом Соединенных Штатов, произнесенной 10-го июня, именно под этим углом зрения характеризовал деятельность Временного Правительства. „Все эти обстоятельства,—говорил посол,—указывают на то, что власть и значение Временного Правительства растут с каждым днем, что чем дальше, тем больше оно становится способным противодействовать всем тем, вносящим разруху элементам, которые проистекают или из попыток реакции, или из агитации крайних левых. *В настоящее время Временное Правительство постановило принять самые решительные меры в этом направлении, прибегнуть даже, в случае надобности, к силе, несмотря на свое постоянное стремление к мирному разрешению вопросов*".

Можно не сомневаться в том, что „национальная честь" наших оборонцев остается совершенно спокойной, когда посол „революционной демократии" ревностно доказывает парламенту американской плутократии готовность русского правительства пролить кровь русского пролетариата во имя „порядка", главной составной частью которого является верность союзным капиталистам.

И в те самые часы, когда Бахметьев стоял со шляпой в руке и унизительной речью на устах перед живодерами американской биржи, Церетели и Керенский объясняли „революционной демократии" невозможность обходиться без вооруженной силы против „анархии слева" и грозили разоружением петроградским рабочим и связанным с ними полкам. Мы видим, что эти угрозы пришли как нельзя более во-время: они служили лучшим доводом в пользу русского займа на нью-иоркской бирже. „Вы слышите, — может сказать г. Бахметьев г. Вильсону,—наш революционный пацифизм ничем не отличается от вашего биржевого, и если вы доверяете Брайану, то у вас нет оснований отказать в доверии Церетели".

Теперь остается только спросить: сколько именно потребуется русского мяса и русской крови на внешнем фронте и на внутреннем, чтобы обеспечить русский заем, который должен в свою очередь обеспечить нашу дальнейшую верность союзникам?

Международный социализм под американским углом зрения.

1. В школе войны.

Разнуздавшиеся силы капитализма продолжают свою истребительную работу, расширяя арену своего действия. Последняя часть света вовлекается ныне в кровавый водоворот.

Перед размахом этих поистине дьявольских сил каким жалким кажется сознательное творчество господ государственных людей! События давно уже переросли через их голову. Спущенная с цепи стихия разрушения выработала могущественную инерцию. В мире явлений природы нельзя найти ни одного подходящего сравнения, ибо самые страшные образы: лавина, извержение вулкана, землетрясение, кажутся комнатными забавами в сравнении с этим вихрем из чугуна, динамита и крови, опоясавшим весь мир.

Буржуазные парламенты безмолвствуют в постыдной растерянности перед событиями, которых они не умели предвидеть, которых они теперь не умеют оценить и которыми они даже не пытаются овладеть. Они почтительно расступаются перед государственными людьми, министрами, премьерами, президентами и монархами, которые пользуются всеми рессурсами „государственной тайны", чтобы скрыть от глаз народа свое духовное убожество. Единственное, на что хватает господ государственных людей, — это фабриковать софизмы для оправдания разнузданной ими стихии разрушения и пускать в оборот пустозвонные формулы для одурачения масс. А тем временем капиталистическая техника справляет свой адский шабаш, передавая небывалые силы разрушения в руки мясников военного цеха.

Какой огромной, покоряющей силой стоял бы теперь перед народами социалистический Интернационал, если бы его руководящие организации остались в минуту испытания верны тем принципам, которые были заложены в их основу!

Трагедия не в том, что Интернационал оказался не в силах предотвратить бойню народов. И даже не в том, что он не сделал ни одной героической попытки поднять объединенные им массы на революционное восстание против войны. Ужас и стыд

в том, что руководящие организации Интернационала склонились перед войной, приняли ее, благословили ее.

Те, кого мы считали вождями, не замечая, что десятилетия повседневной автоматической работы опустошили их души, — они могли бы сказать рабочим массам: „Мы не считаем возможным призвать вас сегодня к открытому восстанию против войны. Буржуазия поведет вас убивать и умирать. Но идите на фронт, как невольники капиталистического государства, а не как социалисты. Милитаризм может завладеть вашим телом, — не отдавайте ему вашей души. Со стиснутыми зубами ждите того момента, когда война подточит их государственную машину и разожжет пламя протеста в душе самых темных и отсталых рабов капитала, — тогда ваша партия подаст сигнал к великому штурму на твердыни капитализма!“

Но они не сделали этого. Они приняли на себя и на социализм всю ответственность за войну, благословили ее, склонились перед ней. И можно сказать с несокрушимой уверенностью, что под развалинами капиталистической культуры был бы навсегда погребен идеал социализма, обманувшего массы, если бы из рядов самого Интернационала не поднялся голос протеста и возмущения. Революционные интернационалисты, верные своему знамени борцы, показали массам словом и делом, что капитулировали „вожди“, обанкротились организации, но что жива душа социализма и незапятнан его идеал. Либкнехты, Хеглунды, Маклины, Адлеры, Раковские, — те, которых жрецы пустых алтарей зовут „фанатиками“ и „раскольниками“, — они спасли достоинство и честь социализма и духовную преемственность его развития.

Их мужественный голос звучал все время не только прямым призывом к рабочим воюющих стран, но и предостережением для социалистов тех немногих государств, которых война еще не вовлекла в свой водоворот.

Итальянская партия, на которую война обрушилась девятью месяцами позже, чем на главнейшие партии Интернационала, поняла урок. Она встретила с честью испытание, возложила ответственность за войну целиком на правящие классы, голосовала в парламенте против военных кредитов и, в лице своего руководящего органа, „Аванти“, вела и ведет блестящую кампанию против патриотической лжи и шовинистического тупоумия. Наконец, она же взяла на себя инициативу циммервальдской конфе-

ренции. И вот в то время, как социал-патриотические партии других стран раскалываются и рушатся, итальянская партия не только сохранила единство, но завоевала такое влияние на массы, какого не имела никогда.

Американскому социализму история дала еще несравненно больший срок на раздумье. Использован ли он? На это нам ответят ближайшие события. Во всяком случае, без риска ошибиться, можно сказать одно: социалистические элементы Соединенных Штатов лишь постольку окажутся на высоте, поскольку они в прошлом активно вмешивались в раздирающую все европейское рабочее движение тяжбу между интернационализмом и социал-патриотизмом; поскольку они были за революционную борьбу против „гражданского перемирия“, за Либкнехта против Шейдемана, за Циммервальд против Гааги. Наоборот, те дипломаты социализма, которые отказывались определять свою позицию, рекомендуя погодить с этим до „конца войны“; те, которые свысока, как идейные „нейтралисты“, относились к принципиальной борьбе, от исхода которой зависит жизнь и смерть социализма; те, наконец, которые „по-домашнему“ штопают прорехи своего социалистического миросозерцания гнилыми нитками своей бабушки, — эти все оказали американскому пролетариату плохую услугу. Они стали между ним и дорого оплаченным опытом его европейских собратьев... А теперь вот приходится давать ответы, не дожидаясь „конца войны“.

Бывают эпохи, когда дипломатическая уклончивость, косящаяся одним глазом налево, другим направо, слывет мудростью. Сейчас подобная эпоха умирает на наших глазах, и ее герои постепенно выходят в тираж. Война, как и революция, ставит все вопросы ребром. За войну или за мир? За национальную борьбу или за революционную борьбу? За Маркса или за... Вильсона?

Грозное время, в какое мы живем, требует в такой же мере бесстрашия мысли, как и мужества характера. Дело тут идет не о простом бесстрашии пред лицом государственной полиции, — это полезно, но этого недостаточно: необходимо более высокое, идейное бесстрашие по отношению к унаследованным предрассудкам, к тем традиционным „вождям“, которые ко времени войны оказались слишком „авторитетными“, чтобы шевелить мозгами и делать выводы из величайших в истории человечества событий.

Во всяком случае, эпоха выжидательного нейтрализма закончилась — также и для социализма. Американский пролетариат входит в школу войны. Что она не пройдет для него бесплодно, в этом правящие будут иметь случай убедиться.

„Н. М.“, 6 февраля 1917 г.

2. Что говорил Интернационал о защите отечества?

Сильнейшие партии Второго Интернационала примкнули с начала войны к правящим классам своей страны и призвали рабочих под знамя национальной обороны. Это основной факт всего кризиса, переживаемого мировым рабочим движением.

Есть немало социалистов, — особенно здесь, в Америке,— которые говорят: „Целесообразна ли была тактика германской, французской, австрийской, бельгийской и др. партий или нет, — это вопрос особый. Ближайший международный конгресс рассмотрит этот вопрос на основании всего опыта войны и придет к тем или другим обязательным для всех нас выводам. Но несомненно одно: Второй Интернационал признавал обязанность национальной обороны, и сильнейшие европейские партии действовали в нынешней войне в полном соответствии с этим принципом“.

Верно ли это? Нет, не верно. Социалисты, которые делают приведенное только что утверждение, повинны в двух грехах: во-первых, они обнаруживают незнакомство с действительными мнениями Второго Интернационала, во - вторых, они совершенно не определяют, что собственно понимают они сами под именем национальной обороны.

Если „защита отечества“ является одним из принципов социалистического миросозерцания, то очевидно, что социалисты всякой страны должны быть во время войны на стороне своего правительства, независимо от того, как, почему и во имя каких целей возникло кровавое столкновение: ибо война, как война, угрожает каждому из воюющих „отечеств“. Хотят ли нам сказать, что Второй Интернационал признавал обязанность национальной обороны, как абсолютный принцип, независимо от условий и характера войны? Это очень заманчивое утверждение: оно сразу упрощает вопрос и оправдывает политику Шейдемана и Виктора

Адлера по одну сторону траншей, Вандервельде, Геда, Гайндмана и Плеханова — по другую. Война угрожает всем отечествам, и потому все защищаются.

Но затруднение в том, что большинство самих социал-патриотов отвергает такую постановку вопроса. „Социалисты обязаны поддерживать свое правительство лишь в том случае, — говорят нам Гед, Вандервельде и Плеханов, — когда их страна подверглась нападению. В противном случае они обязаны объявить своему правительству решительную борьбу, отвергнув долг „защиты отечества".

Таково было в общем и целом и мнение Бебеля. Он несколько раз заявлял, что лишь в том случае „возьмет ружье на плечо", если Германия подвергнется нападению. С этой широко распространенной точки зрения принцип национальной обороны оказывается не абсолютным: он применим только к так называемым оборонительным войнам и, следовательно, не может оправдывать одновременную патриотическую политику социалистов по обе стороны траншей.

Но признавался ли по крайней мере этот ограниченный и условный принцип защиты отечества Вторым Интернационалом в целом?

Ничего подобного. На партийном съезде в Эссене, где за несколько лет до настоящей войны разбирался этот вопрос, точка зрения Бебеля встретила решительный отпор и прежде всего со стороны Каутского. „По моему мнению, — возразил он Бебелю, — мы никоим образом не можем обязываться каждый раз, когда мы убеждены, что нам грозит наступательная война, разделять воинственное воодушевление правительства... Такой ответственности я на себя взять не могу. Я не могу давать гарантии, что мы в каждом случае сможем провести точное различие и установить, обманывает ли нас правительство или же оно действительно отстаивает интересы нации против наступательной войны... Вчера наступательным было германское правительство, сегодня — французское, и мы не можем знать, не окажется ли таким послезавтра английское. Это меняется постоянно... В действительности, — продолжает Каутский в центральном месте своей речи, — в случае войны мы будем иметь перед собой не национальный вопрос, ибо война между двумя великими державами превратится в мировую войну, которая захватит всю

Европу, а не только две страны. Немецкое правительство могло бы, однако, внушить в один прекрасный день немецким рабочим, что они подверглись нападению, французское правительство могло бы внушить то же самое французским рабочим, и мы имели бы тогда войну, в которой немецкие и французские рабочие с равным воодушевлением следовали бы за своими правительствами и взаимно перерезывали бы друг другу горло. Этого необходимо избежать, и мы избегнем этого, если будем применять не критерий наступательной войны, а критерий пролетарских интересов, которые являются в то же время интернациональными интересами“.

Эта речь Каутского, которую можно назвать пророческой, показывает всю ложность утверждения, будто Второй Интернационал считал принцип национальной обороны аксиомой социалистической политики. Каутский, неоспоримый духовный глава Второго Интернационала, отвергал этот принцип не только в его абсолютности, но и в его ограниченном виде, т.-е. в применении к так называемой оборонительной войне. Он требовал, чтобы социалисты руководствовались в своей политике по отношению к войне не интересами „нации“, а интернациональными интересами пролетариата.

Как обстоит, однако, дело с формальными резолюциями конгрессов Второго Интернационала? Признают ли они безусловный догмат национальной обороны? Ограничивают ли его оборонительной войной, как Бебель? Или вовсе отвергают этот критерий, как Каутский в эссенской речи против Бебеля?

Тот, кто даст себе труд серьезно исследовать резолюции Второго Интернационала в связи с той идейно-политической атмосферой, в которой они создавались, неминуемо придет к тому выводу, что у Второго Интернационала вовсе не было коллективного ответа на этот вопрос. Все почти относящиеся сюда резолюции отличаются либо недостаточной определенностью, либо противоречивостью. Тем не менее можно с несомненностью установить, что чем дальше, тем больше старый, национально-демократический принцип „защиты отечества“ отступал назад перед интернационально-социалистической задачей — борьбы против империализма в целом. Так, резолюция последнего, Базельского конгресса, созванного специально для обсуждения вопросов войны, ни словом не заикается о „долге“ национальной

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ

обороны, предписывая социалистам всех вовлеченных в империалистическую бойню стран совершенно другой, более высокий долг: сохранять между собой нерасторжимую связь во время войны, совместно бороться за скорейшее ее прекращение и использовать порожденный войною кризис и возбуждение масс в интересах скорейшего ниспровержения капиталистического строя.

Таким образом все утверждения, будто бы социал-патриоты действуют в строгом соответствии со старыми принципами Интернационала, тогда как интернационалисты отклонились от них в сторону анархизма, являются совершенно несостоятельными. С несравненно большим основанием можно сказать, что социал-патриоты находят для своей политики оправдание в консервативных национально-демократических пережитках идеологии Второго Интернационала, тогда как интернационилисты, объединившиеся в Циммервальде и Кинтале, представляют его социально-революционные тенденции, нашедшие в прошлом наиболее яркое выражение в резолюции Базельского конгресса.

Все поведение правительственных социалистов с первого дня войны свидетельствует о том, что они вовсе не чувствовали под ногами твердой принципиальной почвы. Социал-патриоты обоих воюющих лагерей не считали возможным ограничиваться голым принципом защиты отечества. Все они пытались оправдать свое посильное сотрудничество в бойне народов каким-нибудь вспомогательным принципом.

Шейдеман и его друзья говорили, что это „война против царизма“. Гед, Вандервельде и Плеханов утверждали, что это война против „прусского милитаризма“. Кроме того, и те и другие обещали путем победы „освободить“ малые и слабые народы, создать лигу наций, уничтожить постоянные армии и пр. и пр.

Сейчас для всех ясно, что все эти обещания оказались жалкими иллюзиями. Но не нужно было исключительного пророческого дара, чтобы предсказать их крушение в первый же момент. Откуда же возникла у социал-патриотов обоих лагерей психологическая потребность наделять империалистическую бойню „освободительными“ чертами? Совершенно ясно, что еслиб принцип „защиты отечества“ казался им самим таким ясным и незыблемым, они не стали бы дополнять его фантастическими

посулами и наделять капиталистическую войну творческими способностями демократической революции. Тем более, что освободительные задачи войны имеют по самой сути своей наступательный характер и тем самым вступают в столкновение с принципом национальной обороны.

„Н. М.“ 27-го февраля 1917 г.

3. Два воюющих лагеря.

Телеграмма из Парижа сообщает, что Национальный Совет Французской социалистической партии сурово осудил—в который уже раз — социалистическую оппозицию и лишил ее сторонников права занимать в партии официальные посты до тех пор, пока оппозиционеры продолжают упорствовать в своих ересях. Дело тут идет о лонгетистах, т.-е. о той части партии, во главе которой стоит депутат Жан Лонге.

Чего хочет эта умереннейшая оппозиция, не примыкающая к Циммервальду? Созыва международной социалистической конференции! Это главная ересь лонгетистов. Они — патриоты, голосуют за военные кредиты, признают „защиту отечества“ своим долгом. Но они видят, что партия окончательно стала хвостом буржуазии, они наблюдают растущее недовольство рабочих и ищут выхода. Им кажется, что такой выход в созыве международной социалистической конференции, которая займется нащупыванием почвы для мира.—Но мы не можем итти на конференцию с немецкими социалистами, — отвечают Гед, Самба и др., — ибо мы правительственная партия, и наше участие в конференции будет истолковано, как неофициальный приступ к мирным переговорам со стороны французского правительства.

— В таком случае выйдем из состава министерства, — отвечают лонгетисты (нужно напомнить, что во французском министерстве все еще сидит в качестве социалистического заложника Альбер Тома, после того, как два других заложника, Гед и Самба, удалены Брианом за ненадобностью).

— Но раз мы стоим за национальную оборону и добровольно отдаем правительству миллионы людей и миллиарды денег, мы не имеем права выходить из министерства,—совершенно резонно отвечают Гед и Самба.

— Но вот именно поэтому-то вы и должны отказаться от участия в национальной обороне, порвать связи с правительством, объявить ему беспощадную войну, — вмешиваются в дело циммервальдцы. Но на это лонгетисты не идут: ведь они — добрые патриоты, только испугавшиеся растущего недовольства масс. Они хотели бы быть одновременно и с капиталистическим отечеством, и с пролетариатом. И вот эту-то смиренную оппозицию снова предали анафеме последовательные социал-патриоты, лишив лонгетистов права занимать в партии официальные должности.

Это несомненно решительный шаг в сторону раскола. Чем он вызван? Не мужеством лонгетистов и не решительностью их позиции, а требовательностью капиталистического отечества. Кто не со мною, тот против меня! — говорит оно и требует от своих крепостных социал-патриотов, чтобы они отсекли от себя не только революционных интернационалистов, но и всех колеблющихся.

И мы видим, как Шейдеманы и Эберты в Германии объявляют вне своей партии умеренную оппозицию Каутского-Гаазе-Ледебура; как во Франции Геды и Самба вводят осадное положение против лонгетистов.

Или капиталистическое отечество, *или* революционный социализм—так стоит вопрос во всех странах Европы. Так же стал он теперь и в Соединенных Штатах.

Кто за капиталистическое отечество — тот союзник наших классовых врагов. Тому нечего делать в партии революционного пролетариата!

„Н. М.", 8 марта 1917 г

4. Неспокойно в Европе.

В Европе неспокойно. С Российского Востока дует тревожный весенний ветер и несет с собою революционные возгласы питерских и московских рабочих.

Года два тому назад Гогенцоллерн и Габсбург не без удовольствия встретили бы весть о революционном движении в России. Но теперь она может только наполнять их сердца тревожным предчувствием. Ибо неспокойно в Германии и жутко в Австрии. Немецкие подводные лодки не без успеха топят „союз-

ную“ амуницию, но они бессильны доставить немецким матерям хоть один лишний кусок хлеба или стакан молока. И демонстрации голодных женщин Петрограда и Москвы могут завтра же пробудить отголосок среди матерей Берлина и Лейпцига.

— „Мы должны победить, — говорил недавно в Дрездене консервативный вождь, граф Вестарп, — и мы должны получить контрибуцию; иначе после войны каждый немецкий солдат должен будет платить государству налогов в пять раз больше, чем платил до войны.

Французский министр финансов, Рибо, того же мнения, что Вестарп: нужно победить (Германию) и нужно получить контрибуцию (с Германии),—иначе туго придется правящим пред лицом народа, когда начнется подведение итогов. Но победа сейчас так же далека, как в первый день войны. Между тем, Франция с ее нерастущим населением потеряла уже убитыми $1^1/_2$ миллиона человек. А сколько безногих, безруких, сумасшедших, слепых, инвалидов... Жутко на душе у „патриотических“ болтунов и политических шарлатанов, которым неизвестно чувство ответственности, но хорошо знакомо чувство страха. Французский парламент ищет выхода. Что предпринять? Он собирается выбросить за борт премьера Бриана, отца-покровителя всех финансовых и политических проходимцев несчастной республики, чтобы заменить его другой фигурой того же качества, но меньшего роста.

Тревожно и в Англии. Ллойд-Джордж обнаружил великую ловкость, когда дело шло о том, чтобы подставить ножку своему шефу — Асквиту. Зеваки и простаки ожидали поэтому, что Ллойд-Джордж сокрушит немцев в кратчайший срок; но этот расстриженный поп, ставший главою бандитов британского империализма, оказался неспособен совершать чудеса. Население в Англии, как и в Германии, все больше убеждается, что война уперлась в безнадежный тупик. Агитация противников войны встречает все больший отклик. Тюрьмы переполнены социалистами. Ирландцы все настойчивее требуют осуществления гом-руля от правительства, которое отвечает арестами ирландских революционеров.

Итальянское правительство, которое внесло в войну гораздо больше аппетита, чем военной силы, чувствует себя не тверже, чем все другие. С одной стороны, австро-немецкие подводные лодки затрудняют доставку столь необходимого угля. С другой стороны, мужественные итальянские социалисты со всевозрастаю-

щим успехом ведут свою агитацию против войны. Предстоящая вскоре отставка венгерского диктатора Тиссы неспособна поэтому радовать итальянского премьера Бозелли: она только напоминает ему о его собственном смертном часе.

Тревожно в парламентах и в правительственных кругах воюющей Европы. Министерские кризисы везде висят в воздухе, и если падение потрепанных вождей „национальной“ войны чем-нибудь задерживается, так только тем, что немного есть „авторитетных“ парламентских дельцов или авантюристов, которые готовы были бы при настоящих условиях взять на себя бремя власти.

Между тем военная машина работает безостановочно на обеих сторонах. Все правительства хотят мира и все боятся его, ибо день начатия мирных переговоров будет днем подведения итогов. Без надежд на победу правящие продолжают войну, придавая все более истребительный характер ее методам. И все же ясно становится — даже для буржуазного общественного мнения нейтральных стран — что только вмешательство третьей силы способно положить конец взаимоистреблению европейских народов. Этой третьей силой может явиться только революционный пролетариат.

Страх пред его неизбежным выступлением есть главная сила в политике правительств, парламентов и партий. И министерские кризисы и перетасовки парламентских партий вызываются в последнем счете страхом перед обманутыми массами.

В этих условиях стачки и волнения в Петербурге и в Москве получают политическое значение, далеко выходящее за пределы России. Это начало конца. Каждое решительное действие русского пролетариата, выступающего против негоднейшего из негодных европейских правительств, будет служить могущественным толчком для рабочих во всех других странах. Кора патриотических настроений и военной дисциплины утоньшилась за 31 месяц войны до последней степени. Один резкий толчок — и эта кора рассыплется прахом. Правящие знают это. Оттого так неспокойно в Европе...

„Н. М.“, 15 марта 1917 г.

5. Под знаменем коммуны.

Война и революция часто идут в истории одна за другою.

В обычное время рабочие массы тянут покорно изо дня в день свою каторжную лямку, повинуясь могучей силе привычки. Ни надсмотрщики, ни полиция, ни тюремщики, ни палачи не способны были бы удерживать массы в повиновении, если бы не эта привычка, — верная слуга капитала.

Война, которая терзает и губит массы, опасна также и для правящих,—именно потому, что она одним ударом выводит народ из привычного состояния, пробуждает своим громом самых отсталых и темных, заставляет их оглянуться на себя и вокруг себя.

Толкая миллионы трудящихся в огонь, правящие должны на место привычки ставить обещания и ложь. Буржуазия украшает свою войну теми чертами, которые дороги великодушному сердцу народных масс: война за „свободу", за „справедливость", за „лучшую жизнь"! Взбудораживая массы до самого дна, война неизменно кончает тем, что обманывает их: она ничего не приносит им, кроме новых ран и цепей. Оттого вызванное войною напряжение обманутых масс нередко приводит к взрыву против правящих; война порождает революцию.

Так было двенадцать лет тому назад, во время русско-японской войны: она сразу обострила недовольство народа и привела к революции 1905 г.

Так было во Франции 46 лет тому назад: франко-прусская война 1870 — 1871 годов привела к восстанию рабочих и учреждению Парижской Коммуны.

Рабочие Парижа были вооружены буржуазным правительством, в виде национальной гвардии, для защиты столицы от немецких войск. Но французская буржуазия больше боялась своих собственных пролетариев, чем войск Гогенцоллерна. После того, как Париж капитулировал, республиканское правительство попробовало обезоружить рабочих. Но война уже пробудила в них дух возмущения. Они не хотели возвращаться к станкам теми же рабочими, что были до войны. Парижские пролетарии отказались выпускать оружие из рук. Произошло столкновение между вооруженными рабочими и правительственными полками. Это было

18 марта 1871 г. Рабочие вышли победителями, оказались хозяевами Парижа и 28 марта учредили в столице—под именем Коммуны — пролетарское правительство. Оно просуществовало недолго. 28 мая пали после героического сопротивления последние защитники Коммуны под натиском буржуазных полчищ. Открылись недели и месяцы кровавой расправы над участниками пролетарской революции. Но, несмотря на краткость своего существования, Коммуна осталась величайшим событием в истории пролетарской борьбы. На опыте парижских рабочих мировой пролетариат впервые увидел, что такое *пролетарская революция*, каковы ее цели и пути.

Коммуна начала с того, что утвердила всех иностранцев, выбранных в состав рабочего правительства. Она заявила: „знамя Коммуны есть знамя Мировой Республики“.

Она очистила государство и школы от религии, отменила смертную казнь, опрокинула Вандомскую колонну — памятник шовинизма, передала все должности и посты действительным слугам народа, назначив им жалованье, не превышающее рабочего заработка.

Она приступила к переписи заводов и фабрик, закрытых перепуганными капиталистами, чтобы начать там производство на общественный счет. Это был первый шаг к социалистической организации хозяйства.

Коммуна не выполнила своих замыслов: она оказалась раздавленной. Французская буржуазия, при содействии своего „национального врага“ — Бисмарка, сразу ставшего ее классовым союзником, утопила в крови восстание своего действительного врага рабочего класса. Планы и задачи Коммуны не вошли в жизнь. Но они вошли зато в душу лучших сынов пролетариата во всем мире, стали революционными заветами нашей борьбы.

И теперь, 18 марта 1917 года, образ Коммуны встает перед нами ярче, чем когда бы то ни было: ибо мы, после большого промежутка времени, снова вошли в эпоху великих революционных боев.

Мировая война вырвала десятки миллионов тружеников из привычных условий труда и прозябания. До сегодняшнего дня это было только в Европе, завтра это будет и в Америке. Никогда еще рабочим массам не давали таких обещаний, никогда им не рисовали таких радужных целей, никогда им не льстили

так, как в этой войне. Никогда еще имущие классы не решались — во имя той лжи, которая называется „защитой отечества“, — требовать от народа столько крови. И никогда еще трудящиеся не были так обмануты, преданы, распяты, как теперь.

В наполненных кровью и грязью траншеях, в голодающих городах и деревнях миллионы сердец полны возмущения, отчаяния и гнева. И эти чувства, в сочетании с социалистической мыслью, превращаются в революционный энтузиазм. Завтра его пламя прорвется наружу в могущественных восстаниях рабочих масс.

Уже пролетариат России вышел на великую дорогу революции, и под его натиском валятся и рушатся твердыни самой постыдной из деспотий. Революция в России, однако, — только предтеча пролетарских восстаний во всей Европе и во всем мире.

Помните о Коммуне! — скажем мы, социалисты, восставшим рабочим массам. Буржуазия вооружила вас против внешнего врага? Откажитесь возвращать ей оружие, как отказались парижские рабочие в 1871 году! Направьте это оружие, как призывал вас Карл Либкнехт, против вашего подлинного врага — капитала! Вырвите из его рук государственную машину, превратите ее из орудия буржуазного насилия в аппарат пролетарского самоуправления. Вы теперь несравненно сильнее, чем были ваши предки в эпоху Коммуны. Сбросьте всех паразитов с их тронов. Возьмите земли, шахты, заводы в собственное ваше заведывание. Братство в труде, — равенство — в пользовании его плодами!

Знамя Коммуны есть знамя Мировой Республики Труда!

„Н. М.“, 17 марта 1917 г.

Нью-Иоркские отголоски на события в России.

1. Уроки великого года.

9 января 1905 — 9 января 1917 г.

Революционные годовщины — не столько дни воспоминаний, сколько дни поучений. Особенно для нас, русских. Наша история бедна. То, что называлось нашей самобытностью, состояло в значительнейшей части из отсталости, бедности, невежества и не-

умытости. Только революция 1905 года вывела нас на большую дорогу политического развития. 9 января петербургский рабочий крепко постучался у ворот Зимнего дворца. Но можно сказать, что это весь русский народ впервые постучался у ворот истории. Коронованный дворник не вышел на стук. Но уже через девять месяцев — 17 октября 1905 года — ему пришлось приоткрыть тяжелые ворота самодержавия, и, несмотря на все дальнейшие усилия реакции, маленькая щель оставалась всегда. Революция не победила. У власти стоят сейчас те же силы и почти те же фигуры, что и двенадцать лет тому назад. Но революция сделала Россию неузнаваемой. Царство неподвижности, рабства, православия, водки и покорности стало царством брожения, критики и борьбы. Там, где недавно было только расползающееся тесто,— безличный, бесформенный народ, „святая Русь“, — новые классы сознательно противостали друг другу, возникли политические партии со своими программами и методами борьбы. 9 января открывает новую русскую историю; от этой кровавой черты нет возврата назад, к проклятой азиатчине прежних веков, — нет и не будет.

* * *

Не либеральная буржуазия, не мелко-буржуазная демократия, не радикальная интеллигенция, не многомиллионное крестьянство, а российский пролетариат открыл своей борьбой новую историю России. Это основной факт. На нем, как на фундаменте, мы, социал-демократы, строим свои выводы и свою тактику. 9 января во главе петербургских рабочих оказался священник Георгий Гапон, фантастическая фигура, в которой сочетались: авантюрист, истерик и плут. Его поповская ряса была той пуповиной, которая еще связывала рабочих со старой, со „святой“ Русью. Но уже через девять месяцев, во время октябрьской стачки, величайшей политической забастовки, какую когда-либо знала история, во главе петербургских рабочих стояла их собственная, выборная, самоуправляющаяся организация: Совет Рабочих Депутатов. В его составе было немало рабочих, которые раньше входили в штаб Гапона, но за несколько месяцев революции они выросли на целую голову, как и весь тот класс, который они представляли. Гапон, тайно вернувшийся к тому времени в Россию, пытался возродить свою организацию и сделать ее орудием Витте. „Вер-

ные“ гапоновцы собирались несколько раз в Соляном городке, бок-о-бок с Советом Рабочих Депутатов, и до нас, во время заседаний, нередко долетали звуки „вечной памяти“: дальше похоронных песнопений по жертвам 9 января гапоновцы не пошли.

В первый период революции выступления пролетариата встречали симпатию и даже поддержку либерального общества. Милюковы рассчитывали, что рабочие намнут бока царизму и сделают его склонным к соглашению с оппозиционной буржуазией. Но царская бюрократия, привыкшая в течение столетий к господству над народом, отнюдь не торопилась делить свою власть с либералами. Уже в октябре 1905 г. буржуазия убедилась, что подойти к власти можно не иначе, как перебив позвоночный столб царизму. Совершить это благородное дело могла, очевидно, только победоносная революция.

Но вся суть в том, что революция выдвигает на передний план рабочий класс, сплачивает и закаляет его в непримиримой враждебности не только к царизму, но и к капиталу. В течение октября, ноября и декабря 1905 года—в эпоху Совета Рабочих Депутатов — мы наблюдаем, как каждый новый, революционный шаг пролетариата отбрасывает либералов в сторону монархии. Надежды на революционное сотрудничество буржуазии и пролетариата оказываются безнадежной утопией. Кто этого не увидел тогда и не понял позже, кто еще мечтает об „общенациональном“ восстании против царизма, — для того революция и классовая борьба являются книгой за семью печатями.

В конце 1905 года вопрос встал ребром. Монархия уже успела убедиться на опыте, что в минуту решительного боя буржуазия не поддержит рабочих, и решила двинуть против них все свои силы. Начались грозные декабрьские дни. Совет Рабочих Депутатов в Петербурге был арестован верным правительству гвардейским измайловским полком. Последовал грандиозный ответ: стачка в Петербурге, восстание в Москве, бурные революционные движения во всех промышленных городах и центрах, восстание на Кавказе и в Латышском крае. Революционное движение было раздавлено. И немало было таких горе - „социалистов“, которые из нашего декабрьского поражения поспешили сделать тот вывод, что революция в России невозможна без поддержки либеральной буржуазии. Если бы это было верно, это означало бы, что революция в России невозможна вообще.

Наша крупная промышленная буржуазия — а только она и имеет подлинную силу—отделена от пролетариата непреодолимой классовой враждебностью и нуждается в монархии, как в оплоте порядка. Гучковы, Крестовниковы и Рябушинские не могут не видеть в революционном пролетариате своего смертельного врага. Наша средняя и мелкая торгово-промышленная буржуазия имеет в экономической жизни страны ничтожное значение, и вся с головы до ног опутана сетями зависимости от крупного капитала. Милюковы, вожди мещанства, лишь постольку играют политическую роль, поскольку орудуют, как приказчики крупной буржуазии. Именно поэтому кадетский вождь назвал знамя революции „красной тряпкой", снова и снова отрекался от него и совсем недавно, уже во время войны, заявил, что если бы для победы над немцами нужна была революция, то он отказался бы от победы.

Огромное место в русской жизни занимает крестьянство. В 1905 году оно всколыхнулось до самых глубоких своих низов. Крестьяне изгоняли своих помещиков, поджигали усадьбы, захватывали дворянские земли. Но проклятие крестьянства—в его разбросанности, разобщенности, отсталости. Да и интересы разных слоев крестьянства очень разнородны. Против местных своих крепостников крестьяне вставали грудью, но останавливались в почтительном страхе перед всероссийским крепостником. Более того: крестьяне-солдаты не поняли того, что пролетариат проливает свою кровь не только за себя, но и за них, и в качестве слепого орудия царской власти раздавили рабочее восстание в декабре 1905 года.

Кто вдумается в опыт 1905 года и протянет от него нити к сегодняшнему дню, тот поймет, как безжизненны и жалки надежды наших социал-патриотов на революционное сотрудничество пролетариата с либеральной буржуазией. За протекшие 12 лет крупный капитал в России сделал огромные завоевания. Средняя и мелкая буржуазия попала в еще большую зависимость от банков и трестов. Численно возросший пролетариат отделен от буржуазных классов еще большей пропастью, чем в 1905 году. Если „общенациональной" революции не вышло 12 лет тому назад, то тем меньше на нее надежд теперь. За то время, правда, сильно повысился культурно-политический уровень русского крестьянства. Но на революционную роль крестьянства, как сословия, опять-таки несравненно меньше надежд, чем в 1905 году.

Действительно надежного союзника промышленный пролетариат может найти только в пролетарских и полупролетарских слоях деревни.—Но есть ли в таком случае шансы на победу революции в России?—спросит иной скептик. Это вопрос особый, и мы постараемся показать на страницах „Нового Мира", что такие шансы есть и что они очень солидны. Но прежде, чем подойти к этому вопросу, нужно очистить дорогу от всяких суеверий насчет возможности революционного сотрудничества труда и капитала в борьбе против царизма.

Опыт 1905 года говорит нам, что такое сотрудничество—жалкая утопия. Знакомиться с этим опытом, изучать его—долг каждого мыслящего рабочего, который хочет избежать трагических ошибок. В этом именно смысле мы и сказали выше, что революционные годовщины для нас не только дни воспоминаний, но и дни великих поучений.

„Н. М." 20 января 1917 г.

2. Опять открыли Думу.

Русской политике нельзя отказать в разнообразии. Министры сменяются так часто, что бывают, говорят, случаи, когда вчера отставленный министр обменивается по ошибке калошами с министром, которого удалили сегодня. Раньше Государственная Дума тщетно искала с министрами „общего языка". Теперь общего языка с министрами ищет царь. Это дело не столь простое: царю нужен язык немудреный. И вот придворные старцы, ветхие графини с табакерками и всякие вообще проходимцы в рясах и даже без подрясников ищут денно и нощно немудрящего министра.—Вам какого?— спрашивают их из Государственного Совета.—Да нам бы... тае... тае... дурака надо.—Сколько угодно,—отвечают им,—на том стоим, выбирайте любого.

Тем временем господа европейские союзники, в качестве просвещенных иностранцев, беспокоятся. „Какая будет у вашего нового министра программа?"—спрашивают они русских посланников в Лондоне, Париже и Риме...—Да программа у нас будет обыкновенная, домашняя, хорошая программа...—Хорошая, говорите?—Честь-честью...—А с евреями, например, вы как собираетесь поступать?—С евреями... сообразно с духом времени и с заветами

покойника Распутина. Но вот американские еврейские банкиры обижаются: а ведь Америка, знаете, во-первых, амуниция, во-вторых, завтрашний союзник...—А мы еврейским банкирам полпроцентика накинем, они... хе-хе... и перестанут обижаться за своих единоверцев.—Вы уверены?—Дело испробованное...—Хорошо. А зачем ваш русский немец Штюрмер в Копенгаген поехал?—Для поправки поехал... по слабости своего нездоровья...—В Копенгаген?—Морским воздухом подышать...—В Данию?—Так точно, для температуры...—Гм... а не приедет ли туда одновременно какой-нибудь немецкий дипломат, тоже любитель температуры?

При этом вопросе у русского посланника глаза начинают воровато бегать по сторонам.

— Зачем нам немецкий дипломат? Насчет, например, сепаратного мира? Ни-ни! У нас на этот счет и думать не приказано.

Тут российский посланник делает паузу, чтобы создать „психологический момент“.

— Хотя с другой стороны, денег у нас нету. Очень вы прижимисты стали, господа союзники. Воевать всухомятку нам тоже не с руки.

— Так что вы Штюрмера послали вроде намека? Денег, стало быть, опять хотите?

— Хотим, кратко отвечает посланник.

— Но ведь ежели вам денег дать, вы их немедленно разворуете?—спрашивают вкрадчиво союзники.—Вы вон и Думу вашу разогнали, чтобы воровать было сподручнее.

— Думу? Эка невидаль: вчера разогнали, а завтра опять соберем. А послезавтра...

— Что послезавтра?

— Ничего-с. Послезавтра, говорю, немцев разгоним.

После этого посланник идет на телеграф и уплачивает 23 франка 35 сантимов за срочную телеграмму: „Откройте Думу под верный заем“.

А царь говорит старцам и графиням с табакерками: „Заготовьте сразу двух министров: одного—на открытие Думы, а другого на закрытие оной...“

Так русская политика шествует по пути прогресса.

„Н. М.“ 8 марта 1917 года.

3. У порога революции.

Улицы Петрограда снова заговорили языком 1905 г. Как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира, свободы. Как и тогда, не движутся трамваи и не выходят газеты. Рабочие выпускают пары из машин, покидают свои станки, выходят на улицы. Правительство выводит своих казаков. И опять, как в 1905 г., только эти две силы и видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска.

Движение вспыхнуло из-за недостатка хлеба. Это, конечно, не случайная причина. Во всех воюющих странах недостаток съестных припасов есть наиболее непосредственная, наиболее острая причина недовольства и возмущения народных масс. Все безумие войны раскрывается им ярче всего из этого угла: невозможно производить средства жизни, потому что необходимо создавать орудия смерти.

Тем не менее попытки официозных англо-русских телеграфных агентов свести все дело к временной недостаче хлеба и снежным заносам представляется одним из наиболее нелепых применений политики страуса, который при приближении опасности прячет голову в песок. Из-за снежных заносов, которые временно затрудняют приток жизненных продуктов, рабочие не останавливают заводов, трамваев и типографий и не выходят на улицы — для очной ставки с казаками.

У людей коротка память, и многие—даже в нашей собственной среде—успели позабыть, что нынешняя война застигла Россию в состоянии могущественного революционного брожения. После тяжкого контр-революционного столбняка 1908 — 1911 годов русский пролетариат успел залечить свои раны во время двух-трех лет промышленного подъема; и расстрел стачечников на Лене в апреле 1912 года снова пробудил революционную энергию русских рабочих масс. Начался стачечный прибой. И в последний год перед войной волна экономических и политических стачек достигла той высоты, какую она имела только в 1905 г. Летом 1914 года, когда французский президент Пуанкаре приезжал в Петербург (надо полагать, для переговоров с царем о том, как спасать малые и слабые народы), русский пролетариат находился в состоя-

нии чрезвычайного революционного напряжения, и президент Французской республики мог своими глазами видеть в столице своего друга-царя первые баррикады Второй Русской Революции.

Волна оборвала нараставший революционный прибой. Повторилось то же, что десять лет тому назад, во время русско-японской войны. После бурных стачечных движений 1903 года мы наблюдали в течение первого года войны (1904) почти полное политическое затишье в стране: для петербургских рабочих масс потребовалось тогда двенадцать месяцев, чтобы осмотреться в войне и выступить на улицу со своими требованиями и протестами. Это и произошло 9-го января 1905 года, когда, так сказать, официально началась первая наша революция.

Нынешняя война неизмеримо грандиознее русско-японской. Мобилизовавши миллионы солдат для „защиты отечества", царское правительство не только расстроило ряды пролетариата, но и поставило перед мыслью его передовых слоев новые вопросы неизмеримой важности. Из-за чего война? Должен ли пролетариат брать на себя „защиту отечества"? Какова должна быть тактика рабочего класса во время войны?

Между тем царизм и связанные с ним дворянско-капиталистические верхи обнажили во время войны до конца свою истинную природу: природу преступных хищников, ослепленных безграничной жадностью и парализованных собственной бездарностью. Захватные аппетиты правящей клики росли по мере того, как перед народом раскрывалась ее полная неспособность справиться с первейшими военными, промышленными и продовольственными задачами, порожденными войной. И вместе с тем накоплялись, росли и обострялись бедствия масс — неизбежные бедствия войны, помноженные на преступную анархию „распутинского" царизма.

В самых широких рабочих толщах, до которых, может быть, никогда раньше не доходило слово революционной агитации, накоплялось под влиянием событий войны глубокое ожесточение против правящих. А тем временем в передовом слое рабочего класса завершался процесс критической переработки новых событий. Социалистический пролетариат России оправился от удара, нанесенного ему националистическим падением влиятельнейших частей Интернационала, и понял, что новая эпоха призывает нас не к смягчению, а к обострению революционной борьбы. Нынеш-

ние события в Петрограде и Москве являются результатом всей этой подготовительной внутренней работы.

Дезорганизованное, скомпрометированное, разрозненное правительство наверху. Расшатанная вконец армия. Недовольство, неуверенность и страх в среде имущих классов. Глубокое ожесточение в народных низах. Численно возросший пролетариат, закаленный в огне событий. Все это дает нам право сказать, что мы являемся свидетелями начала Второй Российской Революции. Будем надеяться, что многие из нас явятся ее участниками.

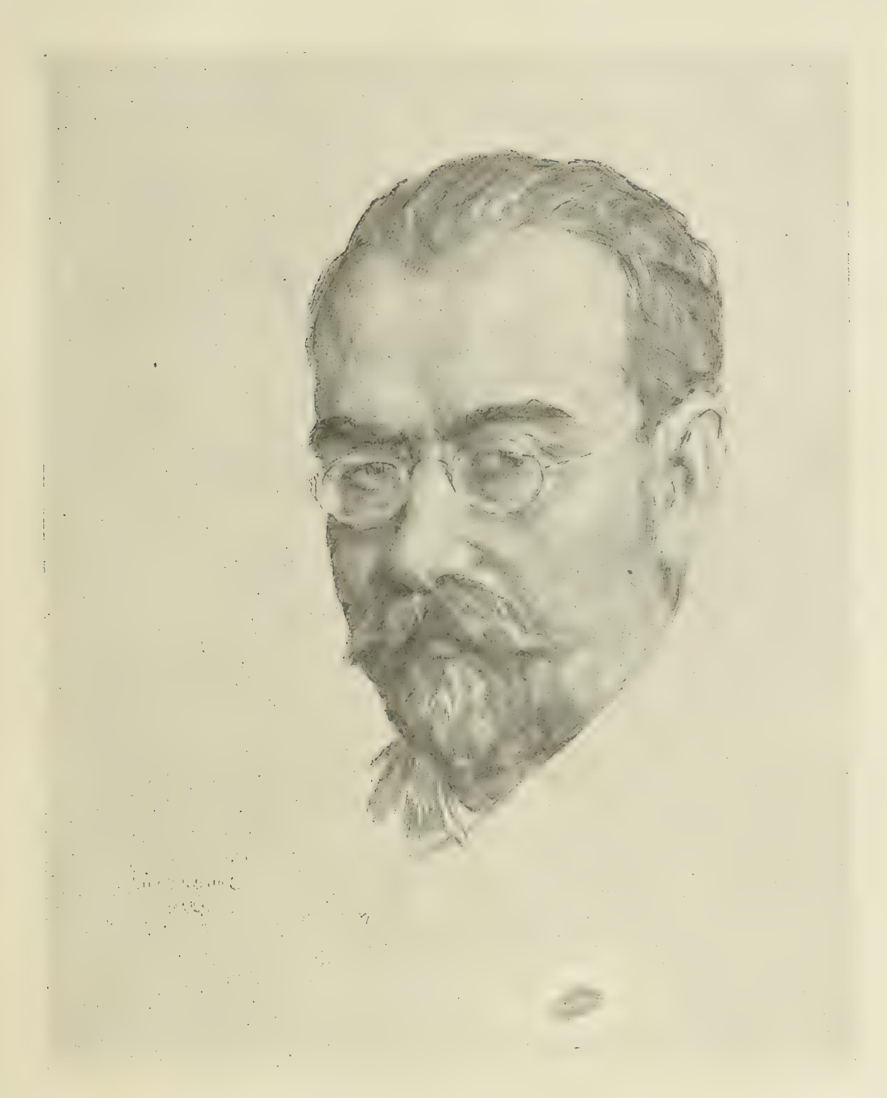
„Н. М.“, 13 марта 1917 года.

4. Революция в России.

То, что сейчас происходит в России, войдет навсегда в историю, как одно из величайших ее событий. Наши дети, внуки и правнуки будут говорить об этих днях, как о начале новой эпохи в истории человечества. Русский пролетариат восстал против самого преступного из режимов, против самого отверженного из правительств. Народ Петрограда поднялся против самой бесчестной и самой кровавой из войн. Столичные войска стали под красное знамя мятежа и свободы. Царские министры арестованы. Министры Романова, повелителя старой России, организаторы всероссийского самовластья, посажены народом в одну из тех тюрем, которые до сих пор раскрывали свои кованные ворота только для народных борцов. Этот один факт дает истинную оценку событий, их размаха и могущества. Могучая лавина революции в полном ходу, — никакая сила человеческая ее не остановит.

У власти стоит, как сообщает телеграфная проволока, Временное Правительство [1]) в составе представителей думского большинства, под председательством Родзянки. Это Временное Правительство — исполнительный комитет либеральной буржуазии — не шло к революции, не вызывало ее и не руководит ею. Родзянки и Милюковы подняты к власти первой высокой волной революционного прибоя. Они больше всего боятся, как бы не захлеб-

[1]) Телеграммы американской прессы смешивали Комитет Думы и Временное Правительство.



Ф. А. РОТШТЕЙН

нуться в нем. Заняв места, которые еще не остыли после министров, переведенных в одиночные камеры тюрьмы, вожди либеральной буржуазии готовы считать революцию законченной. Такова же мысль и надежда всей мировой буржуазии. Между тем революция только началась. Ее движущей силой являются не те, что выбрали Родзянку и Милюкова. И не в исполнительном комитете третье-июньской Думы найдет революция свое руководство.

Голодные матери голодающих детей негодующе подняли к окнам дворцов свои истощенные руки,—и проклятье этих женщин народа прозвучало, как голос революционного набата. Вот где начало событий. Рабочие Петрограда дали тревожный гудок; сотни тысяч высыпали из заводов на мостовые города, которые уже знают, что такое баррикады. Вот где сила революции! Всеобщая стачка потрясла мощный организм столицы, парализовала государственную власть, загнала царя в одну из его золоченых трущоб. Вот где путь революции! Войска петроградского гарнизона, как ближайший отряд всероссийской армии, откликнулись на призыв восставших масс и сделали возможными первые крупные завоевания народа. Революционная армия—вот кому будет принадлежать решающее слово в событиях революции!

Сообщения, какие мы имеем сейчас, неполны. Была борьба. Министры монархии не ушли без боя. Шведские телеграммы говорят о взорванных мостах, о стычках на улицах, о восстаниях в провинциальных городах. Буржуазия, со своими полковниками Энгельгардтами и цензорами Гронскими, стала у власти, чтоб „восстановить порядок". Это ее собственные слова. Первый манифест Временного Правительства призывает граждан к спокойствию и к мирным занятиям. Как будто очистительная работа народа завершена, как будто железная метла революции уже вымела до тла реакционную нечисть, которая скоплялась веками вокруг покрытой бесчестьем романовской династии!

Нет, рано Родзянки и Милюковы заговорили о порядке, и не завтра еще наступит спокойствие на всколыхнувшейся Руси. Пласт за пластом будет теперь подниматься страна—все угнетенные, обездоленные, обобранные царизмом и правящими классами— на всем необъятном пространстве всероссийской тюрьмы народов. Петроградские события—только начало.

Во главе народных масс России революционный пролетариат выполнит свою историческую работу: он изгонит монархическую

и дворянскую реакцию из всех ее убежищ и протянет свою руку пролетариату Германии и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизм, но и войну.

Уже вторая волна революции перекатится через головы Родзянок и Милюковых, озабоченных восстановлением порядка и соглашением с монархией. Из собственных своих недр революция выдвинет свою власть—революционный орган народа, идущего к победе. И главные битвы, и главные жертвы еще впереди. И только за ними последует полная и подлинная победа.

Последние телеграммы из Лондона говорят, что царь Николай хочет отречься от престола в пользу своего сына. Этой сделкой реакция и либерализм хотят спасти монархию и династию. Поздно. Поздно. Слишком велики преступления, слишком чудовищны страдания,—и слишком велик размах народного гнева.

Поздно, слуги монархии! Поздно, либеральные гасители! Лавина революции пришла в движение — никакая сила человеческая ее не остановит.

„Н. М.“, 16 марта 1917 года.

5. Два лица.

(Внутренние силы русской революции.)

Присмотримся ближе к тому, что происходит.

Николай низложен и даже находится, по некоторым сообщениям, под стражей. Наиболее видные черносотенцы арестованы, некоторые наиболее ненавистные убиты. Новое министерство составилось из октябристов, либералов и радикала Керенского. Объявлена всеобщая амнистия.

Это все яркие факты, большие факты. Это те факты, что виднее всего внешнему миру. На основании этих перемен на правительственных верхах европейская и американская буржуазия оценивает смысл событий, объявляет, что революция победила и пришла к концу.

Царь и его черносотенцы боролись только за сохранение власти. Война, империалистические планы русской буржуазии, интересы „союзников“ — все для них отступало на задний план. Они готовы были в любой момент заключить мир с Гогенцол-

лерном и с Габсбургом, чтобы освободить наиболее верные полки и направить их против собственного народа.

Прогрессивный блок в Думе не доверял царю и его министрам. Этот блок составился из разных партий русской буржуазии. У блока были две цели: во-первых, доведение войны до конца, до победы; во-вторых, внутренняя реформа в стране: больше порядка, контроля, отчетности. Победа нужна русской буржуазии для завоевания рынков, для земельных приобретений, для обогащения. Реформа нужна русской буржуазии в первую очередь для победы.

Но прогрессивно-империалистический блок хотел мирной реформы. Либералы стремились оказывать думское давление на монархию и держать ее в узде при содействии британского и французского правительств. Они не хотели революции. Они знали, что революция, которая на передний план выведет рабочую силу, означает угрозу их господству и прежде всего угрозу их империалистическим планам. Трудящиеся массы — в городах, в деревнях и в самой армии — хотят мира. Либералы знают это. Оттого они все время были врагами революции. Несколько месяцев тому назад Милюков заявил в Думе: „Если бы для победы нужна была революция, я отказался бы от победы“.

Но либералы сейчас встали у власти благодаря революции. Буржуазные газетчики не видят ничего, кроме этого факта. Уже в качестве нового министра иностранных дел, Милюков заявил, что революция велась во имя победы над внешним врагом и что новое правительство берет на себя доведение войны до конца. Нью-Иоркская амуниционная биржа так именно и учла русскую революцию: либералы у власти — стало быть, потребуется больше снарядов.

Среди биржевиков есть много умных людей и среди буржуазных газетчиков точно так же. Но все они отличаются полным тупоумием, как только дело касается массовых движений. Им кажется, что Милюков руководит революцией, как они сами руководят банковыми или газетными конторами. Они видят только либерально-правительственное отражение развертывающихся событий, пену на поверхности исторического потока.

Долго сдерживаемое недовольство масс вырвалось наружу так поздно, на тридцать втором месяце войны, не потому, что перед массами стояла полицейская плотина, весьма расшатавшаяся

28*

за время войны, а потому, что все либеральные учреждения и органы, кончая своими социал-патриотическими прихвостнями, оказывали огромное политическое давление на наименее сознательные рабочие слои, внушая им необходимость „патриотической“ дисциплины и порядка. Уже в последний момент, когда голодные женщины вышли на улицу и рабочие готовились поддержать их всеобщей стачкой, либеральная буржуазия, как сообщают телеграммы, путем воззваний и увещаний пыталась задержать развитие событий, как одна героиня у Диккенса хотела половой щеткой задержать морской прилив.

Но движение развернулось снизу, из рабочих кварталов. После часов и дней нерешительности, перестрелок, стычек войска присоединились к восставшим снизу, начиная с лучших частей солдатской массы. Старая власть оказалась обессиленной, парализованной, уничтоженной. Черносотенные бюрократы попрятались, как тараканы, по углам.

Тут только наступила очередь Думы. Царь попытался в последнюю минуту разогнать ее. И она бы покорно разошлась, „по примеру прошлых лет“, если бы у нее была возможность разойтись. Но в столицах уже господствовал революционный народ, тот самый, что против воли либеральной буржуазии вышел на улицу для борьбы. С народом была армия. И если б буржуазия не сделала попытки организовать свою власть, революционное правительство вышло бы из среды восставших рабочих масс. Третье-июньская Дума никогда не решилась бы вырвать власть из рук царизма. Но она не могла не использовать создавшееся междуцарствие: монархия временно исчезла с лица земли, а революционная власть еще не сложилась.

Очень вероятно, даже несомненно, что Родзянки и в этом положении попытались бы шмыгнуть в подворотню. Но над ними стоял недреманный контроль английского и французского посольств. Участие „союзников“ в создании Временного Правительства несомненно. Стоя между опасностью сепаратного мира со стороны Николая и революционного мира со стороны рабочих масс, союзные правительства считали, что единственное спасение состоит в переходе власти в руки прогрессивно-империалистического блока. Русская буржуазия сейчас находится в теснейшей финансовой зависимости от Лондона, и „совет“ английского посланника звучал для нее, как приказание. Против всей своей

предшествующей истории, против своей политики, против своей воли либеральные буржуа оказались у власти.

Милюков говорит теперь о продолжении войны „до конца". Эти слова не легко вышли из его горла: он знает, что они должны вызвать негодование народных масс против новой власти. Но Милюков обязан был сказать эти слова для лондонской, для парижской, и для... американской биржи. Очень вероятно, что свою воинственную декларацию Милюков протелеграфировал заграницу, скрыв ее от собственной страны. Ибо Милюков отлично знает, что он не сможет в настоящих условиях вести войну, сокрушать Германию, расчленять Австрию, захватывать Константинополь и Польшу.

Массы восстали с требованием хлеба и мира. Появление у власти нескольких либералов не насытило голодных и не залечило ничьих ран. Для того, чтобы удовлетворить самые острые, самые неотложные нужды народа, нужен мир. Но либерально-империалистический блок не смеет еще заикаться о мире. Во-первых, из-за союзников. Во-вторых, потому, что русская либеральная буржуазия несет огромную часть ответственности перед народом за войну. Милюковы и Гучковы вместе с романовской камарильей ввергли страну в эту страшную империалистическую авантюру. Прекращение несчастной войны, возвращение к разбитому корыту поведет к отчету перед народом. Милюковы и Гучковы боятся ликвидации войны не меньше, чем они боялись революции.

Такими вот они стоят у власти: вынуждены вести войну и не могут рассчитывать на победу, боятся народа, и народ не верит им.

„... С самого начала готовая к предательству против народа и компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама принадлежит к старому обществу,... не потому у руля революции, что народ стоял за нею, а потому, что народ толкал ее перед собою... без веры в себя, без веры в народ, ворча против верхов, дрожа перед низами, эгоистическая на оба фронта и сознающая свой эгоизм, революционная против консерваторов, консервативная против революционеров, не доверяя своим собственным лозунгам, с фразами вместо идей, запуганная мировой бурей и эксплуатируя мировую бурю, —... пошлая, ибо лишенная оригинальности, оригинальная только в пошлости, —

барышничающая своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без мирового исторического призвания, — проклятый старец, который оказался осужден руководить и злоупотреблять в своих старческих интересах первыми юношескими движениями могучего народа, — без глаз, без ушей, без зубов, без всего — такою стояла прусская буржуазия после мартовской революции у кормила прусского государства" (Карл Маркс).

В этих словах великого мастера — законченный портрет русской либеральной буржуазии, какою она стоит перед нами после нашей мартовской революции у кормила власти. „Без веры в себя, без веры в народ, без глаз, без зубов" — таково ее политическое лицо.

К счастью для России и Европы, у русской революции есть другое подлинное лицо: телеграммы сообщают, что временному Правительству противостоит рабочий комитет, который уже поднял голос протеста против либеральной попытки обокрасть революцию и выдать народ монархии.

Если б революция сейчас приостановилась, как того требует либерализм, завтра же царско-дворянско-бюрократическая реакция собрала бы свои силы и вышибла бы Гучковых и Милюковых из их непрочных министерских траншей, как прусская контр-революция выкинула в свое время всех представителей прусского либерализма. Но русская революция не остановится. И в дальнейшем своем развитии она сметет становящихся поперек ее пути буржуазных либералов, как она сметает сейчас царскую реакцию.

„Н. М.". 17 марта (н. ст.) 1917 г.

6. Нарастающий конфликт.

(Внутренние силы революции.)

Открытый конфликт между силами революции, во главе которой стоит городской пролетариат, и антиреволюционной либеральной буржуазией, временно вставшей у власти, совершенно неизбежен. Можно, конечно, — и этим усердно займутся либеральные буржуа и обывательского типа горе-социалисты, — подобрать много жалких слов на тему о великом преимуществе обще-национального единства над классовым расколом. Но никогда еще

и никому не удавалось такими заклинаниями устранить социальные противоречия и приостановить естественное развитие революционной борьбы.

Внутренняя история развертывающихся событий нам знакома только по осколкам и намекам, проскальзывающим в официальных телеграммах. Тем не менее можно и сейчас уже наметить два пункта, которые будут все больше противопоставлять революционный пролетариат и либеральную буржуазию.

Вопрос о государственной форме уже вызвал первый конфликт. Русский либерализм нуждается в монархии. Мы наблюдаем во всех странах, ведущих империалистическую политику, чрезвычайный рост личной власти. Английский король, французский президент и в последнее время президент Соединенных Штатов сосредоточили в своих руках огромную долю государственной власти. Политика мировых захватов, тайных договоров, открытых предательств требует независимости от парламентского контроля и гарантий от перемен курса, вызываемых частыми сменами министерств. С другой стороны, монархия создает для имущих классов наиболее устойчивую опору в борьбе с революционным настроением пролетариата.

В России обе эти причины действуют с большей силой, чем где бы то ни было. Русская буржуазия не считает возможным отказать народу во всеобщем избирательном праве, понимая, что такой отказ немедленно восстановил бы самые широкие массы против Временного Правительства и дал бы сразу в революционном движении перевес новому, наиболее решительному крылу пролетариата. Даже резервный монарх Михаил Александрович понимает невозможность подойти к трону иначе, как путем „всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права“. Тем важнее для буржуазии создать заблаговременно монархический противовес глубоким социально-революционным требованиям трудящихся масс. Формально, на словах, буржуазия соглашается предоставить разрешение этого вопроса будущему Учредительному Собранию. Но по существу октябристско-кадетское Временное Правительство и дополняющее его октябристско-кадетское министерство [1]) превратят всю подготовительную работу по созыву

[1]) Речь идет о думском Комитете, во главе с Родзянко, и о правительстве Гучкова-Милюкова; наименования того и другого даны на основании первых, крайне путанных американских, телеграмм из Петрограда.

учредительного собрания в борьбу за монархию против республики. Решение учредительного собрания будет в огромной степени зависеть от того, кто и как будет созывать его. Следовательно, уже сейчас, немедленно, революционный пролетариат должен будет противопоставить свои революционные органы, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, исполнительным органам Временного Правительства. В этой борьбе пролетариат, объединяя вокруг себя поднимающиеся народные массы, должен ставить своей прямой целью завоевание власти. Только революционное рабочее правительство будет обладать волей и способностью уже во время подготовки учредительного собрания произвести радикальную демократическую чистку в стране, перестроить сверху донизу армию, превратить ее в революционную милицию и на деле доказать крестьянским низам, что их спасение только в поддержке революционного рабочего режима. Созванное на основе такой подготовительной работы учредительное собрание будет действительно отражать революционные, творческие силы страны и само станет могущественным орудием дальнейшего развития революции.

Второй вопрос, который должен непримиримо противопоставить интернационально-социалистический пролетариат либерально-империалистической буржуазии, это отношение к войне и миру.

„Н. М.", 19 марта 1917 г.

7. Война или мир?

(Внутренние силы революции.)

Главный вопрос, который сейчас интересует правительства и народы всего мира, — какое влияние окажет русская революция на ход войны? Приблизит ли она мир? Или же, наоборот, весь пробужденный революцией энтузиазм народа будет направлен на дальнейшее ведение войны?

Это большой вопрос. От его решения в ту или другую сторону зависит не только судьба войны, но и судьба самой революции.

В 1905 году Милюков, нынешний воинственный министр иностранных дел, называл русско-японскую войну авантюрой и

требовал скорейшего ее прекращения. В том же духе писала вся либеральная и радикальная печать. Сильнейшие организации промышленников высказывались тогда — несмотря на беспримерные поражения — за немедленное заключение мира. Чем это объяснялось? Надеждами на внутреннюю реформу. Установление конституционного строя, парламентский контроль над бюджетом и вообще государственным хозяйством, распространение просвещения и особенно наделение крестьян землею должны были повысить хозяйственный уровень страны, увеличить благосостояние населения и, следовательно, создать громадный внутренний рынок для промышленности. Правда, русская буржуазия уже и тогда, 12 лет тому назад, готова была захватывать чужие земли. Но она считала, что раскрепощение крестьянства создаст для нее несравненно более могущественный рынок, чем Манджурия или Корея.

Оказалось, однако, что демократизация страны и раскрепощение крестьянства — не такая простая задача. Ни царь, ни его чиновничество, ни дворянство не соглашались поступиться добровольно ни единой частицей своих прав. Получить из их рук государственную машину и земли нельзя путем либеральных увещаний — нужен был могущественный революционный натиск масс. Но этого буржуазия не хотела. Аграрные восстания крестьян, все обострявшаяся борьба пролетариата и рост возмущения в армии отбросили либеральную буржуазию в лагерь царской бюрократии и реакционного дворянства. Их союз был скреплен государственным переворотом 3-го июня 1907 года. Из этого переворота вышли третья и нынешняя Государственные Думы.

Крестьянство земель не получило. Государственные порядки изменились больше по форме, чем по существу. Создания богатого внутреннего рынка из собственников-крестьян, на манер американских фермеров, не получилось. Капиталистические классы, примирившиеся с третье-июньским режимом, устремили свои взоры на завоевание внешних рынков. Началась полоса нового российского империализма — с беспутным государственным и военным хозяйством и с ненасытными аппетитами. Гучков, нынешний военный министр, заседал в комиссии государственной обороны для скорейшего усиления армии и флота. Милюков, нынешний министр иностранных дел, вырабатывал программу мировых захватов и развозил ее по всей Европе.

На русском империализме и на его октябристских и кадетских представителях лежит очень большая доля ответственности за нынешнюю войну: на этот счет наши Гучковы и Милюковы не имеют никакого права делать упреки баши-бузукам немецкого империализма — это одного поля ягоды.

Милостью революции, которой они не хотели и против которой боролись, Гучков и Милюков стоят сегодня у власти. Они хотят продолжения войны. Они хотят победы. Еще бы! Ведь они именно и вовлекли страну в войну во имя интересов капитала. Ведь вся их оппозиция царизму вытекала из неудовлетворенности их империалистических аппетитов. Пока у власти стояла клика Николая II, перевес во внешней политике имели династические и реакционно-дворянские интересы. Именно поэтому в Берлине и Вене все время надеялись на заключение сепаратного мира с Россией. Теперь же на правительственном знамени написаны интересы чистого империализма. „Царского правительства больше нет, — говорят народу Гучковы и Милюковы, — теперь вы должны проливать кровь за общенациональные интересы". А под национальными интересами русские империалисты понимают возвращение Польши, завоевание Галиции, Константинополя, Армении, Персии. Другими словами, Россия сейчас становится в общий империалистический ряд с другими европейскими государствами и прежде всего со своими союзниками: Англией и Францией.

В Англии существует парламентская монархия, во Франции — республика. У власти и там и здесь стоят либералы и даже социал-патриоты. Но это нисколько не меняет империалистического характера войны, наоборот, только ярче вскрывает его. И революционные рабочие ведут в Англии и во Франции непримиримую борьбу против войны.

Переход от династически-дворянского империализма к чисто-буржуазному никак не может примирить с войною пролетариат России. Интернациональная борьба с мировой бойней и империализмом является сейчас нашей задачей больше, чем когда бы то ни было. И последние телеграммы, сообщающие об антивоенной агитации на улицах Петрограда, свидетельствуют о том, что наши товарищи мужественно выполняют свой долг.

Империалистическая похвальба Милюкова — сокрушить Германию, Австро-Венгрию и Турцию — сейчас как нельзя более на руку Гогенцоллерну и Габсбургу. Милюков теперь будет играть

роль огородного пугала в их руках. Прежде еще, чем новое либерально-империалистическое правительство приступило к реформам в армии, оно помогает Гогенцоллерну поднять патриотический дух и восстановить трещащее по всем швам „национальное единство“ немецкого народа. Если бы немецкий пролетариат получил право думать, что за новым буржуазным правительством России стоит весь народ и в том числе главная сила революции, русский пролетариат, — это явилось бы страшным ударом для наших единомышленников, революционных социалистов Германии. Превращение русского пролетариата в патриотическое пушечное мясо на службе русской либеральной буржуазии немедленно же отбросило бы немецкие рабочие массы в лагерь шовинизма и надолго затормозило бы развитие революции в Германии.

Прямая обязанность революционного пролетариата России показать, что за злой империалистической волей либеральной буржуазии нет силы, ибо нет поддержки рабочих масс. Русская революция должна обнаружить перед всем миром свое подлинное лицо, т.-е. свою непримиримую враждебность не только династически-дворянской реакции, но и либеральному империализму.

Дальнейшее развитие революционной борьбы и создание Революционного Рабочего Правительства, опирающегося на подлинный народ, нанесет смертельный удар Гогенцоллерну, ибо даст могущественный толчок революционному движению германского пролетариата, как и рабочих масс всех остальных европейских стран. Если первая русская революция 1905 года повлекла за собою революции в Азии — в Персии, Турции, Китае, то вторая русская революция послужит началом могущественной социально-революционной борьбы в Европе. Только эта борьба принесет залитой кровью Европе подлинный мир.

Нет, русский пролетариат не даст запрячь себя в колесницу милюковского империализма. На знамени российской социал-демократии сейчас ярче, чем когда бы то ни было, горят лозунги непримиримого интернационализма:

Долой империалистических хищников!
Да здравствует Революционное Рабочее Правительство!
Да здравствуют мир и братство народов!

„Н. М.“, 20 марта 1917 г

8. От кого и как защищать революцию.

Империализм у нас, как и везде, вытекает из самых основ капиталистического производства. Но развитие империализма крайне ускорилось у нас и обострилось под влиянием контр-революции. Об этом мы говорили в прошлый раз. Когда испуганная революцией буржуазия отказалась от своей программы углубления внутреннего рынка путем передачи помещичьих земель крестьянству, она перенесла все свое внимание на мировую политику. Анти-революционный характер нашего империализма выступает, таким образом, со всей наглядностью. Русскому рабочему империалистическая буржуазия сулила — в случае успехов — лучший заработок и пыталась подкупить рабочие верхи привилегированным положением вокруг и около военной промышленности. Крестьянину она обещала новые земли. „Будут ли эти новые земли или нет, — рассуждал мужик-середняк, утративший надежду на помещичьи владения, — а своего-то народу во всяком случае убавится, стало быть, с землей станет свободнее“...

Война, следовательно, явилась в самом прямом смысле слова средством отвлечения внимания народных масс от наиболее острых внутренних вопросов и в первую голову от аграрного. Это одна из причин того, почему „либеральное“ и не-либеральное дворянство с таким рвением поддерживает империалистическую буржуазию в деле ведения войны.

Под знаменем „спасения страны“ либеральные буржуа пытаются удержать в своих руках руководство над революционным народом и с этой целью тянут за собою на буксире не только патриотического трудовика Керенского, но, повидимому, и Чхеидзе, представителя оппортунистических элементов социал-демократии.

Приостановка войны и уже самая борьба за мир поставит ребром все внутренние вопросы, и прежде всего земельный... Аграрный вопрос вгонит глубокий клин в нынешний дворянско-буржуазно-социал-патриотический блок. Керенским придется выбирать между „либеральными“ третьеиюньцами, которые хотят всю революцию обокрасть для капиталистических целей, и революционным пролетариатом, который развернет во всю ширь про-

грамму аграрной революции, то-есть, конфискации в пользу народа царских, помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель. Каков будет личный выбор Керенского, значения не имеет: этот молодой саратовский адвокат, „умоляющий“ солдат на митинге застрелить его, если они ему не доверяют, и в то же время угрожающий скорпионами рабочим-интернационалистам, не имеет большого значения на весах революции. Другое дело — крестьянские массы, деревенские низы. Привлечение их на сторону пролетариата есть самая неотложная, самая насущная задача.

Было бы преступлением пытаться разрешить эту задачу путем приспособления нашей политики к национально-патриотической ограниченности деревни: русский рабочий совершил бы самоубийство, оплачивая свою связь с крестьянином ценою разрыва своей связи с европейским пролетариатом. Но в этом и нет никакой политической надобности. У нас в руках более сильное орудие: в то время, как нынешнее Временное Правительство и министерство Львова - Гучкова - Милюкова - Керенского вынуждены — во имя сохранения своего единства — обходить аграрный вопрос, мы можем и должны поставить его во весь рост перед крестьянскими массами России.

— Раз невозможна аграрная реформа, тогда мы за империалистическую войну! — сказала русская буржуазия после опыта 1905 — 1907 годов.

— Повернитесь спиною к империалистической войне, противопоставив ей аграрную революцию! — скажем мы крестьянским массам, ссылаясь на опыт 1914 — 1917 годов.

Этот же вопрос, земельный, будет играть огромную роль в деле объединения пролетарских кадров армии с ее крестьянской толщей. „Помещичья земля, а не Константинополь!“ скажет солдат-пролетарий солдату-крестьянину, объясняя ему, кому и для чего служит империалистическая война. И от успеха нашей агитации и борьбы против войны — прежде всего в рабочих, а во вторую линию в крестьянских и солдатских массах — будет зависеть, как скоро либерально-империалистическое правительство сможет быть замещено Революционным Рабочим Правительством, опирающимся непосредственно на пролетариат и примыкающие к нему деревенские низы.

Только такая власть, которая не упирается против натиска масс, а наоборот, ведет их вперед, способна обеспечить судьбу

революции и рабочего класса. Создание такой власти есть сейчас основная политическая задача революции.

Учредительное Собрание есть пока-что только революционная фирма. Что за ней скрывается? Какие порядки учредит это Учредительное Собрание? Это зависит от его состава. А состав зависит от того, кто и при каких условиях будет созывать Учредительное Собрание.

Родзянки, Гучковы, Милюковы приложат все усилия к тому, чтобы создать Учредительное Собрание по образу и подобию своему. Самым сильным козырем в их руках явится лозунг обще-национальной войны против внешнего врага. Теперь они будут говорить, конечно, о необходимости отстоять „завоевания революции от разгрома“ со стороны Гогенцоллерна. И социал-патриоты будут подпевать им.

Было бы что отстаивать!—скажем мы. Первым делом нужно обеспечить революцию от внутреннего врага. Нужно, не дожидаясь Учредительного Собрания, выметать монархический и крепостнический хлам изо всех углов. Нужно научить русского крестьянина не доверять посулам Родзянки и патриотической лжи Милюкова. Нужно сплотить крестьянские миллионы против либеральных империалистов под знаменем аграрной революции и республики. Выполнить эту работу в полном объеме сможет только опирающееся на пролетариат Революционное Правительство, которое отстранит Гучковых и Милюковых от власти. Это Рабочее Правительство пустит в ход все средства государственной власти, чтобы поднять на ноги, просветить, сплотить самые отсталые и темные низы трудящихся масс города и деревни. Только при таком правительстве и при такой подготовительной работе Учредительное Собрание явится не ширмой для землевладельческих и капиталистических интересов, а действительным органом народа и революции.

Ну, а как же быть с Гогенцоллерном, войска которого будут нависать угрозой над победоносной русской революцией?

Мы уже писали об этом. Русская революция представляет неизмеримо большую опасность для Гогенцоллерна, чем аппетиты и замыслы империалистической России. Чем скорее революция сбросит с себя гучковско-милюковскую шовинистическую маску и откроет свое пролетарское лицо, тем могущественнее будет отклик, какой она встретит в Германии, тем меньше будет у

Гогенцоллерна охоты и возможности душить русскую революцию, — у него будет достаточно хлопот у себя дома.

— А если немецкий пролетариат не поднимется? Что мы будем делать тогда?

— То-есть, вы предполагаете, что русская революция может пройти бесследно для Германии — даже в том случае, если у нас революция поставит у власти рабочее правительство? Но ведь это совершенно невероятно.

— Ну, а если все же?...

— Нам в сущности незачем сейчас ломать себе голову над таким невероятным предположением. Война превратила всю Европу в пороховой склад социальной революции. Русский пролетариат бросает теперь в этот пороховой склад зажженный факел. Предполагать, что этот факел не вызовет взрыва, значит мыслить наперекор законам исторической логики и психологии. Но если бы случилось невероятное, если бы консервативная социал-патриотическая организация помешала немецкому рабочему классу в ближайшую эпоху подняться против своих правящих классов, — тогда, разумеется, русский рабочий класс защищал бы революцию с оружием в руках. Революционное рабочее правительство вело бы войну против Гогенцоллерна, призывая братский немецкий пролетариат подняться против общего врага. Точно так же, как и германский пролетариат, если бы он оказался в ближайшую эпоху у власти, не только имел бы „право“, но и был бы обязан вести войну против Гучкова-Милюкова, чтобы помочь русским рабочим справиться со своим империалистским врагом. В обоих этих случаях руководимая пролетарским правительством война была бы только вооруженной революцией. Дело шло бы не о „защите отечества“, а о защите революции и перенесении ее на другие страны.

„Н. М.“, 21 марта 1917 г.

1905 — 1917 г.г.

(Ближайшие задачи нынешней революции.)

Франко-прусской войной 1870 — 1871 г.г. закончился бурный период образования европейских национальных государств. Началась эпоха относительной политической неподвижности. В

недрах капиталистических обществ накоплялись противоречия, не имеющие себе равных в истории; но ни одно из них не находило открытого выражения с оружием в руках. Великое искусство правящих заключалось в том, чтобы сглаживать противоречия, замазывать щели и отодвигать в будущее решение всех больших вопросов. Поссибилизм, оппортунизм, приспособленчество стали школой и могущественной традицией. В такой обстановке складывалась психология довоенных поколений в социализме. Революция считалась устаревшим методом политического „варварства". Революционеры казались фантазерами, чуть ли не выходцами с того света.

Русско-японская война и русская революция 1905 г. нанесли сильный удар предрассудкам поссибилизма. Эти события нашли отголосок во всем мире. В Австрии русская революция непосредственно привела к завоеванию всеобщего избирательного права. В Германии дрогнул политический консерватизм социал-демократии, и на своем иенском съезде партия „в принципе" усыновила всеобщую стачку. Во Франции поднял голову революционный синдикализм, как противовес глубоко оппортунистическому и безыдейному социалистическому парламентаризму. В Англии образовалась рабочая партия. Но до открытого конфликта между пролетариатом и государством в Европе дело не дошло. В то время, как на азиатском Востоке, в Персии, Турции и Китае, русские события нашли могучий отклик и дали прямой толчок государственным переворотам, в Европе русская революция произвела только психологическую встряску, после которой все осталось в сущности по-старому. Русская революция была задушена соединенными силами царизма и европейской капиталистической реакции. Ее крушение повсюду оживило дух оппортунизма. Время между 1907 и 1914 г.г. было в рабочем движении временем самого жалкого консерватизма и самого пошлого крохоборства. Но история подготовила для революционеров блестящий реванш.

Инициативу и на этот раз взяла на себя Россия.

Люди, мыслящие голыми формулами или не мыслящие вовсе, полагают, что решают вопрос, когда говорят: в России сейчас происходит „буржуазная революция". В действительности же вопрос этим только ставится: какая это буржуазная революция? каковы ее внутренние силы и дальнейшие перспективы?

РОЛЛАНД-ХОЛЬСТ

В Великой Французской революции конца XVIII века главной движущей силой была городская мелкая буржуазия, ведшая за собою крестьянскую массу. Где у нас в России такого рода мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский промышленный капитализм с самого начала стал развиваться в своих высших концентрированных формах. Русский пролетариат враждебно противостоял русской буржуазии, как класс классу, еще на пороге первой русской революции 1905 г. Таковы глубокие социальные различия между русской революцией начала XX века и французской революцией конца XVIII столетия. С одними историческими аналогиями далеко не уйдешь; необходимо присмотреться к живым силам и определить линию их движения.

Между нашей революцией и восстанием „третьего сословия" во Франции лежит, почти как раз посередине, немецкая революция 1848 г. Последняя, разумеется, также была буржуазной революцией. Но немецкая буржуазия оказалась уже не в силах выполнить свою революционную миссию. Характеризуя события 1848 года, Маркс писал: „Немецкая буржуазия развивалась до такой степени вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она восстала наконец против феодализма и абсолютизма, она увидела перед собой угрозу со стороны пролетариата и тех слоев буржуазного общества, которые по своим интересам и взглядам близки к пролетариату...

„Прусская буржуазия не была похожа на французскую буржуазию 1789 г., т.-е. на тот класс, который представлял собою все новое общество в его борьбе с господствующими силами старого строя, с королевской властью и с дворянством. Немецкая буржуазия уже упала до степени отдельного сословия, которое в такой же мере противостояло короне, как и народу. Она была враждебна обоим и нерешительна по отношению к каждому из своих противников в отдельности, потому что она сама принадлежала к тому же старому обществу... Не потому встала она у кормила революции, что за нею шел народ, а потому, что народ толкал ее сзади... Без веры в себя, без веры в народ, брюзжащая против верхов, дрожащая перед низами... эгоистичная на оба фронта и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам, не верящая в свои собственные лозунги, с фразами вместо идей, напуганная мировой бурей и эксплуа-

тирующая эту бурю, без энергии в каком-либо направлении и совершающая плагиаты во всех направлениях... банальная, потому что в ней не было ни крупицы оригинальности, и оригинальная лишь в своей банальности, предательница своих собственных желаний, без инициативы, без веры в себя и народ, без всемирно-исторической задачи, она была презренным старцем, обреченным на то, чтобы направлять и эксплуатировать в своих старческих интересах молодое движение сильного народа. Слепая, глухая, беззубая — такою встала прусская буржуазия после мартовской революции у кормила прусского государства".

Читая эту характеристику, написанную рукою великого мастера, не узнаем ли мы нашу собственную буржуазию и ее вождей? Русская буржуазия выступила на политическую арену еще позже, чем немецкая. Русский пролетариат несравненно сильнее, самостоятельнее и сознательнее, чем был немецкий рабочий класс в 1848 г. Общеевропейское развитие уже давно поставило в порядок дня социальную революцию. Все эти обстоятельства отняли у либеральной русской буржуазии последние остатки веры в себя и доверия к народу.

С каким поистине несравненным бесстыдством царь третировал либеральную буржуазию! Он созывает Думу, когда ему нужен новый заем; получив его, он распускает депутатов по домам. На их требование „министерства общественного доверия" он отвечает назначением самых оголтелых реакционеров. Придворная клика все время провоцировала Гучковых и Милюковых — она их не боялась. И со своей точки зрения была права; как ни сильна ненависть представителей либеральной буржуазии к придворной банде, они все же оставались неспособны самостоятельно начать против нее революционную борьбу — из страха перед рабочими массами. „Если бы путь к победе шел через революцию, заявил в Думе Милюков несколько месяцев тому назад, — мы отказались бы от победы". Поскольку дело шло о либеральной буржуазии, Николай мог спать спокойно: он знал, что ее классовая трусость парализует ее ненависть к нему.

Совсем иначе обстоит дело с пролетариатом. Накануне войны он находился в состоянии сильнейшего революционного возбуждения. Число рабочих, участвовавших в политических и экономических стачках 1914 года, сравнялось с числом стачечников 1905 г. Летом 1914 года, когда Пуанкаре приезжал в Петер-

бург, чтобы сделать последние приготовления к надвигавшейся европейской бойне, французский президент имел возможность увидеть в столице первые баррикады второй русской революции. Движение 1912—1914 г.г. развивалось в гораздо более широком масштабе, чем в начале столетия, опираясь на опыт самого бурного и содержательного десятилетия в русской истории.

Как и десять лет назад, объявление войны тотчас же приостановило развитие революционного движения. Распад Интернационала тяжко ударил по авангарду пролетариата. Прошел 31 месяц войны, поражений, правительственных скандалов, сухомлиновщины, распутинщины, общей разрухи, дороговизны, голода, прежде чем рабочие массы вышли на улицы Петрограда.

Они вышли против воли всей либеральной буржуазии. 6 марта, накануне всеобщей забастовки, печать призывала рабочих не нарушать нормального хода производства, чтобы не повредить военным операциям. Но это не удержало голодающих женщин. Они вышли на улицу с лозунгом „хлеба и мира". Рабочие поддержали их. Всеобщая стачка сразу отодвинула на задний план конфликт между Думой и министрами. Пролетарские массы остановили городскую жизнь, заполнили улицы и всем своим дальнейшим поведением показали, что для них дело идет не о демонстрации, а об открытой революционной борьбе с властью.

Поддержка армии определила судьбу революции в ее первой стадии. Петроградские рабочие были в этот момент еще недостаточно организованы, недостаточно связаны с пролетариатом всей России, чтобы иметь возможность захватить в свои руки власть. Но они были достаточно сильны для того, чтобы первым же ударом выбросить в мусорный ящик царя и его министров. Правительственная власть осталась таким образом вакантной. В этот момент и появляется на открытой сцене „прогрессивный блок".

Родзянки, Гучковы, Милюковы — те самые, которые до последней минуты всеми силами боролись против революции, — были вынуждены протянуть руку к власти в тот момент, когда революция уже опрокинула старое правительство. „Не потому встали они у кормила революции, что народ шел за ними, а потому, что народ толкал их сзади".

К этому присоединилось еще сильное давление из Лондона и Парижа. Опасность, что Россия, парализованная „анархией", выйдет окончательно из войны, не только расстраивала планы

большого весеннего наступления (третьего по счету), но и грозила смутить американскую буржуазию накануне ее вступления в войну. Нужно было сделать так, чтобы в России тотчас же появилось „авторитетное“ правительство, которое могло бы объявить от имени революции, что новая Россия берет на себя все финансовые и дипломатические обязательства старого режима и прежде всего обязательство продолжения войны до „победного конца“. Такое правительство могло быть создано только „прогрессивным блоком“.

Министерство Львова ввело свободу печати и собраний и объявило амнистию. Этим не был, однако, решен ни один из основных вопросов, вызвавших революцию, а лишь был дан свободный выход накопившемуся народному гневу. Война осталась. Дороговизна, голод, финансовый кризис остались. И во всей своей остроте остался аграрный вопрос.

Рабочие массы будут теперь подниматься, слой за слоем, требуя улучшения условий труда и протестуя против войны. Крестьянские массы восстанут в деревнях и, не дожидаясь решения учредительного собрания, начнут изгонять помещиков из их имений. Все либеральные усилия устранить классовую борьбу, в виду „опасности контр-революционного переворота“, не приведут ни к чему. Обыватель думает, что революция делается революционерами, которые по своему желанию могут остановить ее на любой точке. Логика классовой борьбы и революционных столкновений остается для него книгой за семью печатями.

Объединить пролетариат всей страны в единстве революционного действия есть главная задача социал-демократии. В противоположность правительству буржуазно-империалистического либерализма рабочий класс борется под знаменем мира. Чем скорее русский пролетариат делами своими убедит немецкие народные массы, что революция — за мир и за свободу национального самоопределения, тем скорее накопившееся возмущение немецкого пролетариата разразится открытым восстанием. Борьба российской социал-демократии за мир направляется против русской либеральной буржуазии и ее власти. Только такая борьба способна укрепить революцию и перебросить ее на почву Западной Европы.

Конфискация романовских, помещичьих и монастырских земель есть второе условие укрепления революции. Американские

политические филистеры (в том числе и те, что считают себя социалистами) пробуют учесть шансы республики в России на основании процента крестьян, не умеющих читать и писать. Но этим они доказывают только свою собственную политическую безграмотность. Если революция передаст русским крестьянам землю, принадлежащую царю и помещикам, то крестьяне будут всеми силами защищать свою собственность и республику против монархической контр-революции.

„Die Zukunft", апрель 1917 г.

Заметки читателя.

1. У окна.

Через окно помещения нашей редакции я сейчас наблюдаю такую картину. Старик в рыжем истертом пиджачке, с гноящимися глазами и склоченной седой бородой остановился возле жестянки с отбросами, порылся в ней и извлек ковригу хлеба. Старик попробовал хлеб руками, но хлеб не поддался; старик поднес окаменелость к зубам, потом несколько раз ударил ею о жестянку. Ничто не помогало — хлеб устоял. Тогда суверенный, но голодный гражданин республики, оглянувшись — не то с испугом, не то со смущением — во все стороны, запихнул свою находку под полу своего рыжего пиджачка и заковылял дальше по улице Святого Марка...

Мы предложили бы господам пацифистам, направляющимся в Вашингтон с петицией к президенту, захватить с собою этого старика с грязной бородой и гноящимися глазами. Он был бы сейчас очень уместен в Белом Доме. Президент Вильсон получил бы счастливую возможность разъяснить своему согражданину, какие именно его „международные права" и какую именно его „национальную честь" собираются охранять армия и флот Соединенных Штатов. Какая благодарная тема для медоточивой профессорской риторики президента!

Нужно только, чтобы старик не забыл захватить с собой в путь окаменелую ковригу, которую он нашел в сорном ящике — рядом со свечным огарком и дырявой подошвой...

„Н. М.", 3 марта 1917 г.

2. Трезвые мысли.

Губернатор нью-иоркского штата г. Витман — человек с трезвым образом мыслей. Кроме того, он питает похвальную склонность к кратким афоризмам. Наблюдая, как в подведомственном ему штате голодающие матери голодающих детей нарушают уличный порядок и даже покушаются на священную собственность булочников, губернатор Витман задумался минут на пять и затем изрек: „Народ должен научиться есть то, за что он может заплатить“. Это очень простое и трезвое правило, и хороший гражданин должен неукоснительно следовать ему. Что касается самого губернатора Витмана, то он всегда так именно и поступал: ел только то, за что мог заплатить. Прежде чем заказать себе в салуне (трактире) кружку пива с кислой капустой, губернатор исследует двумя пальцами свой кошелек: есть ли там на дне монета в пять сентов?

Благодаря такому образу действий почтенный государственный человек никогда не имел столкновений с полицией и прокуратурой. Если бы все люди поступали так, колеса государственной машины вращались бы без трения, и губернатору не приходилось бы время от времени отправлять недисциплинированных граждан на электрический стул.

„Нужно учиться есть только то, за что можешь заплатить“ — это, как говорится в математике, — прямая теорема. Обратная теорема, отсюда вытекающая, гласит: „Если ты не можешь заплатить, то и есть тебе не полагается“. В самом деле: младенец, который не может уплатить двенадцать сентов за кварту молока, тем самым лишается права предъявлять какие бы то ни было требования к капиталистическому обществу, настраже которого стоит губернатор Витман. Единственное право, которое остается в распоряжении такого несолидного младенца, это — уткнуть покорно свою рожицу в подушку и залить ее горькими слезами. Разумеется, если у него есть для этого подушка...

Младенец Астор, серьезный и вполне уравновешенный младенец, поступает в строгом соответствии с афоризмом губернатора Витмана и потребляет только то, за что может заплатить. Этот трехлетний гражданин тратит на себя, как сообщают газеты,

75 долларов в день. Как он их тратит, мы не знаем: питается ли он жемчугом или съедает в сутки несколько пудов мяса, об этом восторженные буржуазные репортеры не сообщили нам до сих пор ничего. Но это почти безразлично. Достаточно с нас того, что мать младенца Астора не пойдет нарушать уличный порядок и не станет громить овощные лавки. Губернатор Витман вполне доволен мадам Астор, и мадам Астор, в свою очередь, не имеет повода жаловаться на губернатора Витмана.

Но вот мать того, другого младенца... сумеет ли она проникнуться трезвыми идеями г. Витмана? Мы сомневаемся. Мы очень сомневаемся в этом, господин губернатор. В истории бывало уже не раз, что матери и отцы голодающих младенцев выходили на улицы... И в результате этого многие губернаторы летели вверх тормашками со своих постов. И не одни только губернаторы.

„Н. М.“, 6 марта 1917 г.

3. Кто отгадает?

В Нью-Иорке выходит, как известно, несколько немецких буржуазных газет. Совершенно натурально, если американские немцы отдают в европейской войне свои так называемые симпатии центральным державам, и столь же натурально, если эти симпатии находят свое выражение на страницах немецко-американской буржуазной прессы. В течение всего времени войны немецкий Тряпичкин мокал каждый день перо в чернильницу и выводил патриотические вавилоны: о коварстве англичан, о продажности французских политиков и о высоких нравственных качествах больших и малых Бетман-Гольвегов. Иногда Тряпичкин лютеранского исповедания совершал маленький плагиат: переводил потихоньку статью из лондонской или парижской газеты, ставил везде, вместо кайзера, „русский царь“ и сдавал в набор. Сходило прекрасно, ибо патриотический Тряпичкин — совершенно интернациональный тип, и под каким бы градусом географической широты он ни находился, на каком бы языке ни писал, какому бы хозяину ни служил, — у него всегда одни и те же мысли и один и тот же стиль.

Все шло прекрасно до 3 февраля, т.-е. до момента разрыва дипломатических сношений с Германией. Лихорадочная волна, начавшись у темени, прошла по спине Карла Тряпичкина, спустилась ниже колен и сосредоточилась в пятках. „Что-то теперь будет?“ — спросил он себя с почти предсмертной тоской. „Ведь теперь я рискую оказаться на положении государственного изменника!“ Тряпичкин, разумеется, прежде всего трус, а уже во второй линии, так сказать, публицист.

— Послушайте, Карл, — раздался вдруг голос шефа, вызвавший Тряпичкина из мучительного раздумья, — напишите на завтра статью на тему: сладко и почетно умереть за отечество“ [1]).

— За... за... за какое отечество? — спросил Тряпичкин. — То-есть, за какое из двух: за германское или за американское?

— Вы болван, мой друг, — ответил кротко шеф. — То отечество далеко, а это близко.

Тряпичкин понял и просиял. „Все американские граждане, — писал он, — и мы, немцы, в первую голову должны сплотиться вокруг нашего президента и защищать наше отечество до последней капли крови“... И после этого он, почувствовав прилив жизнерадостности и аппетита, отправился ужинать.

* * *

— Вот они, буржуазные патриоты! — негодующе восклицал на собрании социалистический оратор; и он изложил подробно политические похождения Тряпичника. — Мыслимо ли было бы, — так закончил он, — что-либо подобное в социалистической прессе?

— Увы, мыслимо! — раздался голос из угла. — Я знаю одну „социалистическую“ газету, которая изо дня в день славила подвиги немецкого меча — „рубит направо и налево“, — совершенно, как немецкий Тряпичкин, — а затем призвала пролетариев отдать свою кровь, и притом „до последней капли“, во славу американского меча...

---

[1]) Буквально под таким заглавием была напечатана 4 февраля передовица в немецкой „Штатс-Цейтунг“, служившей все время официозом бывшему германскому послу Бернсдорфу.

— Какая это газета?—спросили с разных сторон.

В самом деле, какая это газета, читатель? Может быть, кто-нибудь отгадает? [1])

„Н. „М.“, 7 марта 1917 г.

4. Затруднения читателя.

Имея склонность к чтению газет, я решил познакомиться с „беспартийной“ русской прессой в Нью-Иорке. В газете „Русский Голос“ я нашел вчера статью Ивана Окунцова под названием „Америка не будет воевать“.—Вот это хорошо, подумал я и заглянул в конец статьи: „Соединенные Штаты не станут воевать, страна спасена от кровавого кошмара, останется не пролитой американская кровь“. Крайне утешительная весть, — только откуда все это так досконально известно г. Окунцову? Коллега по редакции сообщил мне, что у г. Окунцова серьезнейшие дипломатические связи: жена его дженитора (дворника) состоит кумой швейцара при уругвайском консульстве в Нью-Иорке. Это, конечно, источник надежный, что и говорить. Но г. Окунцов на него почему-то не ссылается. Он просто доходит до этого вывода своим умом, подобно своему почтенному предшественнику Тяпкину-Ляпкину. „Воол-Стрит не хочет воевать“, сообщает г. Окунцов — и, подчиняясь Воол-Стрит, „сенат неожиданно для всех сказал свое положительное (!) нет“. А ведь, пожалуй, подумал я, кума уругвайского швейцара несолидная женщина и ввела г. Окунцова в заблуждение. Сенат вовсе не говорил „нет“, а Воол-Стрит именно ведь и толкает страну к войне.

Чтобы разобраться в этом нелегком вопросе, я развернул другую русскую газету „Русское Слово“ и тут первым делом наткнулся на фельетон г. Дымова „Час истории“. Сперва г. Дымов рассказывает, „с какой ошеломляющей быстротой кружится, мчится, вертится в танце колесо истории“. Признаться, дымовское колесо, которое вертится в танце с ошеломляющей быстротой, сразу показалось мне совершенно легкомысленным колесом. Но это ничего, это только околесица, решил я, — и перешел к делу. „Час истории близится“, сообщает г. Дымов и дальше в стиле

[1]) Речь идет о еврейской „социалистической“ газете „Форвертс“.

танцующего колеса предвещает близкое вмешательство Соединенных Штатов в войну. — А ведь похоже на правду, подумал я, г. Окунцов дал, повидимому, маху, а правда-то на стороне г. Дымова. Быть войне.

Чтоб окончательно утвердиться в своем предположении, я решил заглянуть в передовую статью. Передовики, вообще говоря, народ серьезный. Передовая в „Русском Слове" оказалась на счастье целиком посвященной последней речи Вильсона. „Мы больше не провинциалы", сказал, как известно, президент в объяснение того, почему Америка должна выйти на большую дорогу мировых разбоев. Прав Дымов, ошиблась джениторша из „Русского Голоса", — быть войне. Но только — что же это? Читаю и глазам не верю: „Это — новые слова для Америки. В этих новых словах — залог и гарантия прогресса". Стало быть, будет не война, а прогресс? „Золото, которое Америка получила в таком изобилии, — пишет внизу Дымов, — есть кровь народа". И он доказывает, что кровь вызывает кровь. А передовик наверху заливается соловьем: „Таков взгляд президента Вильсона на ближайшее будущее созидательной (!) деятельности человечества". По Дымову — война, а передовик провидит прогресс. Фельетонист предсказывает новые разрушения, а передовик нам обещает „созидательную деятельность"... Плохо нашему брату, читателю!

Если г. Окунцов печатает жирным шрифтом свою собственную чепуху, так он ведь для этого именно, говорят, и создал свою самостоятельную газету. „Своя рука — владыка". Но зачем же в одном и том же „Русском Слове" передовик и фельетонист как будто сговорились сбивать с толку свою публику? Должно быть, бедняга-читатель, это оттого, что слишком быстро вертится в танце сие газетное колесо: подумать-то господам сочинителям и некогда. Да и слажено колесо „Русского Слова", надо полагать, так, как поется в песенке:

Сбил, сколотил —
Вот и колесо...
Сел да поехал, —
Ах, как хорошо!
Оглянулся назад —
Одни щепки лежат.

„Н. М.", 9 марта 1917 г.

5. Жвачка.

В вагоне подземной железной дороги битком набито. На последней станции рослые служащие коленями упирались в животы господ пассажиров для того, чтобы закрыть железные решетки вагонов. Публика возвращается с работы. Мужчины, женщины, старики, подростки. На лицах, на руках, на спинах отпечаток тяжелого трудового дня. Рабочее население Нью-Иорка оставило сегодня еще частицу своей жизненной энергии в капищах Капитала. Теперь эта энергия приняла форму товаров. Одни люди стали слабее, другие богаче. В вагонах те, что стали слабее. Сероватый цвет лица, свисающие руки, потухшие глаза. Приткнулись, кто как мог, сидят и стоят неподвижно...

Только челюсти движутся. Покорно, равномерно, без радости или оживления — точно доделывают работу трудового дня. От этого автоматического жевания лица получают еще более безнадежный, устало-тупой вид. Чуть блеснула в чьих-то глазах искорка мысли или чувства, — и сейчас же потонула в бессмысленном движении челюстей...

Чего ищут они все в этой жалкой, унизительной жвачке? Радости, рассеянья, забытья, потому что потребность в радости из них выкачал почти до конца день напряженного труда.

Когда истощенный голодом и криком младенец жалко водит осовелыми глазами, а у матери ни в груди, ни в бутылке нет молока, она сует ему в рот резиновую соску, — и он с отчаянием чмокает губами, надеясь извлечь из резины хоть одну молочную каплю... и временно обманывает себя движением собственных губ.

Так и эти люди. Под оболочкой усталого безразличия тлеет инстинкт жизни. В пути от фабрики до дома этот инстинкт мог бы, пожалуй, пробудиться и загореться огоньком мысли. А мыслей трудового человека не любит и боится Капитал. Он принял поэтому свои меры: поставил на каждой станции чугунные автоматы и набил их отвратительными резиновыми конфектами. Автоматическим движением руки извлекают люди из автомата куски сладковатой резины и растирают ее автоматическим движением челюстей.

Новая станция. Кое-кто выносит свое усталое тело наружу. На смену приходят новые и протискиваются на свои места. Жвачка попрежнему царит в вагоне. И она похожа на темный религиозный обряд, на безмолвную молитву Богу-Капиталу.

„Н. М.“, 10 марта 1917 г.

6. Правосудие на крыше.

В штате Вашингтон приключилось мелкое, но досадное недоразумение, которое мешает властям своевременно повесить человека и тем успокоить аппетит республиканского правосудия.

Дело в том, что в штате Вашингтон смертная казнь упразднена. Между тем в общегосударственном уголовном законодательстве она занимает очень, очень почетное место. Из этой несогласованности и проистекло затруднение. Общегосударственный суд в штате Вашингтон приговорил обвиняемого к повешению на общегосударственной веревке, и этот спасительный акт должен состояться 20-го марта. Но тут-то и начались затруднения: федеральная (общегосударственная) веревка может быть укреплена на федеральном столбе, но этот столб приходится закапывать в штатную землю. Между тем на земле штата Вашингтон не допускается совершение смертной казни.

— Мне совершенно необходимо повесить этого человека, по всей силе моих законов, — заявляет „Великая Республика“, — и у меня все уже готово: жертва, петля, палач и мыло.

— А я по всей силе моих законов не могу вам того позволить на моей земле, — почтительно отвечает штат.

Положение становилось прямо-таки безвыходным, и жертве правосудия грозила опасность оказаться не повешенной. Но на помощь правосудию пришел крайне находчивый смотритель общественных зданий: он предложил повесить осужденного... на крыше.

Федеральный суд, сообразил смотритель, стоит на неприкосновенной штатной земле, но крыша у суда совершенно федеральная и стало быть она может с успехом служить не только для весенних похождений штатных вашингтонских котов, но и для торжества федеральной юстиции. Что же касается самого осужденного, то он решительно ничего не потеряет, по

мнению смотрителя, если будет повешен на несколько ярдов ближе к солнцу.

Сейчас этот проект находится на рассмотрении различных компетентных властей. Надо надеяться, что их просвещенные усилия не пропадут даром и штатное законодательство найдет в конце концов высшее примирение с федеральным, — если не на земле, то на крыше.

„Н. М.“, 13 марта 1917 г.

7. Обработка и позолота.

Подготовительный к войне период подходит к концу. Сейчас сторонникам скорейшего вмешательства Соединенных Штатов в войну нужно подвести итоги своим усилиям по обработке общественного мнения. Мер Нью-Иорка г. Митчель принял на этот счет свои меры. Он создал особый Комитет Национальной Обороны, который имеет своей задачей не столько защищать население Нью-Иорка от немецких цеппелинов (пока-что цеппелины сюда не залетают), сколько поставить на ноги „благомыслящую“, патриотическую, воинственную часть городского населения, т.-е. всех сознательных и бессознательных прислужников нью-иоркской биржи, и показать таким образом Вильсону, что он имеет твердую опору для боевой политики против Германии.

Созданный мером комитет — на какие деньги, кстати сказать, орудует этот комитет, не на городские ли? — горько жалуется в своем объявлении на то, что шум, поднятый „небольшими, но энергичными группами, чей лозунг — „сдача“, рассчитан на то, чтобы воодушевить новые посягательства на наши национальные права“. Этому „шуму“ противников войны мер Митчель и его Комитет хотят противопоставить свой патриотический контр-шум. Они организуют подачу на имя президента верноподданнического адреса, в котором каждому жителю Нью-Иорка предлагается заявить: „Как американец, верный американским идеалам справедливости, свободы, гуманности“... и пр. и пр., я, мол, приглашаю президента выступить на защиту „международного права“, т.-е. вмешаться в мировую бойню. Печатные бланки с этим преступным адресом лежат для подписывания во всех городских учреждениях, и прежде всего в полицейских участках.

Но широкие массы городского населения, еще не остывшие после бурных манифестаций против дороговизны, вряд ли так уж склонны демонстрировать в пользу войны. Нужно привести в движение весь аппарат печати. А для этого существует очень действительное средство: чек. Буржуазная печать, конечно, патриотична, но на сухоядении оставаться не любит. Поэтому Комитет Национальной Обороны дал первым делом огромные объявления во все благомыслящие газеты, т.-е. в такие, которые за сто долларов готовы продать отечество, бога и родную мать в придачу... Сколько именно заплачено газетам за патриотическое объявление, мы не знаем. И не знаем также, откуда Комитет берет деньги: от Морганов и Рокфеллеров или из городской кассы? Но газетчикам это безразлично, ибо газетчики — народ ученый и знают латинскую пословицу: „деньги не воняют“.

Само собою разумеется, что и русские желтые листки: „Русское Слово“ и „Русский Голос“ не упустили случая предстать перед читателями в натуральнейшем своем виде. В обеих газетах последние страницы отведены целиком под призыв к гражданам — оказать давление на президента в целях скорейшего вмешательства в войну. Призыв переведен в обоих изданиях на русско-американский язык по-разному, но с одинаковой безграмотностью. Однако, эта вызывающая безграмотность нимало не уменьшает срамоты самого призыва.

„Русский Голос“ рассказывал на-днях, что войны не хочет американский народ. А теперь печатает прокламацию, где все противники войны называются агентами Германии. В „Русском Слове“ О. Дымов объяснял, что конфликт загорелся из-за постыдной американской торговли орудиями истребления. А теперь его газета объявляет, что воевать нужно во имя „американских идеалов гуманности“... Можно ли зайти дальше по пути совершения публичных непристойностей?

В такие вот критические моменты познается истинная цена людям, идеям, партиям, изданиям. Русская колония имеет теперь возможность оценить две русские беспартийные, уличные, желтые газеты. Пока дело шло о патриотической обработке общественного мнения, эти газеты врали и так и сяк, не проявляя особенного патриотического рвения: ибо в демократической русской колонии, которую они эксплуатируют, нет ни малейшего милита-

ристского энтузизма. Но когда к идейной обработке общественного мнения прибавилось наведение позолоты, тогда „Русское Слово“ и „Русский Голос“ оказались тут-как-тут.

„Н. М.“, 16 марта 1917 г.

8. Кто изменники?

Мы заклеймили воинственные планы и намерения правительства Гучкова и Милюкова. Мы заявили, что революционный русский народ хочет мира. По этому поводу здешняя реакционная газета „Русская Земля“ называет нас германофилами и изменниками.

Бывшее царское правительство было германофильским и стремилось к династической, противонародной сделке с Гогенцоллерном. „Русская Земля“ до последнего дня служила с чисто-собачьей преданностью правительству Николая II, и если б он успел заключить мир с Вильгельмом, „Русская Земля“ начала бы снова лизать ботфорты немецкого царя, как делала это вся русская поповско-дворянско-чиновничья реакция до начала войны.

Мы как были, так и остаемся заклятыми врагами Романовых и Гогенцоллернов, обрушивших на русский и немецкий народы ужасы нынешней войны. Мы говорим, что этой войны не хотели и не хотят народы. Мы говорим, что Милюковы обманывают мир, когда заявляют, будто русские рабочие и крестьяне горят желанием проливать свою кровь за Армению, Константинополь и Галицию. Мы говорим, что действительно народное Революционное Правительство в России, одухотворенное стремлением к миру и глубоким социальным преобразованиям, явилось бы смертельной опасностью для правящих бандитов в Германии, ибо вызвало бы революционное восстание немецкого пролетариата. И вот по этому поводу „Русская Земля“, которая теперь пытается поступить на содержание к либеральным империалистам, как вчера она была на содержании у царскосельских друзей кайзера, осмеливается говорить о нашей „измене“.

Эй вы там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции!..

„Н. М.“, 22-го марта 1917 г.

9. Покладистый божественный промысел.

Столько совершается теперь событий на святой Руси, что за всем не усмотришь... Но лучше всего, пожалуй, послание Святейшего Синода по поводу совершившейся революции. Святые отцы решили признать и благословить Временное Правительство — после того, как два наиболее черносотенных столпа церкви православной были отправлены сажать капусту. Что делали преосвященные и преосвященнейшие в те часы, когда матери голодающих детей вышли на улицу Петрограда с требованием хлеба и мира, мы доподлинно не знаем. Совещались ли они с благочестивыми придворными графинями о том, как спасти праотеческий престол и с ним вместе алтарь, или же попрятались по подвалам в ожидании конца событий и там питались постненькой рыбкой, — об этом нам когда-нибудь расскажут прилежные историки. Но когда стало ясно, что самодержавнейший и православнейший царь, податель благ, полетел вверх тормашками, когда министры старого режима оказались за прочными решетками Петропавловской крепости и бывшему председателю совета министров Горемыкину пришлось почтительно ходатайствовать о том, чтоб ему каждодневно отпускался паек белого хлеба, — тогда члены Святейшего Синода уставили брады и задумались о неисповедимых путях Провидения. И в результате их совещаний и справок в святоотеческих творениях появилось окружное послание, в котором разъясняется чадам церкви православной, что революция совершилась „волею Божественного Промысла", и что всему священству надлежит призвать народ с церковных амвонов к повиновению Временному Правительству. Этот призыв и был сделан в прошлое воскресенье.

Великое искушение для благочестивых душ! Цари наши душегубствовали в течение столетий — „божией милостью". Были всякие цари: кровожадные, развратные, полоумные, пьяницы, отцеубийцы, кровосмесители, но на всех на них без исключения почивала божественная благодать; как только рождался новый лже-Романов от матери немки и неведомого отца (сколько Распутиных занимались на протяжении веков усовершенствованием романовского рода!), так сейчас же божественный промысел ка-

А. РОСМЕР

сался перстом нового избранника. И Святейший Синод возносил за него моления.

Люди неискушенные могли думать, что так это и пойдет до скончания веков. Но нет. Божественный Промысел не дремал. В тех горних сферах, где ведутся приходо-расходные книги Божественного Промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянке, Гучкову, Милюкову и Керенскому. Так как пути Провидения неисповедимы даже для богодухновенных заседателей Святейшего Синода, то они продолжали возносить усердные мольбы о помазаннике божьем — ровно до того момента, как жалованье им отпускалось именем Николая II. Милюков сидел некогда в Крестах, Керенский — в саратовской тюрьме. Острожные батюшки, читая по воскресеньям проповеди для вразумления заблудшихся арестантов, требовали от них повиновения властям предержащим. А между тем оказывается, что Божественный Промысел уже находился в то время в заговоре с Милюковым и Керенским, подготовляя им потихоньку правительственные посты. Не Божественный ли Промысел вооружил бомбой руку Егора Сазонова, убившего Плеве? Не Промысел ли всучил в социал-демократическую программу требование всеобщего избирательного права, на которое теперь ссылается кандидат на божью милость Михаил Александрович?

Вот на какие мысли наводит послание Святейшего Синода. Божественный Промысел оказывается покладистым до последней степени: он становится неизменно на сторону сильнейшего и признает всякую уже одержанную победу. Чтоб иметь благодать на своей стороне, рабочему классу нужно только взять своих врагов за горло и наступить им коленом на грудь.

„Н. М.“, 27 марта 1917 г.

XVIII. В плену у Ллойд-Джорджа.

Необходимые пояснения.

Опубликование документов, касающихся моего месячного пленения англичанами, представляется мне сейчас делом политической необходимости. Буржуазная печать — та самая, что распространяла самые черносотенные клеветы против политических эмигрантов, оказавшихся вынужденными возвращаться через Германию, притворилась глухонемой, как только столкнулась с бандитским набегом Англии на русских эмигрантов, возвращавшихся на родину по Атлантическому океану. Находящаяся в услужении социал-патриотическая, ныне министерская печать поступает немногим более достойно: и у нее нет побудительных мотивов выяснять то щекотливое обстоятельство, что новенькие с иголочки министры-социалисты, расписывающиеся пока еще в глубоком уважении к эмигрантам-„учителям", оказываются ближайшими и непосредственнейшими союзниками Ллойд-Джорджа, который этих самых „учителей" хватает за шиворот на большой атлантической дороге. В этом траги-комическом эпизоде раскрывается с достаточной убедительностью как отношение правящей Англии к русской революции, так и общий смысл того священного союза, на службу к которому ныне поступили граждане Церетели, Чернов и Скобелев.

Ибо, какие бы заявления ни делали левые министерские группы и партии, министры-социалисты несут всю ответственность за то правительство, частью которого они являются. Правительство же Львова-Терещенки состоит в союзе не с английскими революционными социалистами, Маклином, Эскью и др., которых правящие империалисты Англии держат в тюрьмах, а с этими именно тюремщиками — Ллойд-Джорджем и Гендерсоном.

Первые два года войны я провел во Франции. Там я имел возможность наблюдать с достаточной полнотой опыт социалистического министериализма в эпоху „освободительной войны". Гед и Самба ссылались, разумеется, на совершенно исключи-

тельные небывалые обстоятельства, которые заставили их вступить в министерство войны: отечество в опасности, немцы у Парижа, всеобщая разруха, необходимость защиты республики и традиций революции; словом, развивали ту самую аргументацию, которую теперь в несколько более наивной форме пускают в оборот Церетели и Чернов, чтобы доказать, что их министериализм, как небо от земли, отличается от министериализма Геда и Самба.

При благосклонном участии французских „товарищей"-министров я был изгнан из Франции за работу в ежедневной русской интернационалистской газете „Наше Слово" и за участие во французском „циммервальдском" движении. Правительство Швейцарии, покорное команде царских дипломатов, отказалось принять меня. Французские жандармы, облачившиеся для поддержания чести республики в штатское платье, вывезли меня на границу Испании. Через три дня парижский префект Лоран телеграфировал мадридской полиции об „опасном агитаторе" Имярек, переехавшем через испанскую границу. Испанские охранники не придумали ничего лучшего, как арестовать меня. Освободив меня после запроса в парламенте из своей „образцовой" мадридской тюрьмы, испанское правительство препроводило меня под конвоем на крайний юго-запад Пиренейского полуострова, в Кадикс. Отсюда власти хотели отправить меня немедленно в Гаванну, и лишь после угрозы сопротивлением и после вмешательства испанских социалистов и некоторых республиканцев, мне было разрешено выехать с семьей в Нью-Иорк.

Там, после двухмесячного пребывания, нас застигла весть о русской революции. Группа русских изгнанников — в их числе автор этих строк — сделала попытку отправиться в Россию на первом отходящем пароходе. Но русский социалист предполагает, Ллойд-Джордж располагает. В Галифаксе английские власти сняли нас с парохода и заключили в лагерь для военно-пленных. Об обстоятельствах этого ареста и условиях заключения говорит печатаемое ниже письмо на имя г. министра иностранных дел. Это письмо я писал на датском пароходе после освобождения из английского плена, имея в виду г. Милюкова. Но лидер кадетской партии пал под бременем своей верности лондонской бирже, прежде чем финляндский поезд довез нас до Белоострова. Г. Терещенко со своими коллегами перенял однако полностью на-

следство г. Милюкова, как и этот последний перенял целиком наследство царской дипломатии. Поэтому письмо, предназначавшееся для г. Милюкова, я с полным правом адресую г. Терещенке. Оно переслано ему в оригинале через посредство председателя петроградского совета Рабочих и Солдатских депутатов Чхеидзе.

Мне остается еще сказать здесь несколько слов о немецких пленных, в обществе которых я провел месяц. Их было 800: около 500 матросов с затопленных англичанами немецких военных кораблей, около 200 рабочих, которых война застигла в Канаде, и около сотни офицеров и штатских пленных из буржуазных кругов. Отношения определились с первого же дня, точнее с того момента, как масса пленных узнала, что мы арестованы, как революционные социалисты. Офицеры и старшие морские унтера, помещавшиеся отдельно, сразу увидели в нас заклятых врагов. Зато рядовая масса окружила нас плотным кольцом сочувствия. Этот месяц жизни в лагере походил на сплошной митинг. Мы рассказывали пленным о русской революции, о причинах крушения Второго Интернационала, о группировках внутри социализма. Отношения между демократической массой и офицерами, из которых некоторые вели кондуитные списки „своим“ матросам, чрезвычайно обострились. Немецкие офицеры кончили тем, что обратились к коменданту лагеря, полковнику Морису, с жалобой на нашу антипатриотическую пропаганду. Английский полковник встал, разумеется, немедленно на сторону гогенцоллернского патриотизма и запретил мне дальнейшие публичные выступления. Это произошло, впрочем, уже в последние дни нашего пребывания в лагере и только теснее сблизило нас с немецкими матросами и рабочими, которые ответили на запрещение полковника письменным протестом за 530 подписями.

Когда нас уводили из лагеря, пленные устроили нам проводы, навсегда врезавшиеся в нашу память. Офицеры и унтера, вообще патриотическое меньшинство, замкнулись в своих отделениях, но „наши“, интернационалисты, стали двумя шпалерами вдоль всего лагеря, оркестр играл социалистический марш, руки тянулись к нам со всех сторон... Один из пленных произнес речь, в которой выразил свой восторг перед русской революцией, послал свое честное проклятие германскому правительству и просил нас передать братский привет русскому пролетариату. Так

братались мы с немецкими матросами в Амхерсте. Правда, мы тогда еще не знали, что собственные князя Львова циммервальдцы Церетели и Черновы считают братание противоречащим основам международного социализма. В этом они сошлись с гогенцоллернским правительством, которое тоже запретило братание — правда, с менее лицемерной мотивировкой.

Незачем говорить, что американско-канадская печать объясняла взятие нас в плен нашим „германофильством". Отечественные желто-кадетские газеты встали, разумеется, на тот же самый путь. Обвинение в „германофильстве" мне приходится во время войны выслушивать не впервые. Когда французские шовинисты подготовляли мою высылку из Франции, был пущен слух о моих пангерманистских тенденциях. Но сама же французская пресса сообщила перед тем о моем заочном осуждении в Германии к тюремному заключению за немецкую брошюру „Der Krieg und die Internationale", направленную против германского империализма и политики официального большинства немецкой социал-демократии. Опубликованная в Цюрихе в начале войны, эта брошюра была провезена швейцарскими социалистами в Германию и там распространялась теми самыми социалистами левого крыла, друзьями Либкнехта, которых немецкая желтая пресса травила, как агентов царя и лондонской биржи. В гнусностях Милюковых и всех его Гессенов по нашему адресу нет таким образом ничего самобытного. Это подстрочный перевод с немецкого языка.

Сэр Бьюкенен, посол Англии в Петрограде, пошел дальше: он прямо сообщил в своем предназначенном для газет письме, что мы возвращались в Россию с субсидированным немецким правительством планом низвержения Временного Правительства. В „осведомленных" кругах, как нам передают, называли даже и размеры субсидии: ровным счетом 10.000 марок. В такую скромную сумму, выходит, оценивало немецкое правительство устойчивость правительства Гучкова-Милюкова!

Английской дипломатии, вообще говоря, нельзя отказать ни в осторожности, ни в декоративном чисто-внешнем „джентльменстве". Между тем заявление английского посла о полученной нами немецкой субсидии явно страдает отсутствием обоих этих качеств: оно низко и глупо в равной степени. Объясняется это тем, что у великобританских политиков и дипломатов есть две

манеры: одна — для „цивилизованных“ стран, другая — для колоний. Сэр Бьюкенен, который был лучшим другом царской монархии, а теперь перечислился в друзья республики, чувствует себя в России, как в Индии или Египте, и потому не усматривает никаких оснований стесняться. Великобританские власти считают себя в праве снимать русских граждан с нейтральных пароходов и заключать в лагерь для военно-пленных; великобританский посланник считает возможным выступать против русских революционных деятелей с самой низкопробной клеветой. Этому поистине пора бы положить конец. И цель настоящей брошюры — содействовать ускорению того момента, когда революционная Россия скажет г. Бьюкенену и его хозяевам: „Потрудитесь убрать ноги со стола!“

Господину министру иностранных дел Российской Республики.

Милостивый Государь!

Настоящим моим письмом я имею честь обратить ваше внимание на совершенно невероятное, чисто пиратское нападение, которому я подвергся, вместе с своей семьей и несколькими другими русскими гражданами, со стороны агентов английского правительства, состоящего, насколько известно, в союзе с тем правительством, которое имеет вас своим министром иностранных дел.

25 марта, опираясь на опубликованную вашим правительством амнистию, я явился в Нью-Иоркское Генеральное Консульство, откуда был уже к тому времени удален портрет Николая II, но где еще царила плотная атмосфера старо-режимного русского участка. После неизбежных препирательств, Генеральный Консул распорядился выдать мне документы, пригодные для проезда в Россию. В Великобританском Консульстве в Нью-Иорке, где я заполнил соответственные вопросные бланки, мне было заявлено, что со стороны английских властей не будет никаких препятствий к моему проезду. Из помещения Великобританского Консульства я, в присутствии одного из чиновников, телефонировал в русское консульство и получил оттуда подтверждение того,

что все необходимые формальности мною выполнены и что я могу без затруднений совершить свое путешествие.

27 марта я выехал с семьей на норвежском пароходе „Христианиафиорд“. В Галифаксе (Канада), где пароход подвергается досмотру английских военно-морских властей, полицейские офицеры, просматривавшие бумаги американцев, норвежцев, датчан и других лишь с чисто формальной стороны, подвергли нас, русских, прямому допросу, в стиле старых отечественных жандармов, насчет наших убеждений, политических планов и пр. Согласно доброй революционной традиции, я отказался вступать с ними в разговоры на этот счет, разъяснив им, что готов дать им все необходимые сведения, устанавливающие мою личность, но что отношения внутренней русской политики не состоят пока что под контролем великобританской морской полиции. Это не помешало господам сыскным офицерам, Мекену и Веcтвуду после вторичной попытки допроса наводить обо мне справки у других пассажиров, напр., у г. Фундаминского, причем сыскные офицеры настаивали на том, что я terrible socialist, страшный социалист. Весь, в общем, розыск имел настолько недостойный характер и ставил бывших русских эмигрантов в столь исключительное положение по сравнению с другими пассажирами, не имевшими несчастья принадлежать к союзной Англии нации, что некоторые из нас сочли своим долгом передать через капитана парохода энергичный протест великобританским властям против поведения их полицейских агентов. В тот момент мы еще не предвидели дальнейшего развития событий.

3 апреля на борт „Христианиафиорд“ явились английские офицеры, в сопровождении вооруженных матросов, и от имени местного адмирала потребовали, чтобы я, моя семья и еще пять пассажиров, г.г. Чудновский, Мельничанский, Фишилев, Мухин и Романченко, покинули пароход. Что касается мотивов этого требования, то нам было обещано „выяснить“ весь инцидент в Галифаксе.

У английских властей не было, по собственному заявлению их офицеров, никаких сомнений относительно моей личности, как и личности остальных, кого они подвергли задержанию. Было ясно, что нас задержали, как социалистов, действительных или предполагаемых, т.-е. как противников войны. Мы объявили требование покинуть пароход незаконным и отказались подчиниться ему. Тогда вооруженные матросы, при криках „shame“ (позор) со

стороны значительной части пассажиров, снесли нас на руках на военный катер, который под конвоем крейсера доставил нас в Галифакс. Когда матросы держали меня на руках, мой старший мальчик подбежал ко мне на помощь и крикнул: „Ударить его, папа?“ Ему 11 лет, господин министр, и я думаю, что у него на всю жизнь сохранится яркое представление о некоторых особенностях правящей английской демократии и англо-русского союза. В Галифаксе нам не только ничего не „объяснили“, но даже отказали в вызове местного русского консула, заверив, что консул имеется в том месте, куда нас должны доставить. Заявление это оказалось ложью, как и все остальные заявления великобританских сыскных офицеров, которые по своим приемам и по своей морали всецело стоят на уровне старой русской охранки. На самом деле нас доставили по железной дороге в Amherst, лагерь, где содержатся немецкие пленные. Здесь нас подвергли в конторе обыску, какого мне не приходилось переживать даже при заключении в Петропавловскую крепость. Ибо раздевание донага и ощупывание жандармами тела в царской крепости производилось с глазу на глаз, а здесь, у демократических союзников, нас подвергли бесстыдному издевательству в присутствии десятка человек. И те командующие канальи, которые заведывали всем этим, прекрасно знали, что в нашем лице имеют русских социалистов, возвращающихся в свою освобожденную революцией страну. Только на другой день утром комендант лагеря, полковник Моррис, официально изложил нам причины нашего ареста: „Вы опасны для нынешнего русского правительства“,—заявил он нам. И после нашего естественного указания на то, что агенты русского правительства выдали нам проходные свидетельства в Россию, и что заботу о русском правительстве нужно предоставить ему самому, полковник Моррис возразил, что мы „опасны для союзников вообще“. Никаких письменных документов о задержании нам не предъявлялось. От себя лично полковник присовокупил, что, как политические эмигранты, которым, очевидно, недаром же пришлось покинуть собственную страну, мы не должны удивляться тому, что с нами сейчас происходит. Русская революция для этого человека не существовала. Мы попытались объяснить ему, что царские министры, превратившие нас в свое время в политических эмигрантов, сами сидят сейчас в тюрьме, но это было слишком сложно для г. коменданта, который сделал

свою карьеру в английских колониях и на войне с бурами. Для характеристики этого достойного представителя правящей Англии достаточно сказать, что по адресу непокорных или неуважительных пленных он имеет обыкновение приговаривать: „Попался бы ты мне на южно-африканском побережье“... Если было сказано, что стиль — это человек, то можно с таким же основанием сказать, что стиль — это система, — великобританская колониальная система... Мы были для полковника Морриса политическими эмигрантами, мятежниками против законных властей, и стало быть лагерь для военно-пленных являлся для нас самым натуральным местожительством.

5 апреля мы сделали попытку телеграфировать русскому правительству. Наши телеграммы не были пропущены. В течение всего месяца нашего пребывания в плену у англичан, галифакские власти систематически отказывали нам в праве сноситься с русскими министрами. Мы сделали попытку обжаловать это запрещение в телеграмме английскому министру-президенту. Но и эта телеграмма не была пропущена. Пришлось еще раз с признательностью вспоминать о царских тюрьмах, где, по крайней мере, жалобы не задерживались теми, против кого они были направлены. Все, что нам позволялось, это — снестись по телеграфу с российским генеральным консульством в Монреале, г. Лихачевым. Мы получили от г. Лихачева ответ в том смысле, что он уже телеграфировал русскому посланнику в Лондоне и вообще делает все, что может. Всякие последующие наши попытки снестись с генеральным консулом оставались безуспешными. Ни одна из наших телеграмм не была пропущена. Англо-канадские власти приняли все меры к тому, чтобы отрезать нас от русского правительства и его агентов. Более того: когда комендант лагеря хотел разрешить мне свидание с женой, он поставил совершенно невероятное условие, чтобы я не давал ей никаких поручений к русскому консулу. Я отказался от свидания. Это было за два дня до того, как нас посадили на корабль. Таким образом английские власти считали необходимым до последней минуты хоронить концы в воду даже от местных русских агентов консульской службы. Что именно сделал г. Лихачев, нам неизвестно. Во всяком случае он не дал себе труда явиться к нам в лагерь, чтобы посмотреть собственными глазами, как великобританское правительство содержит русских граждан.

Военный лагерь Amherst помещается в старом до последней степени грязном и запущенном здании чугуно-литейного завода. Нары для спанья расположены в три ряда вверх и в два ряда вглубь с каждой стороны. В этих условиях нас жило 800 человек.

Вы можете себе представить, г. министр, какая атмосфера царит в этой спальне по ночам. Среди заключенных, несмотря на героические усилия, которые они непрерывно развивают для своего физического и нравственного самосохранения, имеется пять помешанных. Мы спали и ели с этими помешанными в одном помещении, г. министр!.. Нет никакого сомнения в том, что русский консул, если бы он приложил самые скромные усилия, мог бы добиться для нас, по крайней мере, менее возмутительных условий заключения впредь до решения вопроса о нашей судьбе.

Но русские консулы воспитывались в чувствах глубокого презрения к достоинству русских граждан не командующего класса и в чувствах ненависти к политическим эмигрантам. Они позачеркивали у себя на конвертах слово „императорский“ и считают, что этим их обязательства по отношению к русской революции исчерпаны до конца.

В какой именно момент британские власти решили освободить нас, неизвестно. Во всяком случае, нас продержали без малейшей перемены режима около 10 дней после того уже, как заведывавший нашим делом капитан Мекен заявил моей жене, что мы собственно „свободны“, но что ждут подходящего для нас парохода. Полковник Моррис, тот самый, что сделал свою карьеру на войне с бурами и на подавлении индусских восстаний, разговаривал с нами до последней минуты, т.-е. до 29 апреля, как с уголовными преступниками. Нам не заявили ни о том, что мы будем освобождены, ни о том, куда нас направят. Нам просто было „приказано“ сложить свои вещи и отправиться под конвоем в Галифакс. Мы потребовали, чтобы нам объявили, куда и с какой целью нас отправляют. Нам отказали. Мы потребовали вызова ближайшего русского консула. Нам отказали. Вы признаете, г. министр, что у нас было достаточно оснований не доверять добрым намерениям этих господ с большой морской дороги? Мы им категорически заявили, что добровольно никуда не поедем, пока нам не скажут о цели нового перемещения. Конвойные солдаты вынесли без нашего участия наш багаж. И только тогда,

когда они оказались лицом к лицу перед задачей выносить на руках нас самих, как они сносили нас с парохода месяц перед тем, комендант вызвал одного из нас в контору и в свойственном ему англо-африканском стиле заявил, что нас посадят на датский пароход для отправки в Россию. Из этого вы можете видеть, г. министр, как г.г. союзники „освобождали“ нас после месячного содержания в лагере для военнопленных.

Если Англия взяла нас в плен как политических эмигрантов (this people of political refugees, по выражению полковника Морриса), то по отношению к одному из нас не было налицо и этого признака „преступности“. Константин Александрович Романченко прибыл из Черниговской губ. в Нью-Иорк на работу по совершенно легальному документу, не вел никакой агитации и не принадлежал ни к одной партии. Он возвращался на родину с паспортом, выданным ему в свое время царским губернатором. Это не помешало английским властям арестовать г. Романченко вместе с нами и продержать месяц в заключении, очевидно, на основании какого-нибудь ложного доноса или просто в результате ошибки: русские фамилии даются английским чиновникам нелегко, а затруднять себя осторожным отношением к русским гражданам эти господа все еще не видят основания.

Ярче всего это обнаружилось на поведении английских властей в отношении моей семьи. Несмотря на то, что жена моя не была формально политической эмигранткой, выехала за границу с законным паспортом, не выступала за границей на политической арене, она была арестована вместе с двумя мальчиками, 11 и 9 лет. Указание на арест мальчиков не есть риторика, г. министр. Сперва власти пытались поместить мальчиков отдельно от матери в детский приют. Только в результате решительного протеста моей жены мальчики были помещены вместе с нею на квартире англо-русского полицейского агента, который, в предупреждение „незаконной“ отправки писем или телеграмм, не выпускал детей на улицу, даже отдельно от матери, иначе как под надзором. И лишь через 11 дней жена и дети были переведены в отель с обязательством ежедневно являться в полицию. Их доставили на датский пароход „Helig Olaf“ вместе с нами, причем никто предварительно не спрашивал ни моей жены, ни меня, считаем ли мы такое путешествие достаточно безопасным для жизни наших детей в изменившихся условиях, именно после состоявшегося во

время нашего заключения, открытия войны между Соединенными Штатами и Германией. Капитан Мекен и его адмирал не усомнились без нашего согласия и ведома распорядиться нашей судьбой и судьбой наших детей, после того уже как они увидели себя вынужденными выпустить нас из „союзной“ петли. На вопрос мой о фактических и формальных основаниях пиратского набега на меня, мою семью и моих спутников, капитан Мекен ответил с сыскной развязностью, что он сам только исполнительный орган, что он действовал по указанию из Лондона и что вообще я преувеличиваю все дело: „Теперь, во время мировой войны, когда целые страны раздавлены, когда Бельгия“... и пр. и пр. Стиль — это система, г. министр!.. Мне оставалось только указать бескорыстнейшему защитнику слабых народов, что если бы кто-либо взял его за горло и вытащил у него из кармана кошелек, а в оправдание сослался на судьбу несчастной Бельгии, это вряд ли могло бы считаться удовлетворительным разрешением инцидента.

Между тем вопрос, на который не дал ответа сыскной капитан, остается во всей своей силе: кто и на каком основании нас арестовал? Что общее предписание о задержании русских граждан с неугодным английскому правительству образом мыслей действительно исходило от лондонского правительства — это несомненно, ибо г. Ллойд-Джордж не мог упустить счастливо подвернувшегося случая проявить, наконец, ту титаническую энергию, под знаком которой он встал у власти. Но остается еще вопрос: кто именно указал англо-канадским властям на нас, как на лиц, подлежащих задержанию? Кто доставил в Галифакс в течение трех-четырех дней аттестацию нашего образа мыслей? Целый ряд обстоятельств говорит за то, что эту союзную услугу оказало обновленное русское консульство, то самое, что удалило портрет Николая из приемной и вычеркнуло слово „императорский“ в своем титуле. Выдавая нам одной рукой бумаги на предмет проезда в Россию и тем демонстрируя свою лойяльность по отношению к столь ненадежной в его глазах амнистии, консульство могло другой рукой передать свои охранные сведения английским властям — в надежде, что деятельность в этом направлении окажется, во всяком случае, надежнее.

Верно или нет это предположение, проверить это у вас, г. министр, есть сейчас больше возможностей, чем у меня. Но и

независимо от его верности, независимо вообще от всей закулисной стороны дела, остается во всей своей силе факт, что английские власти арестовали на нейтральном судне 7 русских граждан и 2 детей, ехавших в Россию с документами, выданными русским консульством, продержали в течение месяца этих русских граждан в обстановке, которую нельзя иначе назвать, как постыдной, и „освободили“ их из плена в условиях, которые нельзя иначе назвать, как издевательством над теми, кого освобождали, и над тем правительством, по требованию которого освобождали. Эти факты непреложны. И мне остается, не вдаваясь в область обще-политических соображений и, стало быть, не выходя за рамки моего официального к вам обращения, формулировать следующие вопросы:

Не считаете ли вы, г. министр, необходимым принять неотложные меры к тому, чтобы заставить английское правительство и его агентов относиться в будущем, если не с уважением, то по крайней мере с осторожностью к элементарным правам русских граждан, попадающих в угрожаемую английскими властями зону?

Не признаете ли вы необходимым в этих целях: а) побудить великобританское правительство принести перед пострадавшими извинение в совершонных по отношению к нам правонарушениях и бесчинствах; б) настоять на наказании виновных в бесчинствах агентов Великобританского Правительства, независимо от занимаемых ими постов; в) добиться от английского правительства возмещения нам убытков от утерянных и расхищенных при перевозках и обысках вещей и от противозаконного месячного задержания?

Уже по прибытии в Петроград я ознакомился с официальным сообщением английского посланника по поводу нашего задержания в Галифаксе. Г. Бьюкенен заявил, что мы, задержанные, направлялись во всеоружии *субсидированного германским правительством* плана низвергнуть Временное Правительство (первого состава).

Это сообщение о полученных мною от германского правительства деньгах дополняет необходимым штрихом все поведение английского правительства в отношении к русским эмигрантам,— поведение, сотканное из насилия, увертливой лжи и циничной клеветы. Считаете ли вы, однако, г. министр, в порядке вещей

ДЖОН МАКЛИН

тот факт, что Англия представлена лицом, запятнавшим себя столь бесстыдной клеветой и не ударившим после того пальцем о палец для собственной реабилитации?

В ожидании ответа имею честь оставаться с совершенным почтением

Л. Троцкий.

Петроград, 5 мая 1917 г.

XIX. Программа мира [1].

[1]) В настоящем своем виде эта статья закончена в мае 1917 г. Но по существу она представляет лишь переработку статей, напечатанных в „Нашем Слове“ в 1915 — 16 годах.

Временное Правительство второго состава заявило в своей декларации, что намерено отстаивать мир без аннексий, без контрибуций и с гарантией права на национальное самоопределение. Эта формула могла показаться многим простодушным людям подлинным решением вопроса — особенно после империалистического бесстыдства г. Милюкова. Но кто знаком с формулами англо-французского изготовления (фирмы Ллойд-Джорджа-Бриана-Рибо) или хотя бы с пацифистскими формулами американского президента Вильсона, тот не мог не отнестись к декларации Временного Правительства со спасительным недоверием. Никогда со времени сотворения мира правящие классы не лгали так много, как в эпоху нынешней войны. „Эта война есть война за демократию“. „Эта война есть война за мир и союз наций“. „Эта война есть последняя война“. Под прикрытием этих лозунгов шло и идет дальнейшее натравливание народа на народ. Чем оголеннее и бесстыднее исторический смысл нынешней империалистической бойни, тем более пышными формулами стремятся правящие и услужающие политики прикрыть ее содержание. Буржуазия Соединенных Штатов вмешалась в войну, защищая свое священное право вывозить в Европу амуницию и наживать миллиарды на европейской крови: тем настоятельнее было для демократического ханжи Вильсона привести в движение все хоругви пацифизма.

Над поставкой усыпляющих сознание формул особенно много потрудились социал-патриоты: в этом собственно и состояла их главная роль в механизме нынешней войны. Ставя перед массами такие цели, как „защита страны“, или „установление международного третейского суда“, или „освобождение угнетенных наций“, социал-патриоты разрешение этих задач связывали в сознании массы с победою оружия собственной страны. Они неутомимо мобилизовали идеалистические лозунги в интересах империализма.

Безвыходно-затяжной характер войны, всеобщее экономическое расстройство, рост недовольства и нетерпения в низах,

уже нашедший свое первое выражение в великолепном прологе русской революции, — все это заставляет правящих обеих коалиций искать путей к ликвидации войны.

Разумеется, самым лучшим способом ликвидации явилась бы так называемая „решительная победа". Германские империалисты доказывают, что без победы и всех вытекающих из нее преимуществ всему общественному режиму грозит опасность. Французские националисты не менее убедительно доказывали то же самое по отношению к Франции. Но чем дальше затягивается война, чем менее осуществимой становится „решительная победа" [1]), тем тревожнее и неувереннее становится настроение правящих, в том числе и их социал-патриотического фланга. Ликвидация войны путем гнилого соглашения (главным образом, за счет малых и слабых народов) становится такой же задачей для официальной дипломатии, как восстановление „Интернационала" путем взаимного отпущения грехов — для дипломатии социал-патриотической.

Правящие ощущают острую потребность в мире. Но в то же время они боятся мира, ибо день открытия мирных переговоров будет днем подведения итогов. Именно поэтому официальная дипломатия не прочь, чтоб на хрупкий лед мирных переговоров вступили первыми дипломаты социал-патриотизма. Между собою и ими официальные правительства предусмотрительно устанавливают известную дистанцию — на случай провала. В этом полуофициальном нащупывании почвы для мирных переговоров и состоит основная задача предстоящей вскоре стокгольмской „социалистической" конференции.

Внутренняя противоречивость этой конференции ярче всего вскрывается на политике русского Временного Правительства и его составных частей. Во имя одной и той же программы „мира без аннексий", Терещенко, как нам говорят, убеждает союзных империалистов перейти к честному образу жизни, Керенский, не дожидаясь плодов этого убеждения, готовит русскую армию для наступления, а Церетели и Скобелев — собираются в Стокгольм для неофициальных переговоров о мире. На увещания г. Терещенко итальянское правительство отвечает объявлением протекто-

---

[1]) В этой характеристике военного положения, которую давало „Наше Слово" на основании оценки соотношения сил двух европейских лагерей, не учтена роль С.-Американских Соединенных Штатов, вмешательство которых привело к разгрому Германии.

рата над Албанией, а г. Рибо снова подтверждает необходимость полной победы и отказывает своим социалистам в паспортах для поездки в Стокгольм, куда приглашают их стоящие у власти русские коллеги г. Рибо. Как ни взять программу „мира без аннексий“ и пр., — как тему ли для увещаний по адресу союзников, как лозунг для стратегического наступления, или как предмет для переговоров между Церетели, Шейдеманом и Ренoделем — программа эта не внушает нам никакого доверия. Ренодель уже сейчас выясняет своим политическим господам, т.-е. правящим классам, что он собирается в Стокгольм прежде всего для того, чтобы разоблачить немецких социалистов и доказать французским и союзным рабочим необходимость войны „до конца“. Надо думать, что Шейдеман вооружен — на худой конец — подобным же планом. Ничто не обеспечивает нам того, что конференция, действительно, станет хотя бы вступлением к мирным переговорам капиталистической дипломатии. Она может с такой же вероятностью стать средством разжигания потухающих шовинистических страстей. При таких условиях было бы с нашей стороны преступлением внушать рабочим массам доверие к стокгольмской конференции и тем отвлекать их внимание от единственно верного, т.-е. революционного пути к миру и братству народов.

Инициатива созыва стокгольмской конференции находится в руках Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Это придает всему предприятию величайшую двойственность. Не будучи социалистической организацией, Совет говорит, однако, от имени глубоко-революционных масс. В то же время во главе Совета, опираясь на недостаточную оформленность сознания этих масс, стоят политики, насквозь пропитанные мелкобуржуазным скептицизмом, недоверием к пролетариату и социальной революции.

„Было бы бесцельно, — говорят „Известия Совета“ под давлением критики интернационалистов, — созывать конференцию социалистических дипломатов, которые пытались бы за кабинетным столом притти к полюбовному соглашению насчет перекройки карты Европы. Такая конференция не только не привела бы к положительным результатам, но могла бы сделать еще глубже пропасть, разделяющую социалистов разных стран, пока их кругозор не выходит за пределы национальных задач.

„Действительно плодотворные результаты может дать лишь другая конференция, — конференция, на которой каждая из явившихся групп с самого начала будет себя чувствовать одним из отрядов международной армии труда, собравшихся, чтобы общими силами делать общее дело.

„Так именно, — заключают „Известия", — и ставит вопрос письмо Исполнительного Комитета".

При этом „Известия" скидывают со счетов то обстоятельство, что сам Исполнительный Комитет теснейшими узами связан с русской капиталистической дипломатией, а через нее — и с дипломатией союзников. Высказываясь „в принципе" за разрыв национального единения, Исполнительный Комитет тем прочнее стремится закрепить национальное единение у себя дома.

Построенная на таких началах конференция, если бы ей даже удалось собраться, не сможет на первых же шагах не обнаружить своей полной несостоятельности. Было бы легкомыслием или слепотой брать на себя ответственность перед массами за предприятие, в самой основе которого заложена двойственность и беспринципность.

Программа мира — для нас — есть программа международной революционной борьбы руководимых пролетариатом трудящихся масс против правящих классов. В Циммервальде и Кинтале революционные социалисты с достаточной определенностью формулировали общие принципы такой борьбы. У нас сейчас меньше, чем когда бы то ни было, оснований отклоняться от них в сторону „принципов" Керенского или Церетели. Мы вошли в эпоху могущественных революционных потрясений. Политическая половинчатость, а тем более политический авантюризм будут быстро изживаться. Итти в ногу с историческим движением сможет только та партия, которая свою программу и тактику строит в расчете на развитие социально-революционной борьбы мирового, в первую голову — европейского пролетариата.

Петроград, 25 мая 1917 г.

I. Что такое программа мира?

Что такое программа мира? С точки зрения господствующих классов или услужающих им партий, это — совокупность тех требований, осуществление которых должно быть обеспечено силою милитаризма. Так, для осуществления „программы мира" г. Милюкова нужно с оружием в руках овладеть Константинополем. Программа мира Вандервельде требует предварительного изгнания немцев из Бельгии. С этой точки зрения параграфы мира подводят только итоги тому, что сделано оружием войны. Иначе сказать, программа мира есть программа войны. Но так представляется дело *до вмешательства третьей силы* — социалистического интернационала. Для революционного пролетариата программа мира означает не те требования, которые должен осуществить национальный милитаризм, а те, которые международный пролетариат хочет навязать своей революционной борьбой против милитаризма всех стран. Чем больше развертывается международное революционное движение, тем более независимыми становятся вопросы мира от чисто-военного положения сторон, тем более сводится на-нет опасность, что условия мира могут быть поняты массами, как цели войны.

Это ярче всего раскрывается перед нами на вопросе о судьбе малых наций и слабых государств.

Война открылась сокрушительным натиском германских армий на Бельгию и Люксембург. В отклике, порожденном разгромом маленькой страны, на-ряду с фальшивым и корыстным негодованием правящих классов противного лагеря, слышалось и неподдельное возмущение народных масс, симпатии которых были привлечены судьбою маленького народа, громимого только потому, что он оказался между двумя воюющими гигантами.

В тот начальный момент войны участь Бельгии привлекала внимание и сочувствие исключительностью трагизма. Но тридцать четыре месяца военных операций показали, что бельгийский эпизод был только первым шагом на пути разрешения основной задачи империалистической войны: *подчинения слабых сильным.*

На область международных отношений капитализм перенес те же методы, какими он „регулирует" внутреннюю хозяйственную жизнь отдельных наций. Путь конкуренции есть путь системати-

ческого крушения мелких и средних предприятий и торжества крупного капитала. Мировое соперничество капиталистических сил означает систематическое подчинение мелких, средних и отсталых наций крупным и крупнейшим капиталистическим державам. Чем выше становится капиталистическая техника, чем большую роль играет финансовый капитал, чем более высокие требования предъявляет милитаризм, тем в большую зависимость попадают мелкие государства от великих держав. Этот процесс, составляющий необходимую составную часть в механике империализма, непрерывно совершался и в мирное время, — через посредство государственных займов, железнодорожных и иных концессий, военно-дипломатических соглашений и пр. Война обнажила и ускорила этот процесс, введя в него фактор открытого насилия. Она разрушает последние остатки „независимости“ мелких государств, — совершенно независимо от того, каков будет исход военного состязания между двумя основными лагерями.

Бельгия все еще стонет под гнетом немецкой солдатчины. Но это только внешнее кроваво-драматическое выражение крушения ее независимости. „Освобождение“ Бельгии совершенно не стоит перед союзниками, как самостоятельная задача. В дальнейшем ходе войны, как и после нее, Бельгия войдет составной и подчиненной частицей в великую игру капиталистических гигантов. Без вмешательства третьей силы: *революции* Бельгия может в результате войны остаться в тисках Германии, попасть в кабалу к Великобритании или быть поделенной между великодержавными хищниками обеих коалиций.

Точно то же приходится сказать о *Сербии*, национальная энергия которой послужила гирькой на мировых империалистических весах, колебания которых в ту и другую сторону меньше всего зависят от самостоятельных интересов Сербии.

Центральные империи вовлекли в водоворот войны *Турцию* и *Болгарию*. Останутся ли эти две страны юго-восточными органами австро-германского империалистического блока („Срединная Европа“), или превратятся в разменную монету при подведении счетов, война, во всяком случае, дописывает последнюю главу в историю их самостоятельности.

Отчетливее всего, — до того как развернулась русская революция — оказалась ликвидированной независимость *Персии*, с которой в принципе покончило англо-русское соглашение 1907 г.

Румыния и *Греция* достаточно ясно показали нам, какую скромную „свободу" выбора предоставляет борьба империалистических трестов мелким государственным фирмам. Румыния предпочла жест свободного избрания, поднимая шлюзы своего государственного нейтралитета. Греция с пассивным упорством стремилась оставаться у себя „дома". Как бы для того, чтобы нагляднее обнаружить всю тщету „нейтралистской" борьбы за самосохранение, вся европейская война, в лице болгарских, турецких, французских, английских, русских и итальянских войск, перенеслась на греческую территорию. Свобода выбора распространяется в лучшем случае на *форму* самоупразднения. В конечном счете Румыния, как и Греция, подведут один и тот же итог: окажутся ставками в руках крупных игроков.

На другом конце Европы маленькая *Португалия* сочла нужным вмешаться в войну на стороне союзников. Ее решение могло бы казаться необъяснимым, если бы в вопросе о вмешательстве в свалку у Португалии, состоящей под английским протекторатом, было много больше свободы, чем у Тверской губернии или у Ирландии.

Капиталистические верхи *Голландии* и трех *Скандинавских стран* загребают, благодаря войне, горы золота. Но тем ярче ощущают четыре нейтральные государства европейского северо-запада всю призрачность своего „суверенитета", который, если ему и удастся пережить войну, подвергнется великодержавному „учету" в условиях мира.

„Независимая" *Польша* в империалистической Европе сможет поддерживать вывеску своей независимости, только ставши в кабальную финансовую и военную зависимость от одной из великодержавных группировок.

Государственная самостоятельность *Швейцарии* раскрыла все свое содержание в принудительной регламентации ее ввоза и вывоза. И уполномоченные маленькой федеративной республики, обивающие, с шапкой в руке, пороги обоих воюющих лагерей, могут составить себе ясное представление о том, что означают независимость и нейтралитет нации, которая не может поставить на ноги несколько миллионов штыков.

Если война, благодаря умножению своих фронтов и числа участников, превратилась в уравнение со многими неизвестными, исключающее для любого из правительств возможность форму-

лировать так называемые „цели войны“, то мелкие государства имеют то весьма, впрочем, условное преимущество, что их историческая судьба может считаться заранее предопределенной. Какой бы из лагерей ни одержал победу и каков бы ни был размах этой победы, возврата назад, к независимости малых государств уже не может быть. Победит ли Германия или Англия, это может решить вопрос лишь о том, *кто* будет непосредственным хозяином над малыми нациями. Но только шарлатаны или безнадежные простофили могут связывать вопрос о свободе малых народов с победой той или другой стороны.

Совершенно такой же результат будет иметь и третий, наиболее вероятный исход войны, *в ничью:* отсутствие явного перевеса одного из воюющих лагерей над другим только заставит ярче обнаружиться перевес сильных над слабыми внутри каждого из лагерей и перевес их обоих — над „нейтральными“ жертвами империализма. Исход войны без победителей и побежденных сам по себе никого ни от чего не гарантирует, — *побежденными* все равно окажутся все мелкие и слабые государства: как те, что истекали кровью на полях сражений, так и те, что пробовали укрыться от судьбы в тени своего нейтралитета.

Независимость бельгийцев, сербов, поляков, армян и пр. является для нас не составной частью программы войны союзников (как для Геда, Плеханова, Вандервельде, Гендерсона и пр.), а входит в программу борьбы международного пролетариата против империализма.

II. Status quo ante bellum [1]).

Но может ли пролетариат при настоящих условиях выдвигать свою самостоятельную „программу мира“, то-есть свои решения тех вопросов, которые породили нынешнюю войну или которые вскрылись в ее течении?

Для осуществления такой программы, — говорили нам, — у пролетариата сейчас нет сил. Утопично надеяться, чтоб он осуществил свою собственную программу мира уже в результате нынешней войны. Другое дело — борьба за самое прекращение

[1]) Тот порядок, какой был до войны.

войны и за мир без аннексий, т.-е. за возвращение к status quo ante bellum, к тому порядку, какой был до войны. Это более реалистическая программа. Таковы были, например, доводы Мартова, Мартынова и вообще меньшевиков - интернационалистов, которые в этом вопросе, как и во всех других, стоят не на революционной, а на консервативной точке зрения (*не* социальная революция, *а* восстановление классовой борьбы, *не* Третий Интернационал, *а* восстановление Второго, *не* революционная программа мира, *а* возвращение к status quo ante bellum, *не* завоевание власти Сов. Раб. и Солд. Депутатов, *а* предоставление власти партиям буржуазии...). В каком, однако, смысле можно говорить о „реалистичности" борьбы за прекращение войны и за мир без аннексий? Что война раньше или позже прекратится, это несомненно. В этом *выжидательном* смысле лозунг прекращения войны, бесспорно, очень „реалистичен", ибо бьет наверняка. А в революционном смысле? Не утопично ли надеяться, — так можно бы возразить, — что европейскому пролетариату, при его нынешних силах, удастся приостановить военные действия *против* воли правящих классов? И не отказаться ли поэтому от лозунга прекращения войны? Далее. При каких условиях произойдет это прекращение? Тут могут быть, теоретически рассуждая, три типических положения: 1) решительная победа одной из сторон; 2) общее истощение противников при отсутствии решающего перевеса какой-либо стороны; 3) вмешательство революционного пролетариата, приостанавливающее „естественное" развитие военных событий.

Совершенно очевидно, что в первом случае, когда война заканчивается решительной победой одной стороны, наивно мечтать о мире без аннексий. Если Шейдеманы и Ландсберги, всемерно поддерживающие работу своего милитаризма, выступают в парламенте „за мир без аннексий", то именно в твердом расчете на то, что такого рода протесты никаким „полезным" аннексиям помешать не могут. С другой стороны, наш собственный верховный командующий, генерал Алексеев, объявляющий мир без аннексий „утопической фразой", совершенно основательно заключает, что главное дело — наступление, и что в случае успеха военных операций все остальное приложится само собою [1]). Для того, чтоб

---

[1]) Выход ген. Алексеева в отставку нимало не нарушает основательности его суждения.

вырвать аннексии из рук победоносной стороны, вооруженной с ног до головы, пролетариату, очевидно, понадобились бы, помимо доброй воли, революционная сила и прямая готовность открыто пустить ее в дело. Во всяком случае, в его распоряжении нет никаких „экономных“ средств добиться от победоносной стороны отказа от использования достигнутой победы.

Второй исход войны, на который и рассчитывают преимущественно сторонники ограниченной программы „мира без аннексий — и только“ предполагает, что война, не прерываемая революционным вмешательством третьей силы, исчерпывает все ресурсы воюющих и заканчивается измором — без победителей и побежденных. К этому состоянию, когда милитаризм окажется слаб для завоеваний, а пролетариат — для революции, пассивные интернационалисты и приспособляют свою куцую программу „мира без аннексий“, которую они нередко формулируют, как возвращение к status quo ante bellum, т.-е., к порядку, какой был до войны. Но здесь-то мнимый реализм и открывает свою ахиллесову пяту. На самом деле исход войны „в ничью“, как мы уже показали выше, вовсе не исключает аннексий; наоборот, *предполагает* их. Если ни одна из двух великодержавных группировок не победит, это вовсе не значит, что Сербия, Греция, Бельгия, Польша, Персия, Сирия, Армения и пр. останутся неприкосновенными. Наоборот: именно за счет третьего, слабейшего, и будут произведены в этом случае аннексии. Чтобы помешать этим взаимным „компенсациям“ (вознаграждениям) международному пролетариату нужно прямое революционное восстание против правящих. Газетные статьи, резолюции съездов, парламентские протесты и даже уличные манифестации никогда не мешали и не мешают правящим — путем ли победы или путем соглашения — совершать территориальные захваты и попирать слабые народности.

Что касается третьего исхода, то он яснее всего. Он предполагает, что международный пролетариат еще в разгаре этой войны подымется с такой силой, что парализует и приостановит войну снизу. Совершенно очевидно, что в этом наиболее благоприятном случае пролетариат, у которого хватило сил приостановить войну, менее всего сможет и захочет ограничиться чисто-консервативной программой, сводящейся к отрицанию аннексий.

Действительное осуществление мира без аннексий предполагает, как видим, *во всех случаях* могущественное революционное

движение пролетариата. Но, предполагая такое движение, указанная программа остается совершенно мизерной по отношению к нему, резюмируясь в требовании восстановления того порядка, какой был до войны и из которого выросла война. Европейский status quo ante bellum — продукт войн, хищений, насилий, легитимизма, дипломатической тупости и бессилия народов остается единственным положительным содержанием лозунга „без аннексий".

В своей борьбе против империализма пролетариат не может ставить себе политической целью возвращение к старой европейской карте; он должен выдвинуть *свою собственную программу государственных и национальных отношений*, отвечающую основным тенденциям экономического развития, революционному характеру эпохи и социалистическим интересам пролетериата.

Изолированно поставленный лозунг „без аннексий" не дает, прежде всего, никакого критерия для политической ориентировки в отдельных вопросах, как они ставятся ходом войны. Если предположить, что Франция в дальнейшем займет Эльзас и Лотарингию, обязана ли германская социал-демократия, вслед за Шейдеманом, требовать возвращения этих провинций Германии? Потребуем ли мы возвращения Царства Польского России? Будем ли мы стоять на том, чтоб Япония вернула Киао-Чау... Германии? Чтоб Италия возвратила по принадлежности занятые ею части Трентино? Это было бы бессмыслицей! Мы оказались бы фанатиками легитимизма, т.-е., защитниками династических и „исторических" прав в духе самой реакционной дипломатии. Да беда в том, что и эта „программа" потребовала бы для своего осуществления — революции. Во всех перечисленных и других подобных случаях, поставленные лицом к лицу с конкретной действительностью, мы сможем, очевидно, выдвинуть только один принцип: *опрос заинтересованного населения.* Разумеется, это критерий совсем не абсолютный. Так, французские „социалисты" из большинства сводят опрос населения (Эльзас-Лотарингии) к постыдной комедии: сперва оккупировать, т.-е. захватить военной силой, затем потребовать согласия быть аннексированными. Совершенно очевидно, что действительный опрос предполагает *революционные условия*, когда население может давать ответ не под дулом револьвера — немецкого или французского, все равно.

Единственное приемлемое содержание лозунга „без аннексий" сводит его, таким образом, к протесту против новых *насиль-*

ственных захватов, стало быть к отрицательному выражению *права наций на самоопределение.* Но мы видели, что это демократически бесспорное „право“ неизбежно превращается и будет превращаться для сильных наций в право захвата и попрания, а для слабых — в бессильное пожелание или в „клочок бумаги“, доколе политическая карта Европы замыкает нации и осколки наций в рамки государств, таможнями отделенных друг от друга и непрерывно сталкивающихся в империалистической борьбе. А преодоление этого режима мыслимо только через пролетарскую революцию. *В сочетании пролетарской программы мира с программой социальной революции и лежит центр тяжести вопроса.*

III. Право нации на самоопределение.

Мы видели выше, что социал-демократия не может шагу ступить при решении конкретных вопросов в области национально-государственных перегруппировок и новообразований без принципа национального самоопределения, который, в последнем своем выводе, означает признание за каждой национальной группой права определять свою *государственную* судьбу, стало быть отделяться от данного государства национальностей (напр., Россия, Австрия). Единственно демократический путь узнать „волю“ нации — это опросить ее путем референдума. Но этот ответ, демократически обязательный, останется в изложенном виде чисто *формальным.* Он ничего не говорит нам о реальных возможностях, путях и средствах национального самоопределения в современных условиях капиталистического хозяйства. А, между тем, в этом, именно, центр тяжести вопроса.

Для многих, если не для большинства, угнетенных наций и национальных групп и осколков самоопределение означает расторжение существующих границ и расчленение нынешних государств. В частности этот демократический принцип ведет к освобождению колоний. Между тем, вся политика империализма направлена на расширение государственных границ, независимо от национального принципа, на принудительное включение слабых народов в таможенную черту, на захват новых колоний. Империализм экспансивен и *наступателен* по существу, и именно

«НОВЫЙ МІРЪ»
"NOVY MIR

Russian Newspaper. Published Daily, Except Sunday, by the Russian Socialist Publishing Society, 77 St. Marks Pl., New York, N. Y.

L. MERTENS .... PRESIDENT
S. ZORIN .... SECRETARY
M. MISLIG .... TREASURER

PHILADELPHIA OFFICE:
North-East cor. 5th & Pine Sts. Phone: Bell. Lombard 22-32.

CHICAGO OFFICE:
1244 So. Halsted Street Telephone Monroe 2172

SUBSCRIPTION RATES

United States & Canada:		Foreign & New York City:	
1 year	$3.50	1 year	$6.50
6 months	1.80	6 months	3.60
3 months	1.00	1 month	.70

Entered as second class matter April 6, 1911, at the post office at New York, N. Y. under the Act of March 3, 1879.

Нью-Іоркъ, 16-го Марта 1917 года.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

То что сейчасъ происходитъ въ Россіи, войдетъ навсегда въ исторію, какъ одно изъ величайшихъ ея событій. Наши дѣти, внуки и правнуки будутъ говорить объ этихъ дняхъ, какъ о началѣ новой эпохи въ исторіи человѣчества. Русскій пролетаріатъ возсталъ противъ самаго преступнаго изъ режимовъ, противъ самаго отверженнаго изъ правительствъ. Народъ Петрограда поднялся противъ самой безчестной и самой кровавой изъ войнъ. Столичныя войска стали подъ красное знамя мятежа и свободы. Царскіе министры арестованы. Министры Романова, повелители старой Россіи, организаторы всероссійскаго самодержавія посажены народомъ въ одну изъ тѣхъ тюремъ, которыя до сихъ поръ раскрывали свои ковавшія ворота только для народныхъ борцовъ. Этотъ одинъ фактъ даетъ истинную оцѣнку событій, ихъ размаха и могущества. Могучая лавина революціи въ полномъ ходу, — никакая сила человѣческая ея не остановитъ.

У власти стоитъ, какъ сообщаетъ телеграфная проволока, Временное Правительство въ составѣ представителей думскаго большинства, подъ предсѣдательствомъ Родзянко. Это Временное Правительство — исполнительный комитетъ либеральной буржуазіи — не шло къ революціи, не вызывало ея и не руководитъ ею. Родзянки и Милюковы подняты къ власти первой высокой волной революціоннаго прибоя. Они больше всего боятся, какъ бы не захлебнуться въ немъ. Жалкая мечта, которая еще не оставила послѣ министровъ, перевезенныхъ въ одиночныя камеры тюрьмы, вождей либеральной буржуазіи готова считать революцію законченной. Таковы же мысль и надежда всей мировой буржуазіи. Между тѣмъ революція только началась. Ея движущей силой являются не тѣ, что выбрали Родзянку и Милюкова. И не въ исполнительномъ комитетѣ третьеіюньской Думы найдетъ революція свое руководство.

Голодныя матери голодающихъ дѣтей истерзанные подняли къ окнамъ дворцовъ свои истощенныя руки, — и проклятія этихъ женщинъ народа прозвучали, какъ голосъ революціоннаго набата. Вотъ гдѣ начало событій! Рабочіе Петрограда дали тревожный гудокъ; сотни тысячъ высыпали изъ заводовъ на мостовыя города, которыя уже знаютъ, что такое баррикады. Вотъ гдѣ сила революціи! Всеобщая стачка потрясла мощный организмъ столицы, парализовала государственную власть, загнала царя въ одну изъ его излюбленныхъ трущобъ. Вотъ гдѣ путь революціи! Войска петроградскаго гарнизона, какъ ближайшій отрядъ всероссійской арміи, откликнулись на призывъ восставшихъ массъ и сдѣлали возможнымъ первое крупное завоеваніе народа. Революціонная армія — вотъ кому будетъ принадлежать рѣшающее слово въ событіяхъ революціи!

Сообщенія, какія мы имѣемъ сейчасъ, неполны. Была борьба. Министры монархіи не ушли безъ боя. Шведскія телеграммы говорятъ о вооруженныхъ жестахъ, о стычкахъ на улицахъ, о восстаніяхъ и провинціальныхъ городахъ. Буржуазія со своими полковниками Энгельгардтами и цензорами Гронскими, стала у власти, чтобъ «возстановить порядокъ». Это ея собственныя слова. Первый манифестъ Временнаго Правительства призываетъ гражданъ къ спокойствію и къ мирнымъ занятіямъ. Какъ будто очистительная работа народа завершена, какъ будто желѣзная метла революціи уже вымела до тла реакціонную нечисть, которая скопилась вѣками вокругъ покрытой безчестьемъ романовской династіи!

Нѣтъ, рано Родзянки и Милюковы заговорили о порядкѣ, и не завтра еще наступитъ спокойствіе на всколыхнувшейся Руси. Пластъ за пластомъ будетъ теперь подниматься страна — всѣ угнетенные, обездоленные, обобранные царизмомъ и правящими классами — на всемъ необъятномъ пространствѣ всероссійской тюрьмы народовъ. Петроградскія событія только начало.

Во главѣ народныхъ массъ Россіи революціонный пролетаріатъ выполнитъ свою историческую работу: онъ изгонитъ монархическую и дворянскую реакцію изъ всѣхъ ея убѣжищъ, и протянетъ свою руку пролетаріату Германіи и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизмъ, но и войну.

Уже вторая волна революціи перекатится черезъ головы Родзянокъ и Милюковыхъ, озабоченныхъ возстановленіемъ порядка и соглашеніемъ съ монархіей. Изъ собственныхъ своихъ нѣдръ революція выдвинетъ свою власть — революціонный органъ народа, идущаго къ побѣдѣ. И главныя битвы, исконныя жертвы еще впереди. И только за ними послѣдуетъ полная и подлинная побѣда.

Послѣднія телеграммы изъ Лондона говорятъ, что царь Николай хочетъ отречься отъ престола въ пользу своего сына. Этой сдѣлкой реакція и либералы хотятъ спасти монархію и династію. Поздно. Поздно. Слишкомъ велики преступленія, слишкомъ чудовищны страданія, — и слишкомъ великъ размахъ народнаго гнѣва.

Поздно, слуги монархіи! Поздно, либеральные господа! Лавина революціи пришла въ движеніе, — никакая сила человѣческая ея не остановитъ.

ОБРАБОТКА И ПОЗОЛОТА.

АЛЬФА.

[illegible]

РОЖДЕНІЕ ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

Г. ЧУД—СКІЙ.

[illegible]

СБОРЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ПАВЛОВА.

[illegible]

Секретарь П. Савчукъ.

НА ЗАПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ.

[illegible]

А. Г.

КЪ СЪѢЗДУ АМЕР. СОЦ. ПАРТІИ.

Рѣшеніе Исполнительнаго Комитета Американской Соціалистической Партіи о созывѣ экстреннаго партійнаго съѣзда на 7-ое апрѣля приняло какъ нельзя болѣе кстати.

За время общеевропейской войны въ рабочемъ движеніи произошли большія перемѣны: разрушенъ 2-ой Интернаціоналъ, расколоты соціалистическія партіи всѣхъ воюющихъ странъ и пролетарскому движенію усиленно прививаются національно-буржуазныя идеи. За эти длинные годы войны передъ авангардомъ рабочаго класса всталъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, требующихъ основательныхъ и ясныхъ отвѣтовъ.

Соціалистическая Партія нейтральныхъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ будто, избѣжала общей разрухи: единство партіи не нарушилось и внѣшне все обстояло благополучно.

Но съ приближеніемъ момента вступленія въ войну американской республики обнаружились большія разногласія въ соціалистической средѣ. Как и в Европѣ, вырисовываются здѣсь два противоположныхъ теченія: и здѣсь въ средѣ пролетаріата имѣется элементъ пропитанный буржуазной идеологіей, не порвавшій еще съ капиталистическимъ классомъ и стремящійся превратить партію рабочаго класса въ оружіе, способствующее осуществленію плановъ нашихъ враговъ.

Члены Исполнительнаго Комитета, участники партійныхъ собраній, на которыхъ разногласія достигли крайней обостренности, не могли, поэтому, не осознать необходимости и неизбежности созыва съѣзда немедленно же. Исполнительный Комитетъ, состоящій изъ извѣстныхъ соціалъ-патріотовъ и людей, взгляды которыхъ по вопросу объ отношеніи къ защитѣ отечества неизвѣстны, рѣшился на созывъ съѣзда еще и потому, что вопросъ о послѣднемъ [illegible]

[illegible]

ДОХОДЪ ТРЕСТА И СТАЧКА РАБОЧИХЪ.

[illegible]

БРИСТОЛЬ, КОНН. [illegible]

За секретаря А. Назарчукъ

№ «Нового Мира» от 16 марта (н. с.) 1917 г.
со статьей о революции в России

этим своим качеством он характеризуется, а не изменчивыми маневрами дипломатии.

Таким образом, принцип национального самоопределения, во многих случаях ведущий к государственной и экономической децентрализации (расчленение, распад), враждебно сталкивается с могущественными централизаторскими стремлениями империализма, имеющего в своих руках государственную организацию и военную силу. Правда, во многих случаях национально-сепаратистское движение находит поддержку в империалистических происках *соседнего* государства. Но эта поддержка может стать решающей только путем применения военной силы. А как только дело доходит до военного столкновения двух империалистических организаций, *новые* государственные границы определяются не на основе национального принципа, а на основе соотношения военных сил. *Заставить* победоносное государство отказаться от аннексии вновь завоеванных земель так же трудно, как и принудить его дать ранее захваченным провинциям свободу самоопределения. Наконец, если б даже совершилось чудо, и Европа оказалась силою оружия — о чем разглагольствуют полуфантасты-полуплуты типа Эрве — разбита на законченные национальные государства и государствица, этим ни в малой мере не был бы разрешен национальный вопрос. На другой же день после „справедливого“ национального передела капиталистическая экспансия возобновила бы свою работу, начались бы столкновения, войны и новые захваты с полным нарушением национального принципа во всех тех случаях, когда на его охране не оказывалось бы достаточного количества штыков. Все вместе производило бы такое впечатление, как если бы азартные игроки были вынуждены посреди игры „справедливо“ перераспределить между собою золото, чтобы, затем, с двойным неистовством, возобновить ту же игру.

Из могущества централистических тенденций империализма вовсе не вытекает для нас, однако, обязательство пассивного преклонения пред ними. Национальная общность является живым очагом культуры, как национальный язык — ее живым органом, и это свое значение они сохранят еще в течение неопределенно долгих исторических периодов. Социал-демократия хочет и должна, в интересах материальной и духовной культуры, обеспечить за национальной общностью свободу развития (или растворения), — именно в этом смысле она переняла от революционной буржуазии

демократический принцип национального самоопределения, как политическое обязательство.

Право на национальное самоопределение не может быть устранено из пролетарской программы мира; но оно не может претендовать на *абсолютное* значение: наоборот, оно ограничено для нас встречными и глубоко-прогрессивными тенденциями исторического развития. Если это „право“ должно быть — путем революционной силы — противопоставлено империалистическим методам централизма, закабаляющего слабые и отсталые народы и попирающего очаги национальной культуры, то, с другой стороны, пролетариат не может позволить „национальному принципу“ стать поперек дороги неотразимому и глубоко-прогрессивному стремлению современного хозяйства планомерно организоваться на всем нашем континенте и, далее, на всем земном шаре. Империализм есть капиталистически-хищническое выражение этой тенденции хозяйства — окончательно вырваться из идиотизма национальной ограниченности, как оно вырвалось в свое время из идиотизма ограниченности деревенской и областной. Борясь против империалистической формы хозяйственной централизации, социализм не только не выступает против самой тенденции, но, наоборот, делает ее своим собственным руководящим принципом.

С точки зрения исторического развития, как и с точки зрения задач социал-демократии, централизующая тенденция современного хозяйства является *основной*, и за ней должна быть обеспечена полная возможность выполнения ее поистине освободительной исторической миссии: *постройки объединенного мирового хозяйства,* независимого от национальных рамок и государственно-таможенных застав, подчиненного только свойствам почвы, недр земных, климата и потребностям разделения труда. Поляки, эльзасцы, далматинцы, бельгийцы, сербы и еще не захваченные малые и слабые европейские нации лишь в том случае могут быть восстановлены или впервые утверждены в тех национальных очертаниях, к которым они тяготеют, и главное, лишь в той мере смогут в этих очертаниях оставаться и свободно вести свое культурное существование, в какой национальные группировки перестанут быть хозяйственными группировками, не будут связаны с государственными границами, не будут экономически отделены друг от друга и противопоставлены друг другу. Другими словами: для того, чтобы поляки, сербы, румыны и пр. могли создать действи-

тельно нестесненные национальные объединения, нужно, чтоб были уничтожены расщепляющие их ныне на части государственные границы; нужно, чтоб рамки *государства, как хозяйственной, а не национальной организации*, раздвинулись, охватив всю капиталистическую Европу, изрезанную таможнями и границами и раздираемую ныне войной. Предпосылкой самоопределения больших и малых наций Европы является государственное объединение самой Европы. Только под кровлей демократически-объединенной Европы, освобожденной от государственно-таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономических антагонизмов, на основе действительного самоопределения.

Эта прямая и непосредственная зависимость национального самоопределения слабых народов от всего европейского режима исключает возможность для пролетариата ставить вопрос, напр., о независимости Польши или объединении всех сербов *вне европейской революции*. Но это, с другой стороны, означает, что право на самоопределение, как составная часть пролетарской программы мира, имеет не „утопический", а революционный характер. Это соображение направляется по двум адресам: против немецких Давидов и Ландсбергов, которые с высоты своего империалистического „реализма" шельмуют принцип национальной независимости, как реакционную романтику; и против упростителей из нашего революционного лагеря, которые объявляют этот принцип осуществимым только при социализме и этим избавляют себя от необходимости дать принципиальный ответ на национальные вопросы, в упор поставленные войной.

Между нашим нынешним общественным состоянием и социализмом пролегает еще большая эпоха *социальной революции*, т.-е. эпоха открытой борьбы пролетариата за государственную власть, завоевания ее и применения этой власти в целях полной демократизации общественных отношений и систематического преобразования капиталистического общества в социалистическое. Это эпоха не умиротворения и успокоения, а, наоборот, высшего напряжения социальной борьбы, эпоха народных восстаний, войн, расширяющихся опытов пролетарского режима, социалистических реформ. Эта эпоха потребует от пролетариата практического, т.-е. непосредственно-действенного ответа на вопрос о дальнейших условиях существования нации и ее взаимоотношениях с государством и хозяйством.

IV. Соединенные Штаты Европы.

Мы пытались выше установить, что экономическое и политическое объединение Европы является необходимой предпосылкой самой возможности национального самоопределения. Как лозунг *национальной независимости* сербов, болгар, греков и пр. остается голой абстракцией без дополняющего его лозунга *федеративной балканской республики*, играющего такую огромную роль во всей политике балканской социал-демократии, так в обще-европейском масштабе принцип „права“ на самоопределение может получить плоть и кровь только в условиях европейской федеративной республики.

Но если на Балканском полуострове лозунг демократической федерации стал чисто-пролетарским, то тем более это относится к Европе, с ее несравненно более глубокими капиталистическими антагонизмами.

Непреодолимой трудностью для буржуазной политики является уничтожение „внутренних“ европейских таможен, — а без этого междугосударственные третейские суды и кодексы будут обладать не большей прочностью, чем, напр., бельгийский нейтралитет. Стремление к объединению европейского рынка, порождаемое — наравне со стремлением к захвату отсталых не-европейских стран — развитием капитализма, наталкивается на могущественное сопротивление самих же аграрных и капиталистических классов, в руках которых таможенный аппарат в сочетании с аппаратом милитаризма (без которого первый — ничто) является незаменимым орудием эксплуатации и обогащения.

Венгерская финансовая и промышленная буржуазия противится экономическому объединению с капиталистически более развитой Австрией. Австро-венгерская буржуазия непримиримо относится к идее таможенной унии с более сильной Германией. С другой стороны, германские аграрии никогда добровольно не примут уничтожения хлебных пошлин. Что экономические интересы имущих классов центральных империй не так легко согласовать с интересами англо-франко-русских капиталистов и аграриев, об этом достаточно красноречиво свидетельствует нынешняя война. Наконец, несогласованность и несогласуемость капиталисти-

ческих интересов в среде самих союзников еще более очевидна, чем в центральных империях. В этих условиях сколько-нибудь полное экономическое объединение Европы *сверху*, путем соглашения капиталистических правительств, является чистейшей утопией. Тут дело не может итти дальше частичных компромиссов и полумер. Тем самым экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, становится революционной задачей европейского пролетариата в борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием — милитаризмом.

Соединенные Штаты Европы — без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии — являются поэтому важнейшей составной частью пролетарской программы мира.

Идеологи и политики германского империализма выдвигали не раз, особенно в начале войны, *свою* программу, европейских или, по крайней мере, средне-европейских (без Франции и Англии, с одной стороны, России — с другой) „соединенных штатов". Программа насильственного объединения Европы так же характерна для тенденций немецкого империализма, как для французских тенденций — программа насильственного расчленения Германии.

Если б немецкие армии одержали ту решительную победу, на которую в Германии рассчитывали в первую эпоху войны, германский империализм сделал бы, несомненно, гигантскую попытку осуществить принудительный военно-таможенный союз европейских государств, весь построенный на изъятиях и компромиссах, которые свели бы к минимуму прогрессивное значение объединения европейского рынка. Незачем говорить, что при этих условиях не могло бы быть и речи об автономии наций, насильственно связанных в карикатуру европейских соединенных штатов. Такова именно перспектива, которую выдвигали иные оппоненты против защищаемой нами программы Соединенных Штатов Европы в доказательство того, что эта идея может, при известных условиях, получить „реакционное" монархически-империалистическое осуществление. Между тем, именно эта перспектива является самым ярким свидетельством в пользу революционной жизненности лозунга Соединенных Штатов. Если б немецкому милитаризму удалось в самом деле насильственное полуобъединение Европы, как прусский милитаризм осуществил в свое время полуобъединение Германии, каков был бы центральный лозунг

европейского пролетариата? Расторжение навязанного европейского единства и возвращение всех народов под кровлю изолированных национальных государств? Восстановление „автономных“ таможен, „национальной“ монеты, „национального“ социального законодательства и пр.? Разумеется, нет. Программой революционного европейского движения стало бы уничтожение насильственной, антидемократической *формы* осуществленного единства при сохранении и дальнейшем развитии его основ — в виде полного уничтожения таможенных перегородок, объединения законодательства, прежде всего рабочего и пр. Другими словами: лозунг Соединенных Штатов Европы — *без монархий и постоянных армий* — стал бы в указанных условиях объединяющим и направляющим лозунгом европейской революции.

Возьмем второй случай — исход войны „в ничью“. Еще в самом начале войны известный профессор Лист, пропагандист „объединенной Европы“, доказывал, что в случае, если бы Германии не удалось победить своих противников, европейское объединение все равно произошло бы — даже еще полнее, по мнению Листа, чем в случае германской победы. При все возрастающей потребности в экспансии (расширении) враждебно противостоящие друг другу, но не способные в то же время друг с другом справиться, европейские государства продолжали бы мешать друг другу выполнить свою „миссию“ на Ближнем Востоке, в Африке и Азии и оказались бы повсюду оттесняемы Соединенными Штатами Америки и Японией. Именно при исходе войны в „ничью“ выдвинется, по мысли Листа, на передний план необходимость экономического и военного соглашения европейских великих держав — против слабых и отсталых народов и, прежде всего, разумеется, против собственных рабочих масс. Выше мы указали уже, какие огромные препятствия стоят на пути осуществления этой программы. Преодоление этих препятствий, хотя бы только наполовину, означало бы создание империалистического треста европейских государств, хищнического товарищества на паях. И эта перспектива неосновательно выдвигается подчас, как доказательство „опасности“ лозунга Соединенных Штатов, тогда как на самом деле она является самым ярким доказательством его реалистического и революционного значения. Если б капиталистическим государствам Европы удалось сплотиться в империалистический трест, это, разумеется, означало бы шаг вперед по

сравнению с *нынешним* состоянием, ибо прежде всего создавало бы объединенную общеевропейскую материальную базу для рабочего движения. Пролетариату и в этом случае приходилось бы бороться не за возврат к „автономному“ национальному государству, а за превращение империалистического треста государств в республиканскую европейскую федерацию.

Об этих широких планах объединения Европы *сверху* говорят, однако, тем меньше, чем дальше подвигается война, обнаруживающая полную неспособность милитаризма справиться с вопросами, вызвавшими войну. На смену империалистическим „Соединенным Штатам Европы“ выступили планы экономического объединения Австро-Германии, с одной стороны, четверного Согласия — с другой, с боевым тарифом и дополняющим его милитаризмом друг против друга. После сказанного выше незачем пояснять, какое огромное значение, при осуществлении этих планов, получила бы в политике пролетариата обоих государственных „трестов“ борьба против воздвигнутой ими таможенной и военно-дипломатической стены — за экономическое объединение Европы.

Но сейчас, после столь многообещающего начала русской революции, у нас есть все основания надеяться на то, что еще в течение этой войны развернется во всей Европе могущественное революционное движение. Ясно, что оно сможет успешно развиваться и притти к победе только как *общеевропейское.* Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель. Наши социал-патриоты указывают на опасность, грозящую русской революции со стороны германского милитаризма. Эта опасность несомненна, но это не единственная опасность. Английский, французский, итальянский империализм является не менее грозным врагом русской революции, чем военная машина Гогенцоллерна. Спасение русской революции — в перенесении ее на всю Европу. Если б революционное движение развернулось в Германии, немецкий пролетариат искал бы — и нашел бы — революционный отклик во „вражеских“ странах Запада, и если бы в одной из стран Европы пролетариат вырвал из рук буржуазии власть, он был бы вынужден, хотя бы только для того, чтоб удержать эту власть в своих руках, немедленно поставить ее на помощь революционному движению в других странах. Иными словами: установление прочного режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимым только на протяжении всей Европы

стало быть, в форме европейской республиканской федерации. Государственное объединение Европы, не достигнутое ни силою оружия, ни промышленными и дипломатическими договорами, встало бы в этом случае, как неотложная задача победоносного революционного пролетариата.

Соединенные Штаты Европы есть лозунг революционной эпохи, в которую мы вступили. Какой бы ход ни приняли в дальнейшем военные действия; как бы дипломатия ни подвела итоги нынешней войне; каким бы темпом ни пошло в ближайший период развитие революционного движения, лозунг Соединенных Штатов Европы получит во всех случаях огромное значение, как политическая формула борьбы европейского пролетариата за власть. В этой программе находит свое выражение тот факт, что национальное государство пережило себя — как рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы и, тем самым, как государственная форма диктатуры пролетариата. Наше отрицание „защиты отечества", как пережившей себя политической программы пролетариата, перестает быть чисто-отрицательным актом идейно-политической самообороны, а получает все свое революционное содержание лишь в том случае, если консервативной защите устаревшего национального отечества мы противопоставляем прогрессивную задачу создания нового, более высокого „отечества" революции — республиканской Европы, исходя из которой пролетариат только и сможет революционизировать и организовать весь мир.

В этом, между прочим, ответ тем, которые догматически спрашивают: „почему объединение Европы, а не всего мира?" Европа не только географический термин, а и некоторая экономическая и культурно-историческая общность. Европейской революции не приходится дожидаться революции в Азии и Африке, ни даже в Австралии и Америке. А, между тем, победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, — и наоборот. Настоящую войну называют мировой, но воюет-то, даже и после вмешательства Соединенных Штатов, все-таки Европа. И революционные проблемы стоят, прежде всего, пред европейским пролетариатом.

Само собою разумеется, что Соединенные Штаты Европы станут лишь одной из двух осей *мировой* организации хозяйства. Другой осью явятся Соединенные Штаты Америки.

Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском „Социал-Демократе“ в следующей фразе: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма“. Отсюда „Социал-Демократ“ делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно,—это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую „Европу“, созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна „дожидаться“ других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения — что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире.

Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках, значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма. Вальян до конца дней своих считал Францию обетованной землей социальной революции и именно в этом смысле стоял за ее защиту до конца. Ленч и др. — одни лицемерно, другие искренно — считают, что поражение Германии означает в первую голову разрушение основы социальной революции. Наконец, наши Церетели и Черновы, воспроизводя в наших национальных условиях печальнейший опыт французского министериализма, клянутся, что их политика служит делу революции и не имеет поэтому ничего общего с политикой Геда и Самба. Не нужно вообще забывать, что в социал-патриотизме, на-ряду с

вульгарнейшим реформизмом, подвизается национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство — по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям — призванным ввести человечество в социализм или в „демократию“. Если б победоносная революция, действительно, мыслима была в пределах одной более подготовленной нации, этот мессианизм, связанный с программой национальной обороны, имел бы свое относительное историческое оправдание. Но он его на самом деле не имеет. Бороться за охранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают интернациональные связи пролетариата, значит фактически подкапываться под революцию, которая не может не начаться на национальной базе, но которая не может на ней завершиться при нынешней экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств, никогда еще не раскрывавшейся с такой силой, как именно в нынешней войне. Этой взаимозависимости, которая будет прямо и непосредственно обусловливать согласование действий европейского пролетариата в революции, и дает выражение лозунг Соединенных Штатов Европы.

Социал-патриотизм, который принципиально, если не всегда фактически, есть доведение до последних выводов и применение к империалистической эпохе социал-реформизма, предлагает нам в нынешней мировой катастрофе направлять политику пролетариата по линии „меньшего зла“, примыкая к одной из воюющих группировок. Мы отбрасываем этот метод. Мы говорим, что подготовленная всем предшествующим развитием европейская война поставила ребром *основные* проблемы современного капиталистического развития в *целом*, и что линия поведения международного пролетариата и его национальных отрядов должна определяться не вторичными политическими и национальными признаками, не проблематическими выгодами военного перевеса той или другой стороны — причем за эти гадательные выгоды приходится авансом платить полным отказом от самостоятельной политики пролетариата, а основным антагонизмом международного пролетариата и капиталистического режима в целом.

Эта единственно принципиальная постановка вопроса имеет по самому существу своему социально-революционный характер. И только она дает теоретическое и историческое оправдание тактике революционного интернационализма.

Отказывая государству — не от имени пропагандистского кружка, а от имени важнейшего класса — в поддержке во время величайшей катастрофы, интернационализм не просто пассивно уходит „от греха“, но говорит, что судьба мирового развития не связана для нас больше с судьбой национального государства, более того, что это последнее стало тисками развития и должно быть преодолено, т.-е. заменено более высокой хозяйственно-культурной организацией на более широком фундаменте. *Если бы проблема социализма могла быть совместима с рамками национального государства, то она, тем самым, была бы совместима с национальной обороной.* Но проблема социализма встает пред нами на империалистической основе, то-есть в таких условиях когда сам капитализм вынужден насильственно ломать им же, установленные национально-государственные рамки.

Империалистическое полуобъединение Европы могло бы быть достигнуто, как мы старались показать, в результате как решительной победы одной группы великих держав над другой, так и самого нерешительного окончания войны. И в том, и другом случае объединение Европы означало бы полное попрание принципа национального самоопределения для всех слабых наций и сохранение и централизацию всех сил и орудий европейской реакции: монархии, постоянной армии и тайной дипломатии.

Демократическое, республиканское объединение Европы, действительно способное обеспечить свободу национального развития, возможно только путем революционной борьбы против милитаристического, империалистического, династического централизма, путем восстаний в отдельных странах; путем слияния этих восстаний в общеевропейскую революцию. Но победоносная европейская революция — каковы бы ни были ее перипетии в отдельных странах — за отсутствием других революционных классов, может передать власть только пролетариату. Следовательно, Европейские Соединенные Штаты прежде всего представляют собою форму — единственно мыслимую форму — диктатуры европейского пролетариата.

Послесловие (1922 г.).

„Программа мира" тесно примыкает, по своему содержанию, к напечатанной в первом томе работе „Война и Интернационал".

Несколько раз повторяющееся в „Программе мира" утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета. Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр. являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках. До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы.

Что Европа представляет не только географический, но и хозяйственно-политический термин, об этом ярко свидетельствуют события последних лет; упадок Европы, рост могущества Соединенных Штатов, попытки Ллойд-Джорджа „спасти" Европу при помощи комбинации методов империализма и пацифизма.

Сейчас европейское рабочее движение находится в периоде оборонительных действий, собирания сил и подготовки. Новый период открытых революционных боев за власть неизбежно выдвинет вопрос о государственных взаимоотношениях народов революционной Европы. Единственным программным решением этого вопроса являются Европейские Соединенные Штаты. Поскольку опыт России выдвинул советское государство, как наиболее естественную форму диктатуры пролетариата, и поскольку пролетарский авангард других стран принципиально усыновил эту государственную форму, можно полагать, что, при возрождении непосредственной борьбы за власть, европейский пролетариат выдвинет программу Федеративной Европейской Советской Республики. Опыт России в этом отношении крайне поучителен. Он свидетельствует о полной совместимости при режиме пролетариата самой широкой национальной и культурной автономии с хозяйственным централизмом. В этом смысле лозунг Соединенных Штатов Европы, переведенный на язык советского государства, не только сохраняет весь свой смысл, но еще только обещает обнаружить свое огромное значение в предстоящую эпоху социальной революции.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Оглавление второго тома.

СТРАН.

Предисловие ко второму тому.